

Annotation

Долгожданная поездка с семьей на горнолыжный курорт оборачивается для Ольги Красинской настоящим кошмаром. Заблудившись в сумерках в горах, она случайно попадает в пещеру, где находит страшную коллекцию — семь трупов, закованных в лед. Не помня себя, Ольга бежит из пещеры. Но ее рассказ воспринимают как бредни сумасшедшей. А через несколько дней в гостиничном номере убит отец Ольги.

Иона — главная подозреваемая. В ее невиновность не верит никто, даже близкие люди. Не верит и она сама.

Что это — действие сумасшедшей или хорошо спланированный преступный замысел — именно в этом придется разобраться начальнику охраны курорта Пал Палычу Звягинцеву...

- [Виктория ПЛАТОВА](#)

- [* * *](#)

- [ЧАСТЬ I](#)

- [ЧАСТЬ II](#)

- [ЧАСТЬ III](#)

Виктория ПЛАТОВА

ХРУСТАЛЬНАЯ ЛОВУШКА

*Автор выражает
искреннюю
признательность за
помощь в написании
романа сотрудникам
горнолыжного
комплекса «Золотая
долина» (г. Санкт-
Петербург).*

... Он будет лучшим в коллекции, этот трофей.

Этот легкомысленный жеребец, конь с яйцами, поклонник фирмы «Саломон» <"Саломон" — один из крупнейших производителей лыжного снаряжения.>, любитель армрестлинга, баночного пива и натуральных блондинок. Блондинок всего пятеро — двое замужем, одна разведена, одна залечивает ранний климакс и полуслепые глаза подобием фристайла. Кажется, такие неприятности со зрением называются астигматизмом... Еще одна, преподавательница философии какого-то московского института, послала его подальше вместе с баночным пивом. Нужно отдать ему должное, он никого не пропустил за ту неделю, что околачивается в «Розе ветров», подонок. А с двумя даже умудрился переспать, с разведенкой и астигматичкой, — они сами на это нарывались, так что доблесть невелика.

Теперь эти две самки ненавидят друг друга.

А он мертв.

О том, как он умер, никто никогда не узнает.

И тело его не найдут, ничего не поделаешь, две лавины прошли одна за другой. В коротком промежутке между ними я успел спасти его. Спаси, чтобы убить Он не ожидал. Он не ожидал, что моя лыжная палка, переделанная под нож, окажется так остро заточенной. И что она войдет ему под лопатку, не встретив никакого сопротивления. Перед смертью он назвал мне свое имя. Кирилл. Астигматичка называла его Кирой. Разведенка — Лариком. Я тоже представился. Он обещал мне пиво и армрестлинг, как только мы доберемся до «Розы ветров». Мы спустились по склону: сначала он на своем сноуборде, затем я. Я взял влево, хотя «Роза ветров» находится правее. Он не обратил на это внимания: новички не ориентируются на местности, а он был новичком, это ясно. «Обязательно приеду сюда на следующий год» — это были его последние слова. Последние перед тем, как моя лыжная палка вошла ему под лопатку, не встречая никакого сопротивления.

...Я давно за ним охотился. Он будет лучшим в коллекции, этот трофей, хотя с ним и придется повозиться.

Хорошо посаженная голова, разворот ключиц, грудная клетка, аккуратные ягодицы — все это выше всяких похвал. Единственное, что раздражает меня, — это удивление, застывшее на его холемом лице.

Удивление — и больше ничего. Почему все они безмерно удивляются, когда смерть застаёт их врасплох, почему на это так живо реагируют их носогубные складки и глазные яблоки?.. Только с одним трофеем мне повезло — горе-альпинист, отбившийся от группы во время восхождения по южному склону и похороненный лавиной. Он умирал несколько часов, хотя для смерти хватило бы и пятнадцати минут; несколько часов мучений только потому, что ему удалось создать воздушный мешок — он методично бился каской о прессованный снег.

Но это только продлило агонию. И придало его лицу то выражение, которое я тщетно хочу придать лицам всех своих трофеев, — выражение неизбежного, нечеловеческого, всепоглощающего ужаса.

Ужас.

Ужас — вот визитная карточка моей коллекции.

Ужас, заключенный в ледяную корку. Ужас как композиционный центр всей скульптурной группы. Шесть фигур, если не считать горе-альпиниста и любителя фристайла Кирилла. Сними будет семь, число слишком неудобное для Страшного суда.

Нужен кто-то еще, лучше, чтобы это была женщина, еще одна, кроме той, что у меня уже есть. Нони-астигматичку, ни разведенку я видеть не хочу. И остальных натуральных блондинок тоже, их волосы не так хороши для льда. Ни одной подходящей фактуры за сезон, есть от чего прийти в отчаяние.

Но я не приду в отчаяние. Я терпелив. Я гораздо более терпелив, чем эти чертовы горы.

Я буду ждать нужную мне женщину. Я буду ждать одну-единственную деталь, которая поможет мне закончить композицию. Последний штрих, финальный аккорд.

Она займет свое место на ледяном пьедестале, и это будет достойное место. Жаль, что никто и никогда не оценит этого.

Никто, кроме сводов пещеры, которая свято хранит мою тайну, мой маленький музей фигур изо льда. А ведь он вполне мог бы стать достопримечательностью «Розы ветров», и школьники приезжали бы сюда на экскурсию во время зимних каникул...

Нет, школьники — это чересчур хлопотно. Фантики от конфет, жвачка, приклеенная к стенам, банки из-под кока-колы, использованные презервативы, — школьники остаются убудками всегда и везде, никакого почтения к высокому искусству.

А это и есть высокое искусство.

Четверых из семи моих трофеев, моих милых натурщиков, убили

горы. Трoих — я сам.

А это и есть высокое искусство.

Любвеобильного подонка Кирилла хватятся только к вечеру.

Нужно успеть вернуться в «Розу ветров», чтобы принять участие в его поисках. Я буду последним, кто откажется от них.

Спасатели всегда надеются на лучшее, хотя прекрасно информированы о худшем...

К тому же нужно еще покормить собак. Как же я мог забыть о собаках?..

ЧАСТЬ I

*Знатные семьи
всегда преследует злой
рок.*

*Юдзан Дайдодзи.
«Будосесинсю»*

"Жила-была девочка, которая ненавидела самолеты... Она ненавидела их больше, чем рыбий жир и гольфы с помпонами. И даже больше, чем костюм Снежинки на новогоднем утреннике. Ее почему-то всегда наряжали Снежинкой, а ей хотелось быть Королевой-домино... Черная клетка — белая клетка. И кружевное жабо вокруг шеи. Быть может, если бы она привыкла к самолетам, ее шея не была бы такой тонкой.

А потом девочка выросла, окончила Московский государственный университет (филфак, последнее прибежище дур из зажиточных семей), и ее абстрактная ненависть к самолетам стала конкретной. Она терпеть не могла всю историю fucking mother (извините за ненормативный английский) авиации — от невинной этажерки братьев Райт до последней модели «Боинга». В пакет ненависти входили также: табло «Не курить! Пристегнуть ремни!», авиакомпания «САС» и «Люфтганза», минеральная вода в пластмассовых стаканчиках, мятные карамельки «Полет» и...

И воздушные ямы.

Воздушные ямы, капкан для любого здравомыслящего человека. Сейчас нашу девочку вырвет, интересно, догадается ли какая-нибудь сволочь принести бумажный пакет, прежде чем случится несчастье?.."

— Интересно, догадается ли какая-нибудь сволочь принести бумажный пакет? — спросила Ольга слабым голосом.

— Я, кажется, даже знаю, как зовут эту сволочь, кара <Сага — дорогая (итал.).>. — Даже сейчас он не упустил возможности поцеловать ее.

Спустя два с половиной года супружеской жизни. Милый, милый, бесконечно милый Марк, как же ей повезло с ним!

Ну, кто еще называл бы ее «кара», разве что какой-нибудь сицилианский мафиози средней руки, вариант крестного отца для бедных... «Кара» — память о медовом месяце в Венеции, туда они тоже летели самолетом.

Венеция — подарок Марка, оплаченный деньгами ее отца.

Марк отработывал эти деньги полгода — уже потом Ольга узнала об этом. Вкалывать без выходных после того, как маленькие пароходики в Лидо и Дворец дождей стали воспоминанием, — не всякий пылко влюбленный решится на это.

Милый Марк. Святой Марк.

«Сан-Марко» — именно так обращались бы к нему родные, если бы были итальянцами. Но они не были итальянцами. Кажется, его родной город называется Кизыл-Арват. Совершенно непроизносимое название, затерявшееся где-то в туркменских песках. Почти библейских, как шутит сам Марк.

Библия, вот чем руководствовалась его мать, рожая детей:

Марк — самый старший, есть еще брат Иона и сестры — Мария и Магдалина. Его мать — она заселила бы детьми весь Новый завет, если бы не умерла...

...Тошнота понемногу проходила, Ольга откинулась на спинку кресла и прикрыла глаза.

Марк — самый старший из всего кизыл-арватского библейского выводка. Ее муж перед богом и людьми. Правая рука отца, талантливый менеджер, в тридцать три года ставший коммерческим директором крупного нефтедобывающего концерна. Без всяких протекций с ее стороны: это было решение отца, только его. Отец никогда бы не отдал пост своему зятю, если бы он был только зятем. Но Марк был по-настоящему талантлив в бизнесе, отец понял это, как только приблизил его к себе. Марк не любит вспоминать все связанное с его детством и ранней юностью в Кизыл-Арвате: ничего выдающегося там не было — удручающая бедность, несколько соляных озер, змеи, песок и ящерицы-гекконы, лазающие по стенам дома. Он вырвался оттуда, как вырываются из ада.

Его мать умерла, сестра Магда, в полном соответствии с именем, перекочевала в один из амстердамских стриптиз-клубов (Марк почти не вспоминает о ней, он ненавидит сестру так же, как Ольга — самолеты). Мария осталась в Кизыл-Арвате и вышла замуж за плотника-туркмена, тоже в полном соответствии с именем. Она работает на местной ковровой фабрике, а на свадьбу подарила Марку и Ольге ковер — он и сейчас лежит в их спальне, на полу.

Очень красивый ковер. Чередующиеся геометрические фигуры, — похоже, что туркмены действительно знают толк в неевклидовой геометрии...

Ольга не видела никого из родных Марка — даже ковер передали с оказией из Ашхабада. Сегодня она наконец-то познакомится с Ионой, младшим братом.

«Иона в чреве кита», — кажется, именно так назывался этот сюжет.

Подходящего кита для Ионы не нашлось. И ему пришлось скрыться в другом чреве. Горы — вот что сразило Иону наповал. Он устроился спасателем на одном из горнолыжных курортов Приэльбрусья. Через час он будет маячить в толпе встречающих в аэропорту. Если верить Марку, их ждут великолепные десять дней в горах. Или две недели, если им уж очень понравится.

Ольга предпочла бы море горам, а песок — снегу.

Но Марк — Марк обожает холод. И воду во всех проявлениях. Издержки детства в пустыне.

После свадьбы они уехали в Венецию — это была осенняя Венеция. Вода во всех проявлениях и облачко пара изо рта по утрам, после любви и перед кофе. Марк был счастлив. Он был счастлив в чужом городе, где все напоминало о нем самом: площадь Сан-Марко, библиотека Сан-Марко, церковь Сан-Марко... Тогда, в Венеции, Ольга и представить не могла, что Марк с ума сходит по горным лыжам. Даже горнолыжного снаряжения никогда не было в их доме. Марк купил его за две недели до этой поездки.

Самое дорогое — себе и Ольге.

Горнолыжный шлем очень ему идет. И очки «Turbo C.A.M.», 134 доллара за штуку.

— Ну, как ты, кара? — Марк вернулся сразу с несколькими бумажными пакетами для прискорбных случаев воздушной болезни. Он выглядел таким несчастным, что Ольга невольно улыбнулась.

— Уже лучше, милый. Может быть, все обойдется.

И снова он не удержался и поцеловал ее. «Его губы по-прежнему волнуют меня, — подумала Ольга, — волнуют так же, как и два с половиной года назад, когда мы занимались любовью где попало. „Где попало“ — неплохо сказано, но как-то не вяжется с должностью коммерческого директора, который должен быть импотентом-трудоголиком по определению. Да, его губы по-прежнему волнуют меня, и эта его привычка подбираться к моим собственным губам осторожно, исподволь, с ямочки на подбородке. Марк называет это восхождением, покорением вершины...»

Интересно, почему он выбрал горные лыжи, а не альпинизм?

Смешно, я обожаю целоваться со своим собственным мужем...

— Теперь-то ее точно стошнит!..

Ольга сразу же отстранилась от Марка и поиграла скулами.

Инесса, как она могла забыть. У их поцелуев есть свидетель. Что-что, а любое проявление чувств Инесса не может не заметить.

— Забыл поделиться своими наблюдениями, кара, — Марк откинулся в кресле. — Твоя мачеха, а моя дражайшая теща — отпетая сука.

— Спасибо, Марик, ты, как всегда, любезен, — Инесса, сидевшая рядом с Марком, положила руку ему на колено.

Марк поморщился, но руки не убрал. За него это сделала Ольга, — Отличный маникюр. Инка, — мягко сказала она.

— Могу порекомендовать свою маникюршу. И косметичку заодно. — Инесса высвободила свою руку из предупредительно-жесточких пальцев Ольги: не касайся моего мужа, отпетая сука!

— До косметички я еще не доросла.

Инесса засмеялась: Ольге всегда нравился ее смех, прозрачный и нежный, как колокольчики на ветру. «Нет, она не отпетая сука. Она — моя лучшая подруга. И жена моего отца».

«Твоя мачеха, а моя дражайшая теща» — еще одна игра, придуманная Марком. Повод для шуток в семейном кругу.

Инесса, Инка, лучшая подруга Ольги, сначала школьная, а потом институтская. Инка, хорошенькая брюнетка с темными, обуглившимися губами. Они поссорились только один раз в жизни, в седьмом классе, из-за веснушчатого мальчика, который перевелся в другую школу через две недели после ссоры. А Инка и Ольга не разговаривали полгода. До самой смерти Ольгиной матери.

Она покончила с собой — нет, лучше об этом не думать. Не думать, не думать, не думать...

Ольга всегда любила отца. Только его. В их маленькой семье всегда существовал треугольник — с тех самых пор, как Ольгу стали наряжать в костюм Снежинки на утренники в детском саду. Не очень-то ей шло, нужно сказать: Снежинка с иссиня-черными волосами, материнская порода.

Мать Ольги была грузинкой из хорошей тбилисской семьи.

Виолончелистка с консерваторским образованием. Родители Ольги познакомились в филармонии, на Дебюсси, худшего места для романтической встречи и вообразить невозможно.

Ольга родилась через полтора года после исполнения «Девы-избранницы» во втором отделении.

В пять лет она впервые приехала в Тбилиси. Рано состарившиеся женщины в черном, загробная прохлада комнат, тяжелые фамильные украшения; с перстнем, по семейной легенде принадлежавшим Давиду

Строителю, Ольга играла перед сном... Тбилиси стал сплошным кошмаром для пятилетнего московского ребенка. Ольга рыдала без папочки, оставшегося в сказочной, пряничной, такой понятной Москве.

Они с матерью уехали через четыре дня. Теперь Ольге двадцать семь, но ей до сих пор стыдно за бегство из Тбилиси, в котором она больше не была никогда. Даже на похороны матери не поехала — рано состарившиеся женщины в черном увезли ее тело из Москвы. Тогда Ольга свалилась в лихорадке и две недели, пока отец оставался в Тбилиси, пролежала у Инки.

Прости меня, мамочка. При жизни я редко называла тебя мамой. Только Мананой, как отец, даже в этом я старалась походить на него: Манана, ты опять сделала это противное лобио, ты же знаешь, что я не люблю твою грузинскую кухню... Манана, тебя опять вызывают в школу. Манана, я не надену это дурацкое платье... Манана со всем соглашалась, она была чересчур кроткой для грузинки, только в глазах горел нестерпимый, все испепеляющий огонь.

Ольга боялась этого огня, иногда она даже думала перед сном: как было бы хорошо, если бы Манана освободила их, уехала навсегда в свой красно-черный Тбилиси.

В конце концов она и освободила их, уехала навсегда в свой красно-черный Тбилиси в оцинкованном гробу. А вместе с ней исчез запах кинзы, пряностей и крепкого кофе. Потом канула в небытие металлическая посуда и глиняные кувшины: никто их не выбрасывал специально, казалось, вещи сами покидали дом. Осталась только виолончель Мананы, она и теперь с отцом, хотя старого дома больше нет. Отец построил себе коттедж за городом, а Ольге купил квартиру на Ленинском проспекте, в престижном доме с дурой-консьержкой и видеокамерами по периметру.

Долгие годы после смерти матери Ольга мучилась угрызениями совести: ей казалось, будь она поласковой с Мананой, никакого самоубийства бы не было. И только когда она стала первокурсницей, крепко выпивший отец рассказал ей всю правду.

Манана была больна.

Она всегда казалась немного странной, еще в то время, когда они с отцом встречались и подолгу гуляли в Сокольниках слишком часто впадала в неистовство, страдала просто патологической ревностью, ее настроение могло кардинально измениться за каких-нибудь пять минут без всякой на то причины. С рождением Ольги все это только усугубилось:

Манана, как в спячку, стала впадать в депрессию. Депрессия заканчивалась выплеском неконтролируемой ярости — тогда отцу приходилось прятать все колющие и режущие предметы в доме, включая

пилочки для ногтей и маникюрные ножницы. Несколько раз Манана лежала в самых разных психиатрических клиниках: от дочери это всегда скрывали, чтобы не травмировать хрупкое детское сознание. Манана была слишком горда, чтобы позволить дочери стать свидетельницей ее болезни. Грузинская красавица, урожденная Багратиони, она так и не взяла немного плебейскую фамилию отца — Шмаринов В последний раз она вышла из больницы за три дня до самоубийства...

Отец любил Манану, после ее смерти он долго не женился. А чтобы хоть как-то спастись, с головой ушел в работу.

Так что в фундаменте его сегодняшней нефтяной империи лежит самое банальное одиночество...

Весь первый курс филфака с факультативным испанским, когда так неожиданно открылась их самая страшная семейная тайна, Ольга продрожала за себя. Больше всего она боялась, что фобии ее матери проявятся и в ней. Из этого состояния Ольгу вытащила Инка, поступившая на тот же филфак за компанию с подругой. Тревожные ожидания Ольги она называла не иначе как «манией Мананы» («Звучит неплохо, как ты думаешь, Лелишна?..»).

Только Инка называла Ольгу Лелишной, это звучало несколько иронически, но всегда успокаивало. И сама Инка успокаивала. До тех самых пор, пока не отправилась вместе с Ольгой и ее отцом на Золотые Пески в Болгарию.

Последние двое суток Инка не ночевала в номере. Ольга подумала было, что знойная красотка Инка подцепила себе какого-нибудь роскошного волосатого болгарина: уж очень много их крутилось рядом, всех этих Петко, Арсенов и Стоянов. Но действительность оказалась просто сюрреалистичной. В самолете (в одном из тех fucking mother самолетов, которые Ольга так ненавидела) отец объявил Ольге, что он женится на ее подруге.

В не самый подходящий момент тупой болтанки в воздушной яме.

Ольгу вырвало.

— Надеюсь, это не реакция на сообщение о нашей помолвке, Лелишна. — Инка и здесь осталась верна себе.

— Не ссорьтесь, девочки, я люблю вас обеих, — примирительно сказал отец.

«Вас обеих» — только этого не хватало! Инка, ее лучшая подруга с самого первого класса; Инка, с которой они шушукались и хихикали, лежа под одним одеялом, когда Ольга оставалась у нее ночевать; Инка теперь спит с ее — ее! — отцом и называет его Игорем.

— Как ты его называешь? — спросила Ольга у Инки, когда отец по прилете отправился за их багажом.

— Кого? — не поняла Инка.

— Отца.

— В смысле?

Инка давала уморительные клички всем мужчинам, с которыми спала, даже тем, с кем у нее были продолжительные романтические отношения, — здоровый цинизм был ее отличительной чертой.

— Ты сама знаешь, в каком.

— Надеюсь, мы все еще подруги, Лелишна, — сказала Инка, глядя в пространство.

Ольга ничего не ответила.

Невозможно, невозможно смириться с тем, что твоя лучшая подруга, о любовных похождениях которой ты знаешь все, станет женой твоего отца. Он будет обнимать ее так же, как любой мужчина обнимает женщину, они будут заниматься любовью — с той лишь разницей, что он не «любой мужчина»... Инка обожала делиться своими сексуальными переживаниями в скабрёзных записочках на лекциях. У нее все это выходило смачно. Своих бывших партнеров она называла «покойными мошонками», а свой собственный донжуанский список — «мартирологом».

И вот теперь эта термоядерная самка стала женой ее отца.

Они долго не общались — Ольга привыкала к новому статусу Инки.

А потом появился Марк, и все отодвинулось на задний план: и Инка, и отец, и их брак. Марк и Инка сразу невзлюбили друг друга, Марк считал Инку рафинированной шлюхой, что было несправедливо: отцу Инка не изменяла, нужно отдать ей должное. Инка же платила Марку той же монетой:

«Туркменский выскочка, вот ты кто». Впрочем, это не мешало им сохранять вооруженный нейтралитет и довольно остроумно пикироваться при этом: Ольге нравились эти импровизированные турниры. Отцу тоже.

В конце концов это может стать семейным видом спорта, почему нет?..

Впрочем, теперь их ждет совсем другой спорт.

Это была идея Марка — отправиться к брату. Инка увязалась за ними — хватило только намека со стороны Ольги. Инка могла выбрать для отдыха что-нибудь менее экзотическое: например, дартс в каком-нибудь ирландском пабе с обязательной экскурсией на малую родину актера Шона Коннери. Или бридж и устрицы где-нибудь на Французской Ривьере. Но оказалось, что она хочет именно горные лыжи. Да и отец обещал подъехать на какой-нибудь из уик-эндов. Тем более что без интеллектуальных

скандальчиков с Марком Инка начинает чахнуть, а ее ленивая ненависть к Ольгиному мужу нуждается в калорийном трехразовом питании.

Вот почему они летят все втроем...

Тот еще будет отдых!..

«...Через десять минут наш самолет совершит посадку в аэропорту города... Просьба пристегнуть ремни...»

Слава богу, через десять минут самолеты закончатся и начнутся горы. Ровно две недели вдали от Москвы, но с тем же неизменным составом балагана.

Марк взял Ольгу за руку, тихонько сжал пальцы. Ольга ответила ему таким же тихим и нежным пожатием. Как же ему идет обручальное кольцо! Ей, впрочем, тоже. Нужно признать, что этот брак украсил их обоих.

— Как называется эскимосский приют, куда ты нас тащишь? — спросила Инка.

— Кажется, «Роза ветров». — Марк по-прежнему не выпускал руку Ольги.

— Название воспринимается так же свежо, как бумажные цветы в заводской столовой.

— Тебя никто сюда не тянул, — Марк, как всегда, был предельно корректен. — Сама напросилась.

— Поосторожнее со мной, зятек, иначе быстро распрощаешься с должностью.

— Ты пока еще не стоишь во главе концерна, милая.

— А ты разве не знаешь, что во главе дела всегда стоит тот, кто удачно лежит в постели?

Ольга поморщилась. Инка, конечно, отпетая сука, Марк прав. Но отец с ней счастлив, это видно невооруженным взглядом. Он счастлив так, как никогда не был счастлив ни с Мананой, ни после нее. Уже за одно это стоит примириться с ее дурацкими эскападами.

Самолет тряхнуло — колеса шасси коснулись земли. Последний приступ тошноты накрыл ее с головой и сразу же прошел. Они на твердой почве, хвала создателю!

— Я обещаю тебе удивительные две недели, кара, — нежно прошептал Марк.

— Я люблю тебя, Марк.

— И я тебя, кара...

* * *

Он был совсем не похож на Марка.

Иона встречал их у сектора прилета, не сливаясь с общей массой людей. Какое все-таки странное имя, Иона! Это совсем нерусское имя неплохо поработало над его внешностью.

Такие лица бывают только у отшельников и святых, подвергающихся массирующей бомбардировке самых разных искушений: темные от загара скулы, почти сросшиеся черные брови, прихотливо изогнутый рот — мечта всех сочинителей японских трехстиший, — и антрацитовые глаза, не пропускающие свет. На контрасте со светловолосым, светлоглазым Марком Иона выглядел демоном-искусителем, предвестником пламени Страшного суда.

Братья пожали друг другу руки и только потом неловко обнялись.

«Не очень-то вы близки, как я посмотрю», — подумала Ольга.

— Познакомься, Иона, это мои жена и теща. Вывез все святое семейство. — Марк представил женщин брату.

Иона удивленно поднял брови: на тещу ни одна из них не тянула.

— Меня зовут Инесса, — за несколько секунд Инка успела раздеть Иону и снова одеть его: взгляд, выработанный годами вольной студенческой жизни. — Поверить не могу, что вы братья.

— А что? — Ольге показалось, что Марк даже обиделся.

— Масть не та. Или ваша мать была великой грешницей?

— Не больше, чем твоя... Не обращай на нее внимания, Иона.

— Обращайте, обращайтесь. Мне это будет приятно.

— Это и есть моя теща, — подколот Марк Инку.

Иона осторожно пожал руку Ольге и Инке.

— Ну, как ты тут? — запоздало спросил Марк у брата.

— Ничего — Иона ощупывал глазами спутниц Марка.

Никаких эмоций в антрацитовых глазах. Никаких, кроме сдержанного одобрения: а у тебя телки что надо, братуха Марк!

— Что с погодой?

— Неделю как из рук вон, — честно признался Иона.

— Так уж и из рук вон! — позволила себе усомниться Инка.

— Весна на носу. Лавины, — пояснил он. — Как раз позавчера две сошло. Так что вы выбрали не самое лучшее время.

— А мы их увидим, эти лавины? — Инка проявила недюжинный интерес к причудам местного климата.

— Еще как увидите! — успокоил всех Иона.

— А это не опасно?

— Как сказать... Пять дней назад один парень не вернулся.

Ничего себе — визитная карточка фешенебельного курорта! Но Марк уже перехватил инициативу у своего братца, с простодушным видом рассказывающего страшилки. Он обнял за плечи и свою жену Ольгу, и своего классового врага Инессу:

— Не волнуйтесь, леди, вы под защитой флота Ее величества!

Инка хмыкнула:

— Да никто и не волнуется. Экстремальные ситуации — это всегда пикантно. Ты не находишь, Лелишна?

— Для кого как. — Ольга пожала плечами. — Во всяком случае, это не то жизнеутверждающее начало, которого я ожидала.

Мужчины отправились за багажом, Ольга и Инка остались одни.

— Ну и как тебе этот феноменальный брат? Не знаю, как с мозгами — наверняка их не больше, чем у фаршированной щуки... Но body <Body — тело (англ.)> просто зашибись. — Высказав одобрение племенному жеребцу Ионе, Инка из-под опущенных век зорко оглядела мужскую кавалерию, пасущуюся неподалеку.

Уланы и драгуны в полной боевой выкладке бросали плотоядные взоры на их живописную группу. Ничего не поделаешь, Инка обречена на почетный эскорт.

Один из парней решил попытаться счастья. Очень симпатичный, нужно сказать.

— Вы не в «Розу ветров», девочки?

— Спасибо, у нас уже есть инструктора, — снисходительно отбрила его Инка и снова обратилась к Ольге:

— Так как тебе родственничек?

— По определению. — Ольга вдруг начала томиться в этом маленьком аэропорту. Так было всегда, когда Марк покидал ее.

— По определению хорош, я так понимаю. Родная кровь.

— Именно.

— Ты смотри, сколько самцов понаехало! Замучаемся отгонять!.. Если, конечно, твой благоверный не вызовет их всех на дуэль на лыжных палках.

— Зря мы сюда приехали, — неожиданно сказала Ольга.

— А по-моему, все начинается неплохо... Господи, только этого не хватало!

Последняя реплика Инки относилась к пестрому табору цыган, расположившемуся в ближнем углу зала у чахлой пальмы и под таким же чахлым плакатом еще советских времен:

«ЛЕТАЙТЕ САМОЛЕТАМИ АЭРОФЛОТА!» Крошечный цыганенок уже давно безнаказанно вертелся вокруг Инки и Ольги; он даже позволил

себе роскошь залезть в Инкину дорожную сумку, стоящую у ног. И тотчас был схвачен за руку, вернее, за ухо. Теперь Инка со сладострастием крутила чумазое цыганское ухо, а сам его обладатель с не меньшим сладострастием вопил.

— Отпусти, отпусти меня, ты, сволочь!

— За сволочь ответишь, паршивец!

— Отпусти его. Инка, — сказала Ольга, но вовсе не из человеколюбия. Она терпеть не могла цыган.

— Ни за что! — сказала Инка, но ухо все же выпустила. — Теперь придется искать санэпидстанцию...

К ним уже спешила цыганка, и многочисленные юбки развевались за ней, как крылья. Но наскок цыганки оказался на удивление мягок.

— Зачем так, девушка? Зачем ребенка бьешь? — сказала она Инке, глядя почему-то на Ольгу.

— Затем, что он вор, — брезгливо ответила Инка.

— А ты его за руку поймала? Нехорошо живешь, всех подозреваешь.

— Не твое дело.

— Не мое, — легко согласилась цыганка и еще ближе придвинулась к Ольге. — Давай погадаю, красавица!

Ольга сморщилась, как от зубной боли, сунула руку в карман куртки и незаметно опустила в карман золотое кольцо с крошечными изумрудами — подарок Марка на Валентинов день, они отпраздновали его в каком-то ночном клубе, страшно напились и были счастливы.

Подальше положишь — поближе возьмешь, тем более что сама Ольга обладала просто феноменальной способностью притягивать цыган и один раз уже поплатилась — уже другим кольцом: настоящий сапфир, чуть потускневший от времени, фамильная драгоценность, единственная память о Манане.

Это бездарно прохлопанное кольцо до сих пор терзало сердце Ольги.

— Гони ее в шею, — тихо посоветовала Инка.

Но взгляд цыганки уже парализовал волю Ольги. А ее ловкие обезьяньи пальцы в цыпках ухватились за Ольгину руку.

— Зачем кольцо сняла? — мягко попеняла она Ольге, так мягко, что та устыдилась. — Думаешь, украду твои изумруды?

— Конечно, украдешь, куда же ты денешься! — заметила Инка, с интересом наблюдая за манипуляциями цыганки.

А та уже перевернула руку Ольги ладонью вверх, заглянула в нее, как заглядывают в бездну, и сразу же отшатнулась.

— Плохая рука, сладкая моя, ай, плохая рука... Больная рука. Уезжай

отсюда. Уезжай, пока не поздно. Прямо сейчас и уезжай. Иначе умрешь, девушка. Умрешь и всех за собой но тащишь...

Сказав это, цыганка выпустила руку Ольги — так быстро, как будто невинные линии на ладони жгли ей пальцы. Окликнув маленького воришку, цыганка заспешила к своему табору, несколько раз оглянувшись на Ольгу.

— Что это дура тебе надудела, Лелишна? — обеспокоенно спросила Инка. Пожалуй, такого беспокойства о судьбе подруги она не проявляла никогда. — Бред какой-то! И ты тоже хороша, уши развесила. Я всегда говорила, что этих грязных тварей нужно держать на расстоянии пистолетного выстрела.

Я просто тебе удивляюсь!

Но Ольга не слышала того, что говорила ей Инка: чертова цыганка, так испортить ей настроение накануне двухнедельного отдыха с любимым человеком — единственного в году!

Нет, она не боялась всех этих предсказаний, она их в грош не ставила, — и все же, все же...

На Ольгу было жалко смотреть: слезы уже готовы были брызнуть с ее ресниц. Даже Инка ничем не могла ей помочь.

— Нет, ну надо же! — негодовала Инка. — Вот тварь базарная! Так изгадить оптимистическое начало! Ладно, не бери дурного в голову, а инородных тел в рот, как любила шутить одна моя знакомая проститутка с Тверской. И мужики куда-то запропастились: когда они нужны, их всегда днем с огнем не найдешь!..

Действительно, куда делся Марк? Ольга даже почувствовала легкое раздражение: это чувство в приложении к Марку было совершенно новым, и Ольга тотчас же устыдилась его.

— Ничего, ничего. Все в порядке. — Она потерла лицо ладонями и тут же отвела их. Что заключено в этих линиях на ладони, что так испугало в них цыганку? Нужно поскорее забыть все то, что она сказала, иначе начнешь анализировать и съешь себя поедом. Ничего не значащая мстительная речь, не стоит обращать на это внимание... Вот только что-то по-настоящему ужаснуло Ольгу: как будто она заглянула в зеркало и отпрянула, увидев нечто такое, чего не должна была видеть. Черт возьми, нужно забыть об этом раньше, чем...

Раньше, чем что? Вкрадчивые слова цыганки не отпускали Ольгу.

Куда делся Марк, черт возьми?! Он придет, обнимет ее, и все встанет на свои места.

...Марк и Иона, груженные багажом, вернулись только через полчаса. Ничего противоестественного, нужно же братьям, не видевшим друг друга

много лет, поговорить друг с другом.

Марк сразу понял, что что-то произошло: в отношении своей жены он обладал фантастической интуицией.

— Что случилось, кара? Ты расстроена?

— Все в порядке. — Ольга облегченно вздохнула и сжала локоть Марка. Действительно, все в порядке, о какой смерти может идти речь, если она собирается жить с Марком долго-долго? И счастливо.

— Ты очень бледная.

— Еще успеет загореть. — Инка уже взяла себя в руки.

При появлении Марка досаду и беспокойство с ее лица как ветром сдуло. Осталась только обычная униформа: здоровый цинизм.

— Нет, правда? — Он не успокоится, пока не успокоится она.

— Какая-то кретинка в монисто и стеклянных бусах предсказала ей вселенскую катастрофу. — И здесь Инка вылезла первой со своими разъяснениями. И слава богу — в ее интерпретации это выглядело совсем не страшно и даже забавно.

— Вот как? — Марк внимательно смотрел на Ольгу.

— Не обращай внимания, милый, у меня всегда были проблемы с этническими меньшинствами.

— Тогда пойдемте. Нам нужно добраться до места до наступления темноты. — Марк решил не вдаваться в подробности. Он всегда скептически относился к разного рода предсказаниям.

Их стройная кавалькада двинулась к выходу.

У самой двери Ольга не выдержала и обернулась.

Цыганка пристально смотрела на нее из своего угла за чахлой пальмой. Она стояла чуть в стороне от всего табора. И ее горящие неистовым светом глаза показались такими знакомыми, что Ольга едва не потеряла сознание.

Это были почти забытые глаза ее матери.

Мананы.

«Уезжай, — говорили они. — Уезжай, беги отсюда, иначе ты умрешь... Уезжай!»

* * *

Путь в «Розу ветров» занял четыре часа.

Иона неплохо управлялся со своей «Нивой», больше похожей на

вездеход. Инка заняла место рядом с водителем, Марк и Ольга устроились на заднем сиденье. Несколько раз Ольга засыпала и просыпалась, а Марк так и не убрал руку с ее плеча. И как только она не затекает, сонно удивлялась Ольга. Впрочем, ничего удивительного в этом нет: Марк всегда был терпелив, так же, как и туркменские змеи, среди которых он вырос.

Инка, глазевшая в окна на горный пейзаж, с наступлением ранних сумерек заскучала. И перенесла все свое внимание на ненавистного зятя. И его простодушного братца. Но разговорить Иону ей не удалось — единичный прискорбный случай в карьере штатной обольстительницы.

— Ну-ка, Иона, расскажите-ка про ваше дворянское гнездо, — приставала она к Ионе.

— Я горноспасатель, а не гид...

— И все-таки... Вы же заинтересованы в клиентуре...

— Лично я — нет. Лишняя головная боль. Вечно с вами что-нибудь случается.

— Вы имеете в виду пропавшего парня. Его так и не нашли?

— Нет.

— Очень интересно. — Инку всегда умиляли чьи-то трагические истории. Ольга сильно подозревала, что, состарившись, ее подруга заведет анатомический театр, где экспонатами будут служить жертвы несчастных случаев.

— Куда уж интереснее. Вся турбаза на рогах.

— Турбаза? — Инка вопросительно вскинула брови. — Марик, душка, ты же обещал нам горнолыжный курорт мирового класса.

— А он и есть мирового, — вступился за брата Иона. — Не разочаруетесь.

Он посмотрел в зеркальце, и Ольга увидела его глаза — совсем рядом. Что-то в них было... Что-то такое, что заставило ее крепче прижаться к Марку.

— У тебя молчаливая жена, — сказал наконец, Иона, сам не отличающийся разговорчивостью.

— Зато теща молотит за двоих, — Марк не удержался, нагнулся вперед и потрепал коротко стриженный затылок Инки. — Правда, дорогуша?

— Святая правда, — легко согласилась Инка. — А дансинг у вас есть?

— Чего? — удивился Иона.

— Марик, душка, твой братец тебя компрометирует. Дансинг — в смысле танцульки под баян.

— Этого добра навалом. — Глаза Ионы в зеркале все еще не отпускали Ольгу. — Ресторан и два бара, а в ресторане еще струнный квартет для

особо продвинутых.

— Отлично, — Инка хихикнула. — Иона, приглашаю вас на белый танец сегодня же вечером.

— Сегодня не получится. Будем искать его, пока не найдем.

— Несчастную жертву оползня? — веселилась Инка.

— Я на вашем месте попридержал бы язык, Инесса, — только теперь Иона нашел нужным нелицеприятно высказаться. — Горы все слышат. И за подобные высказывания можно поплатиться.

— Да ладно вам. — Инка примирительно коснулась его плеча. — Лучше расскажите, что еще нас ждет. И что день грядущий нам готовит.

— Думаю, кроме баров, ресторана и этого вашего.., дансинга.., вас больше ничего не интересует.

— Вы еще забыли струнный квартет. Иона.

— Извините.

— И все-таки?

— Три подъемника. Фуникулер. Пять спусков. Одна очень хорошая трасса — для новичков. Вы ведь новички, как я понимаю. Об экстремальных вариантах типа сноуборда я не упоминаю.

— И напрасно, — наконец Марк получил возможность раскрыться во всей своей красе. — Как насчет карвинга <Карвинг — особая техника катания на лыжах резаными поворотами.>?

— Ого! — Иона присвистнул. — Ты даже это знаешь? Есть у нас тут любители... Но думаю, твои женщины тебе компании не составят.

— Отчего же, — улыбнулась Инка. — Если этот благородный человеческий материал попадет в руки толкового инструктора...

— Я не инструктор.

— Я не имею в виду вас.

Иона обернулся к брату.

— Похоже, у твоего тестя много проблем с такой женой.

— Что вы, милый Иона, я как жена Цезаря: вне подозрений. Так что за свою девственность можете не опасаться.

— Постараюсь.

Из-за крутого поворота показались огни — маленький городок в самом сердце гор и ледников выглядел просто феерически. Целый комплекс зданий, трехэтажная гостиница из стекла и маленькие коттеджи по периметру, все в духе Швейцарских Альп. Даже небо над ними казалось ярко освещенным. Никто не был готов к такому великолепию.

— Где мы? — наконец спросила притихшая Инесса.

— Не в Австрии, это точно. — Иона казался довольным

произведенным эффектом.

— Кара, — Марк и здесь нашел повод, чтобы поцеловать Ольгу, — бросаем Москву к чертовой матери и отправляемся сюда на вечное поселение.

— Я согласна, — просто сказала Ольга.

— Ну что ж, добро пожаловать в «Розу ветров». — Иона надавил на клаксон, и автомобиль издал радостный рык. — И приятного отдыха.

Зрачки его глаз в зеркальце, полдороги взрезавшие лицо Ольги как будто ножом, сверкнули неожиданной нежностью.

* * *

Еще в Москве перед самой поездкой Марк зарезервировал за собой коттедж из двух комнат: крайний в ряду, но именно из него открывался самый лучший вид на горы. Конечно, можно было ограничиться номером люкс в гостинице, как это сделала Инесса, но Марк отмел эту идею сразу.

— Все гостиницы похожи друг на друга, кара, — сказал он Ольге.

— Даже пятизвездочные?

— Пятизвездочные особенно. Камин и деревянный пол — совсем другое дело.

Только теперь Ольга по достоинству оценила романтический пафос Марка.

У портье — хорошенького молодого парнишки с грустной физиономией — они получили ключи от коттеджа. Парнишка оказался вежлив: он всеми силами пытался соответствовать мировым стандартам.

— Добро пожаловать в «Розу ветров». — Он профессионально улыбнулся, обнажив розовые десны. — И приятного отдыха.

— Похоже, фраза «Добро пожаловать и приятного отдыха» является здесь стойким идиоматическим выражением, — заметила Инесса — Моя фамилия Шмаринова, номер люкс, пожалуйста.

Ольга вздрогнула: она никак не могла привыкнуть к тому, что теперь уже Инка носит ее собственную девичью фамилию. Сама Ольга после свадьбы взяла фамилию мужа. Ольга Красинская, звучит совсем неплохо и еще больше приближает ее к Марку. Мечта идиотки — быть совсем рядом, подойти так близко, как только возможно .

— Да-да, — портье протянул Инке ключ, — номер двенадцать, вас проводят.

— Сама дотащусь. — Инка с сомнением оглядела околачивающегося поблизости сытенного боя в униформе. На его лице была написана непреходящая, почти извращенная страсть к чаевым.

— Как хотите, — портье сразу сник.

— Ты ведь поможешь мне, Марк, душка?

— Куда ж я денусь...

Ольга и груженный чемоданами Марк направились следом за Инкой.

Ее номер оказался на третьем этаже: шикарные апартаменты для медового месяца четы престарелых альпинистов-разрядников, за плечами которых неудачная попытка покорения пика Коммунизма.

— Неплохо, неплохо, — сдержанно оценила свое новое пристанище Инка. — Даже махровые халаты в ассортименте.

Думаю, Игорь останется доволен.

Отец обещал подъехать на пару дней — по возможное ли, — хотя Ольга относилась к этим его порывам скептически: работа прежде всего. Правда, в последнее время Игорь Анатольевич стал меняться, он и недели не мог прожить без своей жены.

— Ну, идите, дети мои, — благословила их Инка, плюхнувшись с ногами на шелковое покрывало кровати. — Встречаемся через полтора часа в местном баре.

— Лучше через два, — осторожно заметил Марк.

— Марк, душка, ты просто сексуальный маньяк. Надеюсь; этих двух часов вам хватит на все?

— Инка! — поморщилась Ольга. — Хоть сейчас оставь свои намеки.

— Отчего же? Горы располагают к разнузданному сексу.

Не смею задерживать последних пылко влюбленных.

— А на чай? — Кажется, Марк и не думал уходить.

— Что значит — «на чай»? — искренне удивилась Инка.

— Я же допер все твоё барахло!

Барахла действительно было предостаточно: казалось, Инка привезла в эту горную Тмутаракань весь свой гардероб, включая вечерние платья для приемов в московской мэрии.

Одних только горнолыжных костюмов было три пары, не говоря уже о массе хорошеньких, по-женски легкомысленных аксессуаров.

— Бог подаст, зятек. Не убивай старуху своими меркантильными притязаниями. Жду вас через два часа. Форма одежды — парадная...

Через пятнадцать минут они уже были в своем коттедже.

Марк тотчас же занялся вещами: две дорожные сумки, два чемодана на колесиках, привезенные Марком из Киля, куда он летал по поручению отца,

и довольно внушительный «дипломат» с документами, который Марк всегда закрывал на кодовый замок: привычка, выработанная годами работы в концерне. Все документы должны быть в безопасности. Ольгу умиляла эта почти пародийная боязнь промышленного шпионажа...

Ольга стояла возле широкого — во всю стену — окна и не могла отвести взгляда от сказочного великолепия безмолвного синеватого снега и почти черного неба в обрамлении высоких сосен. Она напрочь позабыла о дурацкой сцене в аэропорту, ее сердце учащенно билось — щегол в клетке, да и только. Марк, только что зажегший огонь в камине, тихонько подошел сзади и осторожно обнял жену за плечи.

— Нравится? — выдохнул он, спрятав лицо в ее волосах.

— Просто сказка, милый! Лучше и придумать невозможно.

— Я люблю тебя.

Ольга рассмеялась и повернулась к нему.

— Знаешь, сколько раз ты говорил мне это?

— Не знаю, — он насторожился. — Ты разве считала?

— Первое время — да...

— И как?

— Сбилась на второй тысяче.

— Неужели я так болтлив? Нужно серьезно заняться собой.

Служащие моего ранга должны уметь держать язык за зубами.

— Я так счастлива, Марк!

— Надеюсь, что даже эта стерва Инка ничего нам не испортит.

— Не нужно, Марк. Она все-таки моя лучшая подруга.

— Добавь еще, что она жена твоего отца.

— Это запретная тема... Ты же видишь, с ней он даже помолодел.

— Я всегда говорил, что твой отец — удивительный человек. Держать в узде эту кобылицу потяжелее будет, чем концерном управлять.

— Хорошего же ты мнения о женщинах! — Ольга потрепала Марка по светлым мягким волосам.

— Не обо всех... Идем...

Она знала, что последует за этим: должно быть, отблески огня из камина будут хорошо смотреться на его теле — загорелом (солярий каждый понедельник, с восьми до полдевятого вечера) и хорошо тренированном (тренажерный зал два раза в неделю, вторник и пятница, с семи до восьми утра). Ольге всегда нравился запах его волос: в страсти этот запах приобретал сухой ванильный оттенок. Марк никогда не потел во время любви. Однажды, после бутылки коньяка, распитой на пару, Ольга имела неосторожность поделиться этим невинным наблюдением с Инкой.

— Я всегда говорила, что твой Марк — обыкновенная провинциальная шлюха, — подвела неожиданный итог она.

— Что ты имеешь в виду? — насторожилась Ольга.

— Только шлюхи не потеют, когда трахаются.

— Ты думаешь?

— Моя старинная подруга, проститутка с Тверской, считает именно так. Шлюхи всегда остаются сухими, потому что на клиента им плевать, во время акта они заняты подсчетом денег и другими радостными мыслями...

— И что из этого следует?

— Только то, что не существует настоящей любви без, пардон, физических выделений. На твоём месте я бы сильно задумалась о природе его настоящих чувств к тебе, Лелишна...

Больше они на эту тему не заговаривали. Но дурацкая тирада Инки колом засела в Ольгиной голове. Она даже как-то спросила об этом Марка, очень ненавязчиво. Он смутился, но лишь на секунду. А потом рассмеялся и поцеловал Ольгу в голую грудь. Это был самый долгий и самый нежный поцелуй из тех, что он ей дарил.

— Я ведь слишком южный человек, кара. Я вырос там, где нет даже намека на воду. Сухой климат меня основательно подпортил, прости...

...А теперь он стоял позади Ольги и искушал ее каминным огнем, глазами, исполненными так знакомой ей страсти, напряженно сведенными руками.

— Пойдем, кара, — снова шепнул он.

Ольга всегда оттягивала момент соития — оттягивала настолько, насколько вообще его можно было оттянуть. Иногда ее хватало на несколько минут, иногда брачные игры затягивались, но то, что следовало за ними, было всегда одним и тем же: сумасшедшая, хотя и немного прагматичная страсть, всегда остающаяся чуть-чуть неутоленной. Ольге всегда хотелось соответствовать этой страсти — и именно в этом заключался прагматизм. Колодец невозможно вычерпать до дна, Ольга свято в это верила. Даже после двух с половиной лет супружеской жизни.

— Ты знаешь, чего я боюсь больше всего, кара?

Они только что оторвались друг от друга, Марк поглаживал ее плоский живот и задумчиво смотрел на огонь.

— Что, когда я рожу тебе сына, у меня отвиснет грудь...

— Что ты! — Он тихонько засмеялся. — Я буду любить тебя любой... Нет, я совсем не то хотел сказать. Больше всего я боюсь, что ты когда-нибудь бросишь меня... Что однажды я стану ненужным тебе, покажусь тебе неинтересным, пресным...

Ольга положила пальцы ему на губы.

— Замолчи, пожалуйста... Я никогда тебя не разлюблю.

— Это меньше всего зависит от тебя, кара... В любви вообще ничего не зависит от нас самих.

Марк сжал ее в объятиях: прикосновения его сухого жесткого тела всегда сводили ее с ума, но теперь к страсти прибавилась тихая нежность. Это было совершенно новое ощущение, и несколько минут Ольга лежала, прислушиваясь к нему. А потом Марк встал, вышел в другую комнату и вернулся с двумя бокалами шампанского.

— За нас. И за наши горы, — сказал он, протягивая ей бокал.

Они выпили, и Ольга слегка поморщилась:

— Какой странный у него привкус.

— Да? — удивился Марк. — А по-моему, самый обычный...

Ты просто давно не пила шампанского, кара...

— Может быть, — задумчиво сказала Ольга и отставила бокал. — Расскажи мне о своем брате.

— Он тебя заинтересовал, да?

— Человек с именем Иона не может не интересоваться.

— Я так и знал, — Марк нахмурился.

— Это совсем не то, что ты думаешь.

— Вообще-то это имя должно было принадлежать мне. Ты знаешь, я всегда завидовал ему, я даже как-то раз устроил матери скандал: почему Ионой назвали этого сопляка, эту головешку, а не меня.

— И что она тебе сказала?

— Ты не поверишь! Если хотите, можете поменяться. Если, конечно. Иона согласится.

— Он не согласился.

— Он послал меня подальше со всеми моими притязаниями. Он уже тогда понимал, что это имя действует на девушек как красная тряпка на быка. Даже если они живут в затрапезной Туркмении.

— Он был недалек от истины.

— Еще бы! С таким именем никому и в голову не придет клеить шлюх и бегать за дешевыми индийскими презервативами в дежурную аптеку. Только возвышенные чувства и лепестки роз на подушке в первую брачную ночь.

— Очень романтично.

— Так же романтично, как и не правдоподобно.

— Он бабник? И покупает дешевые индийские презервативы?

— Понятия не имею...

— Но теперь-то ты не жалеешь об этом имени?

— Нисколько. Если бы меня звали Иона, я прожил бы совсем другую жизнь, стал бы работать спасателем в этом райском медвежьем углу и никогда не встретил бы тебя...

Часы на руке Марка запищали какой-то давно забытый колониальный гимн. Оба они — и Марк, и Ольга — вздрогнули.

Ольга перехватила руку Марка и поднесла к глазам светящийся циферблат.

— Господи, два часа уже прошли!

— Неужели?

— Инка нас по стене размажет, милый. Не нужно давать ей повод.

— Да черт с ней.

— И все-таки, ты зачем-то поставил часы? — Что-то не очень приятное, даже постыдное, шевельнулось в ее душе.

«Похоже, это банальная ревность, кара», — сказал бы Марк.

Но Марк ничего не сказал. Он сел на кровати и рассмеялся.

— Сдаюсь-сдаюсь. Просто не хочу оставлять эту стерву одну, среди праздных придурков, готовых подснять все, что угодно. Даже лыжные крепления...

— Ты и этого не исключаешь?

— Конечно. Курорт и война все спишут.

— Ну и что?

— Да ничего... Если бы ее мужем был кто-то другой — мне было бы совершенно наплевать. Но она жена моего босса.

Я должен позаботиться о его репутации.

— Интересно, каким образом? Будешь следить за ней?

— Следить — нет, но присматривать — да.

Ольга невольно улыбнулась. Ситуация, при которой кто бы то ни было присматривает за неприлично красивой Инкой, умилила ее. Но Марк! Похоже, он всегда будет стоять на страже их семейных интересов. Пусть даже таким экзотическим способом. Удивительная средневековая непрошибаемость, к тому же еще с налетом мусульманского кодекса чести. И как только все это уживается в одном из просвещенных руководителей нефтяного концерна?..

— Кстати, по поводу присматривать... Сейчас проверим донесения с фронтов. — Он открыл «ноутбук», чтобы проверить электронную почту.

«Ноутбук» — это была первая вещь, которую он вытащил из чемодана, когда они принялись разбирать вещи. Марк не расставался со своим компьютером, иногда Ольга даже шутила по этому поводу:

— Если ты и дальше будешь проводить за ним столько времени, то придется усыновить эту Ссртову машинку и прописать ее в квартире.

— Ты не понимаешь, кара. Это моя работа, мои глаза и уши...

Вот и сейчас он связался с ближайшим провайдером, работавшим через спутник, — его координаты были уточнены еще в Москве, и сразу же установил электронную почту.

— Ну, как? — спросила Ольга.

— Как у Ремарка. Без перемен, — Марк нахмурился.

— Ты ждешь какого-то сообщения?

— В общем, да. Это касается проработки сделок с... Ладно, не буду загружать тебя своими проблемами.

— Марк! Ты же обещал мне, что мы едем отдыхать. Никакой работы...

— Я и не работаю... Но, как один из руководителей фирмы, должен всегда держать руку на пульсе. От этого зависит наше с тобой благосостояние, кара. Ты же не хочешь, чтобы мы пошли по миру и наши будущие дети учились в муниципальной школе?

— Господи, но я же училась в муниципальной школе... И ничего, выросла хорошим человеком. Ты как думаешь?

— Думаю, что ты умница.

* * *

...Спасатели занимали маленький дом на самой окраине «Розы ветров».

Кроме Ионы, их было еще четверо: томный красавец-черкес Ахмет, Юрик Серянов, Вася Сикачинский и Влад.

Идейным спасателем был только Влад, он с ума сходил по жертвам лавин, на его счету — в особо урожайные годы — числилось до десятка спасенных. Редких погибших — всех этих доморощенных альпинистов и слаломистов-недотеп, упакованных в «Fischer», — Влад не считал. И к тому же ненавидел их лютой ненавистью: все они были бельмом на глазу, не дождались помощи и позволили себе наглость подохнуть в самый неподходящий момент. И тем не менее именно их он искал с особым рвением. Конечно, горы, как и море, не всегда отдавали свою добычу, и тогда Влад просто сатанел. Он и представить себе не мог, что кто-то может переиграть его. Будучи в хорошем настроении, Влад откликался на громоздкую кличку Помощь Идет, которая была придумана Васей

Сикачинским, адептом Джека Лондона и детских «Морских рассказов» Бориса Житкова.

Сам Вася и примкнувший к нему Юрик Серянов зализывали в горах раны, нанесенные неразделенной любовью. Возлюбленная Васи покинула его в городе-герое Киеве. Точно так же поступила и пассия Юрика, и ныне проживающая в райцентре Бутурлиновка Воронежской области. Несчастливая любовь в свое время толкнула Васю и Юрика на самоубийство: Юрик вешался, а Вася пытался вскрыть себе вены. После неудачных попыток свести счеты с жизнью Юрик и Вася уехали в горы, справедливо полагая, что лучший способ спастись самим — это спасти других.

В «Розе ветров» они и встретились. Более общительный Вася по совместительству подвизался на должности инструктора, а мрачный нелюдимый Юрик пристроился к снежной пушке и ратраку <Ратрак — машина для утрамбовывания снега.>. Кроме того, Юрик отвечал за собак-спасателей: два сенбернара, один зенненхунд и дворняга Джек, славившийся поразительным нюхом.

Достоинства собак уже были воспеты Васей, который все свое свободное время убивал на сочинение лихих криминальных романов. Вася самым окаянным образом верил, что стоит только ему попасть в поле зрения мало-мальски приличного издательства, как все его сочинения станут бестселлерами, а сам он стяжает лавры российского короля «pulp fiction» <Pulp fiction — здесь: бульварная литература, чтиво (англ.)>. Графоманство Васи не знало границ, он насиловал свой старенький «Ундервуд» денно и ночью и почти всю свою зарплату тратил на бумагу и ленты для пишущей машинки. Раз в месяц кто-то из уезжающих в город увозил из «Розы ветров» очередную пухлую рукопись; иногда (если Васе удавалось обаять кого-нибудь из зазевавшихся туристов) рукописи, минуя местную почту, летели прямо в Москву (или Питер, в зависимости от места жительства пойманного на крючок туриста). Но вероломные издательства молчали, а Вася все совершенствовал и совершенствовал свои истории. В этих историях почему зря лились реки крови, все подозревали всех, в то время как убийцу можно было вычислить сразу же, стоило ему только появиться на страницах рукописи... Все Васины убийцы курили дешевые кубинские сигареты «Портогас», обожали заколки для галстуков и запонки (на этом Вася особенно настаивал), собирали энтомологические коллекции (в основном состоящие из пауков самого устрашающего вида), читали Бодлера в подлиннике и обожали классическую музыку. Вася считал, что именно это придает его детективам интеллектуальный шарм. И когда-нибудь кто-то обязательно их оценит.

Легкомысленный черкес Ахмет почти все время проводил на трассах и у подъемников: он обожал пугливых северянок и соблазнял их пачками. Синеголубой снег и смуглое лицо черкеса являли собой классический пример единства и борьбы противоположностей и действовали на слабый пол безотказно. Пользы от Ахмета было как от козла молока, он даже не ездил на тренировочные сборы спасателей, которые проводились два раза в год. Только однажды он снизошел до них и то по самой смешной причине: триппер, подцепленный где-то в расщелине между трассами, на некоторое время выбил его из когорты активно практикующих самцов.

Вася Сикачинский называл Ахмета «играющим тренером».

Но сейчас даже «играющий тренер» на время отошел от своих девочек. Последние пять дней спасатели прочесывали окрестности в поисках пропавшего после схода двух лавин постояльца «Розы ветров».

Постояльца звали Кириллом. Он был конченным донжуаном, все вечера торчал в кегельбане и за неделю пребывания на курорте успел соблазнить нескольких женщин и даже подраться с Ахметом из-за одной из них. Победа и женщина оказались на стороне Кирилла, а Ахмет подобных вещей не прощал. Как не прощал всего, что могло задеть его самолюбие.

В помощь пяти спасателям и их собакам были брошены все имеющиеся в резерве силы — спасатели с других баз, волонтеры из числа любителей острых ощущений и даже вертолет. Но поиски никаких результатов не дали. Не помогло даже специальное оборудование, способное зафиксировать присутствие тела на глубине до десяти метров. Собаки, казалось, тоже объявили забастовку. Они возвращались на базу с поджатыми хвостами — никаких достижений.

Последний раз Кирилла видели за несколько минут до схода первой лавины: на заброшенной трассе для фристайла к западу от «Розы ветров». Трасса, и без того никем не востребованная, была безнадежно загублена первой, а потом и второй лавиной. Какая-то из верных поклонниц Кирилла, издали благоговейно наблюдающая за его рискованными экзерсисами на сноуборде, даже утверждала, что заметила рядом с ним еще одного горнолыжника: "Я не могла ошибиться, тогда еще пошел снег и были низкие облака, вы же помните..."

Тот, другой, стоял рядом с ним, они разговаривали о чем-то.

Кирилл был в шлеме, знаете, у него такой синий шлем. С надписью «Freeride»... А тот, второй, — он был без ничего, так и стоял с непокрытой головой. Как же все это ужасно, боже мой..."

Впрочем, словам экзальтированной дамочки особо доверять не стали. Во-первых, опрос всех постояльцев и obsługi «Розы ветров» ничего не дал

— все они оказались на месте и никто, кроме Кирилла, даже и не думал исчезать. А предположение, что лавина, задев одного, пощадит другого, тем более рядом стоящего, — казалось уж совсем невероятным. И поклонницу Кирилла вместе с ее показаниями послали подальше; к тому же выяснилось, что, кроме любви к пропавшему парню, она страдает еще и астигматизмом.

— Зенки ни к черту, а туда же, путает нам все карты, стерва, — беззлобно проехался по поводу незадачливой свидетельницы Вася Сикачинский. Он был приятелем и добровольным помощником отставного майора ФСБ Звягинцева, исполняющего в «Розе ветров» обязанности секьюрити, и потому получил право присутствовать на допросах возможных свидетелей. Кроме того, Звягинцев был единственным, кто относился к беллетристическим потугам Васи Сикачинского с известной долей почтения.

Зануда Звягинцев назвал допрос единственной свидетельницы «сбором оперативной информации». Но сбор оперативной информации ничего не дал, как ничего не дал бы сбор лекарственных трав в декабре.

Никто не видел Кирилла после обеда, когда было получено первое штормовое предупреждение о возможном сходе лавины. Подобные малоприятные сообщения переживали в кегельбане, за ресторанным столиком и в прочих увеселительных местах «Розы ветров». Все видели друг друга и могли подтвердить свое присутствие в том или ином месте: алиби, если вообще речь шла об алиби, — было всеобщим.

Впрочем, сбор оперативной информации и опрос свидетелей относились к третьему дню поисков, когда то, что еще совсем недавно, до схода лавин, называлось трассой для фристайла, было обследовано сантиметр за сантиметром. Район поисков был обозначен показаниями влюбленной астигматички, но потом, когда выяснилось, что они и гроша ломаного не стоят, его было решено расширить. И привлечь к поискам спасателей с других баз.

Пятидневные поиски привели к тем же плачевным результатам.

К тому же на пятый день выяснилась еще одна странная подробность: из номера, который занимал Кирилл, исчез его несессер. Об этом сообщила Звягинцеву горничная, ежедневно убиравшая номер. Вася Сикачинский, развивший бурную деятельность частного детектива, утверждал, что чертов Кирилл успел охмурить и горничную, и даже переспать с ней.

Иначе откуда такое болезненное внимание к вещам пропавшего и точное описание того, что было в несессере: бритвенный прибор, парочка дорогих одеколонов (она даже назвала один из них — «Кензо») и прочая

мужская косметическая лабуда.

Но Звягинцев, всю неделю страдавший от ревматических болей в пояснице (во время визита горничной они оказались особенно невыносимыми), терпеливо выслушал ее, а потом послал подальше. В этом была своя логика: погибшему (а теперь, спустя пять дней, никто не сомневался, что Кирилл Поздняков погиб) глубоко плевать, лежит ли в номере его несессер или нет. Тем более эта бессмысленная кража бросит тень на постояльцев «Розы ветров», чего страшно не хотелось Звягинцеву. Она казалась тем более глупой, что весь номер Позднякова был под завязку набит самым дорогим снаряжением, включая две крутейшие доски для сноуборда — «Flamebo» и «Scan Johnson». И последний писк горнолыжного сезона — карвинговые лыжи «Radare». Любой из знатоков отвалил бы за эту роскошь не одну сотню долларов. Но ничего из снаряжения не пропало — ничего, кроме жалкого пристанища мужской косметики.

О злополучном несессере решено было забыть: смерть в горах выглядит гораздо благороднее, чем низменное проявление мародерства.

...Спасатели продолжали поиски скорее по инерции. Если человек не был найден сразу или тело его не было найдено сразу, то обнаружить его можно будет лишь случайно.

Может быть, спустя год кто-то из горнолыжников наткнется на замерзшее, хорошо сохранившееся тело в самом непредсказуемом месте: перспектива малоприятная, но именно так чаще всего и случается.

Вертолет, задействованный с самого начала операции, благополучно покинул «Розу ветров»: гонять его дальше было и бессмысленно, и накладно. Спасатели с соседних турбаз отправились к себе, у них и без этого хватало дел — по всем отрогам Большого Кавказа шли лавины. Не сдавался только Влад. Вернувшись в «Розу ветров» Иона застал его собирающимся на очередное прочесывание окрестностей.

Вася Сикачинский, как обычно сидевший за своим выдавшим виды «Ундервудом», с состраданием следил за сборами Влада.

— Может быть, дождешься утра? — наконец спросил он.

Влад не удостоил его и взглядом, он пожал руку приехавшему Ионе и вышел из комнаты.

— Ему уже ничем не поможешь, зачем же задницу рвать на британский флаг?

Влад все-таки обернулся и процедил:

— Нельзя оставлять горам то, что им не принадлежит. Первое правило, ты понял?

— Есть еще и второе: выше головы не прыгнешь, если ты, конечно, не занимаешься фристайлом. Как тебе, а?

У Влада никогда не было времени на фристайл, так что немудреную шутку Васи он не оценил. А потому ничего не ответил и вышел, громко хлопнув дверью. И Иона, и Вася слышали, как он окликнул собак.

— Хоть бы животных пожалел, скотина, — вздохнул Вася. — На них же лица нет...

— Тонко подмечено, — Иона скинул ботинки и свитер и, взяв полотенце, направился в душ.

...Вася появился в душевой тогда, когда Иона намыливал голову. Он присел на корточки, вытащил из кармана мятую сигарету и воззрился на Иону.

— Огонька не найдется? — спросил он.

— Оставь свои шутки для групповой помывки с девочками, — Иона ненавидел привычку Сикачинского появляться в самых неподходящих местах и тут же начинать действовать на нервы. — И пошел вон отсюда. Даже в душе не дают побыть одному.

— Еще успеешь в одиночестве в гробу налегаться, — вяло парировал Вася. — А человек — это животное общественное.

— Дай хоть голову помыть, общественное животное!

— Ну, встретил своих?

— А что?

— Да нет, ничего. Я вот что думаю. Иона... Не нравится мне вся эта история с пропавшим парнем...

— Покажи мне человека, который был бы от нее в восторге...

— Странно как-то он пропал. Было ведь предупреждение...

— Детективный зуд обуял, Василий Андреевич? Только учти, всегда находятся дураки, которые испытывают судьбу.

Тут уж ничего не поделаешь.

Он вылез из душа и прошел в раздевалку.

— Это точно. Хочу показать тебе одну вещь. Иона. Я на нее случайно наткнулся. И полдня думаю, что же это может быть.

— Неопознанный летающий объект, что ли? Или сюжет для романа? — Иона посмотрел на Васю Сикачинского с веселым состраданием: тесное общение со Звягинцевым не прошло для Васи даром.

— Ага. Что-то вроде того. Это, конечно, может ничего не значить, но вещь сама по себе любопытная. Я, во всяком случае, такого никогда не видел.

— Ладно, валяй, — Иона даже бросил вытирать волосы и пристально

посмотрел на Васю. — Тащи сюда свою любопытную вещь.

— Она не здесь. Я оставил ее там, где нашел.

— Что-то такое, что не терпит отлагательств?

— Не знаю...

— Ладно, где зарыт твой клад?

— В «Каменном мешке».

«Каменным мешком» на сленге обслуги «Розы ветров» называлось оставшееся еще с советских времен непрезентабельное хранилище инвентаря, набитое давно пережившими себя лыжами, ботинками и креплениями.

— Кой черт тебя понесло в «Каменный мешок», Василий?

— Это все Ахмет...

— А при чем здесь Ахмет?

— К нему племянник приехал на три дня... С таким же разбойным именем. Что-то вроде Саид-Гирея или Казбека. Парню тринадцать лет, жаждет удовольствий, ну и сам понимаешь... Ахметова экипировка ему не по зубам и не по росту.

Так этот черкесский черт попросил меня что-нибудь подобрать для своего джигита.

— В «Каменном мешке».

— Угу. Там еще можно выбрать приличный комплект, если покопаться.

— А сам Ахмет что же не побеспокоился?

— У него адюльтер, как обычно. Какая-то нимфоманка, не терпящая пустоты в области промежности. Так что я взял шефство над малолетним секир-башкой. Ну, подобрал парняге кое-что. И заодно кое-что нашел. Пойдем взглянем.

— У меня голова мокрая, — медленно сказал Иона. — Сам видишь.

— Ладно, можно попозже.

— Нет, идем сейчас.

— Как скажешь, командир.

...Спустя десять минут они уже подходили к хранилищу инвентаря. Волосы Ионы, принципиально не носившего никаких головных уборов, покрылись ледяной коркой.

Несколько секунд провозившись с замком, Вася наконец-то открыл дверь.

— Прошу.

Хранилище представляло собой довольно жалкое зрелище, но именно с него начиналась история курорта «Роза ветров», который в прежние благословенные семидесятые и начало восьмидесятых был наводнен

демократической интеллигенцией обеих столиц. А также кухонными гуру, бардами-многостаночниками, журналистами на покое и их спутницами из числа начинающих поэтесс.

Вася прошелся по узкому, освещенному тусклой лампочкой помещению и провел рукой по ребрам стоящих на вечном приколе запыленных лыж. И уверенно направился к дальнему углу хранилища. Иона последовал за ним. Присев на корточки перед сваленными в кучу лыжными палками, он тотчас же достал то, ради чего они пришли сюда.

Лыжная палка. На первый взгляд самая обыкновенная.

— Вот, смотри, — Вася протянул ее Ионе. — Как тебе такая рационализаторская деятельность?

Палка действительно оказалась с сюрпризом: ее тривиальное окончание было модифицировано. Оно было плоским и широким, с одним остро заточенным краем. Иона провел по нему рукой и тотчас же отдернул ее: на пальцах выступила кровь.

— Осторожнее, — запоздало предупредил Вася, — так можно и фаланг лишиться.

— Уже понял.

— Что скажешь, командир?

— Похоже на самодельный нож.

— Это мягко сказано! На профессионально сделанный самодельный нож. Финку, я бы сказал... Новехонькую финку, никакой коррозии.

Окончание палки и было ножом. Острым как бритва. Даже бороздка имела, как на самом обыкновенном охотничьем ноже. Некоторое время оба спасателя разглядывали Васину неожиданную находку.

— Это еще не все, командир, — торжествующе сказал Вася. — Есть еще одна деталь, заслуживающая внимания... Посмотри-ка повыше, за кольцом...

Иона добросовестно осмотрел палку.

— Ничего не вижу.

— А, черт, света маловато. Хорошо, что фонарик взял...

Вася достал из кармана фонарик и осветил им поверхность палки. Лезвие ножа было девственно-чистым, но чуть выше виднелись бурые потеки. Их происхождение не вызывало никаких сомнений.

— Похоже на кровь, — наконец сказал Иона.

— Да не похоже, не похоже. Это и есть кровь. Я сам пилил себе вены и знаю, как это выглядит на металле. Причем кровь довольно свежая.

— Ты думаешь?

— А ты — нет? Ясно, что им не архаров резали в семьдесят восьмом

году на слете альпинистов-разрядников...

— Ты прямо эксперт, Василий Андреевич. И как с такими способностями ты еще не на работе в органах?

— Сам себе удивляюсь.

Иона еще раз внимательно осмотрел палку.

— Палка из «фишеровского» комплекта, к тому же одной из последних модификаций. Вещь почти новая, во всяком случае, ей не больше года. Не то что всему остальному местному хламу. — Иона скептически осмотрел помещение. — Типичные совковые лыжные раритеты. Что скажешь, Василий?

— А что тут скажешь? Надо грести куда следует. Что-то не нравятся мне эти пятна.

— Когда ты ее нашел?

— Да сегодня утром.

— Кому-нибудь сказал?

— Тебе первому.

— А Звягинцеву?

— Черта лысого! — Вася болезненно сморщился. — У него, видите ли, радикулит, он, видите ли, с койки не встает.

Послал меня через дверь, а заодно и хреновы горы, — этим и ограничился. Хотя я его понимаю... Мне самому зимний пейзаж поперек горла стоит. Я — человек Карибских островов, а не этого ледникового периода.

— А кто, кроме тебя, мог взять ключ?

— Да кто угодно. Он же у портье висит. Но самое интересное, что его никто не брал. Во всяком случае, в обозримом прошлом. Я — первый.

— Сильно сказано.

— А то! Сегодня на дежурстве Серый, вчера был Иван, их же только двое, ты знаешь... И оба сказали мне, что ключом от «Каменного мешка» никто не интересовался.

— Ты и их успел достать?

— Ну. Знаешь, что я думаю? Эта сумасшедшая баба... Подружка Кирилла. Наверное, она действительно кого-то видела вместе с ним на трассе.

— И ты в это веришь? — Иона улыбнулся. — Ты же сам говорил, что она полуслепая.

— Говорил, ну и что. А если там и вправду был еще один человек...

— Не могло быть там никакого человека. Ведь никто не пропал, кроме этого Кирилла. А если они стояли рядом и разговаривали за минуту до

схода лавины, то сейчас мы бы искали не одного, а двоих... Их бы накрыло сразу. Из лавины никто не выбирается, особенно дилетанты, которые в горах без году неделя.

— Которые в горах без году неделя, может быть... А что, если — не без году?

Иона улыбнулся и провел ладонью по волосам: с их концов стекали капли воды. Он вытер руку о куртку и почесал переносицу.

— Не без году? Похожие на тебя или меня, ты это имеешь в виду?

Вася испуганно посмотрел на него: какая-то догадка мелькнула в его суженных зрачках. Мелькнула и тут же исчезла, трусливо поджав хвост.

— Да нет же. — Он сморщился. — При чем здесь это?

— Ни при чем, согласен. Тем более что этот парень еще не найден. Вот что, Василий: сейчас мы закроем эту замшелую лавочку.

— А палка?

— Вместе с палкой. Пусть она лежит там, где лежала.

— Ты хочешь вот так все оставить?

— Именно. Тем более что все твои предположения насчет крови... Об этом может судить только специалист после тщательно проведенной экспертизы. — Значит, нужно вызвать специалиста.

— Кстати, что говорила эта гримза о якобы спутнике Кирилла? Ни шлема, ни шапки на нем не было, так?

— Примерно.

— Я тоже ненавижу все эти архитектурные излишества в области темени. Подхожу под все описания.

Иона взял в руки лыжную палку и задумчиво поднес к глазам. Нож на ее конце угрожающе сверкнул. Вася инстинктивно сделал шаг назад.

— Этот Кирилл был видным парнем. Под два метра, да?

— Примерно, — прошелестел Вася пергаментными губами: тусклая сталь ножа гипнотизировала его.

— А у тебя какой рост?

— Что?

— Рост, Василий Андреевич, рост!

— Метр семьдесят шесть. А что?

— У меня — метр семьдесят восемь, так что мы с тобой практически одного роста. Кирилл — другое дело. Чтобы завалить такого бугая наверняка, нужно бить либо в область сердца, либо под лопатку, я так думаю. А ты?

Разговор все меньше и меньше нравился Васе, он даже отступил на шаг.

— Никак я не думаю.

— А надо бы подумать. И еще прикинуть, что два метра роста — это солидный капитал, который не часто встречается. Так что обычный человечешко типа нас с тобой всегда нанесет удар снизу вверх, оттого и потеки крови так высоко.

Она стекла по палке, как по желобу... Есть возражения?

Вася сделал еще один шаг назад, споткнулся о грудку лыжных палок и, не удержав равновесия, рухнул на них. Иона мягко приблизился к нему и поднес нож к Васиной груди.

— Ты что, командир? — просипел Вася сдавленным голосом.

— А вот теперь кровь пойдет в обратном направлении, сверху вниз, и никаких следов. Нужно будет только воткнуть палку в снег. Проехать по трассе. Одного раза будет достаточно...

— Ты шутишь, что ли?

Нависшая пауза показалась Васе вечной. И только спустя несколько секунд Иона отвел нож от его груди и рассмеялся.

— Конечно, шучу. Что, испугался, брат Василий?

Вася перевел дыхание и недоверчиво хихикнул.

— А ты бы не испугался?

— Ну так как, берешь меня в соавторы?

— Еще подумаю...

— Что, так и будешь сидеть? Давай руку.

Иона помог ему подняться и поставил палку туда, откуда она была извлечена пятнадцать минут назад.

— Показательные порки устраиваешь, командир? Избиение младенцев шпицрутенами? — Вася уже пришел в себя, и к нему вернулась его обычная, чуть истерическая веселость.

— Это я к тому, комиссар, что не нужно прыгать выше головы и играть в частного детектива. Для этого всегда найдутся профессионалы, лучше нас с тобой. Тот же Звягинцев, ему по должности положено...

— Так что ты предлагаешь?

— Оставить так, как было. Мало ли, что это за палка... Может, нас вообще на смех поднимут. Звягинцеву, конечно, шепнуть стоит...

— Когда еще он оклемается!..

— Когда-нибудь оклемается. А сейчас лучше Навесить замок на это дело и благополучно обо всем забыть. И никому об этом не трепаться. Мало ли на кого нарвешься. Это я такой добрый.

— Это потому, что не ты этим ножичком воспользовался в свое время...

— Это станет ясно на последних страницах твоего романа, — улыбнулся Иона. — Уже начал писать, признавайся?

— А как же, командир, — еще, шире улыбнулся Вася. — Утром в газете — вечером в куплете.

* * *

Бар назывался «Ричард Бах».

Для первого выхода в свет можно было ограничиться и рестораном с разрекламированным Ионой струнным квартетом, но Инка остановилась на демократическом варианте. Кроме того, в «Ричарде Бахе» был боулинг, единственный вид спорта, который признавал ее муж, Игорь Анатольевич Шмаринов. В большой теннис Игорь Анатольевич не играл из принципа, так что, если этого требовали интересы дела, на корт вместе с его потенциальными компаньонами и нужными людьми выходил Марк.

«Ричард Бах» был забит людьми под завязку. В отличие от чопорного ресторана с его коллекционными винами, здесь предпочитали плебейское пиво, текилу и соленые орешки, Инка уже успела отшить стаю загоревших самцов, когда на горизонте появились Марк и Ольга. Инка помахала им рукой.

— Опаздываете, господа, — мягко попеняла она, когда супруги заняли места за столиком. — Оставляете без присмотра хорошенькую женщину. Я, между прочим, уже могла дважды выйти замуж и по крайней мере четыре раза стать жертвой изнасилования.

— Для жертвы ты выглядишь совсем неплохо. — Марк внимательно посмотрел на Инку.

Она действительно была хороша: короткий облегающий свитер (от Армани), узкие джинсы (от Хьюго Босс), скромный макияж (от Ив Роше), кольцо с крошечными изумрудами (от Тиффани).

Колье подарил Инке Игорь Анатольевич в первую годовщину свадьбы, и она почти никогда не снимала его. Такие ошейники держат женщину в узде вернее всего, цинично утверждала Инка.

— Что будете пить, девочки? — галантно спросил Марк.

— Мне текилу, — тотчас же выскочила Инка. — А твоя целомудренная жена, я думаю, обойдется безалкогольным пивом.

— Не слушай ее, Марк. Сто грамм коньяку мне не помешает.

Марк отправился к стойке за напитками. Инка и Ольга остались

вдвоем.

— Тебе привет от отца, — сказала Инка. — Я ему уже позвонила. Отчиталась о проделанной нами работе.

Ольга почувствовала легкие угрызения совести: за последние несколько часов она даже не вспоминала об отце, а ведь он просил держать его в курсе всех передвижений.

— Он не собирается приехать? — смущенно спросила Ольга.

— Может быть, через неделю. Покатаемся на лыжах и вернемся в Москву все вместе. Как тебе такая перспектива?

— Великолепно! Вся семья в сборе. Идиллические картинки.

— Правда, твой любимый муженек делает их похожими на карикатуры...

— Инка! Я прошу тебя...

— Хорошо. Делает их похожими на дружеские шаржи. Так тебя устроит?

— Более или менее.

Вернулся Марк с подносом, уставленным стаканами, бокалами, кружками и блюдами с легким приложением: фисташки, лимон, соленые сухарики.

— Ну, девочки, выпьем за активный отдых! По-моему, все начинается вполне удачно.

Марк отхлебнул пива и тотчас же поднял руку:

— в дверях бара появился Иона.

Глаза Ионы сразу же выдернули из табачного дыма столик с родственниками. Спустя минуту он уже сидел рядом с Ольгой.

— Ну, как устроились? — спросил он ничего не выражающим голосом.

— Отлично, — ответил Марк за всех троих, — Завтра покажу вам трассу.

— А как поиски пропавшего в лавине великомученика? — Инка разглядывала Иону самым бесцеремонным образом.

— Ищем, — лаконично ответил Иона. — Ищем, но пока никаких результатов нет.

Инка осмотрела веселящийся зал:

— Вот оно, дыхание жизни. Кого-то похоронила лавина, но большинству на это наплевать. И в этом есть самая настоящая сермяжная правда.

— Не наплевать, девушка, не наплевать! — раздался чей-то тихий голос.

Все синхронно повернули голову к соседнему столику, за которым в тоскливом одиночестве сидела женщина лет сорока. Все пространство перед ней было уставлено маленькими бутылочками виски и пустыми пивными кружками. Было похоже, что женщина хочет капитально надраться. Инка взглянула на говорившую с жалостью: невозможно было определить — красива она или нет. Половину лица удачно скрывали тяжелые очки в роговой оправе. Линии глаз за толстыми линзами чудовищно преломлялись, они отталкивали и притягивали одновременно.

— Иона!.. — жалобно произнесла женщина, впившись линзами в равнодушное лицо горноспасателя.

— Пока не могу сказать ничего утешительного, Наташа.

Извините. — Иона потянулся за фисташками и с треском разломил одну из них.

Впрочем, женщина уже не слушала его, ей неважен был ответ: она знала, каким он будет. Она встала из-за стола и направилась к стойке. У нее оказалась идеальная фигура. Настолько идеальная, что даже Марк с Ионой бросили в ее сторону машинально-заинтересованный взгляд.

— Безутешная вдова покойного? — ревниво спросила Инка, она не терпела ничьего превосходства.

— Подруга. — Иона отвел взгляд от женщины и повернулся в сторону Ольги. На Инку он даже не посмотрел.

— Не переживай, душа моя, по приезду куплю тебе зеркальце, которое всегда будет высвистывать тебе, что именно ты на свете всех милее, всех румяней и белее, — промурлыкал Марк Инке. — Может быть, хоть тогда ты успокоишься.

— Спасибо, зеркальце у меня уже есть.

Ди-джей, сидевший на возвышении в глубине зала, завел какую-то старую виниловую пластинку. Ольга сразу же узнала музыку, выплеснувшуюся из динамиков: ну, конечно же, тема из «Мужчины и женщины» с приглушенно-страстным французским речитативом.

Казалось, Инесса только этого и ждала.

— Можно вас пригласить, Иона? — спросила она томным голосом. — Это моя любимая вещь.

— Я не танцую, — железобетонный Иона спутал Инке все карты: непростительная глупость с его стороны.

За столиком повисло молчание. Но спустя несколько секунд Инка взяла себя в руки.

— Объясни своему братцу, что не принято отказывать красивым женщинам. Они этого не прощают. И тогда тебя находят в собственной

кровати с перерезанным горлом, — сказала она Марку.

— Берегись, Иона, — засмеялся Марк. — От этой дамочки всего можно ожидать.

— Я учту. — Иона откинулся на стуле и втянул в себя пивную пену.

— А что прикажете делать соблазненной и покинутой. Иона?

— Не знаю.

Твердолобость шурина (или деверя, господи, как нелепо может именоваться брат человека, которого ты любишь!) не понравилась даже Ольге, которая наблюдала за происходящим с известной долей снисходительности. Она бросила укоризненный взгляд на Марка — приведи в чувство своего хамоватого аборигена! — а потом на самого Иону — не очень-то вежливо с вашей стороны так разговаривать с женщиной.

Марк тотчас же попытался исправить положение: он поднялся и склонился в церемонном поклоне над обиженной Инкой.

— Вы позволите?

— Ты, конечно, не предел моих мечтаний. Я бы предпочла кого-нибудь другого...

— Учти, я здесь не только как скромный отдыхающий, но и как представитель фирмы твоего мужа.

— И что?

— Должен присматривать.

— Это его распоряжение?

— Нет, но...

— Все понятно. — Инка обезоруживающе улыбнулась. — «Вечная бдительность — залог свободы». Картина Рокуэлла Кента.

— Мне больше нравятся импрессионисты.

— Ладно, — смилостивилась Инка. — Не могу сказать, чтобы я была в восторге. Но на безрыбье...

— Я предпочел бы высказывание «За неимением гербовой, пишут на простой», если не возражаешь. Как подчиненный твоего высокопоставленного мужа.

— Учти, я буду целенаправленно наступать тебе на ноги, — улыбнулась Инка.

— Я тоже.

Марк и Инка удалились к пятаку эстрады, и Ольга вдруг поймала себя на мысли, что они совсем неплохо смотрятся вместе: брюнетка и блондин, белое и черное, короткие стрижки... Уж слишком демонстративно они не ладят, а Инка действительно наступает Марку на носки, стерва... Вполне изящно и в такт музыке, как раз на синкопах.

Интересно, о чем они разговаривают? А они о чем-то говорили, Ольга это видела. При этом лицо у Инки было такое, как будто она раздавила гадину. Лучшего террариума для Ольгиной ревности и придумать невозможно...

— Вы не слушаете меня? — приглушенный голос Ионы только сейчас донесся до Ольги.

— Почему же? — Она ограничилась тем, что вежливо пожала плечами.

— Вам понравился ваш коттедж?

— Он просто великолепен.

— Вы никогда не были в горах?

— Никогда.

Это была не правда. Конечно же, она знает, что такое горы: ее воспоминания о Тбилиси венчались Мтацминдой, ей нравилось это тбилиское название: Мтацминда, Мтацминда, оно было похоже на считалочку... Но все равно это было не правдой. Как и все, что касалось Мананы, включая ее душевную болезнь.

— Хотите, я покажу вам горы?

«Почему он так странно смотрит на меня?» — подумала Ольга. Антрацитовые глаза Ионы прожигали ее насквозь, впрочем, антрацит и должен гореть... Ровным, чистым пламенем.

— Конечно. Мы будем рады. Завтра с утра.

— Я не имею в виду Марка, — об Инессе Иона даже не заикнулся. — Я имею в виду вас. Только вас.

— Я не знаю... — Господи, зачем она сказала это? Нужно было ограничиться милым и твердым «нет», обратить все в шутку. Тогда в самом финале можно было снисходительно коснуться его плеча: на правах родственницы. Выражение «Я не знаю» больше всего похоже на поощрение ухаживаний, на начало сентиментального платонического романа с далеко идущими последствиями. Только этого не хватало!..

Ольга заслонила рюмкой с коньяком. Отпила глоток и с тоской подумала: почему же не приходят к логическому финалу эти бесконечные «Мужчина и женщина»?..

Выпитый коньяк придал ей уверенности.

— Вы давно не виделись с братом? — светски спросила она.

— Семнадцать лет. С тех пор, как он уехал из Кизыл-Арвата. Бросил мать, которая уже с постели не вставала... Мы ее похоронили через полгода. Тогда ему было восемнадцать, а мне одиннадцать. Я его ненавижу.

Ольга вздрогнула, а потом вспомнила: ну, конечно же, склока из-за имени Иона, Марк рассказывал.

— Марк рассказывал мне... Ему нравилось ваше имя.

— Имя! — Иона хмыкнул. — Он хотел отнять его у меня.

Он всегда отнимает то, что ему нравится. И если не дать отпор... Он может подмять под себя все и всех.

Это было так чудовищно несправедливо, что Ольга даже не нашлась, что ответить. Ее Марк совсем не такой: он нежен до самопожертвования, он предан делу, она видела его в разных жизненных ситуациях, и в каждой он был выше всяких похвал.

— Вы предвзято к нему относитесь, — сухо сказала она Ионе и даже отодвинулась от него.

— Простите. Я говорю правду.

— Вы просто завидуете ему. — Она слегка захмелела, а это всегда придавало ей смелости. — Просто завидуете, вот и все.

— Завидую? — Удивление Ионы было искренним. — Чему?

— Ну, хотя бы тому, чего он добился к тридцати пяти годам...

— Чего же экстраординарного он добился?

— Он... Он входит в совет директоров крупного концерна, он сам этого добился, он сам построил свою карьеру. А пробиться в Москве — это значит чего-то стоить по-настоящему. Он настоящий. Иона...

— Вы настоящая.

Он накрыл ее руку своей ладонью; ладонь была жесткой и прохладной, и это меньше всего походило на легкомысленный курортный флирт.

— Что вы делаете? — глупо спросила она. — Зачем?

Иона улыбнулся ей, но руку все-таки отнял.

— Не знаю, — медленно сказал он.

— Это нечестно, — Ольга даже сморщилась: костяшки пальцев еще горели от прикосновения горноспасателя.

— Почему?

— Марк — ваш брат. Вы ставите меня в неловкое положение.

— Разве? Я не хотел ничего дурного. Марк — мой брат, правда. А вы — жена брата, только и всего. Это называется родственными связями. Мы ведь родственники, правда?

Теперь Ольга почувствовала себя совсем уж глупо: чего только в голову не придет скупающей молодой женщине, очень верной жене очень верного мужа. Этот чертов Иона послан ей в искушение: слишком уж святочными были их отношения с Марком, никакой горчинки...

Случайное — или намеренное? — прикосновение руки Ионы не было

ей неприятно, приходится признать. Но в самой его глубине таилась некая опасность, Ольга подсознательно чувствовала это. Нет, она никогда не вступит на эту стезю, утыканную свеженькими указателями: «ИЗМЕНА», «ПОРОК», «ПРЕЛЮБОДЕЯНИЕ». Инка бы в этом случае рассмеялась и сказала: «Иона, скажите правду, вы бы могли трахнуть жену собственного брата? Просто чтобы отомстить за детские обиды...» Но Инкин опыт не годился Ольге, она всегда была слишком правильной, ей в голову не приходило заглянуть в глубины своей собственной души.

— Чем вы занимаетесь, Ольга? — как ни в чем не бывало спросил Иона.

Хороший вопрос.

Дочь своего отца, жена своего мужа, пользователь компьютера, свободный английский, испанский и французский со словарем. Два раза в месяц «Сатирикон» (ее любимый театр), раз в месяц — Ленком (любимый театр Марка, банальнее не придумаешь). Есть еще, конечно, Сесар Вальехо...

— Вы знаете, кто такой Сесар Вальехо?

— Понятия не имею. — На лице Ионы застыло напряженное внимание.

— Это перуанский поэт. Я сейчас его перевожу.

— Так вы переводчица. — Он посмотрел на нее со скептическим интересом.

— В некотором роде.

В некотором роде — точно сказано. Если учесть, что она уже просрочила сдачу переводов для «Иностранной литературы». И еще неизвестно, сколько будет копать. Вальехо так не похож на нее — и на Марка он тоже не похож.

Он похож на Иону, вдруг отчетливо подумала Ольга. Та же обледеневшая ярость во взгляде, та же обледеневшая ярость в словах.

— Ну? — Иона посмотрел на Ольгу с поощрением.

«Сейчас я прочту ему пару подстрочников, — подумала Ольга, — спрячусь за широкую спину перуанца, — и танец к тому времени кончится, и вернется Марк, и все станет на свои места».

— Хотите, я вам что-нибудь почитаю из Вальехо? — с надеждой спросила Ольга.

— Нет, как-нибудь в другой раз.

— Иона! — Голос, раздавшийся над их столиком, был так громок, что Ольга даже вздрогнула.

Рядом со столиком стоял парень лет тридцати в расстегнутой куртке:

бородатое загорелое лицо, раздувающиеся ноздри, угольно-черные брови.

— Познакомьтесь, Ольга, это Влад, мой коллега, горноспасатель...

Если бы здесь сейчас была Инка, она бы отпустила какую-нибудь плоскую шутку в духе Чиччолины <Чиччолина — итальянская порнозвезда.>: «Горноспасатель звучит почти как порнописатель. Как вы относитесь к порно, голубчик?»

Влад бросил быстрый взгляд на Ольгу и равнодушно кивнул.

— Слушай, Иона, где этот хрен Васька?

— Понятия не имею. Как собаки, не загнал?

— В том-то и дело! Джек поранил лапу, а у Васьки была мазь... Я ее найти не могу, а он как сквозь землю провалился...

Ольга с облегчением вздохнула: отличный повод спокойно ретироваться и оставить коллег по работе одних. Она поднялась из-за столика.

— Вы уходите? — равнодушно спросил Иона, на секунду отключаясь от негодующего Влада. — А что я скажу Марку?

Марк по-прежнему топтался у эстрады вместе с Инкой: похоже, эта сладкая парочка решила подготовиться к танцевальному марафону.

— Скажите, что я сейчас приду.

Женский туалет сотрясали весьма характерные звуки: какую-то любительницу крепких напитков выворачивало наизнанку. Ольга поморщилась: она не любила подобных неутешительных финалов. В своей жизни она напивалась лишь несколько раз, и все это сопровождалось таким тяжелым похмельем и такими угрызениями совести, что проще было отказаться от спиртного вообще. Впоследствии Ольга так и сделала, оставив для себя лишь коньяк. И то самую щадящую дозу: сто пятьдесят грамм и обязательная долька лимона.

Инка была в этом отношении куда разнузданнее: она пила все подряд, но это придавало ей дополнительный шарм.

Втайне Ольга завидовала этому и понимала отца — именно этого «сердца с перцем» ему и не хватало.

Вымыв руки, Ольга критически осмотрела себя в зеркале — с возрастом в ней стала все больше проявляться грузинка-мать: тонкий нос с чуть заметной горбинкой, волосы, слегка вьющиеся на висках; только рот подкачал, слишком бледный. Анемично-бледный, но, в конце концов, это нравится мужчинам: его всегда можно зацеловать до трепетного прозрачного кармина.

Так и есть.

Еще один седой волос на виске.

Воровато оглянувшись, Ольга вырвала его: восточные женщины сидят рано, даже наполовину восточные... Марку это может не понравиться.

За спиной Ольги послышался шорох — любительница крепких напитков благополучно выползла из кабинки, остановилась рядом с ней и вывернула краны до упора. Только теперь Ольга сообразила, что это и есть их случайная соседка, донимавшая Иону расспросами о пропавшем парне.

Кажется, ее зовут Наташа.

Наталья, так будет вернее.

Наталья сняла свои чудовищные очки с толстыми линзами, и только тут Ольга заметила, что она красива. Или, скажем так, была красивой. Ее лицо было похоже на осенний парк, уже тронутый увяданием.

— У вас есть носовой платок? — спросила она.

Порывшись в сумочке, Ольга протянула ей салфетку: освежающая салфетка осталась от недавнего перелета. Впрочем, Ольга сразу же поняла, что этой увядшей женщине не нужны ни платок, ни салфетка: ей нужно поговорить, вот и все.

— Как вы себя чувствуете? — спросила Ольга.

— Отвратительно.

Разговор исчерпан. Можно закрыть сумочку и выдвинуться в сторону переполненного зала.

— Вы думаете, он погиб? — неожиданно спросила Наталья.

— Кто?

— Кирилл... Кира.

Только теперь Ольга сообразила, что она говорит о человеке, пропавшем пять дней назад.

— Простите, ради бога. — Она с состраданием посмотрела на Наталью. — Я ничего не знаю... Мы только сегодня приехали.

— Вы ведь их хорошо знаете, этих спасателей?

— Нет же!

— Но вы все равно их знаете. Скажите им. Убедите их! Они не должны прекращать поиски. Они должны найти Киру, это их долг... Живого или... — Она сглотнула слюну, а потом с тоскливым удивлением произнесла:

— Или мертвого.

— Они и так делают все возможное, — позволила себе вступить Ольга.

— Все возможное! — Лицо Натальи прошила сардоническая улыбка. — Я вижу, как они делают все возможное! Развлекаются с

девицами в баре, вместо того чтобы... Простите!

Я не то имела в виду...

— Я понимаю. Я искренне сочувствую.

Наталья взглянула на Ольгу.

— Она сочувствует, соплячка! — страшно захохотала Наталья. — Вы даже не знаете, какой он был! Вы не слушайте, что вам скажут обо мне...

— Мне ничего не говорили о вас...

— Еще успеют. Я знаю, что они говорят за моей спиной.

Выжившая из ума слепая любовница, я же вижу эти наглые бесстыжие взгляды... Мне не нужно сочувствие. Найдите его.

— Они ищут, — снова тупо повторила Ольга, никчемный разговор стал тяготить ее.

— Почему никто не хочет слушать о том, что я видела? Почему никто не хочет верить мне?

Ольга не удержалась и хмыкнула: черт возьми, похоже, здоровый цинизм заразителен — точно так же, наверное, отреагировала бы и Инка. Интересно, что она вообще может видеть сквозь толщу своих линз?..

— Я же точно запомнила место, где они стояли!

— Кто — «они»? — праздно спросила Ольга.

— Кира и тот человек, с которым он разговаривал. За несколько минут до того, как... — Наталья схватила ртом побольше воздуха. — До того, как их накрыло.

— Вы видели, как это произошло?

— Нет. Я.., уехала. Спустилась ниже по склону. Но это неважно.

— А тот, второй человек... Если вы говорите, что видели его. Что случилось с ним?

— Я не знаю, девушка! Они хотят сделать из меня сумасшедшую. Утверждают, что никто не разговаривал с Кирой.

Что они опросили всех.

— Неужели это так важно? Был ли кто-то рядом или нет.

— Мне все равно. Но они должны найти его.

— Я вас понимаю. — Еще одна ложь, Ольга и не думала понимать эту полуслепую летучую мышь с идеальной фигурой.

— Ничего вы не понимаете! — неожиданно ощерилась Наталья. — Если бы это произошло с близким вам человеком!

Она не выдержала и зарыдала.

Ольга вздрогнула. Она вдруг ясно представила, что точно так же убивается по вдруг исчезнувшему Марку. Ее собственному мужу. И что его нигде нет. Нигде. Ощущение было таким ясным, что Ольга даже

поежилась. И ей захотелось со всех ног бежать, вернуться в зал и убедиться, что с Марком ничего не случилось.

Она не переживет. Есть вещи, которые невозможно пережить.

— Я могу что-нибудь для вас сделать? — кротко спросила Ольга.

— Выпейте со мной. Да, мы даже не познакомились... Меня зовут Наталья.

— Очень приятно. Ольга.

Приятного, в общем, мало. Торчать в туалете с незнакомой женщиной на грани нервного срыва и даже не знать, как ее утешить. Наталья достала из кармана брюк плоскую маленькую бутылочку с виски.

— Выпьем?

— Вообще-то я не пью, — Ольга с сомнением посмотрела на крошечную емкость.

— Я тоже.

Ну да, это заметно.

— Вы думаете, что я алкоголичка? — Наталья перехватила ее скептический взгляд.

— Да нет.

— Это Кира... Кира научил меня пить виски. Он всегда заказывал его.

"И пиво, — подумала про себя Ольга, вспомнив батарею пустых кружек за столиком Натальи, — самый обыкновенный рабоче-крестьянский «ерш».

— Ладно, давайте ваше виски, — Ольга сдалась, невозможно отказать этой несчастной женщине в очках работницы библиотечного коллектора.

Наталья с готовностью протянула ей бутылочку. Ольга вежливо отхлебнула и даже закашлялась: виски оказалось неожиданно крепким.

— Теперь я! — Наталья выпила все до последней капли.

А потом пристально посмотрела на Ольгу. Все это время она разглядывала ее, цепляясь глазами за каждую подробность, — это разглядывание было неприлично. И, в еще большей степени, непонятно.

— Хотите, я покажу вам его?

— Кого?

— Киру же!

«Совсем с ума сошла», — с жалостью подумала Ольга.

— В каком смысле — покажете? — ляпнула она и тут же прокляла себя за бестактность.

Лицо женщины сморщилось.

— У меня есть фотография... Это единственное, что у меня осталось от Киры.

И, не дожидаясь ответа, она вынула из заднего кармана джинсов уже порядком поистрепанную полароидную фотографию.

На ней были запечатлены сама Наталья и улыбающийся молодой человек с холеным лицом самого обыкновенного прохвоста: типичный охотник за удовольствиями, любитель экстремального траха и общепринятых женских стандартов:

90-60-90. Наталья подходила под эти стандарты, и именно поэтому улыбка у молодого человека была такой широкой.

— Он красив, правда? — жалобно сказала Наталья.

— Очень, — Ольга пожалела, что не добавила пару эпитетов, способных согреть сердце безутешной женщины: «великолепен», «божественен», «превосходен»...

Она вернула фотографию Наталье, и та снова спрятала ее в карман.

— Несправедливо... Боже мой, как несправедливо, когда такой молодой, такой красивый человек... Лучше бы это была я...

Ольга нисколько не сомневалась в искренности ее слов: эта женщина действительно жизнь готова отдать за своего случайного Киру.

— Ну что, вам полегче? — Только сейчас Ольга поняла, что чертово дармовое виски двинулось не в то горло.

— Нет, но все равно спасибо. Сейчас напьюсь и отправлюсь спать. Ничего другого в этой глуши не остается, Ольга, поверьте мне.

— А мне здесь нравится.

— Каждый день я хочу убраться отсюда. С тех пор.., как пропал Кира.

— Вы приехали вместе?

— Нет... — Она виновато посмотрела на Ольгу. — Ноя думала... Я надеялась, что мы вместе уедем.

Все понятно, Ольга оказалась права — самый банальный курортный роман, в который с головой бросаются отставные красавицы.

— Ему нравился сноуборд. И все экстремальное. — Наталью прорвало: она была готова делиться воспоминаниями с кем угодно. — Он вообще был рискованным человеком...

Господи, почему я говорю «был»?..

Потому что он пропал пять дней назад, его накрыло лавиной, этого вполне достаточно, чтобы говорить «был».

— Ведь никто не видел его мертвым, Ольга... Вы понимаете? Человек жив, пока его не увидели мертвым.

Отлично, пусть это и послужит тебе утешением.

— Извините, Наташа, мне пора. Меня ждут.

— Да-да, конечно. Я понимаю. Идите, веселитесь, — с неожиданной

ненавистью в голосе сказала Наталья.

...Не стоило ей пить это заряженное чужим отчаянием виски — Ольга поняла это сразу, как только покинула Наталью. К горлу неожиданно подступила давно забытая самолетная тошнота. Не хватало только в таком виде явиться к Марку. Да и Инка поднимет ее на смех. «Так тебе и надо, Лелишна, не нужно тренировок пропускать», — Ольга так и слышала, как Инка скажет эти слова.

Ольга толкнула тяжелую дверь и вышла из бара: несколько минут на свежем воздухе вполне могут исправить положение. Она прошла по вытоптанной дорожке и, сойдя с нее, упала в снег. То, что нужно.

От морозного воздуха тошнота понемногу проходила.

Ольга взяла немного снега в горсть и вытерла им разгоряченное лицо. И несколько минут пролежала с открытыми глазами, глядя в хрустальный купол далекого неба.

Чье-то тяжелое дыхание напугало ее, застало врасплох.

Ольга села в снегу, подавив готовый непроизвольно вырваться крик: собака — огромный лохматый сенбернар — осторожно обнюхивала ее. Ольга инстинктивно прижала руки к груди.

— Не бойтесь! — раздался совсем рядом мужской голос. — Он не кусается. Фу, Джек!

Недалеко от нее остановился молодой человек в ватном комбинезоне и свитере. Отблески вывески на баре причудливо играли с его лицом: оно показалось Ольге чересчур мрачным.

На тяжелой квадратной челюсти, которую венчал неожиданно беспомощный, почти женский рот, застыла красная неоновая полоска. Молодой человек подошел ближе, полоска на подбородке исчезла и переместилась выше, к глазам.

— Вам плохо? — участливо спросил он.

— Нет. Просто дышу свежим воздухом.

— Не стоит лежать на снегу в одном свитере. Можете простудиться.

— Да-да... Я понимаю. Я уже собралась уходить.

— Давайте я вам помогу. — Молодой человек протянул лопатообразную ладонь.

Но руку Ольга не взяла, и она беспомощно повисла в воздухе.

— Вас привез Иона, — сказал парень.

Ну и деревня, все про всех знают. Похоже, до завтрашнего утра они будут местной достопримечательностью, пока не опробуют привезенную экипировку и не смешаются с пестрой толпой горнолыжников.

— А вообще, вас уже ищут.

— Спасибо, — сжав губы, строго ответила Ольга.

Ей очень хотелось потрепать по морде околачивающегося рядом с ней пса, но сделать этого она так и не решилась. Еще неизвестно, как на это отреагирует хозяин.

— Юрик! — раздался вдали чей-то негодующий крик. — Юрик! Сколько тебя можно ждать! За смертью тебя посылать, что ли!..

— Извините. И все-таки не стоит лежать на снегу.

Парень позвал собаку, и через несколько секунд они уже исчезли в темноте. Дождавшись, когда они скроются, Ольга поднялась и побрела к бару. В холле она еще раз столкнулась с Натальей, но на этот раз уже не заговорила с ней, а ограничилась легким кивком головы.

* * *

Ольгу действительно заждались. Во всяком случае, ее встретил издевательский смех Инки и нахмуренное лицо Марка.

Иона сидел за столиком с самым равнодушным видом. На Ольгу он даже не взглянул.

— Где ты ходишь? — набросился на нее Марк. — Мы уже не знаем, что думать...

— Разве Иона вам ничего не передал? — начала было Ольга.

— Нет. А что он должен был передать?

Конечно же, он ничего не передал, другого и ждать не приходится: мелкая месть брату и впечатлительной жене брата, правильной, как пачка презервативов на прикроватной тумбочке.

— Ладно, ничего он не должен был передать.

— По-моему, ты выпила лишнего, кара. — Марк пристально посмотрел на жену, он слишком хорошо знал ее.

— Ну и слава богу, — одобрила Инка. — Все верно, Лелишна! Надирайся до соплей, он будет мыть твою тельце в ванной, уносить в койку в махровой простыне и еще больше любить. Мужчинам иногда нравятся пьющие женщины, они их возбуждают. Это такой вид извращения, за который не предусмотрена уголовная ответственность...

— Похоже на опыт из личной жизни, — не удержался от шпильки Марк.

— Как поплясали? — спросила Ольга, чтобы прекратить этот блудливый поток слов.

— Лучше не бывает. Эта стерва, твоя подруга, отдала мне все ноги.

— Я очень старалась, — скромно заметила Инка.

— Охотно верю. — Ничего не изменится в их отношениях, подумала Ольга. Можно сколько угодно валяться в снегу и пить с незнакомыми женщинами в туалете, но в их отношениях ничего не изменится.

— Ладно, мне пора, — неожиданно сказал Иона.

Похоже, он ждал ее возвращения только для того, чтобы произнести это. У Ольги вдруг упало сердце: так было, лишь когда Марк касался пальцами ее сосков. Но чтобы это произошло вот так, просто, от ничего не значащих слов ничего не значащего человека. Пожалуй, она действительно выпила больше нормы...

— Завтра с утра я зайду за вами. Будьте готовы.

— А за мной? — закапризничала вдруг Инка.

— Вы тоже подходите к их коттеджу. Проверим снаряжение и двинем. Значит, в девять я у вас, Марк.

Иона поднялся из-за столика и направился к выходу.

— Может быть, и мы пойдем? — робко спросила Ольга.

— Пожалуй. Сегодня был длинный день, кара. — Марк обнял ее и притянул к себе.

...Они проводили Инку до гостиницы и решили прогуляться. Это было спонтанное решение, непонятно от кого исходившее: то ли от Марка, то ли от Ольги, то ли от затаившихся в глубине ночи гор.

— Как твой Вальехо? — неожиданно спросил Марк, он всегда был внимателен к невинно-интеллектуальным занятиям жены.

— Не знаю...То есть я знаю, но мне чего-то не хватает. Полноты жизни, что ли... Полноты взгляда на мир. Такой, как у него, — сказала Ольга и сразу же пожалела об этом своем откровении.

Марк остановился, развернул Ольгу к себе и поднял ее подбородок нетерпеливыми пальцами.

— Тебе не хватает полноты жизни, кара?

— Нет, я не так выразилась... Вальехо — это мужское отношение к миру. Очень страстное. А его-то как раз мне и не хватает.

— Конечно. Ты же женщина. Любимая женщина. Моя любимая женщина.

Он поцеловал ее. Он поцеловал ее под высокими, пронзительными звездами, у подножия притихших гор, у сердца притихших лавин, — и это был очень терпкий, очень сладкий поцелуй.

Венецианский поцелуй.

Ну да, вся их свадебная Венеция была исполнена таких поцелуев:

вблизи от черной воды, подгнивших свай, потемневших от времени фасадов. Неужели все возвращается?..

— Похоже на Венецию, правда? — неожиданно сказал Марк, как будто бы подслушал ее собственные мысли.

Ольга вздрогнула и еще крепче прижалась к Марку.

— Я тоже сейчас об этом подумала.

— Правда? А еще о чем?

— О том, что эта наша поездка похожа на второй медовый месяц.

Господи, она соврала! Первый раз в жизни она по-настоящему соврала Марку, своему мужу, которого любила больше всего на свете. Сейчас она думала совсем о другом: как жаль, что Иона не захотел слушать Вальехо... Она бы нашла, что ему почитать.

..Совершенно случайно они оказались на этой маленькой площади, в глухом внутреннем дворике. Ярко освещенная прожекторами, она выглядела просто фантастически: ледяные фигуры, замки, фонтаны из льда, навсегда остановившие свой бег. Подсветка была самой разной, но преобладали синий и красный цвета — именно в них ледяные поверхности скульптур смотрелись идеально. Они бликовали, дышали, жили своей собственной жизнью. Персонажи сказок и мультфильмов были в явном меньшинстве. Всю начинку городка составляли старательно выполненные копии известных скульптур — в основном древнегреческих и древнеримских. Пара вещей Микеланджело и даже «Вечная весна» Родена.

От восхищения Ольга остановилась и прижала руки к груди.

— Ты знал об этом, Марк? — спросила она у мужа.

— Понятия не имел. Похоже на филиал Эрмитажа или Пушкинского...

— Боже мой, как здорово!.. Я и представить себе не могла, что лед может быть так красив...

Некоторое время они, как потерявшиеся маленькие дети, бродили среди всего этого великолепия, расходясь от одной скульптуры, чтобы встретиться у другой. Только один раз они не встретились тогда, когда должны были встретиться.

Ольга обошла весь скульптурный городок: Марка нигде не было. Путаясь в поворотах, проходя сквозь ледяные арки дворцов, она несколько раз окликнула его.

Никакого ответа.

Только звук ее собственного голоса, отраженный, преломленный мертвым прозрачным льдом. Он возвращался к ней измененным и почему-то полным тревоги: как будто хотел предупредить ее о чем-то. В какой-то момент Ольга даже испугалась, она увидела — нет, скорее почувствовала

— легкую темную тень за собой.

— Марк! — неуверенно позвала она. — Марк.

И снова никакого ответа.

— Марк! Марк, не пугай меня!..

Неясная тень за ее спиной переместилась, теперь она была сбоку. Она не приближалась и не удалялась, она находилась на одном и том же расстоянии, которое становилось опасным. Набравшись храбрости, Ольга оглянулась.

— Кто здесь?

Тень мгновенно исчезла. Это было похоже на наваждение.

Теперь ей больше всего хотелось вырваться из этого ледяного городка, из этой хрустальной ловушки. Но сделать это оказалось не так-то легко: она просто заблудилась среди льда.

Где-то — в труднодоступной для нее близости — сверкал огнями главный гостиничный корпус «Розы ветров», а здесь было темно от ярко блестящего льда. И почти тотчас же к Ольге пришло неведомое доселе чувство: ярость, густо перемешанная с тоской. От этой неконтролируемой ярости она даже начала задыхаться. А потом случилась и вовсе постыдная вещь: Ольга бросилась на ближайшую скульптуру (ни в чем не повинный крошечный Микки Маус) и ударила его кулаком.

Мгновенная боль в руке отрезвила ее.

«Господи, что же я делаю?»

Ольга сунула саднящие костяшки пальцев в рот: у собаки заболи, у кошки заболи, а у Оли — пройди... Именно так всегда говорила ей Манана, когда маленькая Ольга разбивала в кровь коленки, падая с велосипеда. Она смазывала их зеленкой, а Ольга не могла дожидаться, когда они подживут, чтобы сдирать коричневую корку. А под ней всегда оказывалась розовая, еще неизвестная ей кожа...

Манана.

Почему сейчас она вспомнила о матери?

Эта секундная ярость, эта тоска, этот вариант клаустрофобии во льду... Боже мой, может быть, нечто подобное испытывала ее мать. Внутри Ольги все похолодело, на секунду она даже стала похожа на одну из скульптур, окружающих ее.

Только не это.

Только не это, только не это... Все, что угодно, только не это... Я не должна, не должна, ну, пожалуйста...

— Марк! — срывая голос, закричала Ольга.

Он появился сразу же, как будто все это время находился поблизости.

Увидев сидящую на вытоптанном снегу жену, он сразу же бросился к ней.

— Что случилось, кара?

— Где ты был? — яростно прошептала Ольга.

— Да здесь же. Я тебя пятнадцать минут ищу.

— Нет. Это я тебя ищу. Ору, ору, а ты даже не находишь нужным отозваться!..

— Да нет же!

Ольга вцепилась в край его куртки; губы ее запрыгали.

— Ты считаешь меня душой? Законченной идиоткой?

— С ума сошла!

Почему он вдруг заговорил о сумасшествии? Почему, почему?!

— Не смей говорить мне такого! — Еще секунда, и она бы ударила

Марка.

— Да что с тобой?

— Никогда не говори мне, что я схожу с ума, слышишь?!

— Хорошо. Только попробуй взять себя в руки.

— Уже взяла, — вдруг улыбнулась Ольга и всем телом потянулась к нему.

Он наконец-то увидел ее разбитый в кровь кулак, крепко сжал и поднес к лицу.

— Ты поранилась, кара?

— Ничего. — Ей вдруг стало стыдно за разыгравшуюся сцену.

«Веду себя как полоумная девчонка, а Марк ни в чем не виноват...»

— Что произошло?

— Я не знаю... Я искала тебя. И потом мне показалось, что кто-то все время следит за мной.

— Что ты, кара! Ну кто за тобой может следить?

— Не знаю... Просто мне стало страшно, а ты не отзывался...

— Ну, успокойся. — Марк обнял ее непроизвольно вздрагивающие плечи. — Твой муж с тобой и никогда не даст тебя в обиду.

— Да-да, конечно.

— Выкинь все из головы. Ты немножко выпила, и потом — столько впечатлений... Я понимаю, у кого угодно голова кругом пойдет.

— Давай вернемся к себе. Я не хочу здесь больше оставаться.

Она действительно не хотела здесь оставаться, Марк видел это: все тело жены была мелкая дрожь.

— Никогда больше сюда не приду.

— Хорошо. — Лучше во всем сейчас с ней соглашаться.

— И ты тоже. Не ходи.

— Не буду.

— Это очень странное место, я чувствую... Эти скульптуры — они как будто живые изнутри. Как будто подсматривают за нами.

— У тебя разыгралось воображение.

— Если бы!

— Впрочем, так и должно быть. — Он улыбнулся и осторожно коснулся губами ссадины на руке Ольги. — У переводчиков с испанского должно быть отменное воображение, ты не находишь?

Кажется, Марку удалось разрядить обстановку: Ольга улыбнулась, чуть застенчиво, — именно эту улыбку он любил в своей жене больше всего.

— Ты чертовски хороша, — прошептал Марк. — Пойдем домой. И закажем чего-нибудь выпить. Кофе, да?

— И немного коньяку. — Ольга полностью оправилась, недавние страхи показались ей смешными, но оставаться здесь все равно не хотелось.

— Хорошо. Немного коньяку и немного любви. Если ты, конечно, не возражаешь.

— Как я могу возражать, милый?..

...До чего же она хороша.

Женщина, которую я ждал. Я ждал именно ее, и она приехала.

Теперь моя коллекция будет полной.

Мне не терпится увидеть выражение ужаса на этом личике. Ужас так идет молодым женщинам, он делает их губы неотразимо-готовыми к последнему поцелую. Он заставляет блестеть глаза. Закованная в лед, она будет еще более прекрасна, чем в жизни. Нужно только выбрать подходящий момент, разлучить ее со спутниками: все должно выглядеть естественным. Она не должна бояться меня. Никто не должен бояться художника, хотя бы потому, что только художник способен подарить бессмертие.

Разве не об этом все мечтают ?

Она, наверное, тоже мечтает об этом.

Проклятая астигматичка не дает мне покоя. Она не может смириться с потерей своего драгоценного Кирилла. Иногда меня так и подмывает показать ей, во что он превратился. Может быть, ей понравится. Может быть, она захочет остаться с ним. Это не входит в мои планы, но все же...

Она должна уехать. Почти слепые видят то, чего не могут

разглядеть все остальные. Это беспокоит меня. Она бесполезная свидетельница, но все же свидетельница. Это плохо. К тому же дурак Вася обнаружил то, чего не должен был обнаружить.

И это тоже плохо. Две оплошности подряд — нужно быть осторожнее. Пока мне удалось справиться с ситуацией. Для этого достаточно было воспользоваться его «Ундервудом». «Ундервуд» придумает новый финал его жизни. А настоящий уже не будет никого интересовать. Когда я заговорил с ним, несчастный Василий даже не знал, чем закончится наш разговор. Настрочить столько детективов и не знать, чем обычно заканчивается разговор с убийцей, — непростительная ошибка с его стороны.

А за ошибки всегда нужно платить.

Он был плохим писателем, но теперь уже никто не узнает об этом. Я читал все его рукописи: даже я написал бы лучше.

Он плохой писатель, а я хороший скульптор. Мне даже не нужно ни у кого искать подтверждение этому. А те, кто все-таки может подтвердить, давно мертвы. Если бы я мог знать, что они чувствуют, находясь подо льдом!.. Если бы я мог знать, что чувствовал Кирилл, когда я подбривал его заострившие скулы этим пижонским «Жиллеттом» из его несесера. И аккуратно смачивал этим пижонским одеколоном «Кензо» его виски. Идея взять несесер, может быть, не самая лучшая. Но бороться с искушениями бесполезно, я понял это много лет назад и теперь живу в полной гармонии с самим собой. Пропажу несесера никто не стал афишировать, здесь я оказался прав.

Я слишком хорошо знаю людей, которые здесь работают. Они мне доверяют, некоторые даже считают меня хорошим парнем вообще и своим приятелем в частности. Так и должно быть, я еще никого не разочаровал. Я не люблю разочаровывать.

Но сейчас лучше думать о женщине, которая приехала.

О моей женщине. Я сразу же понял, что это она: с нежным профилем, с почти идеальной линией подбородка. Что еще нужно художнику? Приручить модель, только и всего. И в нужный момент отсечь лишнее: тех людей, которые ее окружают. Они будут так же стенать по поводу ее исчезновения, как и проклятая астигматичка по поводу своего Кирилла. Но это уже ничего не изменит.

Никогда еще я не был так близок к успеху.

Никогда...

Впервые за последние два дня адская боль в пояснице отступила.

Она отступила как обычно: в час быка, в преддверии утра.

Боль уползла змеей в недра измордованного собачьей жизнью организма: там ее логово, там она будет поджидать самого неподходящего времени, чтобы опять наброситься и не отпускать.

Пал Палыч Звягинцев кряхтя поднялся с кровати и направился к столу, уставленному пустыми бутылками из-под водки и пивными банками. Методично перетряс их, сливая в немый стакан последние капли. Набралось немного, даже меньше четверти стакана. Но этого вполне хватит, чтобы помянуть недобрым словом радикулит и достойно встретить новый день.

Звягинцев подошел к шифоньеру, раскрыл его и с опаской заглянул в утробу прибитого к дверце зеркала.

«Небритая опухшая рожа с двумя трясущимися подбородками, бульдожьей щеки, щетина, как у кабана, свиные глазки с навеки поселившейся в них краснотой — ничего не скажешь, скромный филиал зооуголка средней школы».

С трудом удержавшись, чтобы не плюнуть в собственную физиономию, Звягинцев перевел взгляд на висящую на плечиках одежду. Ни в одну из шмоток он уже не влезал, но расстаться с ними было невозможно: они напоминали ему о совершенно другой жизни, в которой он не носил на своем горбу лишних пятьдесят кг; в этой жизни не было гор и такого ослепительно белого снега: только благословенная бурая жижа под ногами.

Всю свою жизнь Пал Палыч прожил в Питере, на Васильевском острове, под завязку набитом «новыми русскими» и бомжами. Каждый день он исправно ходил на работу в свое родное отделение милиции (угол Малого проспекта и Восьмой линии), исправно посещал по субботам баню, исправно пил там водку и так же исправно возвращался домой.

Жена уже поджидала его со скалкой и исправно охаживала его Пал Палыча. После этого кроткий Звягинцев отправлялся спать. К пятидесяти годам он дослужился всего лишь до капитана. Карьере помешало пьянство и некая лень мысли, следствием чего были дела, которые в основном поручались Звягинцеву: семейный мордобой с нанесением тяжких телесных, коммунальные склоки, кражи белья и мелкое хулиганство.

Впрочем, сам Звягинцев был доволен ни шатко ни валко катящейся службой: на ней можно было без всякого ущерба для здоровья дотянуть до пенсии, а там...

Но все развалилось в один момент.

Погиб Володя.

Володя, его единственный сын, свет в окошке, отцова гордость. Студент университета, тайком от родителей пишущий смешные сказки для детей. Этими сказками даже заинтересовалось одно питерское издательство. Оно даже выпустило тоненькую Володину книжку с уморительными картинками — «Колыбельная для ежика».

Володя погиб нелепо, сорвавшись с крыши их собственного дома, куда залез, чтобы подшаманить задревший лист кровельного железа: лист хлопал на ветру и действовал на нервы всему дому. Мать несколько раз звонила в жилконтору, но кровельщики даже не чесались, и тогда Володя решил исправить положение собственными силами.

Он поскользнулся на влажной от дождя крыше и рухнул вниз с шестого этажа, прямо в залитый асфальтом колодец двора. Удар был страшным: почти все Володины косточки превратились в труху, только лицо не пострадало. На нем застыла удовлетворенная улыбка: до того, как упасть, он все-таки поставил на место злополучный лист...

После смерти сына Звягинцев два месяца пил по-черному: только так можно было заглушить боль, иссушавшую его.

Только так можно было представить, что Володя еще жив.

Пал Палыч чуть не допился до белой горячки; он бросил пить только тогда, когда кончились все деньги в доме. И сразу же обнаружил, что жена ушла от него: она уехала к своей родне в Тосно, чтобы больше никогда его не видеть. Их уже давно ничего не связывало, кроме сына. А с его смертью оборвалась и эта ниточка.

В отделении к горю Звягинцева отнеслись с пониманием, ему даже предложили уйти в отпуск за свой счет. Но он уволился совсем, а через месяц вообще уехал из Питера — жить в доме, который стал погостом его единственного сына, было невыносимо. Из дому он взял только Володину книжку «Колыбельная для ежика».

Звягинцев оказался в «Розе ветров» случайно. Его старый армейский друг как раз набирал штат obsługi для вновь открывающегося курорта. Звягинцеву предложили занять должность секьюрити (сам Пал Палыч предпочитал кондовое русское «охранник», или «вышибала») с самым широким, хотя и расплывчатым кругом полномочий.

Работы как таковой было мало: постояльцы «Розы ветров» были интеллигентными, хорошо упакованными людьми, и пьяные драки и прочие маргиналии здесь не проходили. Случались, конечно, неприятности в виде схода лавин: несколько человек были заживо похоронены под снегом. Если их удавалось откопать, приходило время Звягинцева: он весьма умело составлял протоколы и допрашивал свидетелей — сказывался

давний милицейский опыт. Вершиной его карьеры в «Розе ветров» было дело о краже аметистовых сережек у одной из постоялиц. Даже заплывшие жиром и пропитанные водкой мозги Звягинцева развернулись в нужном направлении: за два дня он расколол нечистую на руку горничную, которую с позором удалили из «Розы ветров». Сережки вернули владелице, а скандал удалось замять не без участия Пал Палыча: у курорта должна быть безупречная репутация.

Звягинцев стал гораздо меньше пить: он хотел сохранить за собой непыльное место секьюрити, а это предполагало следование определенным правилам игры. Теперь он напивался только в ночь с субботы на воскресенье. И единственным свидетелем этих тихих попок была «Колыбельная для ежика», с которой Звягинцев не расставался. Конечно, случались экстремальные ситуации — в горах у Пал Палыча прорезался радикулит: сырой питерский климат послал ему вдогонку прощальный поцелуй. В такие дни водки требовалось больше, чем обычно, но и с этим Звягинцев научился справляться. Он собирался навсегда осесть в «Розе ветров», тем более что в его жизни неожиданно появился горноспасатель Вася Сикачинский.

Их дружба стала неожиданной для самого Звягинцева: ну, что может связывать молодого, полного сил человека и толстого пожилого мужчину, страдающего к тому же одышкой, радикулитом и неумеренной страстью к дешевой водке? Уже потом Звягинцев понял причину: Вася был страшно похож на его покойного сына Володю.

Не внешне, нет. Но Вася писал.

Пусть не сказки, нет. Пусть криминальные истории, но он писал. Он занимался тем же, чем мечтал заниматься его собственный сын. И Звягинцев стал самым благодарным читателем Васиных детективных опусов. Он находил их безупречными.

Сам же Вася намертво приклеился к Звягинцеву: он жаждал невыдуманных историй из жизни преступников и их преступлений. В одну из первых встреч Пал Палыча попутал бес: ему так хотелось понравиться парню, похожему на его сына, что он вдруг сказал Васе, что всю жизнь прослужил в КГБ (голубая мечта беспорочной юности) и даже дослужился до майора (голубая мечта похмельной зрелости). Вася раззвонил об этом среди обслуги, но, как ни странно, это только прибавило Звягинцеву авторитета. И он даже не стремился развенчать этот миф.

Вчера шепотной Васька что-то пытался ему сказать через дверь" что-то очень важное, как утверждал он сам. Но Звягинцев, обессиленный радикулитом, послал его подальше и теперь мучился угрызениями совести.

Нужно пойти к Василию, выяснить, чего тот хотел, и заодно узнать, как проходят поиски Кирилла Позднякова, 1967 года рождения, уроженца города Апатиты Мурманской области. За пять дней мучений с пропавшим лыжником Звягинцев выучил наизусть все его анкетные данные. Сейчас Поздняков проживал в Карелии и активно занимался лесным бизнесом.

Еще более активно он занимался женщинами: во всяком случае, в «Розе ветров». Этого не было в анкете, но сам Звягинцев имел счастье наблюдать за этим непосредственно.

Даже горничная Майя, обнаружившая пропажу несессера (будь он проклят, этот несессер, торчит, как кость в горле!), и то успела переспать с ним.

А за связь с клиентом можно легко вылететь с работы, это точно.

Но самой большой головной болью для Звягинцева была Наталья Владиленовна Запесоцкая, очкастая сорокатрехлетняя мымра из Москвы, насмерть зашибленная поздняковской мошонкой. Наталья Владиленовна, прилипшая к Звягинцеву как банный лист, донимала его никому не нужными показаниями по поводу исчезнувшего в лавине Кирилла, она требовала ускорить поиски (не по адресу обращаетесь, девушка) и привлечь к ним как можно большее число народу (это не моя компетенция, девушка). Первые несколько дней она активно увязывалась за спасателями, которые быстро охладили ее любовный пыл: такими вещами должны заниматься профессионалы.

По настоянию Запесоцкой Пал Палыч уже составил несколько протоколов и теперь бегал от нее как от огня. В какой-то степени радикулит, накрывший Звягинцева, был избавлением от нудной бабы, — за отдых от общения с ней Звягинцев готов был заплатить и большую цену.

Теперь ему предстояло выползти наружу, а значит, снова придется столкнуться с этой фурией. Звягинцев слабо надеялся, что Позднякова уже нашли, и тогда очкарица отстанет от него и полностью сосредоточится на оплакивании обледеневшего тела. А в том, что если Позднякова найдут, то найдут мертвым. Пал Палыч не сомневался: за два года безвылазного сидения в Приэльбрусье он уже привык к горам и знал, что они никогда не отдадут свою добычу. Если уж ухватили. Но он знал и другое: поиски будут вестись, пока тело не будет найдено, — пусть даже и малыми силами.

Но в случае с Поздняковым происходило что-то странное — его тело не могли обнаружить ни приборы, ни собаки, хотя район поисков был предельно сужен и конкретен. Эту странность Пал Палыч относил к ритуальным жестам Приэльбрусья: горам всегда необходимо приносить кого-нибудь в жертву, чтобы они оставляли в покое всех остальных.

Языческая жестокость, но что поделаешь...

По утверждению Запесоцкой, которая якобы последней видела Позднякова, он, несмотря на предупреждение метеорологов, сшивался на трассе для фристайла. Это была заброшенная трасса, к западу от «Розы ветров» и много выше по склону. Ею вот уже год никто не пользовался. Эта трасса имела дурную славу — в прошлом году именно здесь под лавиной безвозвратно исчезли двое слаломистов муж и жена. Звягинцев хорошо помнил их. Милые люди, профессора то ли органической, то ли неорганической химии. Дома они оставили собаку — королевского пуделя, — к которой так и не вернулись. Теперь вот еще и Кирилл Поздняков, уроженец города Апатиты (Звягинцев был в Апатитах один раз в жизни, проездом, и так и не смог сказать о городе ни одного доброго слова).

Что потянуло туда Запесоцкую — понятно, она везде, как тень, бродила за своим ветреным молодым любовником. Но что заставило самого Кирилла выйти на нефункционирующую трассу, так и останется загадкой. Запесоцкая наблюдала за ним издали, чтобы лишний раз не нервировать возлюбленного, а когда пошла лавина, инстинктивно бросилась вниз и в сторону: трах трахом, а о собственной жизни тоже подумать не мешает. И когда Запесоцкая увидела вместо трассы девственно-чистый снег, она поняла, что спасти Кирилла может только немедленное вмешательство спасателей. Но следом за первой лавиной прошла вторая, и шансы Кирилла свелись к нулю. Науськиваемые Натальей Владиленовной спасатели проутюжили трассу вдоль и поперек, но так ничего и не нашли.

Очкастая дьяволица утверждала, что видела рядом с Кириллом какого-то лыжника, но его тело обнаружено не было.

«Дохлый номер, — сказал сам себе Пал Палыч, — сливайте воду». Багаж Позднякова надо упаковывать и отправлять в Карелию, по последнему месту жительства.

Громко сморкаясь и тихо матерясь, Звягинцев натянул на себя мятый костюм, пристроил к подбородкам измочаленный галстук (секьюрити, что поделаешь, нужно соответствовать) и в который раз подумал, что его распирает, как на дрожжах: воротничок на шее не сходится и пуговицы на брюках застегиваются с трудом.

«Куда же меня тащит, мать твою, — в который раз подумал Звягинцев, с отвращением глядя в зеркало. — Прав Васька, нужно заняться этими гребаными лыжами, авось похудею...» Но это были только благие пожелания: за два года, проведенных на горнолыжном курорте, он даже

близко к ним не подходил. А красивый спуск по слаломной трассе с отрогов виделся ему только в ночных кошмарах, приправленных радикулитом.

И, как обычно надев вместо горнолыжного костюма плащ-пальто на ватине и шляпу с заломленными полями (Вася считал ее неотъемлемым атрибутом частного детектива, и она приводила его в восторг), Звягинцев покинул свой номер.

* * *

В домике спасателей Звягинцеву долго не открывали.

Но чутье старого мента подсказывало ему, что за дверью кто-то схоронился. Пал Палыч даже догадывался, кто именно, — и это приводило его в ярость. Дверь сотрясалась под ударами его пудового кулака, явно намереваясь сорваться с петель.

— Открывайте, сволочи! — зычно кликнул Звягинцев.

Как будто послушавшись его призыва, дверь робко приотворилась, и в ней показалась разбойная физиономия Ахмета.

Звягинцев проворно сунул ногу в образовавшуюся щель.

— А... Это ты, Палыч! — Ахмет тщетно попытался изобразить на лице некое подобие радости встречи.

— Нет, это твоя девка из ресторана. — В свободное от остальных женщин время Ахмет активно шастал к одной из ресторанных официанток, напроць лишенной груди и чувства ревности. — Ну и морда у тебя, Ахметка! Остается только кинжал в зубы и на стенд «Их разыскивает милиция».

— Завидуэш, старый черт! — беззлобно осклабился писанный черкесский красавец.

— Завидую, — сознался Звягинцев. Это относилось к поджарой, узкой, как каминная кочерга, фигуре спасателя.

— А я болэю, — непонятно зачем, добавил Ахмет. — Ангина, знаэш...

— Вижу, что болеешь, — промычал Звягинцев, оттесняя Ахмета от двери и просачиваясь в помещение.

Ахмет мягко отступал, с чисто восточным коварством сдавая позиции: он незаметно пододвинул низкую лавку, и Звягинцев, который не видел ничего, что находилось ниже его толстого живота, споткнулся о нее и едва не сломал себе шею.

Ахмет загоготал и скрылся за дверью, ведущей в большую комнату, служащую гостиной.

Звягинцев последовал за ним.

Ахмет быстро одевался. Он уже успел натянуть на себя брюки и теперь возился с рубашкой: торс Ахмета был покрыт невероятным количеством черных упругих волос, которые производили на женщин просто фантастическое впечатление.

Вот и теперь одна из них лежала на широкой низкой тахте, натянув простыню до подбородка. Ее одежда валялась на полу, рядом с тахтой. Звягинцев смерил ее скептическим взглядом: еще одна вырвавшаяся на свободу домохозяйка попала на Ахметов крючок.

А точнее, мощный крюк.

— Значит, болеешь? — еще раз поинтересовался Пал Палыч.

— Никому нэ запрэцэно.

— А это, стало быть, лекарство. — Он кивнул головой в сторону застывшей под простынею женщины.

— Угу.

— Грелка, — тихо сказал Пал Палыч и легонько ткнул Ахмета кулаком в живот.

— Угу.

— Ты время зря не теряешь, — продолжал издеваться Звягинцев.

— Слушай, да! — Невозмутимый черкес наконец-то вышел из себя и прошипел:

— Нэ смэй так о женьщин!

— Ладно тебе.

— Сэрдцэ мое, собирайся, иди к подъемнику... Я скоро буду.

Девушка кивнула головой, не сводя взгляда со Звягинцева.

— Отвэрнис, папаша, — сказал Ахмет. Звягинцев повернулся к девушке спиной и направился в угол, к единственному в комнате письменному столу, там стояла Васькина печатная машинка — устрашающего вида «Ундервуд», похожий на богато инкрустированный гроб.

Сейчас «Ундервуд» был зачехлен, что страшно удивило Звягинцева: Васька никогда не позволял себе ничего подобного, он был слишком ленив, чтобы зачехлять и расчехлять машинку.

— Это еще что такое? — пробормотал Звягинцев себе под нос и почти тотчас же получил ответ. На столе, рядом с машинкой, лежал листок бумаги, заполненный разболтанным ундервудовским шрифтом: «УЕХАЛ В ГОРОД ОТВОЗИТЬ РУКОПИСЬ. БУДУ ЗАВТРА К ВЕЧЕРУ. ПРИВЕТ

ДЕДУ. ВАСИЛИЙ».

Звягинцев озадачился еще больше. С одной стороны, ему польстило, что Васька не забыл старика (привет был адресован ему, Василий давно называл Звягинцева «дедом», и об этом знали все), с другой стороны.

Какую это рукопись собирался отвозить в город Васька?

Последняя, законченная, благополучно отправилась в Москву две недели назад вместе с семейством заводчиков чау-чау, которым Василий так задурил мозги, что они взяли рукопись — лишь бы отвязаться от него.

Рукопись называлась «Танго мертвеца» (Васька обожал подобные леденящие душу названия).

Сразу же после отъезда собаководов Василий засел за новый опус с рабочим названием «Кровавое воскресенье». Он написал всего лишь пятьдесят страниц, в то время как обычный объем его страшилок составлял четыреста. Только Звягинцев был в курсе его графоманской статистики, Васька даже читал ему несколько глав из новой книги. Они не виделись около двух дней, но написать за это время триста пятьдесят страниц физически невозможно. Даже при Васькином прилежании.

Интересно, какую рукопись он повез в город?

Пока Звягинцев предавался размышлениям на эту тему, девушка Ахмета покинула гостеприимный филиал публичного дома, а Ахмет успел полностью одеться.

— Так где Василий? — спросил Звягинцев у черкеса.

— Ты жэ читал. Уехал твой Василий.

— Когда?

Видно было, что вопрос застал Ахмета врасплох.

— Вчэра, навэрное.

— Ты-то видел, как он уезжал?

— Нэт. Нэ было мэня. Он с утра с Казбэком был. Потом нэзнаю...

— Он мне что-то сказать хотел. Несколько раз в дверь ломился. Ты не знаешь?

— Нэт.

Может быть, именно это и хотел сказать Васька, когда осаждал дверь его номера? Что он уезжает отвозить рукопись, что...

«Интересно все-таки, какую рукопись повез в город Васька». Эта мысль гвоздем засела в голове у Звягинцева: за то время, что они были знакомы, Васька покидал «Розу ветров» только один раз, и этот отъезд обставлялся с соответствующей помпой. А теперь вот так, буднично: «Привет деду» — и даже не поинтересовался, нужен ли Звягинцеву табак для старенькой трубки (все, кто отправлялся вниз, обязательно привозили

своему секьюрити табак, а сам Пал Палыч совсем недавно посетовал Ваське на то, что табак кончается).

Звягинцев присел на корточки перед столом и выдвинул ящики.

— Э-э, — возмущился было Ахмет. — А гдэ ордэр на обыск?

— Где-где... В Пентагоне.

Васька всегда печатал свои опусы в двух экземплярах. Первый оставлял себе (чтобы, не дай бог, не покусились на авторские права!), а второй отправлял по назначению. Это было своего рода незыблемым ритуалом. Рукописи занимали два ящика: за все время сочинительства начинающий беллетрист Василий Сикачинский накопил восемь романов. «Кровавое воскресенье» должно было стать девятым.

В ящиках Звягинцев насчитал все восемь первых экземпляров, включая «Танго мертвеца».

Вот только «Кровавого воскресенья» нигде не было. Ни пятидесяти страниц, ни одной. Ни первого экземпляра, ни второго.

Это страшно не понравилось Звягинцеву.

Безалаберный в жизни, Васька был педантом во всем, что касалось рукописей. Первый экземпляр должен лежать там, где должен. И этот порядок вещей неизменен.

Но первого экземпляра «Кровавого воскресенья» не было.

Звягинцев вдруг подумал о том, что вчера было именно воскресенье.

Почему он об этом вспомнил?..

Отъезд Васьки выглядел тухловато, его нельзя было ничем объяснить. Да еще важная новость, с которой Васька рвался вчера к нему в комнату... Все-таки нужно было открыть. Теперь Звягинцев пожалел, что не сделал этого. Чтобы отогнать от себя невесть откуда взявшиеся мрачные мысли, Звягинцев снова воззрился на Ахмета: с Васькой он разберется потом.

— Ну ладно, с этим все понятно. Уехал в город и тэ дэ, — Звягинцев произнес это вслух и вдруг отчетливо понял, что Васька никуда не мог уехать. — А где все остальные-то?

— Влад сам знаэш гдэ. И Юрик тожэ.

Звягинцев вздохнул: значит, Позднякова так и не нашли.

Впрочем, это и так ясно. Если бы поиски увенчались успехом, его бы выдернули из номера — живого или мертвого.

— А Иона?

— К нэму гости.

— Понятно. Ты когда последний раз видел Ваську?

Ахмет наморщил безмятежный лоб и задумался.

— Вчэра утром. Он обещал Казбэку снаряжение подобрать.

— Это еще кто такой?

— Племянник. Отдыхает здесь.

— Ну и как? Подобрал Васька ему снаряжение?

— Конечно!

— А потом куда он делся?

— Слушай, Палыч! Ну что ты ко мне пристал? Я сам только к утру вернулся. Кроме записки, ничего не видел.

Мысль о Васе Сикачинском почему-то не давала покоя Звягинцеву, она терзала его не очень здоровое, заплывшее жиром сердце.

— Значит, Влад и Юрик все еще роют... А где твоего племянника найти?

— Не знаю... Катается, наверно.

— Ну хорошо. Выздоровливай, Ахметка! Пошел я...

...Последующие два часа Звягинцев безуспешно пытался разрешить загадку Васькиного внезапного уезда, больше похожего на бегство. От этого можно было отмахнуться, но две вещи настораживали его: во-первых, исчезновение обоих экземпляров рукописи. И во-вторых — его отчаянные попытки пробиться к Звягинцеву на протяжении вчерашнего дня.

Он ненавязчиво, чтобы, не дай бог, не вызвать нездорового ажиотажа, опросил всех, кого можно было опросить. Большинство сходилось на том, что видели Ваську в самых разных местах вплоть до шести вечера. Портье Сергей, который дежурил вчера, вспомнил, что еще утром Васька взял у него ключ от «Каменного мешка» («И так и не вернул, сволочь, а это уже почти должностное преступление»). Сергей сменился в полночь, и на вахту заступил Иван. А вчера утром Васька приходил с каким-то мальчиком, кажется, племянником Ахмета...

Звягинцев отправился в гостиницу, к Ивану. Собственно, с Иваном уже можно было не говорить, когда он неожиданно увидел то, что совершенно не рассчитывал увидеть.

Ключ от «Каменного мешка», мирно висящий на своем месте.

Звягинцев хорошо знал этот ключ: несколько раз Васька таскал его в «Каменный мешок», чтобы хотя бы попытаться подобрать Звягинцеву снаряжение («Стыдно, Палыч, жить в горах и даже не иметь понятия о том, что такое лыжи!»). Но ничего из этой затеи не вышло.

Звягинцев не спускал глаз с ключа: педант Серый сказал ему, что ключ Васька не вернул, хотя портье дежурил до полуночи. Из «Розы ветров» вышли вчера только две машины: грузовичок «Газель» и джип кого-то из постояльцев. Но обе они покинули базу до восьми вечера.

Конечно, можно предположить, что Васька решил спуститься к

«Приюту орла» — большому курорту, расположенному несколько ниже «Розы ветров». Оттуда даже ходил рейсовый автобус. Но это вообще выглядело самоубийством: ночью, на лыжах, в полной темноте...

Ни «Газель», ни джип еще не вернулись. Но если все-таки Васька и уехал на них, то кто повесил ключ от «Каменного мешка» на свое место?..

"Это старость, — подумал Звягинцев, — самая настоящая старость. Мерещится черт знает что и абсолютно на пустом месте: болезненная мнительность, какие-то странные фобии. Или это вылезает подсознание, оскорбленное и ушибленное многолетней работой в милиции? Или все те мелкие делишки, которые ты вел всю жизнь, теперь мстят тебе, вгрызаясь беззубым ртом в подсознание?"

Кой черт. Пал Палыч Звягинцев, ты же никогда не был аналитиком, лавры всех этих умников в следственных кабинетах и хлыщей, прикуривающих свои сигареты от зажигалок жертв преступлений...

Нужно провериться у психиатра".

Но для того, чтобы провериться у психиатра, нужно было спуститься вниз, в большую жизнь. В ту жизнь, которая забрала у него единственного сына. А этого Звягинцев не хотел категорически.

А пока нужно найти этого самого Казбека, племянника любвеобильного черкеса. И Звягинцев отправился к бугельному подъемнику, ведущему на спуск для новичков. У подъемника в соломенном кресле-качалке и такой же соломенной шляпе сидел Арик Штиллер.

Арик Штиллер был достопримечательностью «Розы ветров». В прошлом году, в межсезонье, Арику исполнилось восемьдесят лет. Скромный юбилей отметили в узком кругу приближенных. Для этого Арика вместе с его качалкой перенесли в банкетный зал ресторана, где ему были преподнесены дорогие горнолыжные очки и торт, довольно точно воспроизводящий ландшафт у «Розы ветров». При этом взбитые сливки имитировали снег, а сам комплекс зданий достойно представляли медовые коврижки. Про тишайшего немца Арика ходили легенды. Поговаривали, что в войну он был егерем знаменитой дивизии «Эдельвейс», отличным горнолыжником и снайпером, снял не один десяток зазевавшихся русских солдатиков, и сам Геринг наградил его Железным крестом за храбрость. Но с Кавказа вместе с «Эдельвейсом» почему-то не ушел, остался здесь и прожил десяток лет на ледниках. А потом прибил к одной из турбаз. В самом конце его длинного пути маячила «Роза ветров», где он и собирался умереть.

И даже место себе присмотрел — в распадке, недалеко от гостиницы.

Арик эти чудовищные мифы об «Эдельвейсе» не поддерживал, но и не

опровергал. Он мирно доживал свой век у бугеля, собирая у «чайников» билеты на подъем.

— Привет, Арик, — заорал Пал Палыч на ухо Штиллеру. — Как жизнь молодая?

Арик пожевал губами, что означало: «Привет, жизнь молодая движется по накатанной колее: никаких слаломных завихрений».

— Ты Ахметкиного племянника знаешь?

Это был праздный вопрос: престарелый Штиллер обладал феноменальной памятью на имена и лица, даже случайные.

— Казбек? — Арик так же аккуратно сжегивал слова, как и кормящая мать — молоко. — Поднялся недавно.

— Покажешь, когда на новый зайдет?

— Покажу.

...Ждать пришлось недолго. Спуск для новичков был самым коротким: что-то около пятисот метров. И через двадцать минут Арик ткнул скрюченным пальцем в маленькую фигурку, хромающую к подъемнику.

Племянник Ахмета был точной, хотя и уменьшенной копией своего дяди: сейчас он плелся в кильватере двух молоденьких лыжниц, тоже направляющихся к подъемнику; на лице тринадцатилетнего Казбека была написана явная заинтересованность этими яркими бабочками в красных комбинезонах. У самого бугеля Звягинцев перехватил мальчишку.

— Ты Казбек?

— А что?

— Ты мне нужен. Отойдем.

Малолетний Казбек бросил тоскливый взгляд на нимф, и Звягинцев сжалился:

— Ладно, успеешь еще накататься. Рассказывай.

— Чего?

— Про Васю.

— А что — про Васю?

— Он тебе снаряжение подбирал?

— А что?

— Вопросы здесь задаю я! — рявкнул Звягинцев.

— Ничего я не сделал...

— Давай по порядку: дядя попросил Васю, чтобы он подогнал тебе лыжи, правильно?

— Ну.

— И вы пошли подбирать лыжи. Правильно?

— Ну.

— Он тебе их подобрал. — Звягинцев уже начал терять терпение.

— Ну.

— И что было дальше?

— Ничего.

Дохлаый номер. Звягинцев даже вспотел, достал из кармана пальто носовой платок, больше похожий на грязную банкетную скатерть, и промокнул им лоб. «С абстрактным мышлением у пацана дело швах. Попробуем пододвинуть его к конкретике».

— Значит, подбирать лыжи вы отправились утром, так?

— В полдесятого, — проявил неожиданную сметливость Казбек. — Сразу после завтрака.

— А почему запомнил? — От неожиданной удачи Звягинцев даже сдвинул шляпу на макушку.

— Завтрак в девять, так я его ждал.

— И вы пошли.

— Да.

— Стали подбирать снаряжение, — снова затянул свою волюнку Звягинцев. — Долго подбирали?

— Не знаю. Нет. Вернее, так. Сначала он нашел мне ботинки. Потом лыжи. Еще нужны были крепления и палки...

А потом сказал, чтобы я ждал его, что он сейчас придет... Что ему кому-то нужно что-то сказать...

И тут Звягинцев вспомнил.

Ну, конечно, первый раз Васька заходил к нему что-то около десяти, он просто ломился в дверь. И даже разбудил Пал Палыча, который всю предыдущую ночь самоотверженно, но безуспешно сражался с радикулитом: именно это и взвинтило Звягинцева. Он посмотрел на часы и только потом послал Ваську подальше.

Было девять пятьдесят две, если верить его «Командирским». Плюс пятнадцать минут, на которые всегда отстают его часы, — итого: десять ноль семь.

Значит, Васька что-то такое вспомнил, если бросил мальчишку в «Каменном мешке» с ботинками, но без креплений.

С лыжами, но без палок. Что-то такое, что не требовало отлагательств. Ведь не за сюжетным же ходом для своего романа отправился он к Звягинцеву.

Тогда о чем он мог подумать? Что вспомнить?

Или — увидеть?

Видя, что толстый дедуган о чем-то задумался, Казбек попытался

ринуться к подъемнику. Но Звягинцев ловко ухватил его за полы куртки.

— Значит, так. Вася подобрал тебе лыжи и стал подбирать палки, так?

— Ну.

— А с чего это он решил уйти, он не сказал тебе?

— Нет. Копался-копался там, чего-то рассматривал, а потом сказал, что ему нужно срочно уйти и что он скоро вернется...

— И все?

— Все.

— А как он выглядел?

— Никак. То есть — обыкновенно.

— Ничем не был... — Звягинцев щелкнул пальцами, пытаясь подобрать слово, — ничем не был взволнован? Или озадачен? Или что-то вспомнил, может быть... Знаешь, как люди что-то вспоминают?

— Хлопают себя по лбу, что ли? — неуверенно предположил Казбек.

— Что-то вроде того.

— Да нет. Не хлопал он себя по лбу. Просто ушел — и все, сказал, чтобы я его дождался.

— Ну, ты дождался?

— Да. Он быстро пришел.

— И что?

— Ругался. Сказал: «Вот старый козел, никогда его нет, когда он нужен».

Да. Старый козел, которого нет, когда он нужен, — это, видимо, он, Пал Палыч Звягинцев. Хотя, с другой стороны, — старый козел не так уж плохо. Мог бы и жирным боровом обзвать. «Зачем же все-таки я ему понадобился?..»

Звягинцев интуитивно чувствовал, что этот неудачный утренний визит как-то связан с неожиданным исчезновением Васи из «Розы ветров». Да и потом, днем, он еще раз пытался прорваться к Звягинцеву.

«И почему я только не открыл», — тоскливо подумал Пал Палыч.

Ладно, ничего уже не исправишь, фарш невозможно повернуть назад, как любил говаривать сам Вася. А вот навестить «Каменный мешок» все же стоит.

Звягинцев отпустил с богом мальчишку, попрощался с мухомором-Штиллером и отправился к портье Ивану за ключом.

Спустя полчаса он уже открывал «Каменный мешок», даже не зная, что может там найти.

Поверхностный осмотр, так же, как и детальный, разочаровал его.

Ничего впечатляющего, кроме давно выработавших свой ресурс лыж и

экипировки. Звягинцев помнил о том, что сказал ему мальчишка: перед тем, как уйти, Вася подбирал ему палки и крепления. Именно их Звягинцев осмотрел в первую очередь, дую себе на пальцы: в «Каменном мешке» было холоднее, чем на улице.

Ничего криминального среди палок и креплений не нашлось.

Еще раз все осмотрев, Звягинцев понял, что визит сюда был совершенно бесполезным. Он уже собрался было выйти из «Каменного мешка», когда заметил на полу крошечный медальон на цепочке.

Это был Васькин медальон, Звягинцев хорошо помнил его: Дева Мария со сложенными в молитвенном экстазе руками. Васька был католиком, хотя и довольно легкомысленным, так что медальон служил ему скорее в качестве амулета.

Кряхтя, охая и опасаясь за собственную поясницу, только что вырвавшуюся из лап радикулита, Звягинцев нагнулся и подобрал серебряную вещицу. Нет, цепочка не была порвана (на что втайне надеялся Пал Палыч), просто расстегнулся замок медальона.

Звягинцев сунул находку в карман — то-то обрадуется Василий, когда узнает, что нашлась его безделушка, — и покинул «Каменный мешок».

Возвратив ключ портье, он направился к себе в номер.

История с Васькой начала казаться ему абсурдной. Равно как и та возня, которую он затеял вокруг нее. Наверняка мальчоньш вернется в самое ближайшее время. Вернется и все объяснит. Излишнюю нервозность и мнительность Звягинцев отнес за счет отступившей болезни, которая несколько ослабила его умственные способности и адекватность восприятия действительности. Такое уже случалось с ним: после приступов он становился нежным и сентиментальным, как одомашненная цесарка.

Чтобы окончательно прийти в себя, он решил выпить пятьдесят грамм спирта из канистры, припрятанной в шифоньере, и заодно дождаться основных сил спасателей: уж они-то все точно ему объяснят. А до этого погадать на любимой книге — «Колыбельная для ежика».

Книга его покойного сына стала для Звягинцева своеобразным цитатником Мао: он находил в ней ответы на все вопросы. Вот и сейчас, развалившись в кресле и хлопнув спирту без закуси. Пал Палыч загадал на ближайшее время и на странное исчезновение Васьки Сикачинского.

Тринадцатая страница, пятая строка сверху.

То, что он прочитал спустя несколько секунд, повергло его в глубокую задумчивость. Пятая строка сверху и хвост шестой на тринадцатой странице книги-прорицательницы гласили: «Запомни, ежик, никогда не следует доверять тому, кто приходит с южного края опушки и возвращается

на южный край: он может причинить тебе зло, потому что способен прикинуться кем угодно».

* * *

Инка, как всегда, опаздывала.

Иона и Марк успели выкурить по три сигареты, даже обычно спокойная Ольга начала нервничать. Наконец Инка появилась в поле зрения. Собственно, это была уже не Инка, а ходячий каталог последних достижений горнолыжного снаряжения. Она двигалась так надменно, как будто ценники с многими нулями все еще болтались на ее новехонькой экипировке. «Ничего не скажешь, отец вложил целое состояние в этот ее горнолыжный каприз», — подумала Ольга. В детстве он мало баловал саму Ольгу — не позволяли финансы. Зато теперь он мог раскошелиться, и Инка виртуозно этим пользовалась. Впрочем, нужно отдать ей должное: ее мачеха, недостигаемый идеал хорошенькой ветреной женщины и лучшая подруга по совместительству, выглядела очень эффектно.

— Я не опоздала? — томно спросила Инка, сдвигая на лоб горнолыжные очки.

— Опоздала, но какое это имеет значение? — ответил Марк за всех. — Прощу, леди, горы поданы!

— Не многовато ли шику? — Иона, судя по всему, тоже умел делать комплименты.

— В самый раз, — на подобные провокации Инка просто не реагировала.

Все они — и Марк с Ольгой, и Инка, и Иона, — представляли собой довольно живописную группу. При этом Иона совершенно явно тянул на роль туземца-сопровождающего.

Все остальные же подозрительно смахивали на пресыщенных нуворишей, решивших убить карманные деньги таким экзотическим способом, как спуск с гор. Ботинки «Lange», фишеровские лыжи; костюмы, в которых можно было смело отправляться на какое-нибудь пати в какое-нибудь посольство какой-нибудь северной страны. Только у Марка был шлем.

Женщины ограничились кокетливыми шапочками, а у Ионы вообще не было никакого головного убора.

Не сговариваясь, Марк и Инка взяли короткие карвинговые лыжи —

они мнили себя спортсменами-любителями.

И только Ольга, ни разу в жизни не побывавшая в шкуре горнолыжника, ограничилась самым обыкновенным классическим вариантом снаряжения: просто и со вкусом, никаких архитектурных излишеств, полное соответствие высокому званию «чайника».

— Ну что, двинули? — спросил Иона.

— Давно пора, дорогуша, — опоздавшая Инка теперь жаждала наверстать упущенное.

— Билеты взяли?

Билеты на право спуска Марк прихватил у портье еще вчера.

Спустя минуту кавалькада двинулась в сторону фуникулера, который должен был доставить их к самому началу спуска.

...Едва они сели в него, как встал вопрос: что делать с Ольгой.

Ольга, по ее собственному признанию, последний раз становилась на лыжи в восьмом классе средней школы, да и то это был массовый забег по целинным землям Подмосковья.

Теперь же предстоял спуск с гор, о котором Ольга не имела ни малейшего представления. Исходя из этого, ее следовало отправить на трассу для новичков, но этому воспротивился Марк: он не хотел расставаться с женой ни на час.

— Тебе не стоит волноваться, — попробовал убедить его Иона. — Я позанимаюсь с ней.

— Вот этого-то как раз я боюсь больше всего, — Марк был предельно откровенен, ему явно не нравились те знаки внимания, которые Иона оказывает Ольге.

— Марк, душка, по-моему, это бред ревности, — проницательно заметила Инка. — Есть такой специальный термин в психиатрии. Не хочешь провериться на сей предмет?

— Не хочу, — отрезал Марк.

На некоторое время они замолчали, зачарованные открывающимся с фуникулера пейзажем. Горы были так красивы, так совершенны, так девственно-чисты, что у Ольги даже защемило сердце. Внизу проплывали верхушки сосен, слаломные вешки, густо утыканые игрушечными фигурками лыжников. «Роза ветров» осталась далеко внизу, ее здания походили теперь на детали яркого детского конструктора. Ольга вдруг подумала о парне, пропавшем несколько дней назад.

Должно быть, он тоже поднимался на этом фуникулере, — может, даже сидел на том месте, на котором сидит она... А горы не стали церемониться с ним, уволокли в укромный уголок... Должно быть, в горах полно

укромных уголков, так же, как и в душе любого человека. И в каждом из них лежат под снегом мертвые лыжники: измены, тайные желания, о которых никому невозможно рассказать, подавленные страсти, неутоленные амбиции... Важно не наткнуться на них случайно и не вытащить на свет.

Впрочем, не стоит об этом беспокоиться, ты всегда была образцом уравновешенности, Ольга. Тебе и в голову не приходило изменить мужу, попросить у отца денег на машину, просрочить переводы для издательства больше чем на восемь дней. Даже лыжи ты выбрала классические, без особых притязаний...

...Через несколько минут фуникулер выплюнул их на хорошо утрамбованной площадке. До начала спуска было не более ста метров.

— Вам не кажется, что здесь слишком много соискателей? — неожиданно спросила Инка.

— В каком смысле? — удивился Марк.

— В самом прямом. Тут людей больше, чем в Ялте в разгар купального сезона.

— А ты хотела, чтобы их было как в областном театре на премьере производственной пьесы современного автора?

— Хотя бы!..

Впрочем, сетования Инки были явно преувеличены: лыжников в обозримом пространстве вряд ли набиралось больше двух десятков.

— Да какая тебе разница?

— Видишь ли, Марик, душка, скоростной спуск — это дело интимное. Почти как бритье ног. Хотелось бы, чтобы было как можно меньше свидетелей.

— Свидетелей чего? Бритья ног или твоих подвигов на лыжах?

— Того и другого.

— Ну извини.

— Вы можете мне закрепить лыжи. Иона? — Инке надоело препираться с Марком, и она переключилась на его брата.

— Конечно, — Иона улыбнулся. — Обожаю этих «новых русских»...

— Всех подряд или выборочно? — неожиданно для себя спросила Ольга. И вдруг поймала себя на том, что в ее голосе прозвучало именно то легкомысленное кокетство, которым всегда отличалась Инка. Если так пойдет и дальше, то придется сделать короткую стрижку и называть своего собственного мужа «Марик, душка».

— Всех подряд.

— Чему обязаны такой высокой честью? — Инка подмигнула Ольге,

что-что, а быть «новой русской» ей нравилось.

Если учесть, что большую часть своей жизни она провела в благородной бедности, визитной карточкой которой была зарплата ее матери — воспитательницы в интернате для детей с замедленным развитием.

— Интересно за вами наблюдать, — с готовностью ответил Иона, видимо, он уже давно подготовил эти тезисы, вот только развить их пока не представлялось возможности. — Накупите себе снаряжения на многие тысячи долларов, два раза спуститесь с отключенным задом и на прямых ногах — и все... На этом ваши привязанности к лыжам заканчиваются.

— Что — «все»?

— Отправляйтесь в бар, требовать водки, цыган с медведями и винтовку для стендовой стрельбы.

— Почему же винтовку? — спросил Марк.

— Ну, не винтовку, — Иона пристально посмотрел на брата. — Романтических шлюх для финской бани. С обязательным разрядом по прыжкам с трамплина.

— По-моему, вы им завидуете. Иона! — засмеялась Инка. — Этим замечательным парням — «новым русским»...

Марк не стал дожидаться завершения дискуссии. Он выбрал для себя самое подходящее место для начала спуска: это не была хорошо вылизанная трасса, ради которой они поднялись сюда. Марк взял левее по склону, и теперь все они хорошо видели, что он ринулся вниз по глубокому снегу, в котором изредка мелькали проплешины наледи.

Это был показательный спуск — Ольга чувствовала, что Марку особенно важно пройти его, иначе бы он не был самим собой. Впрочем, все эти мысли тотчас же вылетели у нее из головы — то, что делал Марк, завораживало ее: он несся в рыхлом, нетронutom снегу, бросая вызов силе тяготения.

Иногда он почти ложился на склон, вписываясь в поворот.

Иногда Ольге казалось, что он упадет, и падение будет страшным. Только сейчас она заметила скалу, припорошенную предательски тонким слоем снега. Эта скала незыблемо высилась на пути Марка.

И тогда нервы ее не выдержали: она повернулась лицом к Инке — только бы не видеть возможного падения — и сжала кулаки. Ольга уже готова была зажмуриться, вот только выражение Инкиного лица остановило ее: суженные волнением зрачки, сжатые губы... Кто бы мог подумать, что Инка, не терпящая Марка по определению, так переживает за него!..

— Как там? — спросила Ольга подругу прерывистым шепотом. Впрочем, она уже знала, что все в порядке: лицо Инки разгладилось, а глаза наполнились влажным восхищенным светом.

— Смотри, Лелишна! — не удержалась Инка.

Смотри, опасности нет, говорили ее раздувающиеся ноздри. Ольга повернулась и увидела Марка в момент взлета над скалой: он действительно летел! Жесткий силуэт на фоне ослепительно яркого неба...

— Что скажете. Иона? — спросила Инка, когда Марк благополучно приземлился и скрылся внизу.

— Только то, что он знает толк в лыжах, — надменно сказал Иона, и это была единственная похвала, которой удостоился Марк. — Выбрал самые лучшие. Они сами все делают, только и всего.

Только и всего!

Это было так чудовищно несправедливо, что у Ольги даже выступили слезы на глазах. Конечно же, она знала, что Марк действительно выбрал самые хорошие лыжи, — он говорил ей об этом вчера, после того, как они вернулись из бара. Говорил только затем, чтобы отвлечь Ольгу от тягостных воспоминаний о снежном городке со скульптурами.

«Это замечательные лыжи, Ольга, они делают потрясающие вещи... Это как будто гонки на мотоциклах, так же захватывает дух...» — «Разве ты когда-нибудь имел дело с мотоциклами, Марк? Ты ведь никогда не отличался тягой к экстремальности, даже свой „Фольксваген“ водишь предельно собранно: ни единого штрафного балла в правах...» — «Это потому, что я даю взятки гаишникам, кара, а сам я прирожденный лихач...»

"Марк, Марк, как же все-таки я мало знаю о тебе! И как мне нравится то, что я о тебе узнаю... Мотоциклы, лыжи — теперь еще этот фантастический полет над обледеневшей скалой..."

Что же, есть дополнительный повод, чтобы в очередной раз по уши влюбиться в собственного мужа..."

Ольга была так занята собственными мыслями, что даже не обратила внимания на то, что пикировка между Инкой и Ионой обострилась: похоже на то, что Инка выбрала братьев Красинских мальчиками для битья.

— По-моему, он вполне профессионально спустился, Иона.

Вы не находите?

— Для начала неплохо.

— «Неплохо»! — даже Инка при всей нелюбви к Марку не могла не отдать ему должное. — Может быть, рискнете повторить его подвиг, а? Покажете класс?

— Может быть.

— По той же траектории. Я имею в виду скалу:

— Может быть.

— Тогда вперед, а за нашей начинающей я присмотрю.

Иона быстро взглянул на Ольгу и почесал переносицу.

— Если будете спускаться, лучше это делать на оборудованной трассе. Возьмете чуть правее от этого места. Это несложно, там все катаются. Хотя, конечно, лучше вам дожждаться нас...

— Когда это еще будет! — Инка с сомнением посмотрела вниз: спуск был довольно длинным.

— А вам бы я вообще не рекомендовал, Ольга, — продолжил Иона. — Здесь слаломный вариант, новичку его не осилить. Еще наткнетесь на вешки...

— Не наткнется, — отрезала Инка. — Она вообще может не спускаться, дождется вас. Позагорает пока. Ты как, Лелишна?

Ольга промолчала. Что тут можно сказать...

— Ну, давайте. Иона!

— Не нужно, — вдруг тихо сказала Ольга.

— В смысле — не нужно? — Инка удивленно посмотрела на подругу.

— Оставайтесь здесь. Иона. Покажете мне азы.

— Да ладно тебе! Пусть спускается. Он ведь все-таки абориген... Вдохновит живым примером.

Ольга вдруг подумала о том, что Иона не сможет повторить полет Марка: она ничего не понимала в горных лыжах, но Марк успел преподать ей несколько теоретических уроков.

При прочих равных условиях все дело в лыжах. Иона прав.

Из всех возможных Марк действительно выбрал самый оптимальный вариант: короткие, суженные в середине лыжи давали ему необходимое преимущество. У Ионы лыжи были самые обыкновенные, несмотря на то что он безвылазно жил в горах. А вдруг Иона не сможет повторить все то, что делал Марк, не впишется в поворот...

Что тогда?

Она даже тряхнула головой и запоздало рассердилась на себя: откуда этот страх за человека, с которым она познакомилась только вчера?.. Она боялась за Марка, исчезнувшего внизу, — но это был спонтанный, сиюминутный страх. Страх за Иону возник подспудно и теперь тихо тлел на самом дне души...

Не говоря ни слова. Иона оттолкнулся палками и отправился к тому месту, с которого начинал свой спуск Марк. На снежной целине виднелся едва заметный след от его лыж.

Через секунду Иона проложит свою собственную траекторию: и обе они пересекутся только возле скалы.

...Иона шел так же уверенно, как и Марк, вот только дуги его поворотов были несколько шире. Он успешно преодолел трамплин скалы и на секунду завис в воздухе. И снова Ольга зажмурилась. Спустя секунду Инка подтолкнула ее локтем:

— Все в порядке, Лелишна. А нервы, как я посмотрю, у тебя ни к черту. Нужно было взять с собой нашатырь, чтобы приводить тебя в чувство.

— Да нет, все в порядке...

— Ты думаешь? — Инка с сомнением посмотрела на подругу. — А по моему, далеко не все в порядке.

— Что ты имеешь в виду?

— Я бы сказала, что у подножия этих гор нас ждет чье-то разбитое сердце. И, возможно, не одно.

Ольга вспыхнула. В этой фразе была вся Инка. Она никогда не отличалась особо развитым интеллектом, и самым серьезным писателем, которого она осилила, был Артур Конан Доил. Ее пучило от любимого Ольгой Стравинского, даже безобидная виолончель Мананы, стоявшая в их загородном доме, вызывала у Инки приступы острой тоски. Но во всем, что касалось отношений между женщиной и женщиной, Инка проявляла чудеса проницательности. Ее изощренный женский ум, воспринимавший жизнь как бесконечный флирт, был в состоянии просчитать и запомнить любые комбинации. И каждая из этих комбинаций срабатывала безошибочно.

— Что ты имеешь в виду? — тихо спросила Ольга.

— Еще пара дней, и эти гамбургские петухи будут драться из-за тебя.

— Я не понимаю...

— Да ладно тебе! Такие вещи понимает любая женщина.

Вот что, Лелишна: вылезай-ка из своих гишпанских стишков и посмотри на мир широко открытыми глазами.

— Я люблю Марка, — неожиданно сказала Ольга.

Господи, это же и так ясно! Она любит своего мужа... Ольга вдруг поймала себя на мысли, что говорит это вовсе не для Инессы, а для себя. Так обычно заучивают текст, чтобы не забыть его: разбивая на смысловые категории, запоминая ключевые слова. Именно так учила ее Манана, когда была жива: смысл — ключевое слово.

Я люблю Марка.

Смысл — «Я люблю».

Ключевое слово — «Марк».

Или «Марк» уже не является ключевым словом? Именно об этом ей сказали дерзкие глаза Ионы.

— Ты можешь любить кого угодно, — жестко сказала Инка. — Дело не в тебе.

— Вот как? — Ольга почувствовала укол самого обыкновенного женского.., нет, бабского самолюбия. — Дело в них самих. Не очень-то они ладят, это видно невооруженным взглядом. Особенно младшенький старается. Я понимаю, горы — это романтика. Но сидеть здесь целый год с голой задницей, периодически выгребая из завалов остатки «Завтрака туриста»... Чье угодно самолюбие взвоят. А тут приезжает богатый братец, да еще с женой... Сам бог велел ее соблазнить. А ты же знаешь, чем соблазняют мужчины...

— Чем?

— Деньгами, если есть. Или членом. Если есть.

— Господи, о чем только ты говоришь!

— Об анатомии, Лелишна, об анатомии. Анатомия страсти так же примитивна, как и анатомический атлас человека: берцовые кости, тазобедренные кости, плюсна и двенадцать пар ребер.

— Звучит устрашающе.

— Только звучит... На самом деле — ничего опасного. Слушай, неужели ты никогда не изменяла своему мужу?

— А ты?

Это был провокационный вопрос: ни Ольга, ни тем более Инка ни на минуту не забывали, что Игорь Анатольевич — отец Ольги. Это доставляло некоторые неудобства в общении. Еще в институтские годы Инка обожала делиться сексуальными впечатлениями с подругой, в этом была маленькая слабость, делавшая Инку просто неотразимой. Теперь же на эти темы было наложено табу — из соображений морали.

— Знаешь, о чем я думаю? — перевела разговор Инка.

— О какой-нибудь гадости.

— Ну что ты! Мы с Игорем серьезно подумываем о том, чтобы подарить тебе братца или сестренку. Как тебе такая мысль?

— Я в восторге.

— Игорь хочет мальчика.

Конечно же, мальчика, это и так понятно. Мальчика. Наследника состояния. Сейчас отец сможет дать ребенку все, включая какой-нибудь сумрачный старомодный Кембридж.

Или Оксфорд. Хотя... Странно, что Инка вообще об этом заговорила. Несколько лет назад у них уже был разговор о детях — тогда Инка сказала

с пренебрежением: «Сопли, пеленки, растяжки, геморрой, грудь обвиснет, морда оплывет... Нет, Лелишна, это не для меня...»

— Ну что, прокатимся, пока я еще не беременна? И не живу в кошмарном режиме от овуляции до овуляции.

Ольга улыбнулась. Теперь она понимала, что так привлекает к Инке мужчин: немного тяжеловатый циничный юмор, который вполне может сойти за интеллектуальный флирт.

А вкупе с обаятельной мордашкой и мальчишеским затылком это вообще термоядерная смесь. Ольга — совсем другое дело. Она красива — гораздо более красива, чем Инка, — но это банальная, немного пресная красота. Над Ольгой, еще с ранней юности, довлела одна-единственная, неважно переведенная строчка из «Мужчины и женщины», ее любимого фильма: «Петь самбу без грусти — все равно что любить женщину только за то, что она красива».

Просто красива, и все. Никакой изюминки.

Интересно, почему Марк — ее умница муж, блистательный циник, выбрал именно ее, Ольгу. По всем объективным критериям Инка подходит ему гораздо больше. Интересно, когда они появятся здесь — Марк и Иона? И кто из них будет первым?..

Ольга шла следом за Инкой к оборудованному спуску: новички в горах должны четко придерживаться всех инструкций.

— Ну, я полетела! — сказала Инка, ерзая на лыжах по утрамбованному снегу. — Что передать мальчикам, если встречу?

— Пламенный привет.

— Заметано! Может быть, рискнем вместе?

Инка всегда была безжалостна. Она прекрасно знала, что Ольга первый раз стала на горные лыжи, что термины «плуг» и «полуплуг» для нее такой же пустой звук, как и словосочетание «меламино-формальдегидные смолы», — и все равно тащит ее вниз.

— Нет, — Ольга покачала головой, — лучше я на вас сверху посмотрю.

— Ничего страшного здесь нет, — в отсутствие двух опытных горнолыжников Инка осталась за главную и не отказала себе в удовольствии покуражиться. — Я, между прочим, с первого раза съехала. Вполне удачно.

— Верится с трудом.

— Правда-правда...

— Я буду ждать Марка.

— Марка или Иону?

— Я буду ждать своего мужа.

— Ты когда-нибудь отлипаешь от его гульфика, Лелишна?

Ты же взрослая девочка...

Не дождавшись ответа, Инка сильно оттолкнулась и соскользнула вниз, по склону, утыканному вешками. Сначала она шла неуверенно, но потом собралась и вполне неплохо преодолела дистанцию, умудрившись не упасть: во всяком случае, пока находилась в поле зрения Ольги.

Проводив ее глазами, Ольга повернулась к солнцу, подставила лицо его лучам и закрыла глаза. Так она простояла несколько минут, пока совсем рядом не услышала чей-то голос:

— На вашем месте, Ольга, я бы так не рисковала в первый день!

Ольга вздрогнула и обернулась.

Наталья. Та самая женщина, которая, стая, пила виски в женском туалете. Теперь она стояла рядом с ней, уже немного подшофе — это было видно Ольга поморщилась. Марк говорил ей, что пьяных не пускают даже на подъемник, но, с другой стороны, если есть деньги и яростное желание... Наталья была без лыжных палок, на голове — повязка из сложенной в несколько раз банданы. Странно, что при таком обилии трасс они столкнулись именно на этой. Несчастная летучая мышь как будто преследует ее. Прошлым вечером в баре было совсем другое освещение, и она показалась Ольге гораздо старше. Сегодня же подретушированный солнцем жесткий овал лица выглядел почти юным. И сегодня, во всяком случае — сейчас, — она была без очков. Тяжелые толстые линзы, несомненно, портят ее, неужели она этого не замечает?

— Я не рискую, — рассудительно сказала Ольга. — Вряд ли вообще я спущусь сегодня вниз. Во всяком случае, своим ходом.

— Значит, вы первый раз в горах? — Наталья позволила себе улыбнуться. — Поздравляю... Хотя я имела в виду вовсе не спуск. Не стоит так безрассудно подставлять лицо. Ультрафиолет. Кожа начнет слезать клочьями. Солнце здесь беспощадное. Здесь все беспощадное.

Наталья слотнула.

Ну, конечно, она все еще не может прийти в себя после исчезновения того парня. Ольга вдруг испугалась за нее. Подниматься наверх в таком состоянии — для этого нужно иметь веские причины.

— Может быть, спустимся вместе? — неожиданно предложила она Наталье. — А вы мне поможете. Проинструктируете.

— А где же ваши спутники?

— Там, — Ольга сделала неопределенный жест рукой.

— Бросили вас? — В словах Натальи Ольге почудилось странное

болезненное удовлетворение: она вкладывала в него сразу несколько смыслов. — Меня тоже бросили. Но я не расстраиваюсь. Я привыкла. А вам лучше бы отправиться на трассу для новичков.

— Хорошо.

— Хотите посмотреть, как это произойдет?

— Что?

— Что-нибудь, — Наталья хихикнула. — Что-нибудь всегда происходит.

— Послушайте... — Ольга замялась. — Почему вы не носите контактные линзы? Они бы вам наверняка пошли.

— А что? — насторожилась Наталья.

— Очки вас старят... Вы же молодая женщина. И отлично выглядите без очков.

— А может быть, мне нравится так выглядеть, Ольга, — с вызовом ответила Наталья и тут же смягчила резкий тон:

— А вообще — спасибо. Редко встретишь женщину, способную на комплимент другой женщине.

— Не стоит благодарности, — улыбнулась Ольга. — Но, честное слово, в очках — вы совершенно другой человек.

— Тогда, пожалуй, стоит спуститься вниз.

И прежде, чем Ольга успела что-нибудь сказать, Наталья оставила ее.

"Получается неплохо, — отметила про себя Ольга, — меня окружают пижонистые профессионалы, надо же! А без палок получается даже эффектнее.

Ничего она с собой не сделает, напрасно я боялась".

— Опять вас донимает эта сумасшедшая? — Ну, конечно же, это Иона. Он уже вернулся: самый добросовестный из ее попечителей.

— А где Марк? — спросила Ольга.

— А где ваша подруга?

— Укатила. Где Марк?

— Не знаю. — Перехватив исполненный тревоги взгляд Ольги, Иона ободряюще улыбнулся. — Да вы не волнуйтесь, я видел его внизу. Он благополучно приземлился.

— А почему же он не поднялся ко мне?

— Не знаю.

Ольга даже не успела обидеться: Иона лихо подкатил к ней вплотную, высекая из-под лыж ослепительно яркие брызги снега. Оказавшись в опасной близости от молодой женщины, Иона положил руку на перчатку Ольги.

— Ну что, приступим к обучению?

— Потащите меня на трассу для новичков? Мне ее все настоятельно рекомендуют. С самого утра.

— Нет. Хочу предложить вам альтернативный вариант.

— Это далеко?

— Ближе, чем вы можете себе представить.

Ольга еще раз внимательно осмотрела окрестности и маячащую где-то вдали тушу фуникулера. Никакого намека на любимого мужа. «Ну и черт с тобой, Марк, раз ты так ко мне относишься! Укачу с твоим братом и буду кокетничать с ним напрапалую».

— Я согласна. Только предупреждаю — я не очень хорошая ученица.

— А я не очень хороший учитель. Так что мы квиты.

— Учтите, вы взваливаете на себя непосильную ношу.

— Посильную.

Иона так откровенно и недвусмысленно заглянул ей в глаза, что Ольга даже не нашлась, что ответить. Вот Инка — та обязательно придумала бы что-нибудь веселенькое, что-нибудь пикантное, как раз на грани фола. Ольга же не нашла ничего лучшего, как попытаться пожурить Иону:

— По-моему, то, что вы делаете, называется запрещенным приемом.

— Запрещенным для меня или для вас?

— Для вас. Он все-таки ваш брат.

— В некоторых вещах каждый за себя. Впрочем, у вас ведь тоже есть возможность выбрать.

— Все, хватит. Я не хочу больше ничего слушать. Если вы собрались учить меня — учите.

...Они шли очень медленно: Ольга нарочно едва передвигала ноги, чтобы заставить Иону хоть немного позлиться. Но он оказался терпелив, хотя расстояние, которое они преодолели за полчаса, он мог бы покрыть за пять минут.

— Ну вот мы и на месте. Как вам лягушатник?

— Вполне.

Место действительно оказалось замечательным: с трех сторон его окружали скалы, вниз же несколькими уступами уходил относительно пологий склон, который заканчивался небольшим, гладким, как стол, плато. Иона спустился к плато несколько раз — с самой разной скоростью. Закончив обкатку, он снова вернулся к Ольге.

— Снег отличный, Ольга, вам будет легко.

— А я... — настороженно спросила Ольга.

— Нет, с плато вы не свалитесь, даже если разовьете крейсерскую

скорость. Ну что, созрели к восприятию нескольких теоретических уроков?

— И даже перезрела.

В течение последующего часа Иона показывал Ольге основные приемы спуска и подъема, корректировал посадку, нагрузку на лыжи и радиус поворотов.

— А ноги держите пошире, Ольга, у вас ведь карвинговые лыжи... Узкое ведение теперь не актуально. Вы поняли меня?.. Если попадетсЯ лед — давите на лыжи полностью, а связка будет выглядеть так: влево, вправо, длинный поворот, короткий поворот, легкое скольжение...

Как ни странно, она совсем забыла и о Марке, и об Инессе, ей нравилось все-близкие скалы, почти смыкающиеся над головой, твердый крупнозернистый снег, скольжение нежной, почти восковой поверхности лыж. Она даже съехала с первого уступа — осторожно и старательно. Она вообще была осторожным человеком.

— Ну что? — спросила она у Ионы, когда в очередной раз поднялась наверх.

— Неплохо, — сказал он, впрочем, без особого энтузиазма. — Совсем неплохо. Только...

— Что? Я делаю что-то не так?

— Все так, только очень уж старательно.

— Я думала, что как раз это не является недостатком. — Щеки ее вспыхнули. Непонятно почему: неужели ей так хочется нравиться этому человеку? Нравиться и во всем оправдывать ожидания.

— Это не недостаток. Просто для горных лыж одной старательности маловато.

— Нужно что-то еще? — допытывалась Ольга. Впрочем, все и так ясно: вставать рано и тренировок не пропускать. Терпение и труд все перетрут.

— Вдохновение. Именно так. Вдохновение.

Марк, в лексиконе которого не было таких безнадежно устаревших слов, называл это куражом. Или — после фуршета с иностранными инвесторами, на псевдоанглийский манер — драйв: термин стареющих хиппи, инвалидов Вудстока.

Кураж — вот чего всегда не хватало Ольге. С вдохновением все было проще, стоило только открыть Сесара Вальехо и погрузиться в его поэзию. Но, видимо, у Ионы были совсем другие представления о вдохновении.

— Вы когда-нибудь занимались любовью?

— Я не давала вам права... — Ольга покраснела.

— Вы не поняли... Я не хотел вас обидеть. Я просто хотел сказать...

Ведь для того, чтобы заниматься любовью, тоже нужно вдохновение...
Иначе это просто акробатика... Фристайл...

Не больше.

— Для того, чтобы заниматься любовью, нужно любить.

Только и всего, — с тихой злостью сказала Ольга и — неожиданно для Ионы — понеслась вниз.

К черту эти уступы, к черту это плато, только сейчас нужно пригнуться и перенести тяжесть на внешнюю лыжу, кажется, именно так учил ее Иона... К черту этого Иону с его дурацкими постулатами, сопляк, даже понятия не имеющий о любви... Как он мог, как он только посмел, что он может знать... Случайные девочки в случайно подобранных горнолыжных ботинках, необязательные поцелуи, от которых за версту разит пивом, шары в кегельбане, презервативы, небрежно заткнутые в задний карман джинсов; ломти жареного картофеля на простынях, в узкой щели между двумя телами, — вот и вся его любовь... Вот и все его вдохновение в любви...

Она не выдержала темпа, она не справилась с поворотом — и покатила вниз по склону, путаясь в лыжах и палках, путаясь в презрительных словах, которые собиралась сказать Ионе, но так и не сказала...

Сопляк, самоуверенный сопляк, положивший взгляд на то, что ему не принадлежит. Позволивший себе так ненавязчиво хамить... Кажется, все в порядке, даже колено не беспокоит, а ведь она ударила коленом...

Ольга лежала в снегу и не шевелилась.

Да, ее первый спуск прошел удачно, переход Суворова через Альпы, ничего не скажешь. Она повернула голову, стянула перчатку, помогая себе зубами, — и захватила горсть снега.

Снег оказался сладковатым на вкус: ни дать ни взять сахарная вата, которую покупал ей отец на дальних подступах к ГУМу. Втайне от Мананы, которая всегда говорила, что девочки должны есть черемшу, а не сахарную вату. От черемши лучше растут волосы, а от сахарной ваты портятся зубы...

Иона подкатил через минуту (опаздываете, адъютант его превосходительства!) и упал в снег рядом с Ольгой. Совсем близко она увидела его взволнованное лицо.

— Не ушиблись?

— Цела, не радуйтесь.

— Обиделись на меня?

— С чего вы взяли? И не думала обижаться...

— Простите... Я не хотел. Не хотел задеть вас.

— Вам нужно очень постараться, чтобы задеть меня.

— Звучит как вызов.

— Нет. Всего лишь как констатация факта.

Нет, он не собирался вставать: совсем напротив, устроился поудобнее рядом с Ольгой и даже подложил руку под голову.

Все-таки Ольга слишком долго блуждала глазами по небу.

Теперь для того, чтобы рассмотреть лицо Ионы (видит бог, она не хотела его рассматривать!), ей пришлось даже прищурить глаза. И только спустя несколько секунд стали проступать его черты — лоб, скулы, подбородок.

Она услышала прерывистое дыхание Ионы.

— Я, кажется, готов.

— К чему?

— К вашему Сесару Вальехо... Я правильно произнес?

— Да.

— Так как? Вы ведь обещали почитать... То, что переводите.

Плевать ему было на Вальехо и на все переводы с испанского вместе взятые. Совсем другое его интересовало.

— Что же вам почитать? — насмешливо спросила Ольга.

— Не знаю. Что-нибудь из любовной лирики.

— У него нет любовной лирики. Он слишком озабочен смертью, чтобы тратить время на любовь.

— Неплохо сказано. Вы хороший переводчик?

— Не знаю. Думаю, что не очень.

Он придвинулся еще ближе. «Нужно встать, — вяло подумала Ольга, — ситуация выглядит двусмысленной. А что, если сейчас появится Марк?..» Но, решив подняться, Ольга даже не пошевелилась. Настойчивость Ионы злила ее, но, как ни странно, не была неприятной. Ольга вздохнула: пора открывать забрало и действовать так, как в таких случаях действует Инка.

— Вы решили пофлиртовать с женой брата? — Ольга попыталась вложить в эту реплику всю иронию, на которую только была способна.

Но кавалерийский наскок не удался: Иона оказался непробибаем. Пора бы уяснить себе это и успокоиться на его счет.

— Нет, — просто сказал Иона, — я не собираюсь с вами флиртовать.

— Почему же? — Ольга даже обиделась. Уроки Инки не прошли даром, особенно их практическая часть. Сейчас она легко и просто, легким движением бедра поставит зарвавшегося субчика на место.

— Потому, что я собираюсь сделать совсем другое...

— Не стоит. Иона...

Они были слишком близко, чтобы не понимать друг друга.

— Я знаю, что не стоит, — сказал он.

— И все же...

Его жесткое лицо нависло над Ольгой, как печальный свод sklepa, в котором будет похоронена ее ясная, ничем не замутненная любовь к Марку. Любовь, в которой были тени деревьев на стене (окна их спальни выходят на южную сторону); кофе и тосты по утрам, семейные ужины у отца, Венеция, поиски галстуков к костюмам и носков к галстукам. Обязательный поцелуй в плечо перед сном — «Спокойной ночи, кара!..»

Нельзя допустить, чтобы этот вероломный сопляк, нахрапистый младший брат, губы которого...

Темные пересохшие губы которого сейчас сделают то, чего она хотела больше всего...

Ольга собрала остатки сил, зажмурила глаза и тихо сказала:

— Нет.

Она сказала «нет», и ничего не произошло. Сквозь веки проникал мягкий свет — его лицо больше не заслоняло небо.

Ольга открыла глаза. Иона уже стоял рядом с ней, опираясь на палки.

— Давайте руку, — самым будничным голосом сказал он.

Господи, как глупо она выглядела. Лежала в снегу, придумывая идиотическую историю любви с горным пейзажем на сладкое... Ольга засмеялась: ловко же он ее провел, этот инструктор по лыжам и горноспасатель по совместительству.

Она готова была изменить собственному мужу, хотя никто не требовал от нее этой жертвы.

Дура, дура, дура.

— Давайте руку! — снова повторил он.

— Не нужно. Я сама.

Она неловко поднялась и посмотрела на Иону почти с ненавистью:

— Спасибо за преподанный урок. Постараюсь его не забыть.

Это прозвучало как двусмысленная угроза, но ей было наплевать, как именно это прозвучит.

— Я надеюсь, — сказал он.

Вот и все. Ты клиническая дура, Ольга. Ты не можешь знать, что произошло там, внизу. Может быть, Марк специально не поднялся вместе с братом. Испытание верности, вот как это называется, наивный фильм 1954 года. И в нем тебе отведена главная роль.

Она медленно сняла перчатку и ударила Иону по щеке — со всей силой, на которую была способна. Самым странным оказалось то, что Иона даже не удивился. И ни один мускул не дрогнул на его лице.

— За что? — спросил он. — Что такого я сделал?

— Это не за то, что вы сделали... А за то, чего не сделали. — Господи, что она говорит! — Думаю, со всем остальным я справлюсь сама.

— С чем?

— С этими чертовыми горами. Марк мне поможет. Мой муж.

— Не сомневаюсь.

Ну вот и все. Солнечный день показался Ольге нестерпимо ярким. Лучшее, что можно сделать сейчас, — вернуться к себе в коттедж. Хватит с нее этих лыжных прогулок на свежем воздухе. Она присела на корточки и попыталась расстегнуть крепления. Ничего не получилось: то ли от волнения, то ли от того, что Ольга понятия не имела о том, как обращаться с этой простенькой системой.

— Помогите мне! — сжав зубы, сказала она Ионе.

— Вы не будете больше кататься? — Скажите пожалуйста, какое простодушие!

— Думаю, на сегодня хватит.

Иона легко расстегнул ее крепления, и снова его лицо оказалось в опасной близости от ее собственного. Она не отрываясь смотрела на него. Это была дуэль достойных противников, где каждый сам выбирал оружие. А потом... Потом что-то такое появилось в лице Ионы... Что-то похожее на капитуляцию, прошение о помиловании. И Ольга сжалась над ним, отвела взгляд.

— Я помогу вам, — Иона приободрился. — Я помогу вам донести лыжи до фуникулера.

— Не нужно. Я сама.

— Как хотите.

Нет, она не хотела. Она не хотела услышать то, что он ей сказал.

Взвалив лыжи на плечо, она побрела к месту массового спуска лыжников. «Если я сейчас обернусь, — рассеянно думала Ольга, — он будет стоять и смотреть мне вслед. Дам себе минуту и обернусь. Нет, полминуты... Может быть. Инка права, и это не больше чем застарелая, затянувшаяся коркой ненависть двух братьев». Но что-то в нем было такое, в этом неожиданно свалившемся на ее голову Марковом брате... В том, как он смотрел на нее... В его зрачках не было Марка. Только она. Двадцать восемь, двадцать девять Тридцать. Все, полминуты прошло. Можно оборачиваться. Сто против одного, что он смотрит ей вслед...

Ольга обернулась.

Но на том месте, где они расстались. Ионы уже не было...

* * *

Звягинцев увидел Юрика издалека.

За два года он хорошо изучил все повадки obsługi «Розы ветров», он знал — кто, когда, с кем и как проводит время, свободное от утомительных обязанностей по поддержанию жизнедеятельности курорта. Так, ребята из охраны, которым надоел снег во всех его проявлениях, а также все его производные, включая горнолыжников и их снаряжение, целыми часами торчали в сауне и дулись в преферанс. Преф был национальным видом спорта охранников. Почесывая мощные яйца и литые задницы, они играли на все подряд: на деньги, на дежурства, на желания; на горничных, с которыми периодически спали и которых тасовали и сдавали друг другу, как карты из колоды. Горничные — все как на подбор секси-девочки, хорошенькие сучки, ничего не поделаешь, курорт экстра-класса, отбор как в школу манекенщиц, — тоже не оставались в долгу. Они толклись на спусках в роскошной экипировке, которую иногда получали в подарок от благодарных за мастерски сделанный минет «новых русских». «Новые русские» уезжали к своим женам и любовницам, а экипировка оставалась. С ее помощью секси-девочки цепляли новых постояльцев, и нить жизни не обрывалась ни на минуту.

На памяти Звягинцева только двум из горничных по-настоящему повезло: одну из них увез в Милан невесть как попавший в «Розу ветров» приторный итальянец с таким же приторным именем: Паоло Барбарески. Другую заметил тренер по фристайлу из Элисты. Он обещал ей фантастическую карьеру в лишенной даже намека на горы, плоской, как грудь девственницы, Калмыкии.

Официантки обожали коллективные просмотры латиноамериканских сериалов, а бармены, повара и портье — коллективные просмотры «Формулы-1». Лыжные инструкторы, наевшиеся неумех-лыжников, предпочитали боулинг по ночам, а дежуривший у подъемников балласт — скоростной спуск на лыжах. И тоже по ночам.

Только горноспасатели слыли в общем стаде индивидуалистами: у них не было совместных развлечений. Если только не считать развлечением поиски заблудившихся и пропавших туристов.

...Юрик, как всегда, околачивался возле одной из своих снежных пушек на последнем по счету, еще не оборудованном спуске. Он сам же и установил ее здесь. Снежные пушки завезли в прошлом году, откуда-то из Швеции. Предыдущий сезон выдался не очень-то снежным, курорт нес убытки, и, чтобы как-то поправить дело и плюнуть в лицо изменчивой погоде, решено было закупить эти пушки для создания искусственного снегового покрытия.

Но, как это обычно и бывает, в этом году снега выпало даже больше нормы. О пушках не вспоминал никто, кроме энтузиаста Юрика Серянова, который с яростью новообращенного стал внедрять в сознание всех и каждого необходимость такого милого, такого занятного механизма. По собственной инициативе он подправлял уже существующие спуски, и, нужно сказать, у него это получалось вполне профессионально:

Юрик чувствовал снег.

Вот и теперь он объяснял какой-то фифе, как устроена пушка. Звягинцев даже представил себе их возможный диалог: «Вот видите, милая, система максимально проста. Алюминиевые трубки (кладет руку на плечо). В них — воздух под давлением и при температуре минус пятьдесят (рука спускается вниз по позвоночнику, на секунду задерживаясь между лопатками). И вода. Все это соединяется (также, возможно, как и мы в самую ближайшую ночь, недвусмысленно намекает рука Юрика, добираясь до вожденной дамской попки). И выплевывается на поверхность уже в виде искусственного снега. Так что ни забот, ни хлопот».

После этого фифа должна либо стукнуть ему по роже в качестве утешительного приза за сексуальные домогательства, либо ласково потрепать по холке, что будет означать начало очередного куцега романчика с пересыпом в виде «Гран-при».

Звягинцев даже замедлил шаг, чтобы позволить Юрику закончить операцию по охмурению. Он лишь издали помахал ему рукой: готовься, Юрик, берсальеры <Берсальеры — моторизованные части итальянской пехоты.> идут!

Фифа отчалила от Юрика, так и не дав ему по морде. Но и по холке тоже не потрепала. Это может означать только одно: первый бой между ними завершился вничью и понадобится еще серия товарищеских встреч. Звягинцев почесал брюхо и вздохнул: в свое время он снимал женщин точно так же, ничего не изменилось. Ничего, кроме его собственного живого веса. А ведь когда-то он был таким же поджарым кобелем, как и Юрик. И даже стригся точно так же — бритый затылок и баки на полщеки.

Для того, чтобы пробиться к Юрику, пришлось преодолеть несколько

десятков метров глубокого рыхлого снега, и Звягинцев совершенно выдохся.

— Привет бабникам! — сказал он, тяжело дыша.

— Привет, — сказал Юрик и осторожно пожал протянутую Звягинцевым руку.

— Ну как, есть шансы? — Звягинцев повернул голову и проводил глазами быстро удаляющуюся фифу.

— Пятьдесят на пятьдесят.

— Я так и думал. Я вот о чем хочу спросить, Юрик. — Пал Палыч решил, что лучше не тянуть с расспросами. — Ты Ваську не видел?

— А что случилось?

— Да ничего. Просто он мне нужен. С утра его ищу.

— Так он же уехал. Еще вчера.

— Куда?

— Ну, куда отсюда можно уехать... В город, наверное. Рукопись повез, писатель.

— Странно, что он мне ничего не сказал. И даже не попрощался.

— А ты что ему, кормилица, Палыч? Или крестная мать?

Если не попрощался, значит, уехал ненадолго. Соображать надо.

— Так-то оно так, — прикинулся протачком Звягинцев. — Просто он обещал мне в городе табак посмотреть... А сам взял уехал, даже носа не показал.

— Так он никому не показал, Палыч. Писульку оставил — и все.

— Значит, как он уезжал, ты не видел?

— Нет.

— Ну ладно.

— Ты насчет табака не переживай. Я, может, тоже скоро в город смогаюсь. Привезу тебе какой-нибудь ароматический.

— Ладно. А что с пропавшим гражданином Поздняковым?

— Гиблое дело, — Юрик сплюнул. — Никаких следов.

— Хреново.

— Да уж, ничего хорошего нет. О, а вот и Влад идет!.. Сейчас он тебе все подробно изложит.

Звягинцев приложил руку козырьком ко лбу и увидел вдали крошечный силуэт.

— Ну у тебя и зрение, Юрик! Как у орла.

— При чем здесь зрение?

Но Звягинцев уже и сам понял, по каким признакам Юрик так точно определил появление Влада: к ним навстречу уже неслись собаки.

Проигнорировав Пал Палыча, они окружили Юрика и завиляли хвостами. Особенно усердствовал Джек: он даже встал на задние лапы и положил передние на грудь Юрику.

— Ты, я смотрю, не только баб можешь охмурять, — сказал Звягинцев, наблюдая за проявлениями собачьего экстаза.

— С бабами проще, — меланхолично заметил Юрик. — А этих еще и кормить нужно.

Лихо подкативший Влад хмуро посмотрел на Звягинцева.

У него с Пал Палычем всегда были напряженные отношения.

Впрочем, ничего особенного в этом не было: такие напряженные отношения складывались у него со всеми, не задействованными в разного рода чрезвычайных происшествиях.

Только к жертвам гор Влад проявлял известную долю снисходительности — Ты когда Ваську последний раз видел? — вместо приветствия сразу же спросил Юрик.

— Вчера вечером, а что?

— Вот, служба безопасности интересуется. Наш резидент в странах капитала.

— Случилось что-нибудь? — сразу оживился Влад. Даже на его бледных, пергаментных щеках заиграл нежный румянец.

— Пока нет, — сдержанно сказал Звягинцев.

— Во всяком случае, вчера он был в полном порядке.

Из последующего разговора с вечно хмурым Владом выяснилось, что он не видел, как Васька писал записку, да и саму записку прочел позже всех. Вечером он все-таки видел Ваську. И именно в том месте, которое посетил незадолго до этого сам Звягинцев, — в «Каменном мешке». К тому же Васька был не один, а с Ионой.

Опять «Каменный мешок»! Но это уже кое-что.

Звягинцев приободрился.

— Интересно, что они там делали? — неожиданно спросил Юрик.

— Откуда я знаю? Я-то видел их только издали.

— Они туда заходили? Или наоборот — выходили? — Звягинцев внимательно посмотрел на Влада.

— Да нет. Просто шли в ту сторону, вот и все.

— Так Иона вместе с Васькой уехал? — равнодушно спросил Звягинцев.

Влад и Юрик переглянулись.

— Да нет, — осторожно сказал Юрик. — А из-за чего вообще паника?

Старый ты козел, читал Звягинцев в их молодых наглых выпуклых

глазах. Ну что же ты всех донимаешь проблемой, высосанной из пальца? Или заняться тебе, старому козлу, нечем?..

— Нет никакой паники. Просто интересуюсь, и все.

— Ну-ну, — процедил Влад.

Это было похоже на сговор. Видимо, чертов дятел Васька так достал их своим графоманством и ежедневной долбежкой на машинке, что в голову Звягинцеву пришла совершенно крамольная мысль: а если они специально отправили Ваську куда подальше, чтобы не мешал им спать?

Сообразив, что большего из спасателей не вытянет, Звягинцев скоренько попрощался и направился на поиски Ионы.

...Он нашел молодого человека в баре, где тот в полном одиночестве цедил жалкие сто грамм коньяка. Сто грамм коньяка для Ионы — высший пилотаж: бочка, штопор, мертвая петля. Он всегда был нудным трезвенником, что настораживало Звягинцева. Сильно пьющий Пал Палыч был верным и преданным сторонником учения, главным постулатом которого было: «Если человек не пьет, значит — либо больной, либо скотина».

Больным Иона не выглядел.

Вот и теперь он сидел за стойкой, абсолютно здоровый и погруженный в свои мысли. Пал Палыч, кряхтя и проклиная все на свете, влез на высокий стул, который сразу же предательски заскрипел под ним.

— Рискуете, шеф, — меланхолично" сказал Иона, не поворачивая головы. — Мебель здесь ненадежная, может не выдержать.

— Ничего. Как-нибудь, — проблеял Звягинцев, ненавидя себя за извинительный тон.

Он заказал себе водки, салат «Эльбрус» — фирменное блюдо «Ричарда Баха» — и креветок. К креветкам, сваренным в укропной воде, Звягинцев относился с нежностью С гораздо большей нежностью, чем к сексидевочкам из горничных и парням из охраны. Не говоря уже о сытеньких курортниках, которые доставляли одну головную боль. Только одно общество он ценил выше креветочного: общество Васи Сикачинского.

Но Васи нигде не было. Он пропал, как будто сквозь землю провалился. о Звягинцев запустил толстые пальцы в теплые" тельца беспозвоночных ракообразных и с хрустом оторвал первую, ни в чем не повинную креветочную голову, о — Выпьешь со мной? — спросил он у Ионы. —, — Уже выпил. — Другого и ожидать не приходится. Этот надменный щенок-далматинец никогда его и в грош не ставил.

— Ну, как знаешь.

— Я смотрю, ваш радикулит прошел, — с сожалением сказал Иона. Он

был единственным из спасателей, кто обращался к Звягинцеву на «вы». Но его вежливость была такой оскорбительной, что Звягинцев с трудом подавлял желание двинуть этому мелкому пакостнику в челюсть.

— Ты-то откуда знаешь, что меня прихватило?

— Василий сказал.

Значит, Василий сказал. Очень хорошо. Щенок сам вывел его на нужную тему, нужно только воспользоваться случаем.

— Кстати, ты не знаешь, зачем он меня искал? — Звягинцев поднял рюмку и сквозь нее посмотрел на Иону.

— Понятия не имею.

Другого ответа Пал Палыч и не ожидал. Выпив водку, он удовлетворенно крикнул и попросил бармена повторить.

— Много пьете. Пал Палыч, — пожурил его Иона. — Водку, да еще днем и в одиночестве... Это дурной тон.

«Не твое дело, сопляк!»

— Значит, Василий уехал.

— Не знаю. — Иона по-прежнему смотрел перед собой.

— Он же записку вам оставил!

— Не читал.

— Говорят, ты с Васькой вчера в «Каменный мешок» таскался.

— Если говорят, значит, правда, — чуть помедлив, сказал Иона.

— И зачем вас туда понесло?

— Это что — допрос?

— Дружеская беседа. — Звягинцев снова хрустнул креветкой.

— Ну, тогда я могу не отвечать. Состряпаете ордер — приходите. А теперь, извините, шеф, мне пора. Счастливо оставаться. — Иона соскользнул со стула и гордо удалился из бара. Даже если он что-то и знает, то никогда ничего не скажет Звягинцеву, уж слишком уничижительна его вежливость. Звягинцев мысленно послал ему вслед все проклятия, которые знал: список получился внушительный, в него вошло даже непечатное венгерское ругательство «Меньо фос бо». Этому ругательству Звягинцева обучил мадьяр Лайош Карпати, севший в свое время — не без участия Пал Палыча — на три года за кражу фуры с помидорами.

... Сегодня я едва не поцеловал Ее.

Никто никогда не узнает, чего мне это стоило — НЕ ПОЦЕЛОВАТЬ.

Ей хотелось этого, я видел. Ей так хотелось этого. Если Она до сих пор не изменяла мужу, то теперь готова изменить. Странно, что такая красивая женщина никогда не изменяла мужу.

Мы едва знакомы, но это ничего не значит. Ни для Нее, ни для меня.

Никогда еще ни одна женщина так не волновала меня. Это плохо. Все те, кого я встречал, были самыми обыкновенными, жаждущими у дольствий самками. Они приезжают сюда именно за этим: чтобы хотя бы на несколько дней стать тем, кем они на самом деле являются, — самками. Они сбрасывают меховые шкурки деловых женщин, добропорядочных матерей, домохозяек, журналисток, любительниц классической музыки, «мыльных опер» и актера Роберта де Ниро. И остаются самками, прикрытыми только собственной кожей.

Она не такая.

Она не такая, хотя очень хочет казаться такой.

Непонятно, что делать с телом дурачка Васи. Тащить его в пещеру бессмысленно, он не интересует меня как модель. Он вносит диссонанс в общий замысел. Он случайный человек, а в замысле не должно быть ничего случайного. Я оставил его тело в самом людном месте: только так можно быть уверенным, что его никто и никогда не найдет. Хотя я сомневаюсь, что кто-то станет его искать. Разве что этот вечно больной и вечно пьяный секьюрити. Жалкий тип. Слишком толстый и слишком старый, чтобы что-то заподозрить. Я так и вижу его заплывшие жиром мозги, которые трясутся в позвоночном столбе.

Какому идиоту пришла в голову мысль нанять для охраны именно этого человека ?

Я разговаривал с ним, и он спросил меня о Васе. В этом не было ничего особенного, хотя его настойчивость насторожила меня. Но она не имеет никакого значения, она никуда его не приведет. Он любит водку, и это хорошо. Тот, кто любит водку, не может любить ничего другого.

Мне опять попала на глаза астигматичка. Она разговаривала с женщиной, которая так необходима мне. Астигматичка производит на Нее тягостное впечатление, я вижу. Я не хочу, чтобы Она расстраивалась.

Я хочу, чтобы Она оставалась спокойной до самого конца.

Нужно проявлять такт и постараться приручить Ее к себе.

Чего бы мне это ни стоило. Она ничего не должна заподозрить.

ЧАСТЬ II

*В ситуации «или —
или» без колебаний
выбирай смерть.
Это нетрудно.*

*Ямамото Цунэтомо.
«Хцгакурэ»*

Ольга проснулась среди ночи, обливаясь холодным потом.

Где-то далеко, на самом краю Вселенной, спал Марк. Как в тумане Ольга видела его спокойное лицо. Он, как всегда, был красив и деликатен, как будто даже во сне не переставал следить за собой: никакого приоткрытого в храпе рта, никаких спутанных волос, все предельно аккуратно, как на заседании совета директоров.

Простыня сбилась, вся подушка была влажной, такой же влажной, как и тело Ольги. Она зажала рот рукой, чтобы не закричать. Кошмар, приснившийся ей, был таким явственным, таким реальным, так долго не хотел отпускать ее...

— Марк, — слабо позвала Ольга, — Марк...

Но ее голос затерялся на стылом плато кровати, в складках одеяла, он так и не дошел до спящего Марка, а протянуть к нему руку и коснуться безмятежного лица не было никаких сил.

Казалось, этот сон будет длиться вечно: он медленно убивал Ольгу, высасывал жизнь по капле, оставляя лишь пустую оболочку: лед, лед, лед... Слишком много льда, сдавившего ее со всех сторон. Она была закована в лед, она оказалась его пленницей. Сквозь слюдяную поверхность проступали лица — никогда в жизни она не видела этих лиц: они дробились, накладывались друг на друга, так что невозможно было определить, кому они принадлежат — мужчине, женщине, ребенку...

Глазницы, раздавленные ужасом, глубоко запавшие рты, срезанные подбородки — это было невыносимо. Лишь однажды ей показалось, что она увидела что-то знакомое — тихая улыбка, нежный абрис губ.

Манана.

Что ты здесь делаешь, Манана? Забери меня отсюда, Манана! Я буду хорошей девочкой, только забери меня отсюда!..

Но ее немой вопль даже во сне испугал кроткую Манану — улыбка превратилась в гримасу, белая кожа потемнела и пошла пигментными пятнами. Нет, это не Манана. Это та самая цыганка из аэропорта. Она что-то говорила ей, слова разбивались о неприступность льда и не доходили до Ольги.

Я не слышу, не слышу, не слышу...

Кажется, цыганка поняла.

Ее рот, отделившись от лица, приблизился к Ольге: теперь она могла разглядеть губы цыганки, покрытые трещинами и язвами. Предоставленные сами себе губы коснулись поверхности ледяного панциря, в который была закована Ольга, — и сразу же прожгли в нем дыру. Они извивались, как мучные черви, они пугали Ольгу своей артикуляцией.

УЕЗЖАЙ ОТСЮДА. ИНА ЧЕ ТЫ УМРЕШЬ.

УЕЗЖАЙ...

От губ пахло таким смрадом, что Ольга закричала.

И проснулась.

Несколько минут она лежала, обессиленная, царапая ногтями простыню, стараясь избавиться от наваждения. Не так-то просто, не так-то просто, не так-то просто... На нее снова навалилась нестерпимая тоска — как тогда, в ледяном городке, когда она не могла найти выхода. Она не может оставаться одна, она с ума сойдет...

А может быть, она уже сходит с ума, спускается в ад по выдолбленным во льду ступеням?.. Ольге стало так страшно, что, собрав остатки сил, она закричала:

— Марк!

Наконец-то он проснулся и увидел ее: жалкую, скрюченную, с прилипшими ко лбу влажными волосами.

— Что с тобой, кара! — Марк метнулся к ней и сгреб ее в охапку.

Но даже его тело, спокойное и прохладное, не принесло ей успокоения: вцепившись в гладкие плечи Марка, она разрыдалась.

— Ну, успокойся, успокойся... Я с тобой. Я с тобой, кара, слышишь?

— Сон! — сквозь рыдания, путаясь и сбиваясь, она рассказала ему о ночном кошмаре.

И, странное дело, проговоренный вслух, он вдруг материализовался, как будто Ольга, сама того не ведая, выпустила джинна из бутылки. Осколки льда сверкали в темных углах комнаты, они горели в каминном огне — горели и не могли сгореть: языки пламени лизали их, но были так же беспомощны, как и сама Ольга.

Не нужно было ничего говорить Марку. Хотя бы до утра.

Нет, до полудня: никому нельзя рассказывать свой сон до полудня, иначе он сбудется... Но как, как он может сбыться?

И о чем хотела предупредить ее цыганка?

Ольге пришлось рассказать Марку о дикой сцене в аэропорту, и это по-настоящему задело его. Не испугало, нет, и не вызвало ироническую реакцию здравомыслящего человека, а именно задело. Он был явно обеспокоен. И только спустя несколько минут Ольга поняла причину этого беспокойства.

— Тебе нужно отдохнуть, — сказал он.

— Только не здесь. Давай уедем отсюда. Я не хочу здесь оставаться...

Марк поцеловал ее в лоб: он всегда был практичным и уравновешенным человеком.

— Это просто глупо, кара... Уезжать отсюда, когда мы только что приехали! Здесь потрясающее место, тебе же самой понравилось. Ты сама мне говорила. Говорила или нет?

— Да... Ноя боюсь.

— Уехать только потому, что тебе приснился какой-то кошмар? Не будь ребенком.

— Ты не понимаешь. Мне никогда не снились кошмары.

Ольге действительно никогда не снились кошмары. Все ее сны, отливавшие мягким ровным светом, были полны рассудительности и покоя. В своих снах она никогда не летала, не пряталась от погони; сны продолжали ее собственную жизнь, лишённую потрясений.

— Мне никогда не снились кошмары, ты понимаешь?

— Надо же когда-нибудь начинать, — в голосе Марка вдруг послышалось незнакомое ей раздражение, даже губы жестко сомкнулись.

— Что? Что ты сказал?

— Ничего. — Марк сразу же осекся, плечи его опали. — Просто... Каждому хоть раз в жизни снились кошмары. Но это не повод для паники, кара.

— Я хочу уехать. Я чувствую, что должно случиться что-то плохое.

Ольга вдруг замерла. Она явственно вспомнила, как начинались депрессии Мананы: ее мать забивалась в дальний уголок спальни, между кроватью и сентиментальным японским торшером, и говорила именно это: «Я чувствую, что должно случиться что-то плохое». Ольге вдруг стало страшно — точно так же, как в этом ее ледяном сне.

— Ничего не случится, кара. Ведь я же с тобой.

— Обними меня, — жалобно попросила Ольга.

Его не пришлось просить дважды: он крепко прижал Ольгу к себе, и, защищенная его руками, его грудью, его подбородком, Ольга начала медленно приходить в себя. Конечно же, пока Марк с ней — ничего не случится. Как она могла даже в мыслях пытаться флиртовать с его братом? Вот он, рядом, ее муж, который никогда не предаст и никогда не оставит...

— Ты не оставишь меня?

— Как ты могла такое подумать? Я с тобой. Я всегда буду с тобой. Тебе нужно просто успокоиться, отдохнуть, поспать...

Я всегда говорил, что эти переводы не доведут тебя до добра.

— А при чем здесь переводы?

— Ты тратишь на них много сил. И вообще...

— Что — «вообще»?

— Не нравится мне этот твой божок Сесар Вальехо. Мрачная личность. От таких откровений у кого угодно крыша поедет. А не то что...

У кого угодно крыша поедет, а не то что у тебя. Вот что хотел сказать Марк. Ты — даже не тема для разговоров. Когда-то, в самом начале их отношений, она рассказала ему о Манане, она не хотела, чтобы он узнал эту затянувшуюся хрупким ледком покоя страшную тайну от кого-то другого. От кого-то, кто бросит вскользь, за теннисной партией, постукивая по пятке ракеткой «Адидас»: «А ты знаешь, Марик, что мать твоей жены была сумасшедшей и покончила с собой?»

И он оказался на высоте, он все воспринял спокойно. Никогда больше они не возвращались к этому разговору, но, оказывается, Марк не забыл его. И все два с половиной года семейной идиллии он следил за собой. Он следил, чтобы с его губ не сорвалась фраза, подобная этой.

Нет, Ольга не давала ему никаких поводов, она никогда не впадала в депрессию, она была на редкость спокойным, здравомыслящим человеком. Но теперь, стоило ей только хоть немного выйти из себя, как он сразу же усомнился в ней. Отчаяние накрыло ее с головой. Нет, нельзя давать ему волю, этому отчаянию, — нужно успокоиться самой и успокоить Марка.

— Ты несправедлив, Марк. Это очень хороший поэт, — тихо сказала Ольга.

— Да ради бога! Пусть он будет самым лучшим поэтом...

Но если это касается моей жены... Если это касается ее душевного равновесия...

— Я вполне уравновешенный человек.

Он с сомнением посмотрел на нее.

— Конечно. — Она видела, как лгут его губы, но уже ре, могла ничего сделать. — Конечно, уравновешенный. Просто...

Ты действительно переутомилась.

Он поднялся с кровати — голый, хорошо сложенный, ни в чем не сомневающийся — и прошлепал босиком в другую комнату. Спустя минуту он вернулся со стаканом минеральной воды и пузырьком каких-то таблеток.

— Вот, выпей, пожалуйста! — попросил он.

— Что это? — сразу насторожилась Ольга.

— Это снотворное... Тебе не повредит...

— Снотворное? Откуда у тебя снотворное? — Это был вполне естественный вопрос, и Марк оказался готов к нему. Даже слишком готов. Подозрительно готов.

Он присел на край кровати и приподнял ее подбородок.

— Я люблю тебя, кара...

— Откуда у тебя снотворное? — упрямо повторила Ольга. — Ты взял его для меня?

— Нет. Для себя... Видишь ли... Я не говорил тебе, но последнее время у нас возникли некоторые проблемы... Это не должно тебя касаться, это моя работа. В общем, я взял его для себя... Ты сама знаешь, каким тяжелым был год, сплошные аукционы, слияние, поглощение мелких фирм крупными... Нам пока удалось удержаться на рынке. Ты даже не знаешь, чего нам это стоило. Здесь у кого угодно нервы сдадут...

Марк просительно посмотрел на жену.

Ну конечно же, год и вправду был тяжелым: концерт перестало лихорадить только в феврале. И только в марте он смог позволить себе этот краткосрочный отпуск. Несправедливо лишать его десяти дней в горах. Ольга почувствовала угрызения совести, хотя где-то в глубине души еще теплилась обида на Марка: еще полчаса назад он спал так сладко — совсем не как человек, нуждающийся в средствах от бессонницы.

— Что-то ты не очень похож на человека, страдающего бессонницей, — сказала она.

— Это горы. Целый день на воздухе. И не захочешь, а заснешь, как младенец. — Он извинительно улыбнулся. — Я давно так не отдыхал. Только Венеция могла дать мне такой покой. Можно ни о чем не думать, и ты рядом...

Венеция — это был запрещенный прием. Единственное место на земле, где они были одним целым — двадцать четыре часа в сутки. Где они не разлучались ни на секунду. Даже в крошечных антикварных лавках, которые Ольга обожала, а Марк терпеть не мог: "Синьора не говорит по-итальянски?"

О, у вас хороший вкус, синьора! Это очень старинный фарфор.

А эта чашка принадлежала Наполеону". Ни черта она не принадлежала Наполеону, в лучшем случае — Бенито Муссолини, но какое это имеет значение?.. Венеция — единственное место на земле, где они были по-настоящему счастливы. Конечно, Марк хочет, чтобы они были по-настоящему счастливы... Он стремится оградить ее от всего. Ольга подняла руку и коснулась его волос.

— Тебе нужно постричься, — неожиданно сказала она.

— Прямо сейчас? — засмеялся Марк.

— Можно подождать до утра.

— Если я постригусь, ты будешь больше меня любить?

— Невозможно любить тебя больше, чем сейчас.

— Выпей снотворное, кара. Я не хочу, чтобы что-то тебя терзало. Завтра будешь как новенькая.

— Ну хорошо, — наконец-то согласилась Ольга. — Давай свои таблетки.

— Не таблетки, а таблетку. Одной будет вполне достаточно.

Она выпила розоватую овальную таблетку, протянутую Марком, и вытянулась на кровати.

— Закрывай глазки, кара! — Марк поцеловал ее: сначала в один глаз, а потом во второй...

— Прости меня, пожалуйста...

— Глупенькая!..

— Ты куда не уйдешь?

— Куда же я могу уйти от своей жены? Я здесь. — Он поднялся с кровати и направился к столику с компьютером.

— Марк! — укоризненно сказала Ольга.

— Я немного поработаю, кара.

— Нет, пожалуйста... Побудь со мной, пока я не засну.

— Хорошо.

Марк снова прилег рядом с ней на кровать, обнял ее, и в кольце его рук Ольга сразу успокоилась, ночной кошмар отступил, съежился, он больше не имел на нее прав. Все будет хорошо, кара, все будет хорошо...

* * *

Когда она открыла глаза. Марка в комнате не было.

По деревянным стенам бродили тени от сосен: солнце было высоко, во

всяком случае, сейчас никак не меньше полудня.

Ольга села в кровати.

На подушке, еще хранившей вмятину от головы Марка, лежала записка: «КАРА, С ДОБРЫМ УТРОМ! НАДЕЮСЬ, ТЕБЕ СНИЛИСЬ ХОРОШИЕ СНЫ. ЕСЛИ ТЫ ПРОСНЕШЬСЯ ДО ДВЕНАДЦАТИ — ЖДУ ТЕБЯ В БАРЕ... ЕСЛИ ПОЗЖЕ — ПОДНИМАЙСЯ НА ВЧЕРАШНЮЮ ТРАССУ. КРАСНЫЙ С БЕЛЫМ КОСТЮМ — МОЙ, ТЫ МЕНЯ НИ С КЕМ НЕ СПУТАЕШЬ. ЦЕЛУЮ, ТВОЙ МАРК».

Ольга потянулась к часам, лежащим на тумбочке.

Так и есть. Начало второго. Она безнадежно проспала.

Во рту ощущалась странная сухость, голову как будто покалывали иголки: впрочем, это состояние нельзя было назвать неприятным. Скорее неудобным. Неожиданно для себя она рассердилась на Марка: ушел, оставил ее в гордом одиночестве. Хотя, с другой стороны, он вовсе не обязан тратить такой солнечный день на посиделки возле одра спящей жены.

Она прошлась по комнате и вдруг ощутила странную слабость в коленях: возможно, еще сказывается действие снотворного, ведь она никогда в жизни не принимала ничего подобного.

Ольга приняла душ, но ни слабость, ни сухость во рту не прошли. «Никогда больше не пойду на поводу у Марка», — дала она слово себе самой, разглядывая в затуманившемся от пара зеркале красавицу-полукровку Ольгу Красинскую с иссиня-черным водопадом волос. Выглядит она ничего себе, только чуть бледнее обычного. И с возрастом стала еще больше похожа на мать.

Ольга вздохнула и коснулась рукой собственного отражения: что-то она часто стала думать о Манане в последнее время. Это странно.

Пузырек со снотворным стоял на узкой полке под зеркалом, рядом с зубными щетками, пастой и бритвенным станком Марка. Ольга взяла его в руки, повертела и поднесла к глазам: НИТРАЗЕПАМ.

Название, которое ни о чем ей не говорит.

Интересно, принимала ли подобную укрощающую кошмары гадость Манана? Ведь незадолго до смерти она начала страдать бессонницей... Так, по крайней мере, рассказывал отец.

Манана, Манана.

Мама, теперь!... Сегодня, когда
Твои непорочные кости в муку
превратились,

Которую негде уже замесить
Даже лакомке нежной — Любви!

Ну, конечно же, шаги Командора. Сесар Вальехо, самое время ему появиться.

Самое время заняться переводами, если так безнадежно испорчен день. Тем более что сроки поджимают, в издательстве на нее и так смотрят косо: богатенькая жена богатенького мужа, занимающаяся переводами только от нечего делать.

В полубогемных кругах, в которых она — с легкой руки Инки — вращалась в студенческие годы, это называлось: из любви к искусству. Они специально сунули ей Вальехо, самого яростного и самого бедного. И он сделал то, что обычно проделывал с безмозглыми рефлексующими стрекозами типа Ольги, — затянул их в свой омут, вот и все.

Она включила «ноутбук»: Марк был так добр, что позволил ей забить голову своей обожаемой машины легкомысленно-гуманитарным файлом «Passion». Этот файл принадлежал Ольге, и в нем были все подстрочники Вальехо.

Ого, оказывается, Марк уже получил несколько сообщений!

Интересно, читал он их или нет?

Ольга раскрыла свой файл и несколько минут молча созерцала сделанные еще в Москве обрывки подстрочников:

«...верь трупу — не живому, злодейству — не злодею...», «...и пусть мне ни о чем не говорят, коль человек прекрасно убивает...», «...и если когда-нибудь рядом с убийцей пройдет неотступно великий и добрый...», "Умру в Париже, в сумеречный день, который я уже припоминаю....."

Боже мой, боже мой...

«Умерла в моем револьвере моя мать, в кулаке моем — сестра моя, брат мой — в моем кровавом нутре, — трое, связанных родством печальной печального, в августе идущих чредою лет...» <Переводы Ю. Мориц, Э. Гольдернесса, А. Гелескула.>.

Боже мой, почему же раньше она не замечала, как мрачен Вальехо, какие змеиные мысли теснятся в его давно умершей голове. Марк прав, прав, прав, зарифмовывать слова «убийство» и «смерть» — слишком непосильная для нее ноша...

Нет. Не сегодня. Нет.

В конце концов, можно вообще отказаться от этой работы. Уйти в компанию к Марку и отцу, они давно зовут ее в отдел по внешним связям.

Она красива, на выставке бизнес-леди вполне может получить парочку медалей за экстерьер.

Ольга улыбнулась своим собственным мыслям.

Парочка медалей за экстерьер — это неплохо. Выключив компьютер, она сняла телефонную трубку и попыталась дозвониться до номера Инки.

Длинные гудки.

Ну, конечно, ничего другого ожидать не приходится: ее подруга наверняка рассекает хорошо утрамбованный снег и сражает наповал зазевавшихся горнолыжников. Может быть, имеет смысл к ней присоединиться. Так она и поступит.

Ночной кошмар при дневном свете съезжился, потускнел и испустил последний вздох. Ольге даже стало стыдно за без, образную сцену: бедный Марк, по самые гланды загруженный работой, должен выслушивать и ее праздные страхи. Решено: сейчас она соберется и отправится на поиски красно-белого костюма мужа. В полном соответствии с запиской. Тем более что все неприятные утренние симптомы прошли.

...Она уже полностью оделась, когда в дверь коттеджа раздался осторожный стук. Интересно, кто бы это мог быть? Марк открыл бы собственным ключом, нетерпеливая Инка наградила бы дверь пинками... Может быть, горничная? Здесь наверняка практикуется европейский сервис и даже белье не крадут, как это было в Венеции. Тогда в продрогшей гостинице у нее украли трусики и лифчик; Марк еще шутил по такому анекдотическому поводу: скорее всего это сделал какой-нибудь фетишист-гондольер, влезший через окно (ты сражаешь гондольеров наповал, кара).

На пороге стоял Иона.

— Добрый день, Ольга, — сказал он. Никакой приветственной улыбки, строгое лицо учителя физкультуры, заставшего своих учеников за банальным онанизмом под окнами женской раздевалки.

— Здравствуйте, Иона. Вас Марк послал?

— Нет.

— Откуда вы знаете, что я здесь?

— Я не знал, что вы здесь. Можно войти?

И, не дожидаясь ответа Ольги, мягко оттеснил ее в глубь коттеджа.

— Я уже собралась уходить.

Иона никак не отреагировал на ее слова. Стоя посреди комнаты и склонив голову набок, он внимательно рассматривал ее.

— Вы видели Марка?

— Нет. Я не был сегодня на трассе.

— А откуда вы знаете, что он там? — — Ну, если здесь его нет...

Думаю, он приехал сюда не для того, чтобы с утра до вечера торчать в баре...

Иона сделал шаг вперед, и вот тут-то Ольга по-настоящему испугалась. И даже не Ионы, нет, хотя от него исходили мощные, хотя и осторожные токи.

Себя.

Ну конечно же, нужно честно признаться — подсознательно она ждала его. Вчерашняя ничем не завершившаяся сцена на плато оставила привкус недоговоренности. И все-таки нужно взять себя в руки, иначе эта недоговоренность может далеко завести.

— Марк должен сейчас прийти... Мы собирались кататься.

— Ну и что?

Действительно, ну и что? Брат зашел к брату и встретил его жену — ничего крамольного, ничего предосудительного.

Отличный повод для светской беседы об особенностях здешнего климата.

— Хотите чего-нибудь выпить?

Ну вот, кажется, она нащупала точную линию поведения: жена старшего брата должна по определению относиться к своему шурину (или деверю? Нет, все-таки деверю)... Она должна по определению относиться к своему деверю со снисходительной нежностью, выслушивать все его зубодробительные истории о любовных похождениях и ссужать деньгами на пиво.

— Хотите что-нибудь выпить? — снова повторила Ольга.

— Нет.

— Есть отличный коньяк. И мартини. Марк прихватил с собой две бутылки мартини.

Ольге вдруг пришло в голову, что даже скромного ужина в семейном кругу не было, братья никак не отметили встречу после семнадцатилетней разлуки. Странно, чем тогда руководствовался Марк, выбирая именно «Розу ветров»? Они вполне могли провести десять дней где-нибудь в Швейцарских или Французских Альпах, без всяких хмурых родственников в эпизодических ролях инструкторов по лыжам и горноспасателей.

— Нет.

— Может быть, кофе?

— Нет.

На кофе вся фантазия Ольги оказалась исчерпанной. Но и сдаваться ей не хотелось.

— Минеральной воды?

- Нет.
- Текилы?
- Нет.
- Баккарди?
- Нет.
- Полусухого шампанского?
- Нет.
- Вермута со льдом?
- Нет.
- Капитанского рома?
- Нет.
- Виски «Белая лошадь»?
- Нет.
- Абсента?
- Нет.

Ольга закусила губу, пытаясь вспомнить содержание альбома «Алкогольные напитки», который преподнесли Марку на прошлое Рождество его подчиненные. Альбом был толстым и красочным, куда более красочным, чем односложные ответы Ионы.

— Рейнвейна и мозеля? — выложила она свой последний козырь. И Иона сдался, разом поломав игру.

— Это пожалуй. Валяйте ваш мозель.

Ольга рассмеялась и развела руками:

— Увы.

— Жаль. А я очень решительно настроился... Почему вы не отправились на трассу с Марком? Он ведь давно ушел, еще утром.

— Откуда вы знаете? Вы что, следили?

— Да, — просто сказал он.

— Зачем? — она задала самый глупый вопрос из всех возможных.

— Просто. Хотел увидеть. — Самый достойный глупый ответ на глупый вопрос.

— Увидели?

— Да.

— Что дальше?

— Дальше? — Иона задумался. — Я не знаю, что будет дальше.

Колени у Ольги подломились, и она опустилась на кровать. И тут же вскочила: не хватало, чтобы Иона воспринял это как приглашение. Отойдя на безопасное расстояние от кровати, которая теперь казалась ей раскрывшим ленивую пасть капканом, и плюхнувшись в кресло, она

принялась надевать ботинки.

— Вы проводите меня, Иона? — Голос должен быть максимально нейтральным: никаких страхов, никаких сомнений, только снисходительная нежность к деверю. Снисходительная нежность, только и всего.

— Да, конечно.

Черт возьми, она волновалась. Она волновалась так, что снова не смогла застегнуть ботинки. Или это оттого, что она просто не привыкла к дурацкой аэродинамической горнолыжной обуви?..

— Никогда не научусь с ней справляться! — в сердцах сказала Ольга.

— Это несложно, вопрос тренировки, так же, как и во всем остальном. — Иона как будто ждал этого. Он с готовностью опустился на колени перед Ольгой и принялся застегивать ее ботинки.

Совсем близко она видела его макушку с торчащим мальчишеским хохолком волос: таким непокорным и таким беззащитным, что Ольга не удержалась и коснулась его рукой.

Он замер, даже спина напряглась под лыжной курткой: она не увидела, а скорее почувствовала это. Руки Ионы скользнули вверх — от ботинок к коленям. Ольга сидела, как будто окаменев.

— Вот видишь, как все просто, — сказал Иона и поднял к ней лицо.

— Да, — прошептала она. — Все просто. Мы уже перешли на «ты»?

— Конечно. Смешно «выкаты» друг другу. Мы же родственники.

Его глаза сузились, как у животного перед прыжком, в самой глубине зрачков запылал огонь. Крылья носа трепетали, а по губам пробежала судорога, они приоткрылись, обнажив влажно мерцающие зубы.

Она положила кончики пальцев на переносицу Ионы (господи, что же я делаю?!), спустилась к губам (господи, что же я делаю?!). Его губы обожгли — как тлеющие, едва прикрытые золой угли. Отдернуть пальцы она не успела: Иона уже завладел ими, как завладевают добычей. Теперь ему только оставалось разделать эту добычу: он орудовал поцелуями, как охотничьим ножом, отделяя мясо от костей и лишая жертву последнего шанса на спасение.

Все равно.

Все равно уже ничего нельзя исправить. Невозможно бороться с собой.

И Ольга не стала бороться. Она сдалась на милость победителя.

То, что происходило сейчас между ней и Ионой, было совсем не похоже на любовь Марка — страстную, но понятную и чуть-чуть ироническую любовь интеллектуала, яппи, selfmade man'a <Self-made man — человек, сделавший сам себя (англ.)>. Но Иона, впитавший в себя детское вероломство Азии... Иона — в нем было что-то необузданно-

дикое, опасное, похожее на бои без правил. Она ввязалась в них, заранее зная, что обречена на поражение. Но быть погребенной под руинами этих глаз, этого подбородка, быть насмерть зацелованной этими губами, ставящими клеймо собственника на каждом сантиметре ее кожи...

Может быть, именно этого она хотела больше всего.

Иона — кажется, он укрощал не только ее, но и себя: чем невыносимее были поцелуи, тем они становились нежнее.

Ольга уже не думала ни о чем, ей просто хотелось стать частью его, чтобы, поднявшись, восстав от любви, как восстают от тяжелой болезни, почувствовать себя владычицей целого царства.

Он уже расстегнул ее комбинезон, когда раздался телефонный звонок.

А может быть, телефон звонил целую вечность — вот только она не слышала его. Этот нудный вероломный писк сразу же отрезвил ее. Она оттолкнула руки Ионы и схватила спасительную трубку.

— Алло!

Но трубка молчала, видимо, у кого-то на том конце провода кончилось терпение. Больше всего это было похоже на Инку: именно терпения — вот чего ей всегда не хватало. Ни одну книгу она не начинала, не заглянув в конец: даже Конан Доил не был здесь исключением. Ни на одном спектакле не задерживалась дольше первого акта. Отец обожал оперы, но после нескольких походов в Большой Инка напрочь отказалась от такого захватывающего времяпровождения. Чтобы не расстраивать Игоря Анатольевича, Инка приобрела для себя сборник «Оперные либретто» и старательно изучила его.

Оперные либретто обладали приемлемой для Инки длиной.

А за то время, что звонил телефон, можно было прочесть и «Аиду», и «Трубадура», и даже громоздкого, как мексиканские сериалы, «Князя Игоря».

Немудрено, что телефонный звонок сорвался.

А вдруг это Марк?

Позволив себе — впервые за последние пятнадцать минут — подумать о Марке, Ольга похолодела. Решиться на низменный адюльтер с братом мужа в коттедже, который снял муж, — хорошо, что дело не закончилось постелью, в которой она занималась любовью со своим мужем. Идиотка, круглая дура! Марк действительно мог появиться в любой момент — и что бы он тогда увидел? Ее голую грудь, покоящуюся в руках Ионы?

Ольга даже застонала.

— Уходи! — сказала она Ионе.

— Нет. — Это прозвучало с той же интонацией, с которой он

отказывался от перечня спиртных напитков.

Интересно, чему сейчас он сказал «нет» — баккарди, мартини или капитанскому рому?

— Это нечестно.

— Скажи обо всем Марку — и тогда будет честно.

— Что я должна сказать Марку?

— Что ты не любишь его.

— Это не правда. — Она подняла руки к лицу, защищаясь.

— Это правда.

— Уходи.

— Нет.

— Хорошо, тогда уйду я.

...Он задержал Ольгу возле самой двери. Его губы настигли ее губы и терзали так долго, так отчаянно, что Ольга едва не потеряла сознание. Сейчас он отнесет ее в постель, и уже ни один телефонный звонок не помешает им быть вместе. Он просто отключит телефон и опустит шторы на окнах. И будет входить в нее столько раз, сколько пожелает...

Собрав остатки сил, она вырвалась из его объятий. Еще тридцать секунд ушло на то, чтобы покинуть коттедж: она бежала так быстро, как убегают от судьбы, прекрасно зная, что судьба будет терпеливо ожидать на ближайшем перекрестке... Но если бы Ольга обернулась... Если бы она только обернулась — она увидела бы Иону, который стоял на пороге их коттеджа со скрещенными на груди руками. И увидела бы его улыбку — нежную и торжествующую одновременно.

Но она не обернулась.

* * *

Предательница.

Вот оно, нужное слово: предательница.

Она предала все, что только можно было предать: Марка, себя, два с половиной года жизни, Венецию, собственного отца: «Я счастлив, что моя девочка счастлива...» Она предала его тело, она предала свое собственное тело. Она предала даже Инку — ведь именно бесконечные пикировки с Марком делали ее тем, кем ей хотелось быть больше всего: пикантной очаровательной стервой.

Предательница.

Нужно сегодня же рассказать обо всем Марку, пусть знает, каким подонком оказался его братец — не нашел ничего лучшего, как попытаться соблазнить ее. Ольга скрипнула зубами. Но тогда придется рассказать и обо всем остальном, после "а" всегда следует "б". Тогда придется рассказать, как кружилась ее голова от этой близости, как множество сердец бились в горле и внизу живота. И как она хотела Иону.

Нет, она не сможет соврать Марку. Как не сможет противостоять Ионе. Как не сможет противостоять самой себе. Единственный выход — завтра же уехать отсюда. Нет, сегодня.

Нужно сказать ему: нам нужно бежать отсюда, иначе мы можем потерять друг друга. Будь все проклято. Будь проклят Иона, обольщающий одним своим именем. Марк прав. Преступно носить такие имена...

Когда они поженились. Марку было уже тридцать два, а ей едва исполнилось двадцать четыре. Марк был ее первой любовью, что всегда вызывало приступы истерического хохота у Инки. Нет, у нее были парни и до Марка; был даже один аборт — после поездки в Крым с однокурсником, любителем Сартра и анаши. Был литовец Рамунас, с которым они даже подали заявление в загс. Рамунас разбился на мотоцикле за неделю до регистрации, но она пережила его смерть гораздо легче, чем могла предположить. Циничная Инка, с самого начала невзлюбившая Рамунаса, считала, что он женится не на Ольге, а на ее грузинской половине для улучшения флегматичной чухонской породы, пострадавшей от Советской власти.

Потом, когда дела отца стремительно пошли в гору, возле Ольги стали околачиваться альфонсы со стажем и провинциальные охотники за наследством. Инка тут же просекала таких деятелей, и все альфонсы отваливались от Ольги несолоно хлебавши. У Инки был один, зато универсальный рецепт: она выходила к потенциальным кандидатам с заранее заготовленной речью: «Ты знаешь, Дима (Валя, Миха, Славик, Резо), отец Ольги под следствием, и все имущество конфисковано». Желających носить передачи потенциальному тестю в Бутырку, как правило, оказывалось мало.

Марк был совсем другое дело.

Когда они познакомились, он уже работал в компании отца. Ольга вместе с Инкой приехали к отцу на большую демократическую вечеринку по случаю пятилетия концерна: с дорогой выпивкой, икрой и массовым братанием старшего и младшего командного состава. Марк оказался тем самым парнем, которого она случайно облила шампанским. С этого шампанского все и началось. Он старомодно ухаживал, он старомодно

сдерживал плоть и по-настоящему поцеловал Ольгу только тогда, когда попросил ее руки у отца.

И получил согласие.

Свадьба была более чем скромной: «Метрополь», столик на четверых: Марк, Ольга, Инка и отец. Инка и здесь показала свой нрав: в роскошный букет роз была вложена пошлейшая копеечная открытка с таким же пошлейшим копеечным текстом:

Одна девочка какала золотом.
Крупный бизнес, понятна картина.
Подросла. Вышла замуж здорово,
За парня, что писал бензином.

Более чем прозрачный намек на деньги Ольги (вернее, ее отца) и положение Марка. Ольга дулась на Инку ровно пять минут, до того, как Марк провозгласил тост за семью.

Мы ведь теперь одна семья, правда?

«А в семье не без урода», — сказала Ольга, глядя на Инку.

«Не могу с тобой не согласиться», — сказала Инка, глядя на Марка.

Впрочем, Ольге было наплевать, что думает подруга о ее муже. Ей было наплевать на все. Она любила Марка.

Нет, не так. Она любит Марка. Она хочет спать только с ним, она хочет иметь от него детей, его ласки сводят ее с ума, до сих пор, спустя два с половиной года. Да. Она хочет спать только с ним.

"Не правда. Ты хочешь спать совсем с другим человеком.

Не правда, не правда, не правда", — скрипел под лыжами снег.

Чтобы выбить эти крамольные мысли из головы, Ольга неумело каталась до одури, меняла спуски, больше всего боясь наткнуться на двух человек: на Марка и на Иону.

Инка.

Инка, вот кто сейчас нужен был ей больше всего. Наперсница, кормилица, домашний психиатр и бабка-повитуха. Только ей она может все рассказать: да и рассказывать ничего не нужно. Инка просчитала все возможные варианты заранее, бросив один только взгляд на этот жуткий мезальянс: два брата и сумасшедшая грузинская полукровка между ними...

Но Инка как сквозь землю провалилась. Только один раз Ольге показалось, что она видит подругу: сногшибательный костюм Инки эскортировал какой-то молодой человек гораздо менее презентабельной

наружности. Должно быть, лыжный инструктор, вон как ловко они ринулись обходить вешки на слаломе... "

...Погруженная в свои мысли, она даже не заметила, как отошла от всех спусков на значительное расстояние. Все началось с райского уголка, который вчера показал ей Иона: скалы с трех сторон и несколько уступов, заканчивающихся плато. Ольга так ненавидела себя за возможную неверность мужу (гордая кровь Мананы, кровь грузинских князей, отвергала саму мысль о предательстве), что решила съехать вниз по уступам.

Солнце уже заходило за скалы, и снег становился сиреневым, он мерцал изнутри ровным успокаивающим светом, свободным от низменных страстей.

Если я съеду сейчас вниз и ни разу не упаду, все кончится хорошо, мы вернемся в Москву, имя Иона забудется так же, как и сегодняшний кошмарный сон. А в следующий раз мы поедем куда-нибудь в Северную Лапландию, в какой-нибудь заштатный Саариселькя, к собачьим упряжкам, к Санта-Клаусу, к черту на рога...

Или в Венецию.

Конечно же, в Венецию, хрустящую простынями Венецию, самую сладкую постель их любви. Да. А сейчас нужно собраться, помнить, что центр тяжести переносится на внутреннюю лыжу, что же еще? А-а, кой черт, пусть они сами меня несут, эти лыжи, они ведь замечательные, как уверяли продавцы, прыщавые мальчишки с каталогами; они ведь «smart ski» <Smart ski — здесь: думающие лыжи (англ.)>, как уверял Марк, пусть тогда и думают за меня. Если она удачно съедет, все будет хорошо. Вот так. Это и есть последнее слово.

Ольга надвинула горнолыжные очки и оттолкнулась палками от склона.

Ну, вперед, пробьемся касками, как любит говорить отец.

Плотный воздух, несшийся ей навстречу, обжигал щеки и оставался далеко позади, лыжи летели по рыхлому снегу, а где-то в диафрагме вдруг зазвенела тоненькая нота торжества: я могу, я могу это делать, я могу... Ольга прошла первый уступ, послуживший ей маленьким трамплином для второго.

Как говорил Иона — вдохновение, только вдохновение; а Марк говорил — драйв! Нужно полностью довериться лыжам, полностью довериться полету, полностью довериться себе самой — и тогда все получится. Не думать о том, как пройти поворот, — просто пройти и все.

Теперь она срезала поворот, уменьшила его радиус — и все

получилось! Сердце готово было выпрыгнуть из груди: все получилось! Второй уступ был пройден, трамплин оказался даже чуть повыше, она почти упала на бок и прижалась к лыжам, как прижимаются к любовнику, перед тем, как закрыть глаза... И чиркнула палками по склону, может быть, чуть сильнее, чем это было необходимо. Палки придали движению еще большее ускорение — теперь она летела навстречу плато.

Все.

Все, она прошла, она загадала — и выиграла. Иона будет навсегда изгнан из храма, жалкий фарисей, братоубийца! Иона будет изгнан, а она выиграла!

И как только она подумала об этом, плато осталось позади:

Ольга вылетела из него и помчалась дальше, вниз по склону, по девственно-чистому сиреневому снегу. Это никак не входило в ее планы: должно быть, скорость была слишком высокой. Ей хватало сил, чтобы нестись дальше, но не хватило мастерства, чтобы остановиться. Склон же становился все круче и круче, но, странное дело, она перестала бояться его.

Будь что будет, именно этого здорового авантюризма ей не хватало в жизни, именно этих острых ощущений...

И все-таки она упала.

Упала, неловко завернув, пытаясь объехать одинокую сосну. Падение не было ни страшным, ни болезненным: в самый последний момент ей удалось сгруппироваться. Лыжи простили ей ошибки в скольжении и неопытность. Но она все-таки по касательной задела сосну и потеряла палку, только и всего. Отличную палку.

Только о ней думала Ольга, сидя в снегу. Уже потом она ощупала себя: вроде бы все в порядке, никаких повреждений.

Когда дрожь от падения унялась, она подняла голову и осмотрелась. Впрочем, что-либо увидеть в сумерках было не так-то просто, в глаза лезли только злополучная, искореженная временем сосна и скалы — справа и слева от Ольги.

Она понятия не имела, где находится: ей казалось, что Спуск длился полчаса, не меньше. Впрочем, время имеет тенденцию сжиматься и растягиваться, так что не стоит особенно доверять своим ощущениям.

Судя по всему, «Роза ветров» где-то справа. Если попытаться подняться наверх...

Ольга с сомнением посмотрела на однообразный склон.

"Нет, такую высоту, заслоненную скалами, ей не осилить. Но если попытаться обойти их и двинуться направо...

Для начала нужно найти палку.

Ольга обшарила все пространство в радиусе нескольких метров, проклятая палка как в воду канула. Но и оставаться здесь было бессмысленно. Недавнее счастливое ощущение полета и полного внутреннего освобождения сменилось легкой паникой: только этого не хватало. Нужно взять себя в руки, подняться и пойти. Черт ее дернул совершать такие рискованные променады на ночь глядя! Ольга поднялась в сгущающихся сумерках и покатила вдоль скал. Она даже приспособилась к одной палке, но спустя некоторое время поняла, что от лыж лучше отказаться: рядом со скалами почти не было снега: здесь скореегодились бы альпинистские ботинки с шипами. Ольга отстегнула лыжи и взвалила их на плечо — идти стало легче, хотя она до сих пор сомневалась в правильности выбора направления.

К ночи похолодало, и это стало серьезно беспокоить Ольгу. Не хватало еще замерзнуть на этом фешенебельном курорте, заплатив бешеные бабки за путевку и снаряжение! От этой мысли ей даже стало весело. Что ж, она замерзнет, но зато и Ионе не придется входить в дом ее тела, тщательно вытирая ноги при входе.

Главное — не паниковать. Помни, ты дочь своего отца, а он вовсе не порадуется, когда узнает, что ты бездарно замерзла, заблудилась, не нашла выхода из создавшегося положения.

Ольга шла, пока не выбилась из сил, а скалы все не кончались.

Стоп.

Нужно где-нибудь передохнуть и оценить ситуацию. Она вплотную приблизилась к скалам и спустя несколько минут нашла то, что искала: небольшую нишу, которая может послужить ей временным пристанищем. Ольга прислонила лыжи к черной поверхности скалы и присела на корточки. Самое время, чтобы подумать. Ольга похлопала по карманам своего костюма. Слава богу, сигареты и зажигалка лежали на своем месте.

В Москве она редко курила, да и за все время пребывания в «Розе ветров» выкурила не больше пяти сигарет. Но сейчас именно та ситуация, когда стоит сделать пару затяжек. Она достала начатую пачку «Мальборо», выбила сигарету и, щелкнув зажигалкой, с жадностью затянулась. Огонек сигареты успокаивал ее и давал возможность спокойно размышлять.

Минут через сорок станет совсем темно. Значит, до наступления ночи у нее остается время. Будь реалисткой, Ольга, спуск занял двадцать минут, не больше. Ты все время двигалась по прямой вниз. В самом начале спуска «Роза ветров» оставалась справа. Десять минут ушло на фуникулер. Ольга взяла палку и нарисовала прямо на снегу некое подобие схемы. В ее центре лежал квадрат. Нижняя правая его точка означала место подъема

фуникулера. Верхняя правая — начало трассы. Верхняя левая — то место, откуда она начала свой полубезумный отчаянный спуск. Нижняя левая — ее нынешнее местоположение. Квадрат — очень ясная геометрическая фигура, она может успокоить кого угодно. Похоже, что «Роза ветров» и нынешнее место ее пребывания находятся где-то на одной прямой.

Ольга приободрилась и улыбнулась самой себе: иногда и гуманитарии способны к точным логическим построениям!

Ольга откинулась назад и прислонилась к скале — и тотчас же услышала, как что-то звякнуло.

Ну конечно же, ключ от их коттеджа.

Ключ от коттеджа, который она не отдала портье, а прихватила с собой, когда вернулась, чтобы взять лыжи. Тогда, после бегства от Ионы, спустя двадцать минут Ионы уже не было у коттеджа, хотя она втайне надеялась (предательница, предательница, предательница!), что он будет ждать ее...

А теперь ключ выскользнул из кармана. Не хватало, чтобы она потеряла его — так же, как потеряла лыжную палку! Ольга наугад пошарила рукой по снегу: проклятый ключ не находился! Но ведь он не мог отлететь далеко. Она встала на четвереньки и поднесла к снегу зажженную зажигалку. Слава богу, — ключ сразу же нашелся, он тускло поблескивал у самой скалы.

Ольга сунула его в карман и только теперь заметила, что огонь зажигалки странно отклонился к скале. Его как будто что-то потянуло к гладкой поверхности камня. И это при полном-то безветрии! Но спустя секунду такое странное поведение огня получило вполне реальное физическое объяснение: у самого основания скалы Ольга увидела узкую щель, едва заметную в снегу. Она наткнулась на щель случайно, только потому, что искала ключ и воспользовалась для его поисков зажигалкой. Ольга машинально сгребла перчаткой верхний слой снега, и щель расширилась.

Ничего себе, пещера Али-Бабы!

Заинтригованная, она принялась отбрасывать снег, и спустя минуту щель превратилась в лаз. В него вполне мог протиснуться человек.

Ольга колебалась недолго: похоже, затяжной вечерний полет по снежной целине задел в ней какую-то доселе неведомую авантюрную струну. А вдруг там, внутри скалы, действительно пещера Али-Бабы, несметные сокровища, золото скифов, золото рейха, золото партии?.. Она скользнула вниз, даже не задумываясь о последствиях.

...Спуск оказался совсем пологим и не занял больше нескольких

секунд. Оказавшись внутри скалы, Ольга снова зажгла зажигалку.

Вот это да!

Рядом с ней, у правой стены, лежала связка факелов. И большой коробок охотничьих спичек в целлофановом пакете.

Возбуждение Ольги достигло крайней точки. Она вытащила из пакета спички и взяла один из факелов. Когда ярко вспыхнувшее пламя осветило все вокруг ровным светом, Ольга увидела прямо перед собой узкий коридор, похожий на штольню. Коридор уходил в глубь скалы, и Ольга двинулась по нему. Шла она недолго, коридор же постепенно расширялся и наконец превратился в довольно большой зал с низкими сводами. Очертания зала терялись в темноте, так что Ольга даже представить не могла его реальной величины.

Справа от входа она заметила какой-то странный механизм: алюминиевые соединения трубок, чем-то неуловимо напоминающие самые обычные, вполне невинные мелиоративные машины. Но то, что она увидела спустя секунду...

Факел в ее руке преобразил зал.

Он ожил, заиграл нестерпимо ярким светом: только теперь Ольга поняла, от чего идет этот свет.

В самом центре зала жил своей собственной жизнью ее собственный, увиденный только сегодня кошмарный сон.

Она еще не до конца поняла это, но уже почувствовала.

Холодея от страха, на подломленных ногах, она медленно приближалась к своему сну, и факел в ее руках дрожал.

Это был самый страшный музей, который только можно себе представить. Музей одной-единственной, но совершенной скульптуры.

Сначала Ольга так и восприняла это — как скульптуру. Как маленькую часть того ледяного городка, который так страшно напугал ее... Но там был только лед, самый безобидный лед, только и всего. Лед, осколки которого вполне сгодились бы для бокала с мартини. Сплошной лед без всяких изысков.

Под этим же льдом была смерть. Она поняла это, как только подошла поближе: семь человеческих фигур из льда, застывших в самых разных позах. С той лишь разницей, что это были не просто искусно сделанные фигуры.

Каждая из фигур когда-то была человеком.

Нет, это и были люди!

Когда Ольга поднесла факел к первой фигуре, то сквозь толщу льда проступило лицо, искаженное мукой. Отблески огня играли на гладкой

поверхности и делали мертвые черты живыми: широко открытые остекленевшие глаза, темная прядь, упавшая на лоб; человек подо льдом был абсолютно голым.

— Хорошо развитая грудь, темные пробоины сосков, впалый живот, завитки волос в паху — греческая скульптура, совсем мальчик, юный Ганимед, обносящий вином небожителей...

Ольга закричала.

Ее крик, отраженный стенами зала и равнодушным льдом, вернулся к ней, тысячекратно усилившись. Но даже этот исполненный отчаяния крик не нарушил ужасающий покой мертвого человека, который был так не похож на мертвого.

...Женщина смотрела прямо на Ольгу. В отблесках огня ее глаза казались живыми. Тоже обнаженное тело, которому уже безразличен холод. Какой-то неведомый Ольге сумасшедший скульптор идеально чувствовал плоть: линии тел были сохранены и любовно повторены во всех изгибах, хотя ледяная корка была довольно плотной: ничего лишнего, абсолютно гладкая поверхность. Женщина сидела у ног еще одного мужчины. Сколько она просидела здесь, после того как умерла?

Или была убита?.. Кем-то, кто создал этот Пантеон, кто снял с них одежду... Ведь, когда они были живы, — у них была одежда... Конечно же, у них была одежда... Может быть, они стоят здесь уже несколько веков, может быть, это жертвенный алтарь какого-то древнего народа, позднее превратившегося в птиц... Нет, нет — Ольга явственно увидела на шее женщины тонкую золотую цепочку и сережки в ушах: маленькие сверкающие листики, точно такие же подарил ей отец на шестнадцатилетие...

Факел дрогнул в ее руках и осветил мужчину, у ног которого сидела женщина.

Она уже видела это лицо. Только где?

Фотография! Ну конечно же, фотография, которую ей показывала подвыпившая Наташа. Парень с фотографии, Кирилл, пропал за пять дней до их приезда в «Розу ветров», тогда все они думали, что его накрыло лавиной...

Ольга лихорадочно пыталась сохранить остатки мутнеющего сознания: если сейчас она упадет в обморок, то может не очнуться никогда. И будет смотреть на кого-то, кто придет после нее, такими же мертвыми глазами.

Должно быть, она слишком близко поднесла факел к лицу Кирилла: лед потек, и его совершенство сразу же нарушилось. Освободившееся от

плена лицо было пугающе живым и близким: холод — самый надежный спутник вечности, только теперь она по-настоящему поняла это. На нем застыла удивленная улыбка.

Чему же он улыбался перед смертью?

Ольга больше не могла справиться с собой: находиться здесь, среди мертвых тел, в их братской ледяной могиле, было совершенным безумием.

Безумие.

Конечно же, она безумна, и сны ее так же безумны, как и она сама, — но нужно попытаться вырваться из этого сна...

Нужно сделать волевое усилие — и нырнуть в реальность, в смятые простыни, на которых деликатно спит никогда не храпящий Марк...

Но сон не хотел уходить: лицо Кирилла так же парило над ней, как и губы цыганки.

Просыпайся, просыпайся же!..

В отчаянии она провела ладонью над факелом, и руку сразу же обожгла резкая боль. Ничего не изменилось, она по-прежнему стояла перед ледяным Пантеоном. Незначительные детали лезли ей в глаза — только для того, чтобы узаконить ее присутствие в этом кошмаре: маленькая ссадина на скуле Кирилла, сережки и цепочка женщины, закованной в лед, завитки волос в паху юного Ганимеда. За ними стояли еще четверо, но приблизиться к ним у Ольги не хватило сил.

Она не помнила, как бросила факел, как сама бросилась вон из страшного склепа, как вырвалась на волю, царапая ногтями снег.

Она бежала, проваливаясь в снег по колено, она бежала до тех пор, пока, обессиленная, не рухнула в какую-то лощину и не потеряла сознание...

* * *

Тепло.

Слава богу, тепло.

Как тепло в глубине, в толще воды, куда почти не доносятся голоса. Нет-нет, только голос. Один-единственный голос...

— Кара! Ты слышишь меня, кара?!

Сознание медленно возвращалось к ней — вместе со светом, струящимся сквозь веки. Это не был мертвый свет льда, нет. Только поняв это, Ольга решила открыть глаза.

Она лежала на кровати, в своем коттедже, а рядом с ней, осунувшийся и побледневший, сидел Марк. Ольга заплакала.

Марк бросился к ней, обнял за голову, прижавшись губами к ее волосам.

— Как же ты нас напугала, кара!

— Марк...

— Я чуть не умер... Как ты могла! Как ты могла так поступить с нами? Так поступить со мной! Отправиться одной, на ночь глядя... Я больше никуда тебя не отпущу... Это я, я во всем виноват...

— Нет, ты не виноват...

— Мы искали тебя всю ночь. Только к утру нашли. Счастье, что твой костюм и куртка были с подогревом, иначе ты бы замерзла насмерть...

Марк судорожно вздохнул, кадык его беспомощно дернулся.

— Никогда, никогда больше тебя не оставлю.

Путаясь и сбиваясь, он рассказал ей, что, обеспокоенные ее долгим отсутствием, они отправились на поиски: он, Иона, его горноспасатели, даже Инка. «Милая Инка, — подумала Ольга, — моя единственная подруга...» Кто-то из последних уходящих с трассы горнолыжников видел ее у трех скал, оттуда они и начали поиск. Ее нашли Влад и Иона, ближе к утру, в какой-то лощине, занесенную снегом (ночью, оказывается, прошел снег). Ни лыж, ни палок с ней не было. Только пачка мятых сигарет, зажигалка и ключ от коттеджа. На ее левой ладони был сильный ожог: очевидно, она пыталась прикурить или развести огонь...

Ольга машинально поднесла к глазам забинтованную руку.

Она обожгла ее факелом там, в жуткой пещере. Значит, это не было сном! Все, произошедшее с ней, не было сном! Она вспомнила лицо мертвого Кирилла так явственно, что оно на секунду даже заслонило лицо Марка. Ольгу начала бить мелкая дрожь.

— Что с тобой, кара? — Даже руки Марка не могли спасти ее от воспоминаний.

Наконец-то она разлепила губы:

— Ты помнишь мой кошмар, Марк?

Его брови удивленно приподнялись: не самое лучшее время вспоминать о страшных сновидениях, когда она спаслась так счастливо и так случайно!

— Ты помнишь?

— О чем ты говоришь, кара?

— Вчерашний кошмар... Я говорила тебе, я обо всем тебе рассказала... Помнишь о людях из моего сна? Они были закованы в лед...

Ты помнишь?

— Не нужно об этом.

— Нет, нужно. Потому что это не мой сон. Потому что это правда.

— Правда? В каком смысле — «правда»?

— Мне приснилось только то, что уже существует... Я не знаю, почему это произошло, почему мне приснилось именно это... Я видела пещеру, в которой стояли люди... Они были во льду... Ты понимаешь?

По лицу Марка пробежала жалкая недоверчивая улыбка.

— Я понимаю, ты переволновалась. Ты испугалась. Мы все страшно испугались.

— Ты не понял, Марк! Я действительно видела мертвых людей... Я даже узнала одного из них. Это Кирилл, парень, который пропал!

— Какой Кирилл?

— Она говорит о человеке, которого накрыла лавина, — раздался голос, который она хотела услышать меньше всего.

Ольга повернула голову: в кресле, недалеко от кровати, сидел Иона. Лицо его было таким же бледным и осунувшимся, как и лицо Марка.

— Я ничего не знаю об этом... — Марку плевать было и на все лавины, и на всех Кириллов вместе взятых. Главное, что его девочка была жива!

— Парень, которого мы все это время ищем, — Иона побледнел еще сильнее. — Он пропал еще до того, как вы приехали сюда.

— Ну что за бред! Если он пропал сколько-то времени назад, откуда ей знать, что это именно пропавший? — Марк снова обратился к Ольге. — Откуда ты знаешь, что это именно он, кара?

— Фотография! Мне показывали его фотографию...

— Кто?

— Женщина, с которой... Которая была с ним.

— Наталья, — снова прокомментировал Ольгу Иона.

— С какой стати она показывала тебе фотографию?

— Марк! — Глаза Ольги наполнились слезами. — Почему ты так со мной разговариваешь? Ты ведь не прокурор...

Марк осекся и снова потянулся к Ольге.

— Прости меня... Прости, я просто ужасно струсил... Я боялся, что могу тебя потерять...

— Еще как боялся! — Иона ощерил зубы в улыбке, и впервые она показалась Ольге неприятной.

— Заткнись, — бросил Марк брату. — А теперь расскажи нам все с самого начала, кара!

Это оказалось совсем не таким простым делом. Ольга несколько раз вздохнула, а потом попросила Марка принести воды.

Когда он вышел, она впервые открыто посмотрела на Иону.

Пережитое потрясение перегрызло пуповину ее внезапной зависимости от молодого смуглого спасателя.

— Уходи, — прошептала она.

— Нет. — Он стиснул зубы, и на его скулах заходили желваки.

— Уходи.

— Я спас тебя. Ты могла хотя бы поблагодарить меня за это.

Она закрыла лицо ладонями: почему так долго не идет Марк? А Иона — он уже был рядом с ней, на краешке кровати, он занял место Марка. Занять место Марка — не в этом ли была его цель?.. Но Ольге не пришлось додумать эту мысль до конца: руки Ионы крепко сжали ее пальцы, и она запоздало удивилась тому, как они горячи, ничего общего с прохладными, спокойными руками мужа. Они обжигали ее, как обжигали его поцелуи.

Наконец вернулся Марк.

— Выпей, кара.

Иона тотчас же поднялся с кровати. Стараясь не смотреть на него, Ольга взяла стакан и сделала несколько глотков.

— Тебе лучше? — заботливо спросил Марк.

— Да. Все в порядке.

— Ты можешь рассказать, что произошло?

— Да.

И снова она не смогла начать. Дверь в коттедж распахнулась настежь, и на пороге появилась Инка. Такая же шумная, как всегда. Она смела с дороги обоих братьев и покрыла восковое лицо Ольги беспорядочными поцелуями. От Инки пахло снегом, взмокшими волосами, свежестью ничем не замутненной души.

— Лелишна! Ты тронулась! Ты же могла нас в могилу свести! Что бы я сказала Игорю? — Не отпуская Ольгу, она повернула голову в сторону Марка и Ионы и презрительно выгнула губы. — Мужичонки! Козлы вонючие! У семи нянек дитя без глазу! Хороший у тебя муженек, ничего не скажешь!

— Заткнись, пожалуйста. — Марк устало поморщился. — Хоть сейчас заткнись!

— Ты бы лучше не за мной следил, а за своей женой! — все-таки не удержалась Инка напоследок, оцупывая лицо Ольги. — Никаких повреждений, Лелишна, могу тебя поздравить. Во всяком случае, в гробу ты бы смотрелась великолепно.

— Инка!

— Молчу, молчу. Ну, рассказывай, что с тобой стряслось!

Ольге было все равно, слушают ли ее Инка и Иона. Марк — вот к кому она апеллировала. Марк, который знал о ее кошмаре, который знал о цыганке в аэропорту и о ее предсказании.

Теперь же все произошедшее с ней казалось звеньями одной цепи.

— Я просто... Просто хотела покататься... Мы ведь приехали сюда покататься на лыжах, правда? — начала Ольга бесцветным голосом: она сознательно опустила причину, по которой отправилась в такой небезопасный спуск. Все, связанное с Ионой, было теперь неважно. — Я вас искала...

Марк снова крепко прижал ее к себе.

— Сначала все было хорошо... А потом... Потом я заблудилась. Я не поехала по трассе, а было уже темно. Почти темно.

Я потеряла палку. Решила, что лучше снять лыжи и идти — там было много скал... Много камней. А потом я нашла это место, совершенно случайно.

Путаясь и сбиваясь, Ольга рассказала о страшной пещере, о мертвых людях, которых видела там, — один из них был Кирилл. Она так хотела, чтобы ей поверили, она приводила самые достоверные подробности: спички, завернутые в целлофан, ссадина на скуле Кирилла, ее собственная обожженная рука, цепочка, лежащая на ключицах женщины... И чем больше она говорила, тем яснее понимала, что ни Марк, ни Инка не верят ей. Она бы и сама себе не поверила, таким фантастическим выглядел рассказ. «Слишком цветисто, чтобы быть правдой, — сказал бы ее отец, обладающий известной парадоксальностью мышления. — Слишком много ненужных деталей».

Когда она закончила рассказ, то сразу же поняла, что подписала себе приговор, — теперь они будут считать ее сумасшедшей.

— И что дальше? — со жгучим интересом спросила Инка: она обожала фильмы ужасов.

— Я не помню, — честно призналась Ольга. — Я выскочила оттуда и бежала, пока хватало сил.

— И бросила лыжи?

Ольга улыбнулась — впервые после того, как пришла в себя. Лыжи, конечно же, лыжи! Ты умница. Инка! Она оставила свои лыжи прислоненными к скале рядом с лазом в пещеру. Они, наверное, до сих пор там стоят. И найти их будет несложно...

— Я оставила их там, возле пещеры, — едва скрывая торжество,

сказала Ольга. — Если мы их найдем, то найдем лаз в пещеру...

Марк с сомнением посмотрел на жену.

— Ты мне не веришь, Марк? — Ей было совершенно наплевать на всех остальных. Главное, чтобы Марк принял ее сторону.

— Почему же, — он так осторожничал, так явно подбирал слова, что Ольге вдруг захотелось ударить его. — Почему же, я верю тебе, кара... Только... М-м... Может быть, ты неудачно съехала, может быть, упала...

— Ты хочешь сказать... — Ольга вспыхнула. — Ты хочешь сказать, что я свалилась и ударилась и без того некрепкой головой? И потеряла мозги окончательно?!

— Нет... Нет. Но все это выглядит совсем уж... Просто гиньоль какой-то.

— По-твоему, я сама это придумала?!

— Брейк, брейк. — Инке нравилась ситуация, она даже подмигнула Ольге (вот видишь, Лелишна, и тебе несладко приходится с этим рациональным ублюдком). — Успокойтесь, горячие финские парни! Все очень просто. Нужно проверить все то, что рассказала Лелишна.

— Интересно, каким образом?

— Марк, душка! И как с таким потасканным мозжечком тебе удастся занимать такой крупный пост? Твоя умница жена все разжевала: мы отправляемся искать ее лыжи. А заодно и то место. Как тебе такой план?

— Ну, я не знаю... Если все это правда, — Марк сделал ударение на последнем слове, — тогда нужен кто-то посерьезнее нас с вами. Наверняка здесь есть кто-то отвечающий за безопасность...

— Да уж, — поморщился Иона, — такого добра навалом.

Сто сорок килограмм живого веса.

— Вот и отлично! — оживился Марк. — Стоит пригласить их сюда, и пускай Ольга все им расскажет. Так же, как рассказала нам. Если, конечно, все это правда...

Ольге стало грустно: Марк, ее муж, единственный человек, которому она доверяла, не встал на ее сторону. Никто не встал на ее сторону. Даже Инка, для Инки ее рассказ — занимательный сюжет, не более, совсем нестрашная страшилка, возможность безопасного приключения, круглые горошины перца в паточном сладковатом снегу. А Иона... Теперь и он будет считать ее сумасшедшей, теперь и он узнает, каково это — любить сумасшедшую. А вообще, с чего ты взяла, Ольга, что он влюбился в тебя? Или ты этого хотела?..

— Я схожу за ним, — сказал Иона.

Его уход из коттеджа был похож на бегство, но этого не заметил никто,

кроме Ольги, чувства которой были обострены до предела. Иначе и быть не могло — кому охота выслушивать бредни полуживой мамзсльки, едва оправившейся от ночи, проведенной на снегу.

Все то время, пока не было Ионы, и Марк, и Инка не возвращались к рассказанному Ольгой. Марк откровенно боялся этого, для Инки и так все было понятно. После небольших формальностей отправляемся на увеселительную прогулку за лыжами, а там — как бог на душу положит.

— Который час? — наконец-то догадалась спросить Ольга.

— Половина четвертого, кара.

Половина четвертого. Если ее нашли утром, значит, она была без сознания около двенадцати часов — это много даже для глубокого обморока.

— Я так долго не могла прийти в себя?

— Да нет, ты приходила в себя... На несколько минут. Потом тебя осмотрел врач.

— Врач?

— Конечно же, кара... Ты ведь столько времени провела в снегу. А здесь есть врачи, как ты сама понимаешь.

— Ну и что же сказал врач? — спросила Ольга, внутренне холодея.

— Все в порядке. Несколько синяков и ссадин, обожженная рука... — Марк сел рядом с ней на кровать и поцеловал обмотанную бинтом ладонь. — Шишка на голове. Ты все-таки ударилась.

Ольга поднесла руку к волосам и сразу же нащупала маленькую шишку у виска.

— Я чувствую себя нормально, — упрямо сказала она.

— И слава богу!

Марк снял телефонную трубку и попросил принести обед в коттедж. Только теперь Ольга поняла, что зверски проголодалась — ведь она не ела со вчерашнего дня. Но когда обед принесли, кусок не полез ей в горло: воспоминания о пещере вернулись, сдавили диафрагму и стали рвать грудь когтистыми безжалостными лапами.

Ольга снова заплакала, и снова Марку пришлось утешать ее. Инка наблюдала за всем происходящим с веселым одобрением. Пройдясь по комнате, она залезла в чемодан и достала оттуда еще не распечатанную бутылку мартини.

— Ну что, выпьем за счастливое избавление от напастей, а, родственнички? — И, не дожидаясь ответа, проворно разлила янтарную жидкость по стаканам. Марк наблюдал за ее манипуляциями со скрытым неодобрением. Но мартини все-таки взял.

— Я не буду, — жалобно сказала Ольга, — у меня голова болит.

У нее действительно болела голова. Боль — сначала неясная и нежная — становилась все ощутимее. Это страшно взволновало Марка.

— Я позвоню доктору, — сказал он.

— Нет, не надо! — Видеть лишних людей, терпеливо рассказывать им о своих болевых ощущениях было выше ее сил.

— Ну хорошо. Тогда съешь хоть что-нибудь.

— Не сейчас... Потом.

Чтобы хоть как-то разрядить обстановку, Инка взяла инициативу в свои руки. Налегая на мартини, она рассказала им несколько забавных историй из жизни «Розы ветров». За два дня она успела перезнакомиться с кучей народа, принять деятельное участие в утешении несчастной Натальи, осмотреть фронт работ горноспасателей и даже получить приглашение на участие в конкурсе "Мисс «Роза ветров».

— Это еще что такое? — удивилась Ольга.

— Конкурс красоты, Лелишна, конкурс красоты, на котором мне будет отведена главная роль. Ты, между прочим, тоже можешь поучаствовать.

— Интересно, в каком виде ты собираешься заездить? — ухмыльнулся Марк.

— Во всяком случае, купальник я прихватила, так что без Большой пальмовой ветви не останусь. Интересно, куда это запропастился наш бобыль-гитарист? Пора бы ему объявиться вместе с представителем закона, — вышесказанное относилось к ушедшему Ионе.

Не успела Инка произнести это, как в дверь раздался настойчивый стук.

— Кажется, к нам гости, — сказал Марк.

Он широко распахнул дверь, и комната сразу показалась тесной: туша гиппопотама, упакованная в пальто и шляпу, заняла в ней центральное место. Вошедший был один. Иона даже не посчитал нужным вернуться в коттедж.

Гиппопотам принес с собой целый букет запахов: они были резкими и слишком навязчивыми — поглощенная организмом дьявольская смесь самых разных спиртных напитков и сигарет, застенчивый пот и какой-то уж совсем вульгарный одеколон.

Инка даже присвистнула и начала бесцеремонно разглядывать рассадник запахов. Марк был куда более деликатен: он даже решился пожать руку гиппопотаму.

— Красинский, — коротко отрекомендовался Марк.

— Звягинцев. Пал Палыч, — кашлянув, сказал вошедший.

Осмотрев глазами комнату, он сразу же выдернул из обстановки кресло и плюхнулся в него. Кресло издало жалобный предсмертный писк.

— Ну? — спросил Звягинцев, уставясь на Марка. — Что такого случилось? Рассказывайте.

— Собственно, случилось не со мной, а с моей женой, — Марк не мог скрыть своего разочарования. — А вы, простите, и есть человек, отвечающий за безопасность?

— Вам корочки показать? — пробухтел Звягинцев.

— Думаю, обойдемся без формальностей, — сразу пошел на попятный Марк.

— Ну, рассказывайте, что стряслось.

Ольга добросовестно пересказала все то, что произошло с ней за последнюю ночь. По толстому бульдожьему лицу Звягинцева невозможно было определить, как он отнесся к изложенной Ольгой истории. Во всяком случае, скептическая улыбка ни разу не появилась на монументальном лице Звягинцева, и уже за одно это она была ему благодарна. В какой-то момент ей показалось, что он перестал слушать ее и переключился на что-то другое. И, проследив за Звягинцевым, она моментально нашла источник раздражения.

Поднос, стоящий на столике рядом с креслом.

На подносе стояли не тронутый Ольгой кофе, плетенка с ванильными булочками и молочник.

«Толстяк, похоже, страдает неумеренной страстью к еде», — с неожиданным раздражением подумала Ольга. И Звягинцев тотчас же подтвердил ее опасения.

— Вы позволите? — самым благодушным тоном сказал он, протягивая лапу к чашке с кофе.

— Конечно, — сказал Марк. — Извините, что сразу не предложили.

— Ничего.

— Может быть, мартини?

— Мартини? — округлил рот толстяк. — Вообще-то я при исполнении не употребляю, нам запрещено...

По тебе видно, как ты не употребляешь!

— ..но рюмашку, пожалуй, пропущу...

Засосав мартини, Звягинцев накинудся на ванильные булочки: они исчезали в его пасти с третьей космической скоростью.

— Значит, вы увидели семь трупов? — совершенно буднично спросил Звягинцев.

Ольга вздрогнула.

— Да...

— И все они были впаяны в лед, если я правильно понял.

— Да.

— В одном из них вы признали пропавшего Кирилла Позднякова.

— Я не признала... Дело в том, что я никогда его не видела. Должно быть, вы уже знаете. Мы приехали в «Розу ветров», когда он уже пропал. Я.., я видела его фотографию.

— Где вы видели его фотографию?

— Мне показала его знакомая. Фотография «Полароидом»...

— Какая знакомая?

— Я не знаю. Знаю только, что ее зовут Наташа.

— Все ясно. — Звягинцев шмыгнул носом, и на его лице появилось выражение обреченности. — Гражданка Запесоцкая Наталья Владиленовна. А почему она показала вам эту фотографию?

— Трудно сказать. Просто показала, и все. — Не станешь же объяснять этому немытому моржу, что женщина по имени Наталья была больна Кириллом, как только может быть больна немолодая женщина любовью.

— Значит, она показала вам фотографию, а вы запомнили лицо.

— Это было нетрудно. Он очень красивый человек... Был, — тотчас же поправилась Ольга.

— И вы утверждаете, что по фотографии опознали труп, находящийся в некой пещере?

Невозможно было придумать разговора глупее. Ольга устало махнула рукой.

— Да. Будем считать, что так.

— А остальные?

— Я не знаю, кто были остальные. Женщина и юноша, остальных я не разглядела. Не успела. У меня не хватило духу...

— Значит, вы обнаружили тела — и? — Звягинцев вопросительно посмотрел на Ольгу.

— А что бы вы сделали на моем месте?

«Ничего бы ты не сделал, старый козел. Нет, старый бегемот, старый потасканный слон в фетровой шляпе, оскотинившийся мамонт, кашалот на заслуженном отдыхе. Ты бы просто не протиснул свои жиры в эту щель!..»

— Пока здесь вопросы задаю я.

— Извините, но моя жена, — наконец-то нашел нужным вмешаться Марк, — она пережила нервное потрясение... Я бы попросил вас быть повежливее.

Звягинцев никак не отреагировал на слова Марка. Он смел крошки от

ванильных булочек с пальто и ловким движением отправил их в рот. После этого он сразу же потерял интерес и к Ольге, и к ее рассказу, и к осиротевшему подносу: есть больше было нечего.

— Ну что ж. Для начала мы должны осмотреть место происшествия. Очень свежая мысль!

— Вы в состоянии показать его?

— Я не знаю... Было довольно темно, местность мне незнакома абсолютно... Но возле пещеры я оставила лыжи. Можно поискать их, в конце концов, остались же следы...

— Это сомнительно. Ночью шел снег, так что ваши следы вряд ли сохранились.

«Конечно, сомнительно, особенно когда тебе предстоит оторвать для этого свою толстую задницу, корнями вросшую в фирменное блюдо местного ресторана. Какую-нибудь затрапезную говяжью грудинку под соусом из хрена и яблок».

— Но мы можем найти лыжи, — продолжала упрямяться Ольга.

Краем глаза она заметила, как сморщился Марк: вся эта затея не нравилась ему с самого начала.

— Хорошие лыжи? — вдруг спросил Звягинцев.

— Хорошие, — ответил вместо Ольги Марк. — «Radarс», если это о чем-то вам говорит.

— А-а.., ботиночный вариант, — проявил недюжинную осведомленность Звягинцев. — Правая на правую ногу, левая — на левую... Знаю-знаю... Ну, тогда можете с ними распрощаться.

— В смысле?

— Такие лыжи сопрут и глазом не моргнут.

— Что, были прецеденты?

— Было всякое. Но такого, чтобы семь трупов в одной колоде... Это, извините, перебор.

— Значит, вы не будете этим заниматься? — Ольга повысила голос.

— Почему же... — в голосе Звягинцева не слышалось никакого энтузиазма. — Раз поступил сигнал — обязаны проверить.

— Когда?

Звягинцев почесал плохо выбритый щетинистый подбородок.

— Вы сами как себя чувствуете?

— Отлично.

— Ну, рад за вас. — Звягинцев всей тушей повернулся к столику, где стояла бутылка с мартини, и самым непринужденным образом наполнил мартини свою грязную кофейную чашку.

— Я готова хоть сейчас...

— Никто не требует от тебя таких жертв, кара, — мягко сказал Марк.

— Жертвы уже есть... Неужели ты не понял, Марк! — Ольга с отчаянием посмотрела на мужа.

— Хорошо, хорошо, успокойся!

— Боже мой, о каком спокойствии ты мне говоришь?!

— Послушайте, дама... Вас, кажется, зовут Ольга, если я не ошибаюсь... — Звягинцев допил мартини и пришел совсем уж в благостное расположение духа. — Ваш муж прав. Не нужно пороть горячку раньше времени. Сейчас я соберу ребят.

Тех, кто не занят. Прочешем местность, насколько это возможно. Все выясним и уже тогда будем делать заявления. Вы как, не против?

— Нет.

— Вот и ладушки. Значит, так, где-то через час подходите к фуникулеру, если чувствуете в себе достаточно сил.

— Я уже сказала вам...

— Я помню. Хотя бы лыжи вам найдем — и то дело. Такие лыжи терять — это непростительная роскошь. Вы, конечно, люди богатые, но все равно. Жалко, поди, лыжи, а?

— При чем здесь лыжи? Вы не поняли, о чем я вам говорила?

— В общем, собирайтесь с силами. — Звягинцев бросил тоскливый взгляд на недопитую бутылку мартини, тяжело поднялся с кресла и направился к двери.

Марк увязался за ним (скажите, пожалуйста, какая галантность!), а Инка и Ольга остались одни.

— Ну и тип! — как только за Звягинцевым закрылась дверь, выдохнула Инка.

— Кусок дерьма, — сквозь зубы процедила Ольга. — Старого бараньего дерьма.

— Не могу с тобой не согласиться, Лелишна. Голова болит?

— Немного.

— Давай-ка выпьем.

— Нет, не хочу.

— Послушай, а ты уверена?

— В чем? В том, что я не хочу этого дурацкого парфюмерного мартини? Абсолютно.

— Да нет... В том, что ты видела?

— Инка!

— Прости-прости... Я бы, наверное, просто с ума сошла!

Значит, они стояли там голые? — В голосе Инки не было ничего, кроме жгучего школьного любопытства. Ольга помнила эту интонацию — когда-то, в пятом классе они демонстрировали друг другу уже начавшую расти грудь. Тогда Инке тоже было интересно — у кого она больше.

— Не нужно. Инка! — жалобно попросила Ольга.

— Хорошо, не буду.

— Интересно, куда запропастился Марк? — Ольга встала с постели и сразу же почувствовала, как закружилась голова — пол раскачивался, как палуба утлого суденьшка, покинутого командой, — видимо, она действительно ушибла голову.

Подойдя к неплотно закрытой двери, она выглянула наружу.

Марк и Звягинцев стояли на крыльце. Толстый черт мусолил во рту «беломорину» и внимательно слушал Марка.

А Марк... Марк говорил страшные, запредельные вещи...

— Я бы не стал уделять такое внимание ее словам... Поверьте, я хорошо знаю свою жену. У нее довольно.., м-м.., я бы сказал, печальная наследственность. Ее мать, Манана, она ведь была душевнобольной... Это никогда не проявлялось, но чего-то подобного я ждал, признаюсь вам честно...

Ольга стояла, вцепившись в дверной косяк побелевшими пальцами: неужели он сейчас вот так, за здорово живешь, расскажет этому неопрятному толстяку, которого видит впервые в жизни, их семейные тайны?!

Но Марк не опустил до воспоминаний о несчастной Манане.

— Ей приснился кошмар, — продолжал Марк, преданно заглядывая в лицо Звягинцева. — Вчера... Ну да, вчера. И этот кошмар полностью совпал со всем тем, что она рассказала вам: те же люди подо льдом, тот же ужас, который она испытала... Вы понимаете, о чем я говорю? Это ее падение, она ведь сильно ударилась... К сожалению, я не знаю, насколько сильно... Возможно, оно спровоцировало некие галлюцинации...

— А раньше такое было?

— Нет, — хоть в этом он оказался честен. — Никогда... Но в последнее время... Так сложились обстоятельства... Какие-то случайные встречи со случайными людьми, какие-то предсказания... У Ольги очень хрупкая психика. Возможно, она просто экстраполировала свой кошмар...

— Не понял? — честно признался дубоватый толстяк.

— Экстраполировала... Ну, перенесла свой кошмар в реальность. И теперь хочет убедить в этом всех нас...

— А Кирилл Поздняков? — задумчиво спросил Звягинцев. — Ведь она

утверждает, что видела именно его.

— Ну, это проще простого. Кто-то действительно показал ей фотографию. Она запомнила лицо... Мы ведь не всегда знаем, что происходит у нас в подсознании, правда?

— И что?

— Возможно, ей показалась, что так ее собственная реальность будет выглядеть убедительней... Это очень тонкая, очень деликатная материя. Я все понимаю, но гонять людей по склонам только потому, что она приняла свои фантазии за реальность... Я очень беспокоюсь о ней, поверьте...

— А лыжи? — неожиданно ляпнул толстяк.

— При чем здесь лыжи?

— Сколько они стоят?

— Какая разница? Ну... Около семисот долларов.

— Вот видите. Мы обязаны их найти. Это серьезное дело.

Плохо, если вы уедете из «Розы ветров» с ощущением того, что здесь не уделяют должного внимания постояльцам. Мы всегда на стороне клиентов, вы понимаете?

— Да бог с ними, с лыжами! Неужели вы не понимаете, что для меня самое главное — моя жена.

— Жена женой, а пропажа пропажей.

— Я не хотел бы поощрять ее фантазий, я не хотел бы травмировать ее...

— Ты забыл добавить — «доктор». — Ольга широко распахнула дверь.

Холоное лицо Марка скривилось. Он выглядел мелким воришкой, застигнутым на месте преступления. Так тебе и надо, жалкий пожиратель краденых гамбургеров и мятой черешни!

— Перед кем ты распинаешься, Марк? Он же не психиатр!

Тебе лучше поговорить на эту тему с местным врачом, возможно, он найдет способ вправить мне мозги! И подскажет тебе, какой фасон смирительной рубашки мне подойдет!

— Кара!..

— Не смей! Не смей обращаться со мной как с сумасшедшей!

— Ты не поняла... Я просто волнуюсь... Я в себя не могу прийти после того, что с тобой произошло! Я хочу, чтобы ты успокоилась...

— Я буду спокойна, когда вы все увидите... Когда вы поверите мне. Почему вы мне не верите?!

— Ну ладно, — прервал их отчаянную тихую ссору Звягинцев. — Я пойду, пожалуй. Не люблю семейных сцен, нахлебался... А вы, Ольга, если не передумаете, подходите к фуникулеру через час. Поищем...

Не так уж он был плох, этот толстяк, к чему бы ни относилось это его глуховатое расплывчатое «поищем». Ольга посмотрела на Звягинцева с нежностью.

— Я обязательно приду.

— Ну и ладушки.

Переваливаясь с боку на бок, он грузно сошел со ступеней.

Ольга смерила мужа презрительным взглядом и вернулась в дом. Марк, как побитая собака, поплелся за ней.

* * *

...Через час Ольга уже была у фуникулера. Она отправилась на поиски в новом лыжном комплекте, который Марк купил ей незадолго до отъезда в «Розу ветров»: комбинезон и куртка, ярко-синие с белыми вставками. Марк радовался покупке этого комплекта, как ребенок: во-первых, костюм был очень легким и сворачивался в самый небольшой из всех возможных сверток. Во-вторых...

— Он чертовски идет тебе, кара. В нем ты просто неприлично хороша... — Это было сказано еще в Москве, когда Ольга, надев комбинезон, продемонстрировала его Марку. — Теперь никто не бросит камнем в твоего мужа только потому, что у него отсутствует вкус...

Теперь Ольга надела именно его: только потому, что влезать в старый комплект, бывший свидетелем ее ночных передряг, у нее просто не было ни сил, ни желания...

За все это время она не сказала Марку ни слова. Да он и сам не старался разговорить ее: боже мой, это их первая размолвка за два с половиной года супружества. И не из-за цвета галстука, и не из-за покроя пиджака. И даже не из-за того, что ей нравится аристократичный неудачник Сесар Вальехо, а ему — Стивен Кинг на лицензионных видеокассетах.

Он считает ее сумасшедшей. Он считает ее шизофреничкой, отпочковавшейся от скукоженного грузинского табачного листа — несчастной Мананы. Ну и пусть считает! Когда-нибудь он здорово об этом пожалеет!..

Инка моментально испарилась из коттеджа, как только они вернулись в комнату — вусмерть разругавшиеся, с растерянными лицами. Провести целый час, дуясь на человека, которого любишь, — оказалось совсем не простой задачей.

Но Ольга справилась с ней: только ярость придавала ей силы.

Марк, чтобы хоть чем-то себя занять, засел за компьютер.

Ольга лежала в кровати, свернувшись калачиком и прижав колени к подбородку: никогда, никогда она не заговорит с ним первой!

Она едва дождалась условленного времени.

Бросая на Марка испепеляющие взгляды, она оделась и даже поимела наглость взять его лыжи, хотя и понимала, что они не совсем подходят ей.

...Звягинцев уже топтался у фуникулера, а спустя несколько минут подошли Иона с Владом и совсем уже под занавес, в своем обычном стиле, допуская милые девичьи опоздания, появилась Инка. Лыжи были у всех, за исключением Звягинцева. Толстяк же неловко сжимал в руках огромный пластмассовый круг с ручкой, в просторечии именуемый «задницей», или «ледянкой»: нехитрое увеселительное приспособление для спуска с гор.

— Занятный у вас сноуборд! — не преминула съерничать Инка.

— Лыжи не люблю. — Звягинцев застенчиво улыбнулся. — Только в случае крайней необходимости. Так что уж простите старика.

— Ничего-ничего, — иногда Инка умела быть великодушной. — Главное, чтобы вам было удобно.

— Ну что, тронулись? — спросил Звягинцев, сразу же возглавив маленький импровизированный отряд.

— Давно тронулись! — Ну конечно же. Инка и здесь не сдержалась, намекая на весь идиотизм их затеи.

Когда они уже садились в фуникулер, их нагнал взъерошенный и сосредоточенный Марк. Не говоря ни слова и даже не глядя в сторону Ольги, он прибил к своему заклятому врагу Инке и промолчал всю дорогу наверх.

Ольга пристроилась рядом со Звягинцевым, Марк с Инкой заняли места чуть поодаль, а Иона и Влад встали у выхода.

Инка, почуяв запах свежей мужской крови, приклеилась к Владу.

— У вас, наверное, трудная профессия, Влад?

— Профессия как профессия, — горноспасатель не отличался особой многословностью.

— А почему вы только вдвоем? По-моему, у вас команда из пятерых, если я не ошибаюсь.

— Остальные не смогли.

— Печально. — По лицу Инки неожиданно пробежала тень, она, как всегда, желала подмять под себя как можно большее количество мужчин. — Не смогли или не захотели?

— Не смогли...

Потерпев фиаско на ниве разговоров о профессии. Инка переключилась на личности:

— Вам когда-нибудь говорили, что у вас мужественное лицо, Влад?

— Нет.

— И что у вас профиль опустившегося викинга?

— Нет.

— Таких мужчин, как вы, нужно клонировать. Это изменит человечество к лучшему.

Влад упорно молчал, и Инка, потрепав его за безразличную холку такими же ничего не значащими словами, потеряла к нему всякий интерес.

А потом Ольга поймала этот взгляд.

Взгляд, полный яростной нежности: он затягивал ее в воронку, и сопротивляться ему было невозможно. Иона, конечно же. Иона. Он все еще продолжает сражаться за нее. «Неужели ты не видишь, что происходит, Ольга?» — говорили его умоляющие антрацитовые зрачки. Ей с трудом удалось укрыться от этого обжигающего взгляда, но только затем, чтобы встретить еще один, полный раскаяния.

Марк.

Должно быть, ему стыдно за безобразную сцену со Звягинцевым. А еще больше стыдно за то, что она услышала этот разговор. Ольга опустила глаза, но внутри у нее все заныло и напряглось: ничего себе треугольник, хуже и придумать невозможно, сплошная цепь предательств — она предает Марка, Марк предает ее, а Иона — их обоих.

Общий разговор не клеился, и все вздохнули свободно, когда добрались до вершины. Здесь Звягинцев провел небольшое совещание.

— Значит, будем действовать таким образом. Дама покажет нам место, где она спустилась вниз... Вы помните это, место, Ольга?

— Да. — Еще бы ей не помнить!

— Мы спускаемся и осматриваем местность.

— А чего искать-то? — спросил Влад.

— Для начала — лыжи. В этой стороне мало кто шастает, скалы и все прочее, — Звягинцев проявил неожиданную осведомленность об особенностях ландшафта, — так что есть шанс их обнаружить.

Лицо Влада исказила такая страшная гримаса, что можно было подумать: все его святыни растоптаны, все его братья взяты в заложники и уведены в неизвестном направлении, а дом разграблен и подожжен.

— Я не понял... Вся эта катавасия из-за каких-то гребаных лыж?

— Дамы, Влад! — поморщился Звягинцев. — Я бы попросил не

выражаться.

— Не буду я в этом участвовать.

И тут произошла совсем уж запредельная вещь: Звягинцев, с неожиданной для его грузного тела прытью, подскочил к Владу и ухватил его за подбородок.

— Уважь старика, Влад!

Лицо Влада моментально налилось кровью.

— Пусти, Палыч! — просипел он. — Пусти, мать твою!

— Я же сказал, не выражаться! — прикрикнул Звягинцев, но хватку все-таки ослабил.

— Ладно.

Потирая подбородок, Влад отошел на безопасное расстояние и громко сказал, ни к кому не обращаясь:

— Скотина.

Не удостоив Влада ответом, Звягинцев затрусил к Ольге.

— Вы начали спуск далеко отсюда?

— Возле трех скал.

— Ага, «Северная ротонда», знаю. Ну хорошо. Идемте.

И, не дожидаясь остальных, Звягинцев отправился к месту, указанному Ольгой.

— Колоритная личность, — громко одобрила Пал Палыча Инка. — Чуть-чуть поднатаскать — и можно показывать за деньги в каком-нибудь цирке-шапито. Марк, душка! Не хочешь взять этого милого человека начальником службы безопасности? Распугает всех промышленных шпионов к чертовой матери.

— Ты опоздала со своим предложением. Инка. Марк уже устроил его семейным психиатром По совместительству, — зло сказала Ольга.

— Прекрати! — не выдержал Марк.

Надвинув очки на глаза, он отправился следом за Звягинцевым.

...Через несколько минут все они уже были возле скал.

Еще некоторое время ушло на ожидание Звягинцева: в отличие от всех остальных, он добирался до места пешком. Иона, остановившийся рядом с Ольгой, тихо спросил:

— Ты спускалась здесь?

— Да.

— И вылетела с плато?

— Да. Никто не объяснил мне, как рассчитывать скорость движения...

— Ты могла разбиться, — в голосе Ионы послышалось запоздалое отчаяние.

— Я могла разбиться, я могла замерзнуть... Какое это имеет значение, если ничего не случилось. Со мной, во всяком случае.

— Я бы никогда себе этого не простил.

— Тебе не говорили, что ты слишком навязчив?

— Нет.

— Я буду первой...

Наконец появился Звягинцев. Его вечная шляпа была сдвинута на затылок, из-под нее струился пот. Лицо Пал Палыча было красным — то ли от напряженных усилий, то ли оттого, что он регулярно прикладывался к маленькой плоской бутылочке. Ольга посмотрела на обессилевшего мастодонта с неожиданной жалостью: как, должно быть, тяжело нести свои сто сорок килограммов по снежной целине. А для таких экстренных вылазок, да еще в горах, нужно заводить снегоступы.

Прошедший ночью снег существенно усложнял им задачу, но Звягинцев был полон оптимизма.

— Ну что, сориентируемся на местности? — призвал он Ольгу.

— Я промахнула плато, — сказала Ольга, с опаской заглядывая вниз: неужели же она сама решила вчера спуститься? — И потом дальше, по склону. Там еще была сосна, возле которой я упала. Там, наверное, и потеряла палку.

— Сосна — это ориентир. Будем его придерживать. — Звягинцев почесал некое подобие бакенбардов: затрапезного вида мох, до которого не доходили ни руки, ни старенькая электробритва «Бердск». — Так что спускайтесь вниз и ждите меня. Возле сосны.

— А вы, шеф? — наконец-то Влад получил возможность отыгаться за поруганную честь своего подбородка. — Может быть, все вместе, а?

— Да нет... Вы люди молодые, вам и карты в руки. А я уж как-нибудь, по-стариковски...

— Могу вас сопроводить.

— Я сказал — не надо.

Влад захохотал и первым скрылся из виду. За ним потянулись все остальные. Марк совершенно естественным образом оказался возле Ольги.

— Я подстрахую тебя, кара! — сказал он примирительным тоном.

— Лучше бы ты сделал это вчера.

— Прости меня. — Его лицо жалко сморщилось. — Прости, пожалуйста. Я.., сам не знаю, что делаю... Я боюсь за тебя.

— Ладно. — Она поцеловала Марка, а перед этим они едва не запутались в лыжах. Губы Марка оказались холодными и безвкусными: неужели она никогда не оправится от поцелуев Ионы? Подумав об этом,

Ольга похолодела.

— Я хочу, чтобы у нас все было по-прежнему.

— Я тоже хочу, чтобы у нас все было по-прежнему. Ты даже не представляешь себе, как я этого хочу, Марк, — никогда еще она не вкладывала в слова такой страсти и такой надежды.

...Они уже успели осмотреть пространство вокруг сосны со всех сторон, когда на горизонте появилась темная точка.

Она стремительно приближалась, и скоро всем стало ясно, что к месту общего сбора под искореженным деревом приближается Пал Палыч Звягинцев. Картина его пришествия выглядела совсем уж фантастической: мощный зад Звягинцева скрывал несчастную «ледянку», и казалось, он просто таранит им снег.

— Тебе это ничего не напоминает, Лелишна? — захихикала Инка.

— А что это должно мне напоминать?

— высокохудожественный фильм "Отель «У погибшего альпиниста».

Примерно так же там передвигались инопланетяне.

— Инопланетяне передвигались на роботах, а не на собственной заднице, — поправил Инку педантичный Марк. — А в общем, ты права. Очень похоже.

Звягинцев лихо подкатил к сосне и даже умудрился не врезаться в нее. Остановившись, Пал Палыч даже не подумал подняться: он достал из кармана бутылочку и опрокинул в пасть последние сиротливые капли.

— Ну что? — наконец спросил он.

— Все в сборе. Только вас ждем, шеф, — сказал Влад. — Вам помочь?

— Да нет, не нужно.

Звягинцев с трудом поднялся и тотчас же принялся организовывать следственные действия и раздавать указания.

— Значит, вы утверждаете, что от этого места взяли влево?

— Да.

— И дошли до скал? — Звягинцев махнул рукой в сторону близких скал.

— Да. Там я сняла лыжи и понесла их в руках.

— А вы где нашли потерпевшую? — обратился Звягинцев к Ионе, напрочь игнорируя Влада.

— Мы шли с противоположной стороны. От «Розы ветров».

— Ну что ж, дислокация ясна. Идемте.

...Лыжи нашлись через полчаса. Собственно, даже искать их не пришлось — стоило только углубиться в каменный лабиринт. Они стояли на том самом месте, где Ольга их и оставила: только снег слегка

припорошил их.

— Никому не подходить! — зычным голосом крикнул Звягинцев; он отправился к скалам первым, на ходу почесывая отбитую на склонах задницу. — Только потерпевшей.

Почему он так упорно называет ее потерпевшей? Ольга поморщилась. «Опознать потерпевшую, установить личность потерпевшей» — от всего этого за версту несло формальдегидом медэкспертизы и безымянной могилой в северной части городского кладбища.

Теперь, когда она была так близко от пещеры с ее страшной начинкой, колени Ольги подломились. Марк попытался поддержать ее.

— Обопрись на меня, кара! — прошептал он.

Ольга с благодарностью взглянула на него.

— Я помогу.

— Только потерпевшей! — Голос Звягинцева остановил Марка так же, как свист хлыста останавливает лошадь.

— Ничего, Марк, я сама. — Она ободряюще улыбнулась.

Звягинцев ждал ее у камней.

— Ну, — нетерпеливо спросил он, — это место?

— Да. Вот здесь я сидела... Только почему-то не осталось следов.

— Снег, ничего не поделаешь. Долго здесь сидели?

— Я не знаю... У меня не было часов.

— Просто сидели, и все?

— Нет. Я выкурила сигарету.

Звягинцев, до этого зорко вглядывавшийся в утомительно-белый снег, с трудом нагнулся, покопался в наметенном за ночь сугробе и поднял вымокший крошечный окурок.

Затем достал из бездонных карманов пальто очки, одна дужка которых была перетянута бечевкой. Водрузив очки на мясистый нос, он поднес находку к глазам.

— Та-ак... Сигареты «Мальборо». Ваши?

— Да. Я курила «Мальборо».

— Вот и ладушки. Значит, место вы признаете. Свои лыжи признаете?

— Да.

— Окурок тоже?

— Да что вы в самом деле?!

Звягинцев снял очки и снова бросил их в карман. После чего попытался поковыряться в носу, из которого во все стороны торчали жесткие черные волосы.

— Тогда приступим ко второй части, — строгим голосом сказал он. —

Значит, вы утверждаете, что совершенно случайно наткнулись на какой-то лаз, который привел вас в пещеру, набитую трупами...

Суконный, протокольный язык Звягинцева делал происходящее ирреальным, как будто речь шла о краже банки финской горчицы в супермаркете.

— Ну, давайте показывайте ваш лаз.

Ольгу не пришлось просить дважды. Она присела на корточки и принялась шарить у основания скалы. Через пять минут Звягинцев участливо спросил:

— Ну что? Нашли?

— Нет.

— Значит, нет. Днем найти не можете, а в темноте нашли? — В голосе Звягинцева Ольге послышались уничижительные нотки.

— Помогите мне! — сжав зубы, сказала она. — Я же точно помню, что лаз был именно здесь!

— Похоже, что он сильно уменьшился с тех пор, как вы его нашли, а? Что-то вы напутали, дама.

Ольга вспыхнула:

— Напутать можно с начислением пени за электроэнергию! И с установлением отца будущего ребенка.

— Не только. — Звягинцев пожевал губами.

— Я же точно помню это место! — в отчаянии воскликнула Ольга.

— Ну, успокойтесь! Вы переволновались, я могу это понять. Женщина, застигнутая ночью в горах, — вещь сама по себе малоприятная, от вас потребовалось исключительное напряжение сил... Так что нервный срыв — это дело вполне естественное и понятное. Но здесь климат хороший, так что отдохнете, наберетесь сил. Тем более что у вас такой замечательный муж. Вон как о вас печется...

— Вы считаете меня сумасшедшей?

— Боже упаси! — Звягинцев даже закашлялся. — Как вы могли такое подумать?

— Могла! — Ольга с ненавистью посмотрела на Звягинцева. — Валяйте, скажите мне это в лицо — Не имею права. Вы — наши гости, а недостатки гостей «Розы ветров» не принято обсуждать. Это первое правило обслуживающего персонала.

Лучше бы он промолчал. Его слова ударили Ольгу наотмашь: конечно же, ее рассказ о пещере, да еще с комментариями Марка, и не мог быть воспринят иначе. Теперь этот старый хрыч раззвонит всем, что она страдает яркими галлюцинациями, что несколько человек отправились на

поиски неизвестно чего только потому, что вздорной бабе привиделся кошмар...

Она села в снег, продолжая шарить руками у подножия скалы.

— Этого не может быть! Я же точно помню... Он был здесь, был, был... Помогите мне, черт возьми!

— Вас это успокоит?

— Да.

Звягинцев осторожно опустил свою тушу рядом с Ольгой, и сразу же в нос ей шибанул крепкий запах спиртного.

— А не лакать спиртное на работе не входит в правила обслуживающего персонала? — мстительно спросила Ольга. — Каким-нибудь вторым пунктом?

Звягинцев ничего не ответил.

Вместе они прочесали подножие скалы и соседние скалы: сантиметр за сантиметром, разбрасывая рыхлый снег. После десяти минут бесплодных поисков они снова присели отдохнуть — инициатором этого отдыха выступил Звягинцев. Угнездившись в снегу, как в какой-нибудь императорской ложе императорской оперы, Звягинцев вынул из кармана пачку «Беломора», выбил из нее две папиросы, одну протянул Ольге:

— Перекурим это дело?

— Я не курю «Беломор», — надменно сказала Ольга.

— Я тоже не курю. С некоторых пор. На трубку перешел — и экономнее, и приятнее для окружающих. Но, к сожалению, табак у меня кончился, а за новым нужно в город ехать. Пока оказии не получается... Так что приходится довольствоваться «Беломором».

Ольга отвернулась: выслушивать старого болтуна было выше всяких сил. Но Звягинцев не отставал. Запустив руку в карман пальто, он вытащил липкую мятую карамельку «Барбарис», всю в табачных крошках и с приклеившимся, невзвешенным куском трамвайного талона. Звягинцев талон оторвал, но не совсем удачно: часть его намертво приросла к аляповато-красной обертке.

— Вот, возьмите конфетку.

— Спасибо, не надо.

— Возьмите, не обижайте старика, — просительно сказал Звягинцев.

Ольга мельком взглянула на него: старый, толстый, страшно запущенный человек. В конце концов, он согласился отправиться с ней сюда, да еще маленький отряд сколотил. А мог бы послать ее с самого начала...

— Спасибо, — Ольга взяла несчастную карамельку, но есть ее не

стала, а сунула в верхний накладной карман комбинезона. — Я потом съем... Правда.

— Ну что? — спросил наконец Звягинцев. — Может быть, хватит на сегодня?

Ольга прислонилась к камню и положила голову на колени: ничего она не найдет, теперь это стало окончательно ясно. Но ведь произошедшее этой ночью было реальностью.

Или все-таки нет?

И правы все — Марк, толстяк Звягинцев, Иона, Инка...

Она приоткрыла дверь в свое собственное, доставшееся по наследству сумасшествие и начала потихоньку обживать его.

Пантеон умерщвленных ледяных богов — он стоит на центральной площади в городе ее душевной болезни. Так мало похожем на Венецию. Она устроится гидом в местном туристическом бюро. И даже будет получать крошечное жалованье и талон на бесплатные обеды... Город ее душевной болезни — звучит неплохо, как раз в стиле Сесара Вальехо...

— Идемте, — мягко сказал Звягинцев. — Не стоит сидеть на снегу, простудитесь.

— Вы не верите мне?

Звягинцев дипломатично промолчал.

— Мне важно знать, хоть кто-нибудь верит мне? Я не могла это придумать, поймите! Мой мозг не настолько изощрен...

Ольга осеклась.

Ее сон.

Люди в пещере были похожи на людей из ее сна: не чертами мертвых лиц, нет... А тем ужасом, который исходил от них.

Все очень просто. Так же просто, как и старая теория старых психиатров: любой человек безумен в своих снах, он безнаказанно совершает алогичные поступки и легко мирится с ирреальностью сновидений. Безумие снов забавляет, кажется невинной шуткой, тем более что ровно в восемь утра прозвонит будильник.

А если не прозвонит?

Если они так и не смогут выйти из своих снов? Как не вышла она сама... Неужели она обречена бродить в лабиринте сиреневых сумерек и каждый раз наткаться на куски льда, бывшие когда-то людьми?..

Ольге стало страшно.

— Вы не слушаете меня. — Звягинцев настойчиво теребил рукав ее куртки.

— Простите.

— Думаю, вам стоит забыть об этом прискорбном случае.

С кем не бывает... Вы, наверное, переутомились.

— Я не знаю... Может быть.

— Во всяком случае, программа-минимум выполнена: лыжи мы все-таки нашли. Идемте, обрадуем всех остальных.

Ольга внимательно посмотрела на Звягинцева — старый подвыпивший бульдог оказался удивительно тактичен, он выбрал самый щадящий вариант: найдены дорогие лыжи богатой туристки, причем довольно оперативно...

— У вас есть книга жалоб и предложений? — неожиданно спросила Ольга.

— Не понял?

— Хочу вынести вам благодарность в связи с удачным завершением игры "Найди «Radarc». Вы не возражаете?

— Лучше угостите меня пивом как-нибудь. Я иногда захоживаю в «Ричард Бах».

«Сто против одного, что ты торчишь там каждый вечер!»

— Хорошо, я угощу вас пивом. Как-нибудь. Еще раз простите за беспокойство. И забудьте то, что я наплела вам про пещеру. Похоже, я действительно была не в себе.

— Уже забыл, — с готовностью сказал Звягинцев.

Ольга поднялась и побрела к группе искателей приключений, поджидающих их под сосной.

— Ну как? — нетерпеливо спросил Марк.

— Все в порядке, — потухшим голосом сказала Ольга. — Твои семьсот долларов найдены. Можешь не волноваться.

— А... То, о чем ты рассказала? Пещера, факелы...

— Боюсь, ты был прав. У меня было временное помутнение. Я вела себя просто глупо.

— Ты вела себя выше всяких похвал, кара. Нужно забыть это, как страшный сон...

— Разве можно забыть страшный сон? Я хочу в коттедж, Марк. Хватит с меня этих дурацких скал и этого дурацкого снега.

— Все будет, как ты хочешь, кара.

...Они вернулись в коттедж вдвоем. Инка отправилась кататься (не пропадать же таким великолепным солнечным дням, такому великолепному, такому ухоженному снегу! И вы присоединяйтесь, не будьте идиотами). Звягинцев, Влад и Иона исчезли, как и полагается исчезать обслуживающему персоналу — незаметно.

Остаток дня Ольга пролежала в кровати, свернувшись клубком и односложно отвечая на вопросы Марка. Ни ночь, проведенная в горах, ни бессмысленный вояж к скалам даром не прошли, и ко всем свалившимся на нее неприятностям и несчастьям добавилась еще одна: Ольга простудилась и почти не могла говорить. Вызванный по этому поводу врач порекомендовал постельный режим в течение нескольких дней, компрессы на горло и прочие радости народной медицины (мед, молоко, прополис — ну и гомеопатия, друзья мои, гомеопатия). Пунктуальный Марк выполнил все наставления врача, достал мед, молоко и даже скормил Ольге упаковку какого-то новомодного средства против ангины. Он, в отличие от беспечной Ольги, всегда брал с собой в поездки маленькую походную аптечку. Ольга безропотно выпила молоко, которое ненавидела с детства, и смирилась с компрессом. Только горчичники вызвали глухой протест, но и здесь Марк сумел сломить ее сопротивление:

— Ты не должна так легкомысленно относиться к своему здоровью, кара.

Ольга кивнула головой — ей было больно: и глотать, и говорить.

Ближе к вечеру забежала Инка, оставив за порогом компанию молодых людей спортивно-кобелиного типа.

— Я иду развлекаться, — радостно сообщила она. — Катаем шары на деньги. Вы как?

— Ольга заболела, — сдержанно сказал Марк, а Ольга показала на обмотанное горло: не могу говорить...

— Ну, ты даешь, Лелишна! — искренне огорчилась Инка. — Нашла время! Как будто у тебя в Москве не будет времени валяться с ангиной. Значит, вы сознательно бросаете меня в лапы насильников, эксгибиционистов, вуайеристов и любителей чужих хорошеньких жен?

— Откуда такой букет, милая? — Марк презрительно выгнул губы.

— Других мужчин не бывает. Если они, конечно, не идейные импотенты и не служители культа.

— Вот как?

— За исключением моего мужа, разумеется.

— Главное, чтобы ты помнила об этом, когда будешь ошиваться в кегельбане.

— Я никогда об этом не забываю, Марк, душка.

Дав несколько псевдомедицинских наставлений подруге и по случаю вяло подколов Марка (вот видишь, Марк, до чего ты довел красавицу-жену, готова ночевать под открытым небом, но только не с тобой в одной постели!). Инка умчалась, пообещав заглянуть попозже.

Ольга же безропотно пожелала Марку спокойной ночи и безропотно приняла снотворное.

— У меня болят глаза, милый...

— Это от солнца и снега. Нужно носить очки. Носи солнцезащитные очки для профилактики, и все пройдет. Договорились?

— Хорошо... И еще. Не сдавай меня в психушку, Марк! — жалобно попросила она, приняв таблетки; из обложенного горла вырвался только жалкий сип, бледное подобие голоса. — Пожалуйста, все, что угодно... Только не в психушку...

— Ну о чем ты говоришь? — Он обнял ее, и, странное дело, его объятия вдруг показались Ольге фальшивыми. Примерно с такой же страстью можно было бы обнять гремучую змею. И дождаться, пока завибрирует погремушка на кончике хвоста.

— Ты боишься меня, Марк? — с неожиданной тоской спросила она.

— Ну что ты, кара! Я боюсь за тебя.

— Нет, ты боишься меня, я вижу. Ты боишься, что со мной начало происходить то же, что и с моей матерью...

— Какие глупости, кара!

— Нет, не глупости... Ты можешь считать меня кем угодно: сумасшедшей, идиоткой, шизофреничкой, подверженной маниакально-депрессивным психозам. Достойной дочерью своей матери... Но это ничего не изменит. Эта пещера действительно существует. Я видела ее. Я спускалась туда. Это не было ни кошмаром, ни бредом.

Марк поморщился.

— Мы же договорились забыть об этой истории, кара.

— Я не могу забыть... Как можно забыть мертвых людей, которые там были? Если бы ты только видел этот ужас...

— Вот что. — Подбородок Марка стал жестким, а брови вытянулись в одну сплошную линию. — Я запрещаю тебе думать об этом. Иначе ты действительно сойдешь с ума.

Как же он отвратителен!

Почему раньше она никогда не замечала этого? На Ольгу вдруг накатила грохочущая волна ярости: она оглушала, она сбивала с ног, и противостоять ей было невозможно. Ольга даже сжала кулак, так ей захотелось ударить Марка по лощеной, чисто выбритой физиономии. Но волна отступила так же внезапно, как и появилась: она уползла в темный океан подсознания.

Ольга закусил губу: что же с ней происходит, в конце концов?..

* * *

Васька так и не объявился.

Звягинцев вспомнил об этом лишь к вечеру, когда вернулся в свой номер вместе с упаковкой темного пива. Не снимая шляпы и пальто, он завалился на не убранную с утра кровать.

Тяжелый день, в бога душу мать, тяжелый день.

Несколько минут он тупо разглядывал таракана, который праздно шатался по столу, среди пустых бутылок, банок и немых судков из «Ричарда Баха». «Ничего тебе не светит, дружище Биттнер, — с тайным злорадством подумал Звягинцев о таракане. — В этой келье знают толк в еде и подметают все до последней крошки».

Если бы кто-нибудь из слабонервных горничных увидел этого чертового таракана, то разразился бы большой скандал: в элитной «Розе ветров» царил культ чистоты. Но здесь — здесь была территория Пал Палыча Звягинцева, которую он пометил, как какой-нибудь шелудивый мартовский кот. На этой территории были расквартированы рота тараканов, взвод безобидных пауков-сенокосцев и даже отделение мышей. Впрочем, мышей в своем номере Звягинцев не видел, но смутно подозревал об их существовании.

Со всей этой фауной Звягинцев поддерживал состояние нейтралитета, вот и сейчас он проводил таракана глазами, даже не удосужившись прихлопнуть наглеца башмаком.

Тяжелый день, в бога душу мать, тяжелый день.

К тому же он оказался похерен из-за какой-то экзальтированной вертихвостки, утверждавшей, что ею были обнаружены семь обледеневших трупов.

Впрочем, приходится признать, что вертихвостка произвела на Звягинцева достаточно хорошее впечатление, несмотря на то что муж ее прозрачно намекнул на наличие у жены душевной болезни. При таких симптомах нужно в клинике неврозов сидеть, а не сшиваться по зимним курортам. А впрочем, черт их знает, этих «новых русских», похоже, что у них у всех крыши покосились. Зато смотрели на него как на плебея.

А девчонка все равно хорошая.

Но история, которую она рассказала! Все это больше походило на фильм ужасов: какой-то лаз, какая-то пещера, люди во льду. С таким воображением нужно книжки писать, куда же все-таки подевался Васька, черт его дери!

Ее зовут Ольга. Интересно, могла ли она понравиться его сыну, Володе? Во всяком случае, Звягинцев был бы не против, если бы Володя обратил на нее внимание: длинные черные волосы, темные брови, какая-то странная застенчивость во взгляде. Наверняка полукровка, только у полукровок бывает такая матовая кожа, такой разрез глаз.

Звягинцев перевернулся на бок и почесал задницу: она была отбита его сегодняшним героическим спуском. Он взгромоздил свои несчастные старые жиры на эту в бога душу мать «ледянку» — и все только для того, чтобы проверить показания девицы.

А показаниям этим цена ломаный грош в базарный день.

К случайной сумасшедшей Наталье Владиленовне Запесоцкой (чтоб ей ни дна ни покрывки!) прибавилась еще и сумасшедшая идейная — многовато даже для «Розы ветров».

Звягинцев вздохнул. Нежную полукровку, конечно, жалко, он и так попытался максимально смикшировать ситуацию, чтобы она не выглядела совсем уж глупо. Ну, ничего, муж ее мозги вправит, сразу видно, серьезный человек.

А теперь по баночке пивка с господами тараканами — и можно отправляться на боковую.

Но Звягинцев так и не заснул.

Какая-то мысль, гвоздем засевшая в голове, не давала ему покоя. Подобные вещи уже случались со Звягинцевым в бытность его милиционером на Васильевском острове: это происходило тогда, когда капитан Пал Палыч Звягинцев процелкивал клювом какую-нибудь важную улику, связанную с кражей белья или глухой поножовщиной в коммунальной квартире.

В недрах звягинцевского организма, где-то у зашибленной вялотекущим циррозом печени, проживал еще один Звягинцев: поумнее, чем сам Пал Палыч, да и званием повыше — что-то вроде полковника милицейской службы, а то и генерал-майора. И вот теперь этот генерал-майор, в просторечии именуемый интуицией, и начал терзать Звягинцева, как стервятник терзает падаль.

Хуже любого радикулита.

И всему виной сопливая девчонка.

Что-то такое было в ее рассказе — что-то такое, что не давало так просто отмахнуться от него. Поняв, что заснуть не удастся, Звягинцев сунул в рот «беломорину» и принялся размышлять.

Сначала она говорила о Кирилле, которого никогда не видела и который пропал без вести, и это объективная реальность. Но как раз это

объяснить нетрудно, тем более что муж Ольги уже подсуетился по этому поводу, разложил ситуацию по полочкам, как в аптеке: активированный уголь в одну сторону, а кружка Эйсмарха — в другую. Старая гримза Запесоцкая показала Ольге фотографию Кирилла (она всем ее показывает, так что ничего удивительного здесь нет). Образ кобелька отложился в Ольгином подсознании, а потом всплыл в виде яркой галлюцинации, тем более что вездесущий муж рассказал Звягинцеву и о ночном кошмаре.

Вспомнив об этом, Звягинцев поморщился: сам он никогда бы не стал сдавать свою собственную жену чужому человеку. Да еще с таким нетерпеливым сладострастием...

Они отправились к старой сосне и недалеко от нее нашли лыжи, оставленные Ольгой. Все вроде бы сходится. Все, кроме одного, — времени. Ольга утверждала, что она шла к скалам довольно долго, во всяком случае, никак не меньше получаса. Их собственный путь до конечной точки занял максимум десять минут. Но она плохо ориентируется на местности — это раз. Она шла в сумерках, то есть почти ночью — это два. Не исключено, что в какой-то момент она начала просто кружить среди скал. Да, это единственное правдоподобное объяснение.

Они нашли лыжи — лыжи стояли ровнехонько и тихохонько, как будто поджидали их. И окурок тоже поджидал, один-единственный, слегка припорошенный снегом. Звягинцев сразу же нашел его — именно в том месте, где его легко было найти. Он не мог не найти его.

— Подбросить улику, вот как это называется, — вслух произнес Пал Палыч и даже рассердился на себя. Проклятая полукровка с наивными глазами незаметно перетянула его на свою сторону и заставила поверить в этот ледовый бред.

Предположим невозможное. Только предположим. Девчонка сказала правду. Она действительно что-то такое видела, включая факелы, спички и ссадину на скуле Кирилла (ссадина придает рассказу особую достоверность, нужно расспросить о ней Запесоцкую). Она делает то, что и должна делать слабая женщина с наивными глазами, — выскакивает из пещеры и бежит куда эти самые глаза глядят. Здесь все понятно. А потом — спустя какое-то время, может быть, двадцать минут, может быть, два часа, — появляется владелец всего этого ледяного великолепия. Тот, который затащил в пещеру Кирилла, раздел его и упаковал в лед. Он видит лыжи возле входа, обгоревший факел внутри — и понимает, что его дело швах. Что его охотничьи уголья подверглись нападению. Но в пещере никого нет, и это дает люфт во времени.

"Как бы я поступил на его месте — ведь совершенно ясно, что такой

узкий, такой хорошо замаскированный лаз можно найти только случайно...

Да, именно так бы я и сделал, — меланхолично подумал Звягинцев и откупорил банку пива. — Я бы внимательно осмотрел площадку перед пещерой. Нашел бы окурок. Положил бы его себе в карман, скорее всего во внутренний. А потом бы взял лыжи и переставил их в другое место. Подальше от греха. И окурочек пристроил бы на новое местожительство — для полноты картины. Чтобы толстый боров Пал Палыч Звягинцев сразу бы нашел его и поднял на смех человека, который травит страшные байки о каком-то подземелье с мертвыми людьми.

Ведь нормальному человеку и в голову не придет поверить в это. Случайный труп — это еще можно понять. Но семь голых тел, которые кто-то специально впаял в лед..."

Звягинцев даже сел в кровати.

Генерал-майор походным маршем выдвинулся со стороны печени и крепко наподдал Пал Палычу.

Вот оно! Вот то, что все это время смущало Звягинцева, вот что не давало ему отмахнуться от этой невероятной истории!

Семь.

Божественное число, такое же бесповоротно божественное, как и семь смертных грехов. Звягинцев с удивительным проворством сполз с кровати и направился к шифоньеру. Там, между изъеденными молью бурками и сапогами для рыбной ловли, привезенными из Питера (прощальный привет от Финского залива), стоял большой, грубо сколоченный ящик, доверху набитый бумагами.

Это был архив Звягинцева и его картотека. Он собирал ее в течение двух лет, которые провел в «Розе ветров». Здесь были протоколы опознаний погибших в лавинах, материалы по каждому из них — работа в отделении милиции выработала в Звягинцеве нудные черты настоящего штабного писарька: скрупулезность и вкус к деталям. Списки альпинистов, шастающих по горам, как по Бродвею. Списки ученых всех мастей, изучающих ледники (в основном — Азау и оба Терскола — Большой и Малый). Этих ученых — мнительных слизняков с легким пухом на голове — Звягинцев отстреливал бы лично. Равно как и искателей приключений и черных следопытов, которым до сих пор не дает покоя почившая в бозе ээсовская дивизия «Эдельвейс»...

«Геринга на вас нет», — сказал бы престарелый Арик Штиллер.

Звягинцев уселся на полу и принялся сортировать бумаги.

Спустя час все разрозненные сведения слились в общую картину, они были систематизированы и тщательно проработаны. Теперь Звягинцев

знал, что искать. Теперь он знал, что у беспощадных гор есть соучастник. Во всяком случае, эта версия не казалась ему такой уж не правдоподобной.

За последние два года (а именно столько проработал в «Розе ветров» Звягинцев, именно столько существовал курорт в его нынешнем модифицированном виде) в районах, прилегающих к курорту, пропало без вести шесть человек.

Кирилл был седьмым, и Звягинцев оставил его на десерт.

Пал Палыч даже не поленился выписать их имена в алфавитном порядке.

1. АСТАХНОВИЧ ЮРИЙ КАРЛОВИЧ, 39 ЛЕТ.
2. ВОЛОШЕНЮК ДМИТРИЙ ЛЕОНИДОВИЧ, 33 ГОДА.
3. КНЯЖИНСКИЙ ЭДУАРД СТАЛЬЕВИЧ, 19 ЛЕТ.
4. МАЛЯРЕНКО НИКИТА АНДРЕЕВИЧ, 41 ГОД.
5. МАЛЯРЕНКО ОКСАНА СТАНИСЛАВОВНА, 35 ЛЕТ.
6. СУЛЕЙМЕНОВ ТИМУР БОЛОТБЕКОВИЧ, 28 ЛЕТ.

Трое из списка, если не считать Кирилла Позднякова, были в разное время клиентами «Розы ветров» — супруги Маляренко из Киева и москвич Астахнович. Так же, как и Позднякова, их не нашли после схода лавины. Звягинцев почти не знал Астахновича, зато хорошо помнил добродушных хохлов Маляренко. Оксана — круглолицая, улыбчивая женщина, бывшая актриса какого-то национального хохлацкого театра, была как раз во вкусе Звягинцева: ему нравилась такая спокойная, немного тяжеловатая женская красота. Звягинцев даже пару раз сфотографировался с ней — на долгую добрую память.

Остальные трое никакого отношения к «Розе ветров» не имели. Все они были альпинистами-любителями и так же исчезли при невыясненных, но всегда сходных обстоятельствах: они отбивались от групп и в контрольное время не выходили на связь. Их поиски не привели ни к каким результатам.

Кроме того, во время исчезновения все они находились в районах, вплотную примыкающих к «Розе ветров».

Звягинцев отложил список и закурил.

Семь человек.

Семь человек, считая Кирилла Позднякова. Семь ушло — семь пришло. Семь прибыло — семь убыло. Остается только свести дебет с кредитом и подбить бабки.

Складывая бумаги, Звягинцев наткнулся на фотографии с Оксаной Маляренко и в который раз умилился ее открытому лицу, чистой линии шеи, тоненькой золотой цепочке, покоящейся на ключицах...

И снова его генерал-майор подпихнул Звягинцева в бок.

Цепочка.

Эта золотая цепочка фигурировала в рассказе Ольги. Цепочка и серьги в виде листиков. Конечно же, теперь Звягинцев вспомнил этот момент: по утверждению Ольги, на женщине она видела именно золотую цепочку и серьги.

Звягинцев достал очки и принялся внимательно рассматривать фотографию. Сережки на Оксане Маляренко были, это точно. Теперь история сумасшедшей полукровки получает реальное подтверждение. В случае с Кириллом все было ясно: Ольга увидела фотографию, а потом перенесла ее в свой кошмар. Но Оксана? Ведь Ольга понятия не имела об Оксане, она никогда ее не видела — супруги Маляренко пропали год назад.

Значит, все, что она говорит, — правда. Вывод напрашивается сам собой. Звягинцев отпил пива и задумался.

Ну хорошо, пусть все совпало. Пусть.

Тогда остается один вопрос — что делать с этим знанием дальше.

Конечно, идеальный вариант — задвинуть историю Ваське Сикачинскому в качестве сюжета для будущего романа (не нравится мне этот его внезапный отъезд).

Подумав об этом, Звягинцев поморщился.

Да, это Васькин сюжет, здесь ни убавить, ни прибавить: гора трупов и маньяк в центре поля. Ведь только маньяку придет в голову раздевать трупы и обливаться водой, чтобы они потом превратились в лед.

Дойдя до воды, Звягинцев стал пробуксовывать, и даже внутренне обрадовался этому. Не таскал же он ее ведрами в пещеру, в самом деле! И водопроводного крана там нет, судя по всему. Тогда как ему удалось сковать льдом такое количество людей? Надо бы порасспрашивать местных умельцев, которые делали ледяной городок, ведь наверняка существуют определенные технологии...

Порасспрашивать умельцев — это еще одна здравая мысль.

Васька вынес бы ее в отдельную главу в самом конце первой части. Но для закрутки сюжета присобачил бы существенную деталь: герой, распутывающий клубок преступлений, разговаривает об этом с убийцей, не подозревая, что тот убийца.

Не подозревая, что тот убийца, неплохо сказано.

Звягинцев поднялся с пола и заходил по комнате, яростно почесывая брюхо. «Не подозревая, что тот убийца, не подозревая, что тот убийца...»

А что, если рассказ Ольги Красинской и исчезновение Васьки как-то связаны между собой? Что, если Васька нашел что-то такое, и с этим «что-

то» выдвинулся в сторону Звягинцева, сражавшегося с радикулитом. И когда Звягинцев послал его, обратился к кому-то еще.

К тому самому маньяку. И маньяк...

Звягинцев не стал додумывать эту мысль до конца, а лишь подергал себя за мочку уха: «Получается,.: во всем виноват, старый козел!» Если бы он тогда открыл Ваське дверь — всего-то и требовалось, что отодрать тушу от кровати и повернуть ключ в замке...

Похоже, его рассуждения слишком далеко его заводят.

Но все исчезновения произошли в опасной близости от «Розы ветров», значит, человек — или люди, — связанные с этим, имеют непосредственное отношение к курорту. Они знают толк в ледяной скульптуре (если принять на веру историю, рассказанную полукровкой), их общество не настораживает никого, наоборот, люди охотно разговаривают с ними (если принять на веру показания Запесоцкой о том, что за несколько минут до схода лавины Кирилл с кем-то разговаривал на склоне). К тому же они отлично ориентируются на местности (если принять на веру его собственные выводы).

Звягинцев снова плюхнулся на кровать и уставился в потолок: ну что, проведем оперативное совещание и подведем итоги, товарищ генерал-майор?

Взяв мятую бумажку, на обратной стороне которой было напечатано ресторанное меню, Звягинцев принялся выводить осторожные каракули; его почерк никогда не отличался особой изысканностью. Через полчаса докладная записка товарищу генерал-майору была готова, а результаты напряженной умственной деятельности выглядели следующим образом.

1. В течение двух лет в окрестностях курорта «Роза ветров» при невыясненных обстоятельствах пропало семь человек (см, приложение). Возможно, их тела и были обнаружены гражданкой Красинской О.И. По предварительным данным, она может опознать троих: а) гражданина Позднякова К. б) гражданку Маляренко О. в) гражданина Княжинского Э. Юного альпиниста Эдика Княжинского из Тольятти Звягинцев приписал наугад и исключительно из любви к Васькиной беллетристике: Ольга говорила о юноше, которого обнаружила первым. Из семи пропавших только ему одному было меньше двадцати и он единственный подходил под определение «юноша».

2. Все потерпевшие находятся в одном месте, хотя пропадали в разных местах и в разное время, из чего следует наличие злого умысла в действиях человека (или группы лиц), который (которые) спрятал тела.

3. Возможно, потерпевшие не просто погибли в результате того или

иногo стихийного бедствия, а были умерщвлены, из чего следует, что возможный подозреваемый (или группа подозреваемых) совершил умышленное убийство.

4. По утверждению гражданки Запесоцкой Н.В., за несколько минут до схода лавины она видела пропавшего Позднякова К, в обществе еще одного горнолыжника. Опознать спутника Позднякова К, ей не удалось. Все опрошенные утверждают, что никто из них не разговаривал с Поздняковым и не видел его.

(Из этого Звягинцев сделал вывод, что он кого-то не опросил или кто-то, кого он опросил, лгал сознательно. Возможно, это и был человек, связанный с пещерой.) 5. Из всего вышеизложенного, а также в связи с обстоятельствами каждого из исчезновений, происшедших в районе курорта «Роза ветров», можно сделать вывод, что человек (или группа лиц), причастный к делу, находится (находятся) на территории курорта и по сей день.

Окончив свой титанический труд и пролив на бумажонку остатки пива, Звягинцев глубоко задумался. Он сознательно не включил Васю Сикачинского ни в один из пунктов, он даже не упомянул его, хотя это было вполне уместно. Любой намек на так внезапно исчезнувшего парня ставил бы его в один ряд со злополучной семеркой неживых, а этого Звягинцеву не хотелось больше всего.

«Злоупотребляешь служебным положением, старый хрыч, — грустно подумал он, — прячешь голову в песок...»

После обглоданной бумажки с ресторанным меню в ход пошла еще одна — с перечнем напитков в «Ричарде Бахе». На ее обратной стороне Звягинцев вывел:

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ 1. Еще раз допросить гр. Запесоцкую Н.В. Уточнить сведения о фотографии гр. Позднякова К., а также о контактах гр. Запесоцкой Н.В. с гр. Красинской О.И.

2. Установить, кто еще, кроме гр. Запесоцкой Н.В., видел гр. Позднякова К, на трассе для фристайла вместе с неустановленным горнолыжником.

3. Навести справки о ледяном городке в черте «Розы ветров». Кто принимал участие в его строительстве.

4. Установить круг лиц, из числа обслуживающего персонала, контактировавших с пропавшими.

5. Послать запрос о местонахождении Сикачинского Василия Андреевича.

Все-таки он не удержался и вставил Васю в перечень.

Его отсутствие в свете вновь появившихся фактов стало беспокоить Звягинцева все больше. Единственное, что пока утешало его, — Ольга видела семь тел. Семь, а не восемь.

Звягинцев решил приступить к делу завтра с утра и выяснить все по пунктам. А пока можно было спокойно допить пиво и почитать на сон грядущий.

В распоряжении Звягинцева была только одна книжка — «Колыбельная для ежика». И снова суеверный Пал Палыч не удержался и решил испытать судьбу.

— Двадцать третья страница, седьмая строка снизу, — сказал он сам себе и бесстрашно открыл книгу. То, что он прочел, повергло Пал Палыча еще в большее уныние: «Всю ночь звери искали лисенка, но так и не смогли найти. Им и невдомек было, что хитрый лисенок даже и не думал прятаться, он знал старую лисью истину: никогда не прячься, и тогда найти тебя будет невозможно».

...Она все знает о пещере.

Сегодня Она сама мне об этом сказала. И добавила, что это похоже на кошмарный сон. Я согласился, и больше мы не возвращались к этому разговору.

У Нее великолепная грудь, я даже держал ее в руках, как держат в руках птицу. До этого я никогда не держал в руках птиц. Ей это нравится, я вижу, и о муже она не вспоминает.

Кажется, я все сделал правильно. Когда я понял, что покой моей мастерской нарушен случайно — а иначе и быть не может, — я все сделал правильно. Я не паниковал. Я отнес лыжи совсем в другое место. Я даже забрал окурок и положил его рядом с лыжами. Надеюсь, это позволит мне избежать ненужных потрясений.

Больше всего я боюсь, что моя работа будет прервана еще до того, как я окончу ее. Сегодня возникла реальная опасность этого. Но и ее я счастливо избежал.

Снег, младший брат льда, такой нежный, такой трогательный, помог мне в этом. Он скрыл все следы. Мои следы он тоже скрыл.

Она тоже отправилась на поиски лыж — вместе с другими, вместе с этим толстым омерзительным секьюрити. Из него бы никогда не получился хороший натурщик. Его тело не может вызвать ничего, кроме отвращения. Кроме отвращения и ненависти.

Она отправилась на поиски лыж вместе с другими. Она не могла не пойти. Она пошла и убедилась, что это действительно кошмарный сон.

Ничего больше.

Она не кажется мне разочарованной этим. Она не казалась мне разочарованной, даже когда говорила о пещере. Чего не скажешь обо мне. Я очень разочарован. Тем, что одна из центральных фигур моей композиции оказалась поврежденной. Хорошо еще, что мне быстро удалось поправить ее и снова залить лицо подонка Кирилла льдом.

Получилось даже лучше, чем было изначально.

Получилось так хорошо, что я подумал: почему бы не покрыть все фигуры еще одним слоем льда? Иногда полезно делать такие вещи: материал кажется живым, и это еще больше подчеркивает прихотливость смерти.

Я должен подумать о ее разнообразии. О разнообразии выражений ее лица.

— Кажется, я готов пересмотреть концепцию — именно Она помогла мне в этом. Женщина, которой будет отведена центральная роль. Женщина, которой я буду поклоняться. Моя собственная женщина, я держал ее грудь, как птицу в руке.

Смерть может нести ужас. Может нести покой. А может нести любовь: рано или поздно мы все будем ждать своих возлюбленных в темноте ее глазниц. Именно здесь назначаются все самые главные свидания в жизни...

Я много думаю об этом в последнее время. Моя возлюбленная будет ждать меня. А я буду ждать Ее. И мы никогда не расстанемся.

Никогда.

"Холодно.

Боже мой, почему так холодно?

Ведь в камине всегда горит огонь, и Марк подбросил дрова — как раз перед тем, как я погрузилась в сон. Почему так холодно и почему так болит голова? И саднит рука, обожженная факелом... Да, факелом в пещере, хотя Марк попытался уверить меня в обратном. Он сказал, что я обожгла руку зажигалкой, когда пыталась прикурить сигарету у скал... Что я просто забыла об этом.

Как я могла забыть?

И почему так холодно?

Так холодно, что даже не хочется открывать глаза. А вдруг я открою глаза и сразу же окажусь в той пещере, подо льдом...

Горло болит по-прежнему, даже остывший компресс его не спасает. И странная сухость во рту — почему? Я же ничего не пила, даже от мартини

отказалась. Мне вообще нужно воздержаться от спиртного, так будет лучше для всех. Так я сумею сохранить ясную голову".

...И все-таки Ольга открыла глаза. Но то, что она увидела, потрясло ее. Потрясло даже больше, чем произошедшее прошлой ночью в пещере. Как бы там ни было, люди, спрятанные во льду, не имели к ней никакого отношения. Она была лишь случайным свидетелем, не более. Теперь это каким-то странным образом касалось ее самой.

Ольга лежала, свернувшись клубком, прямо на снегу, недалеко от их коттеджа. Она была лишь в комбинезоне и ботинках, даже куртки на ней не было. Она поднесла к лицу перебинтованную руку, коснулась ею волос, выбившихся из-под вязаной шапочки. Голову плотно стягивал обруч горнолыжных очков. Зачем ей понадобились очки ночью и что она делает здесь?

Она заснула в своей кровати, а Марк все еще сидел за компьютером. А потом подбросил дрова в камин. Тогда она испытала к нему странную, необъяснимую ненависть. Приступ испугал ее, но быстро прошел. Еще до того, как... До чего?

Похоже, она не помнит, как заснула.

Ольга приподнялась и попыталась встать. Не так-то просто... Не так-то просто...

Не хватало остаться здесь до утра и замерзнуть насмерть.

Спасительный дом был совсем рядом, но добраться до него не было никакой возможности: казалось, ее собственное тело было против нее.

Ольге стало по-настоящему страшно. Даже в горах, в полном одиночестве среди скал, ее не сковывал такой ужас.

Что она делает здесь и как сюда попала?

Только Манана могла знать об этом, только Манана, ее сумасшедшая мать. Перед самой смертью она несколько раз уходила из дома: отец даже был вынужден на какое-то время оставить работу, чтобы следить за ней... Почему все эти давно забытые, задвинутые в дальний угол души подробности ее несчастного детства всплывают теперь, в точной хронологической последовательности?

Потому что она — Ольга — в точной хронологической последовательности повторяет все круги ада, пройденные Мананой?

Ольга тихонько заскулила и обхватила голову руками.

Очки... Почему на ней очки, почему она не помнит, как оказалась здесь? Очки мешали, сдавливали голову раскаленным обручем — и Ольга сорвала их, надеясь, что хоть так избавится от обруча. Но боль в висках не проходила.

— Марк! — неслышно позвала она. — Марк! Я здесь... Приди, пожалуйста... Забери меня отсюда...

И он как будто почувствовал движение ее почти бесплотного голоса: дверь коттеджа распахнулась, и на пороге, в ореоле теплого домашнего света возникла его фигура. Несколько минут он стоял, вглядываясь в темноту. Потом сбежал вниз со ступенек и быстро пошел по протоптанной в снегу тропинке.

В противоположную от Ольги сторону.

Сейчас он скроется из виду, и Ольга останется здесь, наедине с темнотой и страхом перед собственным прошлым, настоящим и будущим...

— Марк! — Она вложила в свой слабый, кажется, навсегда севший голос все отчаяние, всю муку, которую испытывала.

И он услышал ее.

Он услышал и обернулся.

— Марк! — Нужно дать ему понять, что это не наваждение, не шепот полуночных сосен, не фальшивое пение всех дьяволов-искусителей, вместе взятых.

Ей удалось приподняться на колени в смятом ее собственным телом снегу.

— Марк! Пожалуйста, Марк...

Наконец-то он увидел ее беспомощную жалкую фигурку и бросился к ней.

— Кара!

— Марк! Милый. — Она зарыдала и обвила его шею руками. — Забери меня отсюда... Забери, иначе я умру...

— Что ты здесь делаешь, кара? — Даже не выслушав бессвязные речи Ольги, он сорвал с себя куртку и укутал ею жену.

— Я... Я не знаю... Я не помню... Пожалуйста...

Стиснув зубы, он подхватил ее на руки и понес в сторону коттеджа. Но даже его сильное, всегда уверенное в себе тело не дало Ольге ощущение безопасности.

...Спустя пять минут она уже сидела в кровати и тихо плакала. В пальцах ее была зажата кружка с обжигающе горячим молоком, но она даже не замечала жара, идущего от кружки.

— Объясни мне, пожалуйста, что произошло, кара? — в очередной раз спросил Марк, возясь с новым компрессом.

Что она могла ему ответить?

— Почему ты ушла из дому? Откуда эта жажда ночных приключений? Разве тебе не хватило прошлой ночи? Ты же больна. Доктор сказал, что ты

должна полежать хотя бы пару дней.

Что она могла ему ответить?

Марк принялся снимать с нее вымокшую, обледеневшую одежду, расстегивать заклепки и лямки комбинезона.

— Что у тебя с руками, кара? — неожиданно спросил он.

— А что?

— Ты только посмотри!

Ольга послушно опустила голову: несколько обычно ухоженных ногтей были сломаны, повязка, прикрывавшая обожженное ребро ладони, в чем-то вымазана. Марк вытряхнул из комбинезона перчатки — кожа уже оттаяла в тепле, и теперь они были полностью мокрыми. Мокрыми и грязными.

Даже шов порвался.

— Ты таскала камни, кара? Или разгребала снег? Не стоило этого делать, здесь наверняка существует штатная должность дворника. — Даже обычное чувство юмора изменило Марку, и неудачная шутка прозвучала как оскорбление.

— Я не знаю... Я не брала перчатки... Я... — Сухой кашель сдавил ей горло.

— Не нужно ничего говорить. Побереги себя.

— Марк. — Она со страхом посмотрела на мужа. — Яне помню, как вышла из дому.

— Как это — не помнишь? Я лег в час, и ты спокойно спала...

— Я не помню. Я помню только, как... — Она почти готова была сказать о той неконтролируемой ярости, которую к нему испытала, но вовремя осеклась. — Ты сидел за компьютером, а потом подбросил дрова в камин...

Он недоверчиво посмотрел на нее.

— Я боюсь, Марк... Я боюсь себя... Манана...

Он сжался над ней и погладил по голове:

— Мы же договорились — никогда к этому не возвращаться. Забыть об этом...

— А вдруг... Вдруг у меня началось то же самое?

— Бред, — решительно сказал Марк, и Ольга была благодарна ему за это. — Вот что, кара. Давай сейчас не будем об этом. Оставим все на потом, когда ты поправишься. А ты поправишься, потому что я буду рядом с тобой. Хорошо?

Она кивнула.

Марк забрал у нее кружку с недопитым молоком и все равно не

удержался — от мальчишеского и немного ревнивого вопроса:

— Где же ты все-таки была, кара?

— Я не помню! — Замечание Марка снова вызвало целый поток слез.

— Ну, успокойся.

Он прилег рядом и крепко обнял ее.

* * *

Звягинцева разбудил настойчивый стук в дверь.

Долгий, нервный и истерически-женский: мужчины никогда не стучат таким образом — подобное визгливое проявление чувств кажется им унижительным. Но именно так стучала в ванную его жена, когда он имел неосторожность засыпать в остывающей воде после крепкой попойки.

Несколько минут Звягинцев слушал стук и рассматривал дырку на носке: из нее торчал большой палец. «Надо бы ногти постричь», — меланхолично подумал Пал Палыч и поднес к глазам часы.

Часы показывали половину третьего.

Стало быть, без пятнадцати три, вот уже много лет его «Командирские» (подарок сына Володи с первой стипендии) исправно отставали на пятнадцать минут. Ни минутой больше, ни минутой меньше. Звягинцев давно смирился с этим и даже стал находить в пятнадцатиминутном отставании скрытый философский смысл: если все события в его жизни происходят с задержкой, то и смерть придет с опозданием на четверть часа.

Стук не прекращался.

Придется открыть, пока какая-нибудь фря не расцарапала наманикюренными ногтями и без того потрепанную морду его двери.

Когда он отпер, то даже присвистнул от удивления: на пороге стояла Наталья Владиленовна Запесоцкая. Вид у нее был взволнованный, и Звягинцев грешным делом подумал, что тело Кирилла Позднякова найдено.

Или пропала так горячо любимая ею полусемейная полароидная фотография.

— Черт знает что происходит! — воскликнула Запесоцкая.

«Тут я, пожалуй, с тобой соглашусь», — подумал Пал Палыч и не удержался от зевка.

— Вот вы спите...

«И тебе советую, в бога душу мать!»

— А у вас под боком такие дела творятся! Вы отвечаете за безопасность или нет?

— В данный момент я действительно сплю, — осторожно сказал Звягинцев. — И потому ни за чью безопасность отвечать не могу. Даже за свою собственную.

— Вы только посмотрите на это! — взвизгнула Запесоцкая и протянула ему нечто, что еще недавно было ее очками.

Подчиняясь напору, Звягинцев послушно взял очки и принялся их рассматривать. Кто-то над ними хорошо потрудился, ничего не скажешь: одно из стекол было выбито, другое пошло трещинами. Кроме того, явно не хватало одной дужки.

— Я не оптик, — честно признался Звягинцев, — так что ничем помочь не могу.

— И это весь ваш ответ?!

— Ну, если вы мне объясните подробнее, что произошло...

— Вы позволите войти?

— Да, конечно.

Он впустил Запесоцкую в комнату.

— Включите свет! — потребовала она все таким же склочным, не терпящим возражений голосом.

Только этого не хватало! Врываются посреди ночи, да еще требуют, чтобы такой поздний визит был хорошо освещен.

Звягинцев с тоской подумал о том, что если сейчас он включит свет, то полностью дискредитирует себя как представитель службы безопасности: пустые пивные банки у кровати, живописная группа водочных бутылок под столом, пальто и шляпа, сброшенные прямо на пол. А если еще учесть ночные тараканьи рейды...

— Свет включить не могу, — мелко соврал Пал Палыч. — Лампочка перегорела.

— Впрочем, мне все равно, — неожиданно легко согласилась Запесоцкая, — я и так ничего не вижу... Хотя бы сесть предложите.

Звягинцев пододвинул ей стул, а сам устроился на кровати.

— Ну. Слушаю вас.

— У меня разбили очки... Мало того, что у меня астигматизм и что заказать такие очки — довольно хлопотное дело...

— У вас сколько?

— В смысле?

— У меня минус три... Мои не подойдут? — Звягинцев умел быть великодушным. — Правда, они не очень презентабельные, но на первое

время бы сошли, я думаю.

— Да дело даже не в очках. А в том, что ваши богатые постояльцы позволяют себе черт знает что! Просто ужас какой-то! И вы, как представитель закона, не должны это поощрять...

— Да вы расскажите все с самого начала.

— Ну хорошо... Сегодня я была в «Ричарде Бахе».

«Ничего удивительного, ты каждый день там околачиваешься, сосеешь спиртное и жалуешься на свою неудавшуюся жизнь. Кстати, о спиртном...»

— Хотите пива, Наталья Владиленовна? Это сразу поднимет тонус и успокоит. Вы, как я посмотрю, изрядно перенервничали...

— Валяйте ваше пиво...

Звягинцев ловко открыл две банки. Одну из них он протянул Запесоцкой, а вторую оставил себе.

— Итак, сегодня вы были в «Ричарде Бахе», — поощрил он рассказчицу.

— Ну, это совершенно неважно... Я вернулась в номер что-то около половины второго... Ну, примерно... Я не смотрела на часы. Ах, боже мой, это тоже не имеет отношения к делу...

Вы знаете, я живу на втором этаже, но не возле центральной лестницы, а в левом крыле — крайний номер по коридору, возле запасной лестницы... Вы же знаете, она всегда открыта.

Я уже собиралась ложиться, когда увидела весь этот вандализм...

— Не понял?

— Вандализм, — с нажимом повторила Запесоцкая и залпом выпила пиво.

— Повторить? — Звягинцев уже держал наготове очередную банку.

— Не стоит. Мне достаточно...

— Как хотите.

— Так вот... Я уже сказала, что живу на втором этаже, и окна мои выходят на этот милый городок ледяных скульптур.

Вы его знаете, да?

— Конечно.

— Мне он всегда нравился. Я специально попросила номер с видом на этот городок... Вот и сегодня, перед тем как лечь, я подошла к окну... Я всегда это делаю. Там есть такая симпатичная скульптура. Копия роденовской «Вечной весны»...

Звягинцев вздохнул: все экзальтированные дамочки, особенно если климакс дышит им в затылок, обожают эту скульптуру. Он нечасто встречался с такими интеллектуалками, только один раз в жизни ему

повезло — по делу о банальной квартирной краже в его отделении проходила дипломница искусствоведческого факультета Академии художеств Nadine (Надин) Jukoff (Жукова). Богемная Nadine, покуривая сигареты «Астра», которые упорно называла «пахитосками», и рассказала валенку Звягинцеву об некой полумистической эротической связи, которая существует между женщинами и скульптурами. Сама Nadine два раза в неделю шастала в Эрмитаж, чтобы приобщиться к высокохудожественной мастурбации в роденовском закоулке. И скульптура «Вечная весна» была не последней в этом списке конских возбuditелей.

— Ну знаю. «Вечная весна». Что дальше?

— Я подошла к окну и увидела, что кто-то планомерно уничтожает скульптуры.

— Кто-то?

— Я знаю, кто это был... Так вот, этот человек... Эта женщина. Она разбивала скульптуры. С такой ненавистью, с таким остервенением!

— Зачем? — задал самый неуместный вопрос Звягинцев.

— Ну откуда же я могу знать? Я была просто потрясена.

Когда на ваших глазах рушится это чудо...

— И никто не остановил.., эту женщину?

— Кто? Во-первых, было почти два часа ночи. Во-вторых, на эту сторону выходят только мои окна... Ну, еще и...

Запесоцкая надолго замолчала. Но Звягинцев знал, что она хотела сказать.

«Розу ветров» строили по какому-то очень модному финскому проекту, который предполагал асимметрию и максимальную встроенность в окружающий ландшафт. Окна всех номеров расположенной полупансионной гостиницы были обращены к горам. А во внутренний дворик с ледяными скульптурами выходили окна только двух номеров — Запесоцкой на втором этаже и пропавшего Кирилла Позднякова на третьем.

— И что вы сделали, когда увидели, что скульптуры разбивают? — мягко спросил Звягинцев, стараясь вывести Запесоцкую из сентиментальной комы воспоминаний.

— Что? — Она очнулась. — Я... Я попыталась открыть окно, но у меня не хватило сил. У меня очень слабые руки. Тогда я позвонила портье. Но телефон был занят.

«Интересно, почему телефон у Ивана занят в два часа ночи, — подумал Звягинцев, — развели бардак!»

— И тогда вы...

— Тогда я решила спуститься вниз, остановить это варварство. Я

выбежала через запасную лестницу, прямо во дворик, когда она уже уничтожала «Вечную весну»

Я закричала, принялась взывать к ее разуму, даже попыталась пристыдить...

— А она?

— Она не успокоилась, пока не разбила ее. И только потом обратила на меня внимание, — сказав это, Запесоцкая поежилась.

— И?

— Это чудовищно. Она ударила меня по лицу. Просто бред какой-то... Ударила и сказала: «Пошла вон, старая сука!»

— Так и сказала? — «Не такая ты и старая, во всяком случае, без очков, бабенка о-го-го, больше чем на тридцать пять не тянешь...»

— Именно. — И Запесоцкая с наслаждением повторила чье-то нелицеприятное высказывание:

— «Пошла вон, старая сука!» А мне, между прочим, только сорок три...

Да, дорогой Пал Палыч, ты слишком стар и слишком толст, если в твоём присутствии женщины не стесняются говорить о своём возрасте. Ты — пустое место, кипятильник на посту, платяной шкаф при исполнении...

— Я была в очках. Это естественно... Я почти их не снимаю, у меня астигматизм. Так вот, когда она меня ударила, я не успела их защитить. Они упали, и эта.., эта . Наступила на них ботинком. Вы видите, в каком они плачевном состоянии.

— Да уж... Что было дальше?

— А что было дальше? Она ещё сказала, что никто не помешает ей сделать это... Что она должна уничтожить зло.

— Уничтожить зло? Занятно. Кто это был, вы, естественно, не знаете.

— Почему же? Я хорошо её рассмотрела.

Звягинцев с сомнением взглянул в близорукие глаза Запесоцкой.

— Её зовут Ольга. Они приехали совсем недавно, с мужем.

Мы с ней даже успели познакомиться — с ней, с её мужем и с подругой. Они показались мне чрезвычайно симпатичными, интеллигентными людьми... Особенно Ольга. — У Запесоцкой даже перехватило дыхание от возмущения, она как будто заново пережила дикую сцену в ледяном городке.

Нельзя сказать, что это известие поразило Звягинцева в самое сердце. Скорее он испытал разочарование: вся тяжелая умственная работа, все прозрения и откровения вчерашнего вечера пошли насмарку. Он, старый битый мент, выстроил несколько рабочих версий на основании показаний

сумасшедшей! Только этого не хватало! Ничего не скажешь, эта чертова полукровка обвела его вокруг пальца. Звягинцев даже сплюнул с досады на пол и тотчас же растер плевков пяткой.

— Вы должны принять меры.

— Обязательно. — Звягинцев даже не слушал Запесоцкую.

Как же он не сообразил сразу, что все, рассказанное Ольгой Красинской, — филькина грамота, бред воспаленного сознания. Да и сам муж, милейший Марк Красинский, говорил ему о наследственной душевной болезни Ольги. Лучшим местом для нее была бы не «Роза ветров», а психиатрическая клиника имени Скворцова-Степанова, революционера и переводчика «Капитала». При случае Звягинцев мог бы даже устроить протекцию всем желающим — там у него работала знакомая санитарка, двоюродная сестра бывшей жены.

— Это не должно остаться безнаказанным!

— Возвращайтесь к себе, Наталья Владиленовна. Завтра с утра я займусь этим.

— Нет, — твердо сказала Запесоцкая. — Сегодня. Сейчас.

— Сейчас? В три часа ночи?

— Именно. За подобные вещи нужно наказывать. Или вы думаете, что ее деньги позволят ей выйти сухой из воды?

И не только деньги, но и общее подорванное состояние психики.

— Это не совсем удобно, — начал было Звягинцев. — Врываться к людям среди ночи, без всяких санкций...

— А устраивать акты вандализма и разбивать физиономии — это в порядке вещей, вы как думаете?.. Я готова написать любое заявление.

— Это лишнее. Попробуем решить все полюбовно.

— Полюбовно? — Запесоцкая посмотрела на Пал Палыча с откровенным презрением. — Ничего не выйдет.

— Ну хорошо, — сдался Звягинцев. — Решим все на месте.

Подобные инициативные дамы полностью лишали его воли, тем более что состав преступления, которое Звягинцев уже сейчас квалифицировал как мелкое хулиганство, был налицо.

— Я буду ждать вас в коридоре, — надменно сказала Запесоцкая. — Безобразия какое-то! Солидный курорт, а никакой охраны. Как в лесу, честное слово.

— В горах, Наталья Владиленовна, в горах, — машинально поправил Звягинцев.

Запесоцкая вышла, не удостоив его даже взглядом.

Подождав, пока за ней закроется дверь, Звягинцев воровато включил

бра и принялся собираться. Несколько минут ушло на ботинки, и Пал Палыч в который раз подумал о том, что не мешало бы подкачать брюхо или перейти на туфли без шнурков. Из-за непомерно раздувшегося пивного живота шнуровка ботинок каждый раз выливалась в героическую эпопею. Надев пальто и нахлобучив шляпу на самый лоб, он последовал за Натальей Владиленовной.

Сначала они отправились к ледяному городку.

И все, о чем рассказала Запесоцкая, приняло угрожающе реальные очертания.

Почти все фигуры были истыканы чем-то острым и безнадежно испорчены. Особенно досталось «Вечной весне» — Запесоцкая не соврала. Головы влюбленных, безжалостно снесенные, валялись тут же. Звягинцев даже поежился от такого удручающего зрелища.

— Теперь вы видите? — спросила Запесоцкая торжествующим тоном.

— Теперь вижу.

Больше всего Звягинцева поразила та сила, а скорее — остервенение, — с которой наносились удары по беспомощному льду. Он пошарил глазами и почти сразу же обнаружил орудие вандалки — самую обыкновенную лыжную палку: теперь понятно, почему лед кажется истыканным.

— Эта? — коротко спросил он у Запесоцкой, кивнув на палку.

— Да... Чем-то похожим она орудовала. Я не могла разглядеть... А когда она сбила с меня очки...

— Скажите спасибо, что не проткнула насквозь.

— А могла? — В голосе Запесоцкой послышался запоздалый страх.

— Не знаю, — честно признался Звягинцев.

От этих буйно помешанных с короткими периодами ремиссии всего можно ожидать. В милицейской практике Звягинцева встречались типы с теми или иными психическими отклонениями: в основном это была белая горячка, или «белочка», верная спутница поножовщины и самой жестокой бытовухи. Но с таким изысканным помешательством он сталкивался впервые.

Прихватив с собой палку, Звягинцев в сопровождении пострадавшей Запесоцкой отправился к Красинским.

...Всю дорогу до коттеджа они молчали.

Звягинцев думал о том, что необходимость разговора с Запесоцкой отпала сама собой. Теперь все ее показания о таинственном горнолыжнике с непокрытой головой не имеют никакого значения. А его собственный карманный генерал майор должен быть понижен в звании до старшего

лейтенанта и занять скромную должность участкового.

Несколько раз полуслепая Запесоцкая споткнулась на ровном месте, но от галантно протянутой руки Звягинцева отказалась наотрез.

— Сколько вы получаете? — неожиданно спросила Запесоцкая.

— Вам предоставить декларацию о доходах?

— Не стоит. Просто... Если уж вы занимаете такое положение, могли бы выглядеть попрличнее. Невозможно доверять такой, с позволения сказать, шляпе.

Звягинцев шмыгнул носом, но ничего не ответил: чувства оскорбленной и подвергшейся унижительному нападению женщины были ему понятны.

Они взобрались по обледеневшим ступенькам и остановились перед закрытой дверью.

— Ну, стучите, — скомандовала Запесоцкая, — стучите.

Я хочу посмотреть в глаза этой мелкой хулиганке. Надеюсь, я смогу ее разглядеть.

В коттедже Красинских, несмотря на глубокую ночь, горел свет, и это придало Звягинцеву уверенности. Он несколько раз громыхнул кулаком. И почти тотчас же из-за двери раздался взволнованный голос Марка Красинского:

— Кто там?

— Это Звягинцев, Марк, — Пал Палыч кашлянул, прочищая горло. — Откройте, пожалуйста.

— Что-нибудь случилось?

— Как вам сказать? Похоже, что да.

Марк отпер дверь и вышел на крыльцо. Он совсем не выглядел сонным, даже не снял ботинки и свитер. Пал Палыч приободрился: куда тяжелее было бы сейчас разговаривать, будь Марк в какой-нибудь пижаме из набивного китайского шелка.

— Мне нужна ваша жена.

— Вы знаете, который час?

— Догадываюсь, но тем не менее... Вы бы не могли ее позвать?

— Она спит.

— Марк, что случилось? С кем ты разговариваешь? — раздался из-за двери голос Ольги.

— Значит, спит? — еще раз уточнил Звягинцев.

Марк угрюмо молчал.

— Вы впустите нас или нет? — вклинилась Запесоцкая.

— А что, собственно, произошло?

— Эта палка от вашего комплекта? — Звягинцев решил Зайти с другой стороны и протянул Марку лыжную палку.

— Я не понимаю... — Марк мельком взглянул на палку. — Возможно... Да. Вы нашли ее? Большое спасибо, но неужели нельзя было подождать до утра?

— Значит, ваша?

— Кто там, Марк? — снова спросила Ольга.

— Успокойся, кара! Пал Палыч был настолько любезен, что принес нам ту палку, которую ты потеряла в горах прошлой ночью.

— Боюсь, что не прошлой ночью, а этой. И не в горах, а поближе. Возле гостиницы. Там, где городок ледяных скульптур, — с нажимом сказал Звягинцев.

— Я не совсем понимаю...

— Я тоже пока мало что понимаю. Но надеюсь, что ваша жена все нам сейчас объяснит. — И, не дожидаясь ответа, Звягинцев животом оттеснил Марка в глубь комнаты. Следом за ним, покачивая точеными, нерожавшими бедрами, в коттедж просочилась Запесоцкая.

Ольга сидела в кровати, маленькая и несчастная, с прижатыми к лицу руками. На секунду Звягинцеву стало жаль ее; жаль даже больше, чем пострадавшую Наталью Владиленовну. Ольга Красинская отнюдь не выглядела мелкой хулиганкой, способной учинить в ледовом городке еврейский погром средней руки. К тому же ей явно нездоровилось: мокрые пряди волос прилипли ко лбу, а под глазами залегли темные круги.

Похоже, что сходные чувства испытала и Запесоцкая: во всяком случае, ее воинственный пыл явно пошел на убыль.

— Доброй ночи, Ольга Игоревна, — пробухтел Звягинцев, пытаюсь вложить в свой грубый голос как можно больше снисходительного добродушия.

— Что случилось? — не глядя на ночных гостей, снова спросила Ольга у мужа.

— Видите ли, Ольга Игоревна... Я пришел... Мы пришли к вам, так сказать, не с очень радостными известиями. Собственно, вопрос у меня только один: зачем вы это сделали?

— Что? — На лице Ольги отразилась мука непонимания.

— Ну как — что? Разрушили скульптуры из льда.

— Я? — Ее голос был полон такого страстного, такого жгучего удивления, что Звягинцев даже на секунду усомнился, а видел ли он следы разрушений. — О чем вы говорите? Что значит — «разрушила скульптуры»?

— Ну как же, Ольга, — видя, что жалкое подобие представителя закона не мычит и не телится, Запесоцкая взяла инициативу в свои руки. — Вы крушили скульптуры, а потом, когда я попыталась остановить вас, — вы ударили меня. Разбили очки.

— Нет, — Ольга обвела всех полными слез глазами. — Нет, что вы!..

— Покажите очки, тряпка, — шепнула Звягинцеву Наталья Владиленовна и громко добавила:

— У нас есть вещественные доказательства.

Звягинцев послушно вынул из кармана очки и протянул их Марку. Тот несколько секунд тупо рассматривал их.

— Кара? — Он вопросительно поднял брови. — Это правда, кара?

— Марк!

— Видимо, произошло недоразумение... Вы уверены, что это... Что это совершила именно моя жена?

— Не держите меня за дуру, молодой человек! Я знаю вашу жену и не могла ошибиться.

— Дело в том, что все это время мы были вместе, так что все ваши обвинения выглядят несостоятельными.

— Меня хотят уличить во вранье? — Запесоцкая нервно пожевала губами. — Может быть, я не очень хорошо вижу...

— Тем более, — совсем недипломатично вставил Марк.

— Может быть, я не очень хорошо вижу, но не настолько, чтобы не узнать человека с расстояния двух шагов... И потом — она ударила меня.

— Я не могу это комментировать. — Марк поднял руки и даже поправил воображаемый галстук.

Но достойно завершить эту импровизированную пресс-конференцию ему не удалось: в дверь требовательно постучали.

Похоже, что этот сиротский коттедж пользуется большой популярностью в ночное время, меланхолично подумал Звягинцев. Прямо как народные центры самогонварения в достославную советскую эпоху.

Марк — в который раз за сегодняшнюю ночь — пошел открывать.

— Марик, душка, что это происходит с Лелишной? — раздался голос ее подруги, которая была так невежлива со Звягинцевым. Стриженная кошка, обмылок Дома моделей, такая же шумная, как крышка для унитаза.

Звягинцев не любил женщин Инкиного типа: узкозадая лахудра, с целым выводком серег в ушах и цепочкой на щиколотке, разбила сердце его сына Володи. За три месяца до смерти.

— Тише, пожалуйста, Инесса. — Они все еще стояли возле двери, и Инка не могла видеть ночных гостей Красинских.

— Спит, что ли?

— Спит, — обреченным голосом сказал Марк.

— Хотела бы я так спать... С чувством выполненного долга.

— Приходи завтра. Инка.

— Да нет, я просто хотела выяснить, с каких это пирогов она меня послала сорок минут назад.

— Уходи, пожалуйста.

— Я так и знала, что ты доведешь жену до ручки своим рационализмом и миссионерским сексом, Марик, душка! Я чуть по морде от нее не получила. А вся моя вина заключалась лишь в том, что я сходила в бар пропустить стаканчик. А потом, когда вышла подышать свежим горным воздухом, — она мне навстречу. В совершенно невменяемом состоянии. Пронеслась мимо, как на шабаш, только метлы не хватало. Она вообще до дома добралась?..

— Да. Уходи.

— Да что с вами в самом деле?

— Это-то мы и пытаемся выяснить, — радостно сообщил Инке Звягинцев, мелким бесом выпрыгнувший из-за двери.

— О! Да у вас здесь полна ж... Полна горница людей. — Инка, казалось, даже не удивилась столь позднему визиту Звягинцева.

— Да вы проходите, барышня, все равно никто не спит. — Звягинцев взял на себя функции радушного хозяина.

— Ну, если вы настаиваете...

— Настаиваю.

Инка вошла в дом, поздоровалась с Натальей Владиленовной («А вы что здесь делаете, Наташа?») и устроилась в кресле. Запесоцкая заняла другое кресло, а Марк сел на кровать, рядом с женой: Ольга сразу же вцепилась в его руку обеими руками. Звягинцеву посадочного места не хватило, но спустя несколько минут он утешился бутылкой мартини, стоявшей на каминной полке.

— Ну, — сказал Звягинцев, самым непосредственным образом залив в глотку мартини, — приступим к опросу свидетелей.

— А что, собственно, произошло? — Инка вскинула брови.

— А произошло вот что, барышня. Ваша подруга сегодня ночью совершила акт вандализма плюс мелкое хулиганство...

— Я бы не сказала, что хулиганство было таким уж мелким, — поправила Пал Палыча Запесоцкая и инстинктивно провела рукой по лицу.

— Неважно. Вот Наталья Владиленовна утверждает, что застала вашу подругу, — Звягинцев кивнул в сторону Инки, — и вашу жену, — далее

последовал кивок в сторону Марка, — за весьма предосудительным делом: она разбивала ледовые скульптуры самым варварским способом. Я сам это видел.

— Как она разбивала? — переспросила Инка.

— Нет. Последствия.

— А почему вы решили, что это именно она?

— Потому что были свидетели. Вот, Наталья Владиленовна, прошу любить и жаловать.

— Это правда? — обратилась Инка к Запесоцкой.

— К сожалению.

— Зачем, Ольга? — Вопрос подруги застал Ольгу врасплох.

Она расплакалась так отчаянно и горько, что даже Запесоцкая покраснела.

Сердце Звягинцева сжалось — ему совсем не нравилась эта ночная история. Он никогда не был психологом, но не заметить растерянность и подавленность молодой женщины было невозможно.

— Вы сказали, Марк, что ваша жена этой ночью никуда не выходила.

— Я и сейчас могу это подтвердить. — Крепко сжатые губы Марка лишь подтвердили его готовность защищать свою жену до конца.

«Молодец, сукин сын, — внутренне одобрил действия этого упакованного хлыща Звягинцев, — давай, бросайся на амбразуру, вытаскивай из дерьма любимую женщину. А я, пожалуй, соглашусь с тобой и прихлопну это некрасивое дело».

— Не надо, Марк, — неожиданно сказала Ольга и почти оттолкнула от себя руки мужа. — Не надо. Скажи им всю правду.

— Нет никакой правды. — Он упрямо нагнул голову.

— Скажи. Скажи, что, когда ты проснулся, меня не было в коттедже... Меня ведь действительно не было. Давай, Марк, — она горько засмеялась. — Давай, здесь ведь все свои...

— Я прошу тебя, кара, — начал Марк умоляющим голосом, но Ольга не дослушала его.

Она вскочила с кровати и бросилась в сторону ванной.

— Извините, — глухой голос Марка, поднявшегося вслед за женой, остановил Ольгу у самой двери.

Она обернулась.

— Ты извиняешься, Марк?! Конечно, ты извиняешься за свою сумасшедшую жену... Которая ничего, ничего не помнит!

Которую ты подобрал на улице час назад во всем этом... — Ольга бросила посреди комнаты вещи, в которых нашел ее муж: мокрый

комбинезон, ботинки, рваные перепачканные перчатки. — Давай, расскажи им все!..

Ольга бессильно опустила прямо на вещи и зарыдала.

Сцена была такой тягостной, что лицо Запесоцкой пошло красными пятнами, а глаза наполнились слезами. Она встала.

— — Пойдемте, Звягинцев.

Пал Палыч послушно поплелся за потерпевшей.

Запесоцкая остановилась недалеко от коттеджа, набрала снега и протерла им лицо.

— Просто кошмар какой-то, подумать только... А ведь такая милая женщина... Вот что, Звягинцев, я не хочу в этом участвовать...

— Актик все равно придется составить, — начал Пал Палыч. — То, что скульптуры разрушены, — это, конечно, дерьмово. Вы должны подтвердить...

— Без меня.

— В любом случае нужно будет что-то объяснять начальству...

— Объясняйте что хотите.

Звягинцев нахмурился. Сам он тоже испытывал к Ольге скорее симпатию, чем антипатию, — даже несмотря на ее ночную дикую выходку. Но Запесоцкая! Наталья Владиленовна перещеголяла его в человеколюбии: сентиментальная летучая мышь.

— Подождите! — раздался голос за их спинами.

Их догонял Марк — раскрасневшийся и запыхавшийся от быстрого бега.

— Подождите, я хочу поговорить с вами!

— Вам нужно было остаться с женой, молодой человек, — бросила Запесоцкая. — Вы сейчас нужны ей...

— Да, я понимаю... Но... Простите, что я солгал вам. Что она... Что мы все время были вместе... Я просто хотел защитить ее.

— Ее нужно защищать прежде всего от себя самой.

«Ай да баба, — внутренне восхитился Звягинцев, — в чем, в чем, а в этом она права, хорошо сказала. Даже мой Володя не сказал бы лучше, а он был прирожденным писателем».

— Часто с ней такое бывает? — Запесоцкая взяла инициативу в свои руки.

— Нет, клянусь, нет! — сказал Марк испуганным голосом. — Это, собственно, первый раз...

— Приступы неконтролируемой ярости обычно не доводят до добра и могут вылиться во что-то серьезное... Ее нужно показать хорошему

психиатру. Вы ведь из Москвы, да?

— Да.

— У меня есть знакомые. Частная клиника неврозов. Я оставлю вам адрес.

— Дело в том, что такого никогда не было.

— Всегда что-то случается в первый раз. — Запесоцкая посмотрела на Марка с состраданием.

— Я хотел бы знать, что произошло.

Наталья Владиленовна в который раз начала рассказывать тягостную историю бессмысленной бойни в ледяном городке. И, по мере того как эта история продвигалась к концу, лицо Марка мрачнело больше и больше.

— Черт знает, что такое! Собственно, я догнал вас... Я хотел бы возместить ущерб — моральный и материальный. — Марк вытащил из кармана пухлый бумажник. — Тысячи долларов хватит?

Звягинцев сглотнул слюну. За такие деньги любая уважающая себя астигматичка могла бы скупить половину ассортимента в каком-нибудь затрапезном магазине «Оптика».

— Оставьте, молодой человек, — надменно сказала Запесоцкая.

— Меня зовут Марк, и мне тридцать пять лет.

— Оставьте, Марк. И возвращайтесь к жене. Нельзя бросать ее одну в таком состоянии.

— С ней сейчас Инесса...

— Ей нужен муж, а не подруга, — в голосе Запесоцкой прозвучала такая страстная убежденность, что Звягинцев полностью уверился: «муж, а не подруга; муж, а не...; муж, муж муж» — это жизненное кредо одиноких женщин, желающих только одного: перестать быть одинокими.

— Хорошо, я понял. И вот еще что... Я хотел бы, чтобы никто не узнал об этом ночном инциденте... Если это возможно. — Он умоляюще посмотрел на Запесоцкую. — Я могу надеяться на ваше молчание?

— Да, я обещаю вам. Спокойной ночи.

И, забыв попрощаться со Звягинцевым, Наталья Владиленовна пошла по тропинке к гостинице. Пал Палыч проводил ее восхищенным взглядом: хороша, стерва, ни хиринки, в бане бы на нее посмотреть. От денег отказалась (Звягинцев наверняка не отказался бы, только вот кто ему, старому хрычу, предложит?). К тому же великодушна, когда надо, самый человечный человек, со всеми вытекающими...

— Я бы хотел поговорить с вами. Пал Палыч, — сказал Марк, когда Запесоцкая скрылась из виду.

— Здесь не очень удобно.

— Я понимаю. Бар еще открыт?

— Он открыт до шести утра, — с готовностью сказал Звягинцев.

— Может быть, пойдём туда? Я угощаю.

... "Ричард Бах" был почти пуст.

Только несколько стойков кучковались у боулинга. Среди адептов шаров и кеглей Звягинцев заметил Влада с Юриком Серяновым, но они даже не нашли нужным ответить на его приветствие.

Марк заказал Звягинцеву пива, себе же взял коньяк.

Но разговор не клеился даже со спиртным — слишком деликатной была тема.

— Как я понимаю, скрыть разрушения не удастся? — задал Марк наивный вопрос.

— Она хорошо потрудилась, — уклонился от прямого ответа Звягинцев. — Дело, конечно, неподсудное, но все равно неприятное. Сами понимаете: «Роза ветров» — заведение респектабельное. А тут такой афронт.

— Да, конечно.

— Не понимаю, зачем ей это понадобилось... Даже если она ничего не помнит, как вы утверждаете...

— Ничего, — твердо сказал Марк. — Это-то меня и пугает больше всего.

— Все равно, должна быть какая-то логика.

— Она была не в себе — какая уж тут логика?

— Не скажите, Марк. Логика присутствует везде. Ей подчинены даже бессмысленные поступки. Нужно только правильно выбрать систему координат.

— Сон, — задумчиво произнес Марк. — Ее сон. Все началось со сна. Ей снились люди, которые были практически вмонтированы в лед. Этот сон не просто ее испугал — он ее ужаснул. А потом эти нелепые видения с пещерой...

— Мне кажется, тут все не так просто. Помните, она говорила, что видела там пропавшего парня... Кирилла Позднякова.

— Мы уже обсуждали это. Пал Палыч. Она увидела фотографию, лицо парня закрепилось в ее подсознании. А в какой-то момент всплыло в галлюцинациях, — Марк снисходительно посмотрел на Звягинцева.

«Похоже, ты не слишком опечален всем происходящим, браток, — с неожиданной неприязнью вдруг подумал Звягинцев. — Сидишь с каким-то старым хрычом и препарлируешь собственную жену, как лягушку, как раз в стиле Васькиных детективных романов. И пиво взял самое дешевое...»

— Ну, допустим. — Звягинцев не удержался и отрыгнул, краем глаза наблюдая, как по лицу Красинского прошла презрительная тень. — Допустим. Но дело не только в Позднякове. Я тут поднял кое-какие материалы... Ваша жена, если мне не изменяет память, упоминала женщину. Говорила еще, что заметила золотую цепочку и сережки в виде листиков.

— Вы даже это запомнили? Надо же...

— Так вот, год назад в «Розе ветров» пропала супружеская пара — так же, как и Позднякова, их накрыло лавиной.

— Да у вас здесь опасное место, просто заповедник экстремальных видов спорта! Ни о чем подобном в проспектах не говорилось.

— Проспекты пишут в рекламных целях. А горы есть горы. От случайностей никто не застрахован.

— В случайностях тоже есть своя логика?

— Железная. Так вот. У пропавшей в прошлом году женщины были именно такие золотые сережки в виде листиков.

Я об этом вспомнил, потому что был знаком с этой женщиной. Как вы это объясните?

— Никак. Таких сережек полно. И потом, стоит ли доверять подобным показаниям?

— Во всяком случае, стоит к ним прислушаться.

— Неужели вы всерьез верите в существование какого-то ателье смерти, да еще под носом у горнолыжного курорта с неплохой репутацией? Даже для нашего беспокойного времени это перебор.

Звягинцев сдул пену, неопределенно помычал, но от ответа уклонился. Действительно, озвученная Марком цепь событий, к которым он, Звягинцев, отнесся так серьезно, выглядела жалкой пародией на фильм ужасов. Без всяких затей, с горой силиконовых трупов, кетчупом вместо крови и бензопилой для расчлененки в качестве главной героини.

— Кто вы по званию? — неожиданно спросил Марк.

Только этого не хватало! Сейчас этот субчик начнет рыться в его кальсонах, где в самом неподходящем месте воткнуты четыре унизительно-маленькие звезды капитана!

— Я в отставке, — скромно сказал Звягинцев.

— Значит, давно не практиковали. У вас тут тихо, как я посмотрю.

— Да. Не могу сказать, что завален работой по горло. Сегодняшний случай с вашей женой — редкое исключение. — Звягинцеву не хотелось трепать имя несчастной Ольги, но поставить на место зарвавшегося молодого человека он посчитал своим долгом.

— Послушайте, Пал Палыч. — От принятого коньяка глаза Марка заблестели. — Я попытаюсь изложить вам свою версию происшедшего. Мне это будет нелегко, потому что все это связано с моей женой...

— Если нелегко — не излагайте. Зачем же себя мучить.

— И все-таки... Дело в том, что мать моей жены покончила собой. Много лет назад. Об этом не стоило бы вспоминать, да я бы и не стал этого делать, если бы... Если бы мать Ольги не страдала очень серьезным психическим расстройством.

Ольга была слишком мала, чтобы по-настоящему пережить ее смерть. Похоже, что она начинает переживать ее именно сейчас.

— А раньше? Ничего такого за вашей женой не наблюдалось?

— Абсолютно ничего. Ольга — очень уравновешенный человек. Я бы даже сказал — чересчур уравновешенный. Она интроверт, вы понимаете, о чем я говорю?

Звягинцев отключил нижнюю губу и изрек нечто среднее между «угумм» и «м-да». Он смутно помнил два этих запредельных психологических термина «экстраверт» и «интроверт», но вот что они обозначают конкретно...

— Она все держит в себе. Она очень сдержанный человек.

У нас бывали тяжелые времена, и всегда ее поведение было выше всяких похвал... Когда мы прилетели сюда — еще в аэропорту, к Ольге привязалась какая-то гадалка и наговорила ей бог знает что.

— Что именно?

— Ну, откуда же я знаю! Что-то о жизни и смерти, обычный цыганский бред. И моя жена поверила в это бессмысленное предсказание. Думаю, это и послужило катализатором ее нынешнего поведения, в этом и есть корень зла. Ее психика оказалась беззащитной... Я бы за такие вещи депортировал из страны всем табором, вместе с кибитками и необъезженными жеребцами. Но... Что произошло, то произошло. Сначала ночной кошмар. Потом кошмар якобы повторяется наяву в красочных подробностях. А сегодня я нашел ее в снегу, недалеко от коттеджа. Она совершенно не помнила, где была и что делала. Оказывается, она натворила дел...

— Это точно, — с сожалением сказал Звягинцев.

— Вы говорили о логике. С этой точки зрения поведение Ольги совершенно логично: эти ледяные скульптуры как-то странно действуют на нее, от них исходит некая опасность.

Я не рассказывал вам... Еще в первый день мы побывали в этом городке. Он произвел тяжелое впечатление на Ольгу, она едва не заблудилась там, и потом — ей показалось, что ее преследуют. Вполне

естественно, что она попыталась уничтожить источник опасности. Избавиться от чувства гнетущего страха. Все симптомы депрессивно-маниакального психоза.

— Вы разбираетесь в психиатрии?

— Совсем не разбираюсь. — Марк настороженно посмотрел на Звягинцева. — Но это элементарные вещи, на уровне статьи в научно-популярном журнале.

— Во всяком случае, ваша версия выглядит довольно стройной. — Звягинцев погладил налитое пивом брюхо. — Такой же стройной, как и ваша жена. Она очень красива.

— Спасибо. Я знаю.

— А палка? — неожиданно спросил Звягинцев. — Палка, которой... Которой она проделала все это? Вы же утверждали, что она потеряна.

— Это утверждал не я. Ольга. Теперь вы видите, чего стоят ее слова.

— Да. Теперь вижу.

— Я надеюсь... — Марк близко придвинулся и заглянул Пал Палычу в глаза, — что вы тоже проявите великодушие.

— Можете на меня положиться, — Звягинцев с тоской подумал о тысяче долларов, лежащих в бумажнике у Марка.

Только раз в жизни ему предлагали взятку — сто пятьдесят долларов и отрез драпа на пальто, — только за то, чтобы он замял дело о краже кроличьей шапки в коммунальной квартире. Тогда Звягинцев от подношений благородно отказался.

— Я был уверен. Спасибо.

— Я все понимаю.

— Нет, вы не понимаете... Я люблю свою жену. Это невыносимо — видеть, как она страдает, как она мечется.

— Насколько я понял, все эти странности в поведении проявились только здесь?

— Да.

— Тогда вам имеет смысл уехать отсюда. Чтобы не обрекать себя на страдания, да и ее не подвергать ненужному психологическому напряжению.

— Я думал об этом. Мы уезжаем. Послезавтра, раньше просто нет рейсов. Я уже заказал билеты. Еще вчера вечером.

— Это правильное решение. Я не хотел бы усугублять... Да и Наталья Владиленовна поступила благородно, но ведь слова из песни не выкинешь. Ваша жена ударила ее.

— Прошу вас...

— Я не хочу сказать, что она опасна, но...

— Да, я все понимаю. А теперь позвольте откланяться, я должен вернуться к ней. Было приятно с вами познакомиться, Пал Палыч. А насчет пострадавших фигур... Я завтра же свяжусь с руководством и возьму все убытки.

...После ухода Марка Звягинцев просидел в баре еще полчаса. Разговор с Красинским оставил тягостное впечатление.

Больше всего Звягинцеву было жаль Ольгу, и в то же время он чувствовал странное раздражение: как будто эта полукровка с дремлющим в венах безумием не оправдала его ожиданий.

Может быть, впервые за свою долгую и, в общем-то, бесцветную жизнь он хотя бы попытался разгадать некую головоломку. Но оказалось, что головоломки вовсе не существует.

Все усилия оказались ненужными и смешными. Этот богатенький Буратино с хорошо выбритым подбородком разложил все по полочкам. Остается только навесить на каждую из них амбарный замок.

И забыть эту историю навсегда.

А также свою второстепенную роль в ней.

Пока Звягинцев тоскливо размышлял об этом, в баре появился еще один персонаж: та самая стриженная кошка, подруга Ольги. Она сразу же отправилась к кеглям и влилась в дружную команду горноспасателей. Никакого уныния на лице близкой подруги, никаких особенных переживаний Звягинцев не заметил.

А кошка неплохо катала шары, она даже обставила лохов Влада и Юрика Серянова. И, кажется, выиграла у них пару пива.

Капиталистический боулинг вызывал у абсолютного совка Звягинцева чувство раздражения. Все это напоминало ему киножурнал «Новости дня» периода застоя. Звягинцев обожал этот киножурнал. Сидя на своем любимом третьем ряду в тогда еще не разрушенном кинотеатре «Балтика» и пожирая в темноте беляши по тринадцать копеек, он с осуждением взирал на расовые волнения и зверства полиции в негритянских кварталах. С не меньшим негодованием он относился к черно-белому изображению чуждой простому человеку роскоши. Кегельбаны тоже были спутниками роскоши. И уже поэтому не принимались Звягинцевым. Равно как и молодые люди, таскающие в своих карманах тысячи долларов. И при этом готовые раскошелиться только на самое дешевое пиво.

Так с кеглей Звягинцев переключился на Марка Красинского. Он любит свою жену, это видно. Он по-настоящему беспокоится о ней. И все же, все же... Что-то странное было в его готовности обсуждать с чужими

людьми ее глубоко скрытую от посторонних глаз болезнь. И в совершенно беспристрастном анализе поведения жены. Как будто он знал ответы на все вопросы — даже те, которые Звягинцеву и в голову бы не пришло задать.

Подруга — сука, муж — ушлый малый, Ольга — несчастная женщина. Вот и весь расклад.

С такой немудреной характеристикой Пал Палыч отправился на боковую. Оказавшись у себя в берлоге, он первым делом разорвал бумажонки с оперативно-розыскными мероприятиями. И брезгливо отмахнулся от генерал-майора, вылезшего из печени: интуиция подвела его и должна быть сурово наказана.

Вот только Володина книга...

«Колыбельная для ежика» была солидарна с генерал-майором, как будто сам Володя что-то пытался сказать ему, свесив свою лохматую голову с небес.

Впрочем, это всего лишь его болезненное воображение.

Такое же болезненное, как и у Ольги. Ничего общего с безоблачной действительностью на первый взгляд. Зато на второй...

А что, если эта ее болезнь вызывает к жизни некоторые вещи, недоступные для понимания простых людей. Например, у нее развиты экстрасенсорные способности (даже порвав все бумажки, Звягинцев не смог отказаться от своих версий до конца: он гнал их в дверь, а они лезли в окно). Что, если Ольга видит то, что случилось, но своим особым, искаженным зрением. Ведь была же еще одна деталь, о которой Звягинцев узнал от Натальи Владиленовны. И о которой он не сказал Марку.

Ольга видела фотографию, она уложилась в ее подсознании, и в какой-то момент изображение Кирилла материализовалось. Но оно материализовалось несколько другим, чем на фото.

Ссадина на скуле.

На фотографии лицо Кирилла было чистым и ясным, как у трехмесячного младенца. Ссадина же появилась у него за день до исчезновения. Или смерти. По утверждению Натальи Владиленовны, Кирилл неудачно упал и оцарапал щеку о твердое снежное покрытие. Об этой ссадине Ольга знать не могла. И видеть ее не могла тоже.

Но она запомнила ссадину. Она указала на нее. И с этим нельзя не считаться.

И в то же время это ничего не дает. Звягинцев был связан по рукам и ногам неожиданно проявившимся раздвоением личности несчастной Ольги. Из всех его неуклюжих логических построений вытекало только одно: бросить передовой отряд горноспасателей и их добровольных

помощников на поиски лаза в пещеру (при условии, что и лаз, и пещера существуют не только в воображении Красинской). Дюжие молодцы в состоянии обшарить скалы за несколько дней. Но осуществить это практически нет никакой возможности.

Во-первых, его поднимут на смех, когда узнают конечную цель поисков. А то, что он действует по наводке психически неуравновешенной женщины, недолго будет оставаться тайной. Это уже сейчас не является тайной. Тем более после разгрома в городке ледяных скульптур. Завтра несчастный муж, трясая мощной, пойдет договариваться с администрацией, и вся эта история выплывет наружу.

И во-вторых, даже если кто-то и согласится ему помочь — нет никаких гарантий, что в маленький отряд добровольцев не попадет хозяин пещеры (при условии, что и пещера, и хозяин существуют на самом деле). А в том, что он связан с «Розой ветров», Звягинцев не сомневался. Как и в том, что в разорванных «ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЯХ» он забыл дописать еще один, шестой пункт: собрать сведения о горноспасателях.

Мысль о горноспасателях пришла к нему сегодня ночью, в баре, когда он наблюдал, как Влад и Юрик орудуют шарами. И показалась совершенно естественной: только горноспасатели обладают необходимой физической подготовкой и отличным знанием местности. Только они знают толк в лавинах и умеют находить потерпевших. Только они мобильны и имеют свободу действий: ведь не будет же какая-нибудь горничная перетаскивать с места на место трупы в свободное от работы время. Или какой-нибудь тупой охранник, из всех горных прелестей предпочитающий только сауну с преферансом. Спасатели — другое дело.

Звягинцев почувствовал неожиданный зуд в руках, — собственно говоря, этим и должно было кончиться. Включив свет, он вытащил очередную бумажку и вывел на ней:

СПАСАТЕЛИ:

ИОНА — темная лошадка. Откровенное хамло.

ВЛАД — идейный спасатель, любитель поиска в одиночку и долгих прогулок. Скрытое хамло.

АХМЕТ — бабник, заслуженный мастер спорта по постельной акробатике. Хамло с акцентом.

ЮРИК СЕРЯНОВ — околотехнический лох. Хамло по случаю.

ВАСЯ СИКАЧИНСКИЙ — единственный приличный человек.
Писатель.

Только написав это, Звягинцев понял, что ограничился личностными характеристиками. Он и представить не мог, что почти все спасатели вызывают в нем не очень приятные чувства. Ничего удивительного, они платят ему той же монетой, считают его старым бесполезным козлом, напрасно жуящим курортный хлеб. Впрочем, они не так уж далеки от истины. Здесь самое тихое, самое респектабельное место, которое только можно вообразить. А беспокойство доставляют только лавины и горы, они даже могут позволить себе убийство — умышленное и неумышленное. Но ведь на горы не наденешь наручники. И не приговоришь их к казни на электрическом стуле.

Звягинцев вздохнул.

При всей своей стойкой антипатии к ним он вынужден признать — ни один из спасателей не тянет на маньяка. Хотя... Ведь на маньяке не стоит печатать, что он маньяк. Наоборот, все маньяки очень милые люди, никогда не вызывающие подозрений. В практике его отделения был единственный случай поимки серийного убийцы — некоего гражданина Ипатьева, старшего преподавателя кафедры философии университета. Ипатьев был деликатнейшим человеком, с лету цитировал Ницше, Юнга, Шопенгауэра и еще нескольких деятелей, фамилии которых невозможно было произнести без содрогания. В присутствии Ипатьева Звягинцеву хотелось стоять с непокрытой в знак почтения головой и по стойке «смирно».

Если бы Пал Палыч подозревал о наличии студенческого гимна «Гаудеамус», то непременно разучил бы его в угоду старшему преподавателю Ипатьеву. Сам же старший преподаватель называл всех, так или иначе причастных к его делу оперработников «дружочками» и «голубчиками» и легко перескакивал с одного европейского языка на другой («My stomach is out in order» <У меня желудок не в порядке (англ.).>; «Ich habe einen eitrigen Zahn, der behandelt werden muss» <У меня разболелся зуб, который необходимо вылечить (нем.).>; «Voulezvous faire appeler un medecin» <Пожалуйста, пошлите за врачом (франц.).>). Однако все это великолепие, а также в высшей степени положительная характеристика с места работы не мешали Ипатьеву резать молоденьких девушек, как кур.

Сам же Звягинцев, несмотря на неопровержимые улики, так до конца и не поверил в виновность философа Ипатьева...

Как не поверил бы в виновность никого из спасателей.

Отличные ребята, любимцы девушек, женщин и детей.

Дети ходят за ними толпами и требуют обучить скоростному спуску на

лыжах; они дергают за уши собак спасателей в тайной надежде подружиться с ними; они ждут лавин, чтобы увидеть спасателей в деле. Иногда бывают просто love story в лучших традициях О. Генри. На памяти Звягинцева была одна такая, с участием Влада и юного вождя краснокожих, кажется, его звали Леха. Леха вместе с мамашкой занимал номер, который уже после них занимал пропавший Кирилл.

Лехина мамашка обожала горный загар, собственно, она и приехала сюда ради него. Даже толковых лыж у них не было, так, бегунцы из «Спорттоваров». Правда, у Лехи был сноуборд, но тоже очень средненький. И вот, пока мамашка принимала солнечные ванны, Леха и умудрился на этой средненькой доске сломать себе ногу. Парень сидел в номере с загипсованной ногой и тосковал до тех пор, пока Владу, который привязался к пацану, не пришла в голову счастливая мысль соорудить что-то вроде снежной скульптуры для Лехи.

Чтобы ему было не так тоскливо смотреть на огороженный пустырь.

Для этой акции он привлек Иону, Ваську и Юрика Серянова. Ахмет, каждую ночь растрясавший задницу на очередной зазнобе, от участия в ней отказался. Но и без любвеобильного черкеса все получилось славно. Юрик даже соорудил из запчастей снежной пушки некое подобие брандспойта для обливки ледяных скульптур. Уже потом, когда Леха уехал и про него и думать забыли, ледовый городок пополнился изысканными копиями изысканных скульптур. А первым персонажем ледяного городка стал Винни-Пух для Лехи — его они воплотили довольно удачно. Впрочем, что неудивительно — Васька как-то сказал Звягинцеву, а откуда об этом узнал Васька, неизвестно, что когда-то Влад учился в Суриковском институте на скульптора. Но там произошла какая-то темная история, и Влада выкинули из мастерских после третьего курса.

Эта история пришла на ум Звягинцеву просто так, но ее последствия...

Звягинцев даже почесался в паху, что означало крайнюю степень умственного напряжения. Красинская в описании чертовой пещеры все время употребляла термин «скульптуры». Похоже, она была не так далека от истины.

Каждый из спасателей — за исключением дикого Ахмета, у которого из нужного места вырос только член, а все остальное росло из задницы — мог наваять что угодно. Лучше, хуже — это уже другой вопрос. Но ведь особых усилий и прикладывать не надо, если у тебя такие великолепные, такие смиренные, такие мертвые натурщики...

И все же... Кем бы ни был этот странный коллекционер, он уже знает, что его тщательно оберегаемая тайна раскрыта.

И предпримет все меры предосторожности. Вот Васька Сикачинский — тот бы нашел тысячу способов совершить преступление и скрыть его. Эти люди во льду — вполне Васькин сюжет, только он бы мог додуматься до такой эстетской холодильной камеры, битком набитой жертвами. В последних четырех романах Васька специализировался на маньяках: маньяк-педофил, маньяк-энтомолог с коллекцией бабочек под мышкой; маньяк-девственник и маньяк — преподаватель квантовой механики. В его последнем романе фигурировал даже маньяк-проводник, обстрипывающий свои темные делишки в международных вагонах и на промежуточных станциях. Опасаясь разоблачения, маньяк инсценировал свое убийство и даже подбросил несколько улик, указывающих на совершенно невиновных людей.

Куда же все-таки делся Васька? В его записке — если это, конечно, была его записка, — указывалось точное время: «БУДУ ЗАВТРА К ВЕЧЕРУ». Завтрашний вечер стал вчерашним, а он и носа не кажет. А может...

Звягинцев затряс головой, отгоняя от себя преступную мысль о виновности Васьки. И, так ник чему и не придя, заснул.

Кошмаров ему не снилось. Вот только пухлая пачка долларов, разросшаяся во сне до фантастических размеров, преследовала его.

...Звягинцев вспомнил об Ольге и обо всех неприятных событиях прошедшей ночи сразу же, как только проснулся.

Ледяной городок мало волновал его, Пал Палыч был глух ко всем проявлениям искусства, и все его пугающее разнообразие не трогало Звягинцева. Он почти всю жизнь прожил в Питере, но в Эрмитаже был только один раз: водил туда двух племянников, приехавших погостить из города Бийска на летние каникулы. «Это чудовищно, папа», — любил говорить ему Володя. Звягинцев вздыхал, но поделаться ничего не мог. По-настоящему ему нравилась только одна картина — «Опять двойка», и то только потому, что мальчик, изображенный на ней, был страшно похож на него самого, стриженного шалопаю из послевоенного детства.

Но все остальное...

Черт с ним, с этим городком, но если Запесоцкая передумает и начнет массированную кампанию против Ольги? Эта мысль почему-то взволновала Звягинцева, и он, даже не сполоснув опухшую от сна физиономию, отправился к ней.

...Запесоцкая занимала номер двадцать три на втором этаже (в отеле имела место странная нумерация, которая начиналась с верхнего, третьего этажа). Подойдя к нему, Звягинцев деликатно постучал, так деликатно, что

даже не был услышан. Помявшись у двери, он уже собрался уходить, когда заметил, что дверь в номер приоткрыта. Даже не задумываясь над тем, насколько правомочен его поступок, Звягинцев легонько толкнул дверь, зашел в номер и сразу же услышал приглушенные голоса, раздающиеся из соседней комнаты: мужской и женский. Это несколько удивило Звягинцева, если учесть, как картинно страдала Запесоцкая по поводу пропавшего Кирилла Позднякова. И вот теперь, пожалуйста... Верь после этого в вечную любовь!

Звягинцев почувствовал себя неловко. Но двинулся ко входной двери как раз в тот самый момент, когда голоса приблизились. Настолько, что можно было услышать самый финал разговора:

— ..надеюсь, что никто и никогда об этом не узнает, — сказал мужчина, и дверь из комнаты распахнулась.

В ее проеме показались сама Запесоцкая и... Марк.

Звягинцев почувствовал себя неудобно.

— Здравствуйте, — сказал он хриплым покаянным голосом. — У вас не заперто...

— Что... Что вы здесь делаете?! — от возмущения у Запесоцкой перехватило дыхание.

— Вот... Пришел... Засвидетельствовать почтение, — брякнул Звягинцев первое, что пришло на ум, и честными глазами обвел присутствующих.

Запесоцкая была в махровом халате с мокрыми после душа волосами. Марк, одетый точно так же, как и накануне в баре, когда он расстался со Звягинцевым, неожиданно смутился.

— Почтение! — Запесоцкая нервно засмеялась. — В девять утра! Вые ума сошли.

Она перевела взгляд со Звягинцева на Марка и медленно, чеканя слова, произнесла:

— Сначала один, потом другой... Я же пообещала, что не буду раздувать это дело... Неужели вам было этого не достаточно?

— Простите! — теперь пришла очередь Марка извиняться, он уже оправился от смущения и приобрел свой обычный лоск.

— Бог простит! И присматривайте за своей женой.

— Я, собственно, тоже по этому поводу, — вставил Звягинцев, чтобы уж совсем не выглядеть недотепой-домушником.

— Тема закрыта. До свидания!

Она почти вытолкала обоих мужчин за дверь. Звягинцев и Марк, перед тем как разойтись в разные стороны, немного постояли в коридоре.

— Опять деньги предлагали за шалости жены? — Проницательно спросил Звягинцев.

— Не без этого.

— Опять отказалась?

— Да.

— Я бы не отказался на ее месте, — невольно вырвалось у Звягинцева. Марк пропустил это замечание мимо ушей.

— А вы?.. — спросил он.

— Тоже... Не хочу предавать эту историю огласке.

— Спасибо.

Пожав друг другу руки, они разошлись.

* * *

Все кончено.

Ей остается только медленно угасать, ходить в своей клетке из угла в угол и взирать на оставшуюся за прутьями нормальную жизнь нормального человека. А психически здоровые матери будут подводить к ее вольеру психически здоровых детей и указывать на табличку: «Сумасшедшая».

Сегодня ночью она уже увидела этот блеск любопытства в глазах — Инка, ее лучшая подруга, с каким вожделием она расспрашивала о том, чего Ольга напрочь не помнила.

— Странно, Лелишна, ты выглядишь совершенно нормально, — в устах непосредственной Инки это прозвучало как приговор.

Да, пока она выглядит совершенно нормально — только круги под глазами выдают внутреннее напряжение. Но сколько продлится эта нормальность?

Как они на нее смотрели! Даже полуслепая Наташа придала своим полуслепым глазам выражение снисходительного благородства. А толстый детектив — или как там его? — он тоже пожалел ее: «Не повезло тебе, девонька, так что выпьем за твое возможное выздоровление. А также за лечение в какой-нибудь закрытой клинике с обитыми мягкими панелями стенами. В другую тебя не поместят. Потому что ты опасна. Ты ударила ни в чем не повинную женщину».

Ольга сжала забинтованную руку — странное дело, рука не помнила удара, нанесенного Запесоцкой. Зачем она это сделала?

Инку сменил Марк (конечно же, теперь ее нужно сторожить, как

какую-нибудь взбесившуюся породистую собаку).

Ольга видела, как, почти не скрываясь, он прячет все колющие и режущие предметы — маникюрные ножницы, пилочку для ногтей, свой собственный швейцарский перочинный нож и даже совершенно невинную бритву «Жиллетт» с двойным лезвием. Точно так же, как это делал когда-то отец, сходство пугающее... А Марк оперативно работает, он знает толк в подготовительной работе с сумасшедшими...

— Марк! — позвала она мужа в тот самый момент, когда он распихивал по тайным углам все эти потенциальные орудия убийства. — Ты забыл лыжные палки, Марк. Ими вполне можно выколоть глаза невинным людям.

— О чем ты говоришь, кара! — Марк страшно смутился, даже спрятал руки за спину.

— Я хочу поговорить с тобой.

— Да, конечно...

Марк сел в кресло, он даже не подумал приблизиться к кровати: мозг Ольги, растерянный и ожесточившийся, с болезненным сладострастием фиксировал все эти детали.

— Ты боишься меня, Марк? Меня, своей жены?

— О чем ты говоришь! Как ты могла подумать такое, кара?

— Тогда объясни мне, что со мной происходит?

— Я не знаю. Я правда не знаю.

— Я впервые в жизни не помню, что со мной произошло.

Ты веришь мне?

— Конечно.

— Но сейчас я — это я. Я могу рассказать тебе про нашу Венецию — со всеми подробностями. Про то, как ты перенес в прошлом году грипп на ногах. И я страшно боялась осложнений. И кормила тебя медом с орехами, и только потом узнала, что это скорее для потенции, чем от гриппа... Я — это я...

Ты веришь мне?

— Конечно, — снова осторожно повторил он.

— Иди сюда... Я хочу... Я хочу сейчас быть с тобой... Я хочу любить тебя. — Господи, зачем она это говорит? Ее слова пугают Марка, на его лице не осталось ни одной морщины, так бывает тогда, когда он внутренне напряжен...

Зачем она говорит все это?

— Я хочу любить тебя...

— Думаю, сейчас не совсем подходящее время, кара. — Никогда еще

он не был так равнодушен к ней.

Ольга сжала кулаки.

— А подходящего теперь уже не будет, Марк.

— Ну о чем ты говоришь?

— Ты сдашь меня в психушку, и меня будут колоть аминазином! Будут заворачивать в мокрые простыни и надевать смирительную рубашку.

— Ну, зачем ты так, кара... Есть гораздо более щадящие варианты.

«Вот он и прокололся, мой обожаемый муж, мой отменный любовник с семью пядями во лбу...»

— Щадящие варианты? Ты уже думаешь о щадящих вариантах?

— Кара! Постарайся взять себя в руки.

— Ты разговариваешь с сумасшедшей, Марк! Как можно взывать к безумцам? А какие могут быть сделки с сумасшедшими? — Она истерически рассмеялась.

— Не нагнетай, пожалуйста!

— Не смей на меня орать!

Это было несправедливо — Марк разговаривал с ней самым обычным голосом, даже чересчур обычным. Он сидел в кресле, такой чужой и такой недостижимо далекий. И такой прекрасный в своем душевном здоровье.

— Прости меня, Марк... Я сама не знаю, что говорю... — Она протянула к нему руки, и Марк сдался, он снова стал тем, кого она любила...

Уткнувшись ему в плечо, Ольга долго и сладко плакала.

— Увези меня отсюда, Марк.

— Ну, конечно... Будь проклято это место... Будь проклят я, что потянул тебя сюда.

— Скажи... Скажи, что еще я совершила?

— Ты же все знаешь, кара. Зачем к этому возвращаться?

— Спасибо, что попытался меня выгородить. Хотя это выглядело глупо... — Она снова всхлипнула. — Я не могу... Я не могу больше здесь оставаться. Если я пробуду здесь еще день, то свихнусь окончательно. Ведь в Москве все было хорошо, правда?

Ольга просительно заглянула в глаза мужу.

— Конечно, — Марк все-таки отвел глаза. — В Москве все и будет хорошо. Если тебя успокоит, я заказал билеты на послезавтра. Мы летим домой.

— Мы?

— Ну да. Ты и я. Инка остается. Ей понравился курорт.

— Вот как? Ты даже успел переговорить с ней? Еще до того, как

сказал об этом мне?

— Да. — Марк неожиданно смутился. — А что в этом особенного? Ведь она все-таки член нашей семьи.

— Раньше ты предпочитал не вспоминать об этом.

— Я не понимаю. Ты в чем-то меня подозреваешь?

— А почему только послезавтра? — В ней вдруг проснулась надежда: они уедут, и все будет по-прежнему, все забудется, как страшный сон, как ее проклятый кошмар.

— Потому что раньше нет рейсов, кара. А торчать в какой-нибудь занюханной городской гостинице и есть из одной тарелки с тараканами бессмысленно, когда в нашем распоряжении такой прекрасный коттедж.

— Ты не бросишь меня?

— Конечно, нет...

— Знаешь что? Ты должен закрыть меня здесь, в четырех стенах. И держать до самого отъезда. Чтобы я не натворила каких-нибудь глупостей...

— Глупости ты творишь сейчас. Держать тебя под замком, как тебе вообще могло такое в голову прийти?

— Может быть, так будет лучше?

— Лучше будет, если ты перестанешь об этом думать. — Он приблизил к ней лицо, полное отчаяния и надежды. — Держись, кара! Я умоляю, держись! Не дай этому овладеть тобой, сопротивляйся. Хотя бы ради меня.

— Я постараюсь, любимый.

— Я знаю... Ты же умница. Ты моя девочка. Только моя...

Господи, как она могла плохо думать о Марке? Не всякий мужчина поступил бы так благородно, разве что только ее отец. Отец, который несколько лет прожил с безумной Мананой, ни на секунду не отходя от нее. В минуты просветления она особенно это ценила.

А однажды оценила так высоко, что решила навсегда избавить отца от страданий. В какой-то момент выросшая Ольга поняла это: вернее, не поняла, а увидела каким-то внутренним зрением: ее мать, какой бы сумасшедшей она ни была, покончила с собой в здравом уме.

Только потому, что отец подсознательно ждал этого шага.

И маленькая Ольга ждала.

И вот теперь наступила очередь Марка. И он тоже будет ждать.

...Остаток ночи они не спали. Они лежали рядом, не касаясь друг друга и каждую секунду друг друга обманывая: Ольга видела, как подрагивают ресницы Марка. Должно быть, он тоже видит, как

подрагивают ее ресницы. Сегодня он еще не боится спать с ней в одной постели.

Но что будет завтра?

То же, что с ее отцом и Мананой, — в последний год перед ее самоубийством отец переселился в детскую.

Отец.

Когда появился Марк, Ольга незаметно вышла из-под его опеки. Вернее, это произошло несколько раньше: Инка заменила Игорю Анатольевичу все, она явно выигрывала на фоне несколько пресной дочери. Она могла быть капризным ребенком, который постоянно требует мороженого, и очаровательной женщиной, которая постоянно требует любви.

Только одного не умела Инка — быть скучной.

Тем лучше, думала Ольга.

Тем лучше, даже если с ней что-то случится, у отца останется Инка с ее нынешней готовностью к воспроизводству.

Она родит отцу здорового, не отягощенного дурной наследственностью мальчика. Или двух. Или мальчика и девочку.

Девочку даже не станут называть в честь старшей сестры — Ольгой: чтобы, не дай бог! — она не повторила ее собственный путь...

Девочка будет похожа на Инку.

А Марк, прежде чем жениться во второй раз, от корки до корки изучит медицинскую карту потенциальной кандидатки...

* * *

Когда она проснулась. Марка в комнате не было.

Она прошла по коттеджу, заглянула в ванную — никаких следов. Даже записки он не оставил. Это были лишь маленькие штрихи к изменившемуся поведению мужа, но Ольга воспринимала их болезненно. Обычно Марк оставлял смешные и трогательные записки — в самых непредсказуемых местах: в ее белье, в ее обуви, в стиральной машинке и микроволновке. Их содержание было всегда одним и тем же — «люблю, люблю, люблю». Даже здесь он умудрился написать ей записку.

Но это было еще до... До всех этих кошмарных галлюцинаций.

Теперь ей нужно привыкать к новой реальности — или ирреальности, — где скорее всего больше не будет таких записок.

— Марк! Ты скотина! Ты ублюдок! Ты предал меня, — беспомощно закричала Ольга, стоя посреди комнаты. Слова мелкой шрапнелью отскочили от стен, поразив ее в самое сердце. В ее сумасшедше колотящееся сердце...

Ольга подошла к двери, со страхом и отчаянием подергала ручку: что, если он действительно закрыл ее во избежание эксцессов?..

Дверь оказалась незапертой.

«Хоть на этом спасибо, Марк: ты даешь мне свободу выбора».

...Оставаться в коттедже было невыносимо, и она отправилась бродить по «Розе ветров». Еще один — сегодняшней — день, и они покинут ее навсегда. Иона, с которым она так и не согрешила, довезет их до аэропорта, и всего лишь через несколько часов ее будет ждать Москва. Благословенная Москва, единственная Москва. В Москве ей будет хорошо, и она сделает все, чтобы Марк забыл об этом прискорбном факте их семейной жизни. Она будет хорошей, рассудительной девочкой, никакого снотворного на ночь, только любовь. Любовь до изнеможения, до взмокших волос, до третьих петухов, которых в Москве днем с огнем не найти...

Быть может, ей удастся вырваться из замкнутого круга, подбросить горам свою болезнь, как подбрасывают нежеланных детей в Дом малютки: завернутую в одеяльце, с биркой на пухлой ручке... Нужно только дождаться завтрашнего дня.

День был удивительно ясным, полным синего снега, синего мороза, синих гор, — удивительная гамма, не оставляющая места сомнениям: все будет хорошо. Даже странно, что по «Розе ветров» несколько минут назад неожиданно было объявлено штормовое предупреждение, Ольга сама слышала его по радио, когда выходила из коттеджа. Турбазы внизу уже пострадали от схода лавин, да и пара перевалов оказалась погребенной под снегом. Интересно, как Марк собирается добираться до города? Не исключено, что через несколько часов они будут отрезаны. Нужно настоять на том, чтобы выбраться из «Розы ветров» сегодня. Если, конечно. Иона согласится их подвести. «Похоже, он тоже начинает ненавидеть меня — так же, как и все остальные...»

Попадавшимся навстречу праздным гулякам в дорогих горнолыжных костюмах было наплевать на причуды стихии далеко внизу. Они скалили фарфоровые челюсти (пятьсот долларов за каждый резец, никак не меньше) и не проявляли к Ольге повышенного внимания.

Она ничем не отличалась от них, она была — как все, и это наполняло ее существо торжествующей силой.

Как все, как все, как все!

...Дойдя до административного корпуса, в котором помещались все службы, включая хорошо оборудованный медпункт, Ольга остановилась: собственно, этого и следовало ожидать, из медпункта выходил Марк, ее собственный горячо любимый муж.

Синие снежные тени сразу же померкли в ее глазах.

Наверняка педантичный Марк решил получить консультацию на тот случай, если на дражайшую женушку вдруг скопом навалятся шизофрения, циркулярный психоз в маниакальной фазе, сенильный, пресенильный и инволюционный психозы, а также кататония и упорная бессонница.

И снова Ольга почувствовала приступ ярости: похоже, Марк решил добить ее, окончательно свести с ума... Это уже слишком!

Дождавшись, пока Марк скроется за хорошо ухоженным поворотом на трассы, Ольга решительно взбежала по ступенькам и толкнула дверь медпункта;

...Врача звали Артем Львович.

Она познакомилась с ним накануне, когда он приходил в коттедж по самому невинному поводу — простуженное после ночи в горах горло, то ли грипп, то ли ангина, то ли банальное ОРЗ.

Артем Львович, молодой человек лет тридцати, при очках и бритом черепе, придающем ему сходство с Маяковским, сидел в кресле, забросив ноги на стол. Обувь у него была просто загляденье. «Nagelschuhe» <Nagelschuhe — горные сапоги с гвоздями (нем).>, как сказал бы Отто Шриттматтер, бывший немецкий компаньон отца, спустивший в унитаз две очень выгодные сделки. Ольга сильно подозревала, что отец и Отто просто не поделили Инку, и посрамленный немец, наплевав на свой стерильный менталитет, начал откровенно гадить — как раз в духе забойных аргентинских телесериалов.

Вот тебе и горные сапоги с гвоздями. Этот продвинутый Артем Львович наверняка купил их где-нибудь на распродаже в бесснежном равнинном Ганновере (вероломный Отто Шриттматтер был из Киля). В тесном союзе с гениталиями такие гиперсексуальные сапоги должны производить сильное впечатление на шлюх средней руки. Наверняка все они просят Артема Львовича не снимать обувь во время акта.

Очень демократично, ничего не скажешь. И выглядит он неплохо, особенно хорош череп, испещренный многочисленными шрамами. Такому отпетому врачу хочется сразу доверить все, что только можно, — запущенный цистит, эрозию шейки матки, гланды, тахикардию и болезнь Паркинсона.

Артем Львович совершенно не удивился визиту Ольги, и это сразу

насторожило ее.

— Привет, — сказал он. — А мы только что о вас говорили.

— Я знаю. С моим мужем.

— Точно, — осклабился Артем Львович.

— Что порекомендовали? — Ольга решила, что иронический тон будет самым уместным. Ирония — единственная эмоция, которой напрочь лишены душевнобольные.

— То же, что и всегда, — Артем Львович даже не соизволил сбросить ноги со стола. — Аспирин, горчичники, постельный режим и компрессы на ночь. Желательно водочные. Вы напрасно встали, горло — вещь обманчивая.

— При чем здесь горло?

— Ну, когда я осматривал вас, если вы помните...

— Я помню! — Она повысила голос. — Я все помню!

— Охотно верю. — Улыбка Артема Львовича стала еще шире, Ольга даже увидела золотую коронку, загнанную глубоко в пасть. — Только зачем же так кричать? Мы все-таки не в горячем цеху на сталепрокатном заводе. И не на рынке.

Изысканное вальяжное хамство тоже шло ему.

— Что он сказал вам?

— Кто?

— Мой муж. Зачем он приходил?

— За аспирином.

— Врете. У нас есть аспирин. О чем вы говорили?

— Я давал клятву Гиппократу, душа моя. — Он посмотрел на Ольгу прозрачными глазами клятвopреступника.

— Он все вам рассказал, да? — Опять этот приступ неконтролируемой ярости, включающий в свою орбиту не только Марка, но и этот бритый медицинский клистир. Лоб Ольги покрылся испариной.

— Что вы имеете в виду? — Ее плачевный вид все-таки произвел на врача впечатление. Он наконец-то снял со стола свои сапоги.

— Вы прекрасно знаете, что я имею в виду... Оставил меня дома, а сам побежал к вам — уговорить, чтобы вы вкололи мне какую-нибудь гадость.

— Успокойтесь, у вас просто разыгралось воображение.

— Не смейте говорить мне о воображении. — Ярость душила Ольгу, застилала глаза, не давала вздохнуть. Если бы под ее рукой оказался сейчас какой-нибудь традиционный скальпель, еще неизвестно, как бы она им распорядилась.

— К сожалению, я хирург, — Артем Львович с любопытством разглядывал Ольгу. — К тому же малопрактикующий.

Ну и патологоанатом по совместительству. А вам, похоже, действительно нужен психиатр.

Он в курсе. Ну конечно же, он в курсе. Дисциплинированный Марк, уже давно мечтавший о карманном психоаналитике для их дома, поделился с этим типом своими опасениями. Все правильно, так и должен был поступить нормальный здравомыслящий человек.

Ольга с ненавистью взглянула на врача и выбежала из медпункта.

...Даже улица не привела ее в чувство: перед глазами плыли круги, сухость во рту, к которой она успела привыкнуть за последние несколько дней, усилилась. Но ярость не проходила, она отступила в мрачные глубины организма и теперь накатывала на Ольгу волнами.

Она с трудом добралась до коттеджа.

Ольга вдруг подумала о том, что забыла взять ключи (ничего подобного с ней не случалось никогда раньше), но ключи бы и не понадобились.

Дверь была открыта, Тем лучше, значит, Марк дома, и теперь у нее будет повод поговорить с ним серьезно.

Марк действительно оказался дома.

Он сидел за компьютером и сосредоточенно набирал какой-то текст: губы его шевелились, а на безмятежном лбу залегла горизонтальная складка.

— Стряпаешь историю болезни, милый? — Голос Ольги не предвещал ничего хорошего. — И что, интересно, мы имеем в анамнезе? Параноидальное состояние? Мания преследования? Навязчивые идеи? Больная желает знать всю правду, перед тем как угнездиться в «желтом доме».

— О чем ты, кара? — Он поднял голову и непонимающе посмотрел на Ольгу.

— Ты прекрасно знаешь о чем! — наконец-то она сорвалась на крик. — Втихаря бегаешь к этому придурковатому плейбою-доктору и стучишь на мое тяжелое психическое состояние. Я видела тебя там.

— У тебя действительно навязчивые идеи, кара, — со скрытой злостью сказал он. — Я устал тебя успокаивать.

— Нисколько в этом не сомневаюсь. Я даже знаю, что ты сейчас сделаешь. Закончишь строчить донос на меня и отправишь электронной почтой отцу. Пусть знает, что у него дочь-шизофреничка!

Похоже, все это время он давал себе слово держать себя в руках;

уговаривал себя, стоя под душем; уговаривал себя, сидя на унитазе; уговаривал себя, лежа в кровати, — не волнуйся, Марк, если ничем нельзя помочь, то лучше переждать.

Но переждать бессмысленные выходки жены ему явно расхотелось. Он вскочил из-за стола и бросил ей в лицо:

— Черт возьми, кара! Я хотел, я пытался... Но ты действительно ведешь себя как идиотка. Иди и посмотри, что я пишу!

Подчиняясь его взвинченному тону, она подошла к столу и заглянула в компьютер: на экране мерцали колонки цифр.

— Ты поняла? — Ее ярость передалась Марку, и он с наслаждением ею воспользовался. — Я просто работаю, я отслеживаю одну из сделок по поручению твоего отца... А с самого утра улаживал последствия твоих ночных подвигов! Хочешь знать, во сколько нам это обошлось, не говоря уже о моральных издержках?! Один визит к этой астигматичке чего стоил...

— Марк, пожалуйста, — Ольга подняла руку, защищаясь, но Марка уже невозможно было остановить.

— И ты... Ты не нашла ничего другого, кроме как попытаться отравить мне существование...

Лучше бы он этого не говорил.

Ольга моментально сникла и поплелась в ванную. На полочке по-прежнему стояла коробочка с нитразепамом. Ольга взяла в руки пузырек со снотворным: ничего не стоит выпить его весь и освободить от страданий и себя, и мужа.

Дальше будет только хуже.

Искушение было так велико, что Ольга даже зажмурилась.

Нет, она не может так поступить, но успокоиться все же стоит. Она высыпала на ладонь содержимое пузырька, но взяла только одну таблетку: суточная норма, к которой за несколько дней приучил ее Марк. Плевать на Марка, сейчас она отправится спать, чтобы хотя бы во сне отдохнуть от себя самой.

В дверь настойчиво постучали, — похоже, Марк начинает серьезно беспокоиться о возможном самоубийстве, это вполне в духе ее сегодняшнего состояния. Странно, он убрал все режущие предметы, но даже не подумал о стоящем на самом видном месте пузырьке со снотворным. Удивительная непоследовательность. А может быть, он сам этого хочет? Он не так терпелив с ней, как был терпелив с Мананой отец. Тоска и растерянность сменили ярость, но это были чувства из той же колоды крапленых карт: она никогда не держала их в руках, она никогда не

была такой...

— Открой, кара!

Ольга с тоской посмотрела на дверь ванной, но даже не двинулась с места. Марк громыхнул в мореный дуб кулаками.

— Открой сейчас же, слышишь!

— Здесь не заперто, — громко сказала Ольга омертвевшим голосом.

Дверь тотчас же открылась, и на пороге показался Марк: увидев горсть таблеток на ладони у Ольги, он бросился к ней и выбил их из рук. Таблетки рассыпались по полу.

— Зря, Марк... Это было отличное снотворное.

Нагнувшись и почти сталкиваясь лбами, они принялись собирать чертовы таблетки. Нельзя сказать, что это особенно их сблизило, но ярость Ольги прошла.

— Ты действительно думал, что я могу покончить с собой?

— Нет, что ты... — Видно было, что он по-настоящему испугался. — Прости меня, кара... Может быть, я был не совсем корректен и абсолютно нечуток...

Боже мой, она от него ждала совсем других слов.

Марк хотел сказать что-то еще, но телефонный звонок заставил их обоих вздрогнуть. Он выскочил из ванной, как показалось Ольге, — с облегчением. Засунув таблетки в пузырек, она посмотрела на себя в зеркало: "Слава богу, что я все еще вижу знакомое лицо. А с возрастом становлюсь все больше похожей на Манану.

Совсем скоро я стану походить на нее во всем".

Резкий голос Марка вывел Ольгу из задумчивости.

— Что?! Да, конечно, мы сейчас будем.

— Что-то случилось, Марк? — Ольга остановилась возле дверного косяка и внимательно посмотрела на мужа.

Он стоял, бледный как полотно, все еще держа в руках телефонную трубку.

— Инка! — с трудом выговорил он.

— Инка?..

— Она... Разбилась.

Комната поплыла у Ольги перед глазами. Она вцепилась пальцами в дерево, чтобы не упасть. Инка разбилась, какой-то бред, ведь они расстались только ночью. В это невозможно поверить, это похоже на дурную шутку, одну из многочисленных дурных шуток, которые Инка плодит в геометрической прогрессии...

— Как разбилась? — Ольга ужаснулась тому, как глухо и буднично

прозвучал ее голос.

— Она жива, — поспешил успокоить ее Марк. — Она жива, но, похоже, получила какую-то серьезную травму.

— Где она?

— Ее перенесли в медпункт.

— Она в сознании?

— Я ничего не знаю, кара! Нужно идти туда, вот и все. — Он старался держать себя в руках, хотя это удавалось ему с трудом.

— Конечно, милый...

* * *

У медпункта их встретил Артем Львович.

Он сидел на ступеньках крыльца и курил. Рядом с ним кучковалась живописная группа молодых людей, совершенно незнакомых Ольге. Их лица дублировали друг друга, на них застыло выражение недавно пережитого веселого ужаса.

— Что случилось? — крикнул Марк еще на подходе к медпункту.

Артем Львович ничего не ответил, поднялся с крыльца и направился в помещение, оставив дверь открытой. Ольга и Марк последовали за ним.

— Что случилось? — снова спросил Марк у Артема Львовича, который кивком головы пригласил их сесть: никакой фамильярности старого знакомого, абсолютная сосредоточенность.

Всю дорогу до медпункта Ольга ощущала неприятную, сосущую боль под ложечкой; картины — одна страшнее другой — проносились в ее голове. Инка, лежащая на скалах с окровавленной головой, рваные раны на мальчишеском затылке, перепачканный сукровицей лоб... Инка, лежащая в ущелье с переломанными лыжами, с переломанными ногами, с переломанными щиколотками: ступни неловко подвернуты, на лице ни кровинки. Инка, скорчившаяся на снегу с раздробленной, изуродованной правой рукой...

Почему именно правой?

Проклятые горы навлекли несчастье на всю их семью...

Теперь Ольга сидела рядом с Марком и не могла выговорить ни слова, кто бы мог подумать, что несчастья, которые происходят с другими, могут так деморализовать ее?

Артем Львович прошелся по комнате и погладил бритый череп.

— Я поставил ей димедрол с анальгином. Сейчас она спит.

— Что произошло? — снова повторил Марк.

— А что происходит с лыжниками, которые катаются где ни попадя без соответствующих навыков? — с неожиданной молодой злостью ощерился врач. — Сковырнулась с горы — и вот, пожалуйста.

— Что-то серьезное?

— Не знаю. Пока не знаю. Нужен рентген.

— Так сделайте рентген! — Ольга не узнала своего голоса; спеленутый простуженным горлом, он наконец-то вырвался на свободу и прозвучал неожиданно громко.

— Для этого надо спустить ее вниз. Здесь я могу только зафиксировать повреждения и стабилизировать ее состояние.

Не больше.

— Черт знает что такое! — не выдержал Марк. — Солидный курорт... Неужели вы не обеспечены соответствующим оборудованием?

— Вы имеете в виду скиаграфию <Скиаграфия — метод рентгенодиагностики.>?

— Вам лучше знать, как это называется!

— К сожалению, наш аппарат вышел из строя.

— Замечательно! И когда это только он успел?

— Пару дней назад. Отказался работать, и все. Как какой-нибудь деятель забастовочного движения. Но, если это вас утешит, я могу наложить гипс. На предполагаемые места повреждений. У меня это очень хорошо получается.

Ольга закрыла глаза и представила Артема Львовича студентом какого-нибудь заштатного медицинского вуза в заштатном краевом центре: проспанные лекции, культпоходы в морг в компании с любимыми шлюхами, медицинский спирт в компании с любимыми санитарями, «хвосты» по основным дисциплинам, академ-отпуск между третьим и четвертым курсом...

— Ну, так вызывайте соответствующие службы, если сами ничего не можете сделать. Мы поедем вместе с ней. — Марк был полон решимости.

— Вы ее родственники?

— Да, — твердо ответила Ольга.

Брови врача выразительно выгнулись: ничего себе семейка, целый букет медицинских казусов, тема для статьи в солидном медицинском журнале.

— Вы, наверное, знаете, — осторожно сказал Артем Львович, — погода не очень благоприятствует... Перевал закрыт.

К сожалению. Только что получил сообщение. Это во-первых... Но даже если бы все было хорошо... Она сказала, что ни в какую больницу не поедет и местным врачам не доверяет...

— Это она вас имела в виду? — проницательно спросил Марк.

— Скорее наоборот. Всех остальных.

— Кстати, насчет перевала... Как он может быть закрыт? — Марк кивнул на окно: оно было полно торжествующего солнца. — Отличная погода, разве вы не видите?

— Здесь — да. Но внизу... — Артем Львович снисходительно посмотрел на Марка. — Это же горы..., лучше бы вы отправились куда-нибудь на Большой Барьерный риф, честное слово. Всей дружной семьей.

— Не ваше дело.

— Конечно, не мое.

— А Инесса? — робко спросила Ольга.

— Значит, вашу родственницу зовут Инесса. Ладно, карточку мы заполним позже. А пока об общей картине. Никаких внешних повреждений нет, во всяком случае, я их не обнаружил. Скорее всего болевой шок.

— Она кричала? — неожиданно спросил Марк.

— Как резаная, — очевидно, Артем Львович не отличался особым пиететом к пациентам. — Боль в области крестца и обеих лодыжек. Во всяком случае, так она сказала мне.

— А что это значит?

— Я же сказал — все покажет рентген. Возможно повреждение позвоночника.

— Нет! — вырвалось у Ольги.

— Ну, я не стал бы так драматизировать, — поспешил успокоить ее Артем Львович. — Повторяю, никаких внешних повреждений. Но имеет место быть слабая чувствительность конечностей. Очень слабая. Практически никакой. Это очень плохо, поскольку может быть связано с позвоночником. Допускаю трещину — это что касается голеностопов. А насчет позвоночника — это извините... Только рентген. Лучшее, что я могу сделать, — жестко зафиксировать ее. Полный покой.

— Ненавижу советскую медицину, — отдельно сказал Марк.

— Я тоже, — присоединился к нему Артем Львович.

— Мы можем увидеть ее? — спросила Ольга.

— Сейчас она спит. Может быть, чуть позже.

— Но есть же какой-то способ, чтобы доставить ее... — Марк щелкнул пальцами, подбирая нужное слово, — в подходящее место. В клинику, например?

— Придется подождать.

— Ну хорошо, а экстренные случаи? — Рационализм Марка шел напролом, сметая на своем пути все преграды. — Перелом позвоночника, например?

— Господь с вами, — отмахнулся врач, — пока чаша сия обходила нас стороной. Трассы отлично оборудованы, а если вашу мадам понесло в сторону... Повторяю, никаких видимых повреждений нет. А клиническая картина станет ясна чуть позже.

— И все-таки. Есть же какое-нибудь вертолетное сообщение?

— Я послал запрос, но, к сожалению, — штормовое предупреждение. Вряд ли кто-нибудь рискнет подниматься сюда при таком раскладе.

— Да что вы мне тычете в нос своим штормовым предупреждением?

Ольга во все глаза смотрела на Марка, — похоже, он был по-настоящему взволнован. Еще полчаса назад она и представить себе не могла, что судьба человека, несколько лет отравлявшего Марку существование, так взволнует его.

— Где она?

— Здесь.

— Мне бы не хотелось, чтобы она оставалась здесь. — «Рядом с тобой, бездушный сукин сын» — подтексты Марка были довольно прозрачны. — Ее возможно поднять в номер?

Мы бы смогли ухаживать за ней, пока ситуация не прояснится...

— В принципе, нет ничего невозможного...

— Отлично. Давайте договоримся хотя бы об этом.

— Я распоряжусь.

...Спустя десять минут носилки с Инкой проплыли мимо Марка и Ольги в сторону гостиницы. Двух дюжих молодцев из охраны патронировал Артем Львович. Инка спала, и, глядя на ее бледное, осунувшееся лицо, Ольга испытала к подруге чувство щемящей нежности. Не доверяя беспечному доктору, Марк двинулся рядом с носилками и даже поправил свесившуюся руку ненавистной юной тещи.

У порога номера Артем Львович отдал последние распоряжения Марку:

— Запомните, полный покой. Ей нельзя двигаться. Я наложил специальные жестко фиксирующие повязки. Немецкие.

"Купленные в том же сомнительном секонд-хэнде для русских каменщиков, что и «Nagelschuhe», — вдруг подумала Ольга.

— Загляну к вам через два часа. Ей нужно будет сделать еще один обезболивающий укол.

— Хорошо, — кротко ответил Марк, хотя в глазах его читалось: «Пошел ты к чертовой матери!»

Артем Львович удалился, Марк плотно прикрыл дверь, и они остались в номере втроем: Марк, Ольга и спящая Инка.

Ольга села на постель в Инкиных ногах: до чего же она хороша! Скванное сном страдание лишь придало Инке прелести. Только бы ничего серьезного, молила про себя бога Ольга, только бы ничего серьезного. Отец просто не переживет...

Отец.

Отец обожает свою молодую жену. Он готов ради нее на все. Ольга была уверена, скажи Инка отцу: «Игорь, брось к чертовой матери этот свой нефтяной бизнес, и уедем в заповедник Аскания-Нова выращивать фазанов», — он бы согласился.

Он бы согласился на все: на должность егеря, на должность матроса каботажного флота, на должность директора парка аттракционов — лишь бы она оставалась с ним. К счастью, Инке даже в голову не приходило оставить Москву; единственное, о чем она могла попросить его: «Почему бы тебе не стать пэром Англии, милый?» Отец любил Инку со всем сдержанно-истерическим пылом стареющего мужчины. Но он никогда не был смешон в своей любви, и это нивелировало почти тридцатилетнюю разницу в годах.

Отец.

Что будет, когда он узнает? Ольга поежилась. Если хотя бы один волосок упадет с головы Инки, если хотя бы одна косточка не встанет на место, — он разнесет этот курорт к чертовой матери... А пофигист Артем Львович... Лучше даже и не думать о его горестной судьбе.

Неожиданно Ольга почувствовала, что ее клонит в сон: сопротивляться этому не было никакой возможности. Напрасно она приняла нитразепам, но кто же знал, что все так обернется?..

— Что с тобой, кара? — спросил Марк.

— Я же приняла снотворное, милый, — жалобно сказала Ольга, — и теперь я ужасно хочу спать... Представляю, как чудовищно это выглядит со стороны. Завалиться в берлогу в такой момент... Инка бы меня не простила.

— Ничего не чудовищно, кара. Вот что, ложись-ка ты на кушетку и поспи. А Инке мы ничего не скажем.

— Ты думаешь?

— А ты думаешь по-другому?

Он ласково приобнял ее за плечи и отвел к кушетке. Когда Ольга

улеглась, свернувшись калачиком, он прикрыл ее пледом. Впервые за последние дни все существо ее погрузилось в относительный покой. Казалось, несчастье, произошедшее с Инкой, снова сблизило их, прежние болезненные подозрения были забыты, а на ее рефлексии по поводу душевного здоровья теперь можно было просто наплевать.

— Все будет хорошо, Марк, — сказала она, нашла его руку и пожалала ее. — А ты? Что ты собираешься делать?

— Возможно, свяжусь с Игорем, — осторожно подбирая слова, сказал Марк.

— С папой? — Ольга даже приподнялась. — Стоит ли?

А вдруг ничего серьезного? Ведь этот врач сказал, что еще неясно...

— Таких Айболитов нужно отстреливать в специально оборудованных тирах. А если что-нибудь с позвоночником и мы просто теряем здесь время?

— Может быть, стоит подождать хотя бы несколько часов?

Пусть Инка проснется...

— Не знаю, — Марк уклонился от ответа.

Теперь Ольге стало ясно, почему так волновался Марк, почему он развил такую бурную деятельность: все дело не в Инке, а в ее муже и Ольгином отце, непосредственном начальнике Марка. Марк уговорил Ольгу приехать сюда, а Ольга совратила Инку: собственно, и совращать не пришлось, идея понравилась Инке с самого начала, она даже попыталась форсировать сроки поездки. Но разве объяснишь это отцу, если с Инкой действительно произошло что-то серьезное.

В подобном случае он поступит как самый обыкновенный школьник: спихнет всю вину на них и попробует на них же отыграться. Ольга защищена родственным иммунитетом — дочь все-таки. Но Марк... Марку может не поздоровиться.

Тогда тем более непонятно, почему он так жаждет ввести отца в курс дела.

— Я бы на твоём месте повременила со звонком, милый.

Отец непредсказуем, как Отелло, Царевна-лягушка и Микки Маус вместе взятые, — еще успела сказать Ольга, почти сразу же проваливаясь в сон.

...Когда она проснулась, было почти темно, только над изголовьем широкой Инкиной кровати горел ночник. На него была наброшена косынка, которую Инка привезла из Ниццы, — предмет страстных мечтаний самой Ольги. Инка так и не уступила ей эту косынку, хотя Ольга готова была обменять на нее свое вечернее платье. Платье надевалось лишь однажды —

на первую годовщину их свадьбы с Марком.

Ольга с трудом приходила в себя после сна: ее организм по-прежнему сопротивлялся снотворному — та же сухость во рту, то же легкое головокружение. Она даже не смогла сразу оторвать голову от подушки.

Легкие волны чужого разговора покачивали ее — надо же, Марк и Инка в состоянии мирно беседовать, должно быть, на время повального мора и чумы в городах Европы они заключили перемирие.

— Все в порядке. Он прилетит через несколько часов, — сказал Марк. — Он уже звонил из порта.

— Отлично, — в Инкином тихом голосе не было даже привкуса боли. — Стоило пострадать для того, чтобы выманить его из этого проклятого московского гнезда, ты прав...

— О ком это вы? — подала голос Ольга.

Марк сидел на кровати, в Инкиных ногах, — там же, где сидела она, перед тем, как заснуть; должно быть, Марк видит Инку в том же ракурсе — ракурсе обольстительной молодой женщины, страдания которой лишь придают ей дополнительный шарм. Услышав реплику жены, Марк вздрогнул от неожиданности.

— Ты проснулась, кара? — Через секунду он был уже возле кушетки. Травмированная Инка была тотчас же вероломно забыта.

— О твоём отце, Лелишна.

Ольга улыбнулась и закинула руки за голову: слава богу, Инка! Инка с ее обычным, чуть хрипловатым голосом, живая и невредимая; во всяком случае — живая.

Ольга вскочила с кушетки и бросилась к подруге.

— Как ты себя чувствуешь. Инка?

— Отвратительно. Надеюсь, что Игорь меня не бросит.

— С ума сошла! Что у тебя с ногами?

— Понятия не имею... Ничего не чувствую.

Ольга осторожно присела на краешек кровати и отогнула одеяло.

— Во всяком случае, внешне все выглядит нормально.

— А ты что, хотела бы, чтобы из ноги торчали обломки костей? Это порадовало бы твое любящее сердце?

— Во всяком случае, — вклинился Марк, — ты в состоянии плоско шутить. Это уже хорошо.

— Пошевели пальцами, — скомандовала Ольга, пристально разглядывая Инкины ноги: земский докторишко Артем Львович упаковал их в какие-то скобы (только при наличии буйной фантазии сооружение на Инкиных ногах можно было назвать жесткофиксирующими повязками).

Штанины горнолыжного костюма были разорваны с обеих сторон: очевидно, в первый момент испуганные свидетели подумали о жестоких переломах.

На лице Инки отразилось страдание.

— Не могу.

И действительно, она не могла пошевелить пальцами, хотя и старалась сделать это. По мере того как Инка пыталась привести в чувство непослушные ноги, на ее лице отразилась вся гамма чувств — от призрачной надежды до мрачного отчаяния.

— Черт, черт, черт, — наконец с яростью выдохнула она. — Почему это все не случилось с тобой, Марик, душка?

— Я всегда знал, что ты трогательно ко мне относишься, — Марк подошел к Ольге и обнял ее за плечи, — но должен тебе сказать: мое здоровье, с точки зрения экономики страны и функционирования концерна твоего мужа, объективно важнее. И потом... Ты знаешь, что если человек ломает ноги, то это значит, что он просто идет не туда? И бог дудит ему об этом в иерихонскую трубу. Передает по семафорной азбуке.

— У меня что, сломаны ноги? — Прежде чем Инка успела испугаться, из уголка ее правого глаза выкатилась слезинка: ни дать ни взять Грета Гарбо в голливудском бестселлере «Дама с камелиями». Ольга всегда поражалась умению Инки так блистательно запечатлеть на кукольном личике любые эмоции, — Такое иногда случается с девочками, любящими играть в кегли по ночам. — Марк был странно беспощаден к несчастной Инке.

— Ну что ты! — поспешила утешить подругу Ольга. — Доктор сказал, что никаких особых повреждений не прощупывается.

— Доктор! — Инка презрительно скривилась. — Этот доктор не преминул облапать беспомощную женщину, находящуюся в шоке. Если бы не добровольные помощники, он бы меня просто изнасиловал... Те, правда, тоже плотоядно посматривали.

— И в итоге ты не досталась никому, — резюмировал Марк.

— Что произошло, Инка! Ты так нас всех напугала!

— Что произошло... Свалилась со склона, вот и все. Не увидела какой-то там чертов бугор... А очнулась от страшной боли в ногах. И еще спина...

— Да, жены-мироносицы, с вами не соскучишься. Ну, ничего, скоро прилетит Гудвин, великий и ужасный... Он-то быстро наведет здесь порядок.

— Ты все-таки позвонил отцу? — Ольга повернулась к мужу.

— Да, — Марк подобрался, — а что мне оставалось делать?

Его жена лежит в кровати с совершенно непонятными травмами. Медицинское обслуживание из рук вон... Думаешь, он бы одобрил, если бы мы скрыли от него этот прискорбный факт?

— Это ты настояла? — Ольга обратилась к Инке.

— Я понятия не имела.

— Решение принимал я, — твердо сказал Марк.

— Что ты сказал отцу?

— Правду. Что Инка свалилась со склона и, похоже, травмирована. Что необходимо перевезти ее вниз, но мы пока не имеем такой возможности.

— А он?

— Он уже звонил из аэропорта...

— Из Москвы?

— Нет, отсюда. Теперь он пытается договориться с малой авиацией, чтобы подняться в «Розу ветров».

Ольга кротко вздохнула. Все-таки ее отец — удивительный человек. И так же удивительна его любовь к легкомысленной Инке. Но сама Инка — она никогда не пыталась завоевать любовь отца и никогда не подстраивалась под него.

Она всегда оставалась собой — настоящая роскошь, которая может дать сто очков вперед любым бриллиантам от Тиффани. То ли дело Ольга: она полностью растворилась в муже, и теперь ее собственные электроны перемещались по орбитам вокруг атомов Марка... Интересно, совершил бы отец что-либо подобное, если бы дело касалось ее, Ольги? Ответа она не знала — его любовь к ней никогда не была безрассудной.

Она даже почувствовала легкую неприязнь к подруге — давно забытое чувство, относящееся к самому началу Инкиных отношений с отцом.

«Ты просто ревнуешь, Лелишна, — сказала ей тогда Инка. — Самым грубым физиологическим образом. Анатомическим, терапевтическим и хирургическим». Да, конечно, Ольга ревновала. Но это была только часть правды. Другая часть заключалась в том, что Ольга долго не могла привыкнуть к их браку: общее детство — с общими куклами, общими мальчиками с последней парты и общими секретами — сделало их сестрами. Получалось, что отец спал с ее сестрой и целовал ее сестру.

А это уже походило на инцест в представлении послушницы монастыря бенедиктинок, какой-нибудь будущей великомученицы Доротеи.

Со временем Ольга смирилась с их браком, но теперь, когда отец бросил все, чтобы быть рядом со своей несчастной женой, ревность вдруг подняла свою, казалось, навсегда отрубленную голову.

— Я ужасно по нему скучаю, — сказала Инка. — Но самое ужасное другое — он прилетит, а я в таком виде...

— Ничего, такой он будет любить тебя еще больше... Если, конечно, ничего серьезного с тобой не произошло и ты не собираешься остаток дней куковать в инвалидной коляске. И рассекать на ней аллеи Александровского сада.

— Я прошу тебя, Марк... — Ольга поморщилась: нельзя же быть таким беспощадным.

— У меня ничего не болит... И даже не ноет.

— Конечно, доктор же сделал тебе обезболивающий укол.

— Он уже приходил? — спросила Ольга.

— Два раза.

Два раза. Интересно, сколько же она спала?

— Похоже, я проспала все на свете...

— Ну, не все... Но на шесть часов ты все-таки нас покинула, кара...

Ольга поднялась с Инкиной кровати и подошла к широкому окну номера: гор не было видно, да и всего окружающего пейзажа тоже — все заволочла снежная пыль: штормовой прогноз принимал вполне реальные очертания. Ольга представила, как ее отец ищет самоубийц, готовых подняться в горы при такой погоде. И, пожалуй, он их найдет — он умеет быть убедительным, когда нужно.

— Не представляю, как он доберется, — неуверенно сказала Инка.

— Доберется, — успокоил ее Марк, — Игорь обязательно доберется.

Инка подтянулась и попыталась сесть. И тут же вскрикнула. Ольга бросилась к ней.

— Что?

— Я их совсем не чувствую... Я даже не могу спустить их с кровати. — Инка закусила губу.

— Не нужно никаких подвигов, дорогая, — попыталась утешить подругу Ольга. — Что сказал тебе доктор?

— Что у нее очаровательные глаза. И хорошая кожа, — ответил за Инку Марк. — И что она должна будет сообщить ему номер того «Плейбоя», который украсит своими персями и ланитами.

— Дурак, — бросила Инка. Было совершенно непонятно, к кому это относилось — к Артему Львовичу или к Марку, — подонок. Ничего, прилетит Игорь, он ему покажет...

Ольга даже вздрогнула — сейчас интонации в голосе Инки напомнили ей ее собственные интонации из далекого детства: «Ничего, придет папа, он вам всем покажет».

— Да, — констатировал Марк. — Пожалуй, здесь будет еще та коррида. Нужно только заблаговременно занять места на северной трибуне.

— Ты хочешь что-нибудь поесть. Инка? — заботливо спросила Ольга.

— Нет... Скажите мне, что ничего страшного со мной не произошло, пожалуйста...

— Ничего страшного с тобой не произошло, — Ольга тревожно заглянула в глаза подруге, — только не раскисай.

— Отдохнули, ничего не скажешь... Лучше бы мы поехали на море. — Инка взяла Ольгу за руку и крепко сжала.

— Ну, на море, положим, тоже есть опасности, — Марк, как всегда, выступил вечным оппонентом Инки. — Например, спасатели в рваных плавках. Или буйки, за которые нельзя заплывать.

— Ты всегда был пролетарием, Марик, душка. Распространителем «Искры» и членом фабрично-заводского комитета.

Ну какие, скажи на милость, могут быть буйки в Акапулько? — Инка, выросшая в неполной семье воспитательницы, за несколько лет жизни с Игорем Анатольевичем успела изучить все самые фешенебельные курорты мира. И даже произносила их названия с особым ленивым шиком.

— Не ты ли сюда рвалась? — резонно заметил Марк.

— Дурой была, — согласилась Инка, — но больше такой ошибки не повторю. А все ты. Ты меня сглазил.

— Ну, конечно. «Я сам горбат, стихи мои горбаты, — кто виноват? Евреи виноваты!» — Марк иронически улыбнулся.

«Странно иногда поворачивается жизнь, — подумала Ольга. — Они покусывают друг друга так, как будто ничего не произошло. Как будто Инка не лежит в своей кровати обездвиженная. Может быть, шок после падения еще не прошел, и она не вполне осознает серьезность положения? Или положение не настолько серьезно? А если настолько — значит, Марк просто жестоко подыгрывает ей — жестоко и точно, как в боях без правил. Чтобы она не думала о возможных последствиях возможных травм. Но если она до сих пор не может встать на ноги, если она даже не чувствует их...» — Ольга даже похолодела от такой мысли.

— Инка. — Она снова потянулась к подруге, аккуратно обняла ее и сказала без всякой логики:

— Я тебя очень люблю.

— Неужели все настолько серьезно и я больше никогда не встану? — попыталась улыбнуться Инка: ну, конечно, она осталась сама собой, и ничто не в силах ее изменить.

— Самое серьезное уже позади, — начал было Марк. — Морг ты

благополучно промахнула. А когда оклемаешься, приедем на этой двери табличку: «При съемке фильма ни одно животное не пострадало».

Инка не успела ответить колкостью — на тумбочке рядом с кроватью зазвонил телефон. Инка инстинктивно потянулась к нему и застонала: пока ничего с резкими движениями не получится. Это ясно.

Марк снял трубку и некоторое время сосредоточенно молчал.

— Понятно, — сказал наконец он. — Мы выходим.

— Что? — спросила Ольга.

— Ну, дщери мои, готовьтесь. Только что передали по инстанциям: Игорь нашел борт и сейчас уже на подлете. Минут через двадцать будет здесь.

Инка залилась краской. Видно было, что она ждет прилета мужа и боится его.

— Дай мне, пожалуйста, мою косметичку, Лелишна, — виновато попросила она.

— Самое время, — ухмыльнулся Марк.

— К приезду мужа я должна быть во всеоружии.

— Ты и так уже во всеоружии. Можно сказать, экипировалась от лодыжек до крестца.

Нет, сегодня все-таки не его день. Шутит он неудачно. На редкость неудачно.

Ольга поцеловала Инку, Марк же ограничился легким кивком и похлопыванием по складкам одеяла: держите себя в руках, миледи, если уж ноги вам отказали. Инка остановила Ольгу у самых дверей:

— Лелишна!

— Жду тебя в вестибюле, — шепнул жене Марк, скрываясь за дверью.

— Лелишна, — снова позвала Инка.

Ольга склонилась над ней и взъерошила ее короткие темные волосы — экстремальный вариант, воинствующий унисекс, лоснящаяся шкурка породистого зверька.

— Как я выгляжу, Лелишна?

— Неплохо.

— Правда? А почему не отлично?

— Потому что ты неисправимая кокетка, Инка.

— Я бы даже сказал больше, — Марк все-таки просунул голову в дверь и отыграл подачу, — она будет кокетничать даже в гробу и строить зазевавшимся червям пустые глазницы.

— Лелишна, будь любезна, передай своему мужу, а моему зятю, что он ублюдок.

— Передаю, — улыбнулась Ольга, — Марк, ты бестактный человек. Марк захлопнул дверь.

— Лелишна, — Инка подняла на нее глаза, — что я должна сделать, чтобы он остался со мной?

— Ничего. Остаться собой, только и всего. — Ольга даже поморщилась от своей последней реплики: уж слишком выпренне она прозвучала. — Все будет хорошо, Инка.

— Ты думаешь?

— Я просто уверена.

...В вестибюле гостиницы Марк беседовал со Звягинцевым. От толстого Пал Палыча за версту несло пивом и снисходительным почтением. Ольге не очень-то хотелось видеть Звягинцева — сам того не подозревая, он выступал свидетелем обвинения на процессе по делу о ее маленьких несанкционированных безумствах. Но Марк уже махнул ей рукой: иди сюда, Ольга!

Ольга подошла и сдержанно поздоровалась с толстяком.

— А вы, я смотрю, неплохо выглядите, — сказал Звягинцев.

— Спасибо.

— Ваш муж рассказал мне о вашей подруге. Сочувствую, — Два подбородка Звягинцева так скорбно затряслись, что их общему колебательному пафосу больше подошло бы слово «соболезную».

— Ну, сочувствовать пока рано. А на месте вашей администрации я бы вплотную занялась штатной единицей доктора.

— Вы Артема имеете в виду? — — Да. Думаю, у него будут неприятности по работе. Давно пора встряхнуть этого наглеца.

— А вы-то сами как себя чувствуете? — Звягинцев пропустил замечание об Артеме Львовиче мимо ушей. Но одно лишь упоминание о докторе автоматически потащило за собой вопрос о пациенте. Вернее — о пациентке: похоже, ее уже всерьез рассматривают как потенциальную кандидатку на психиатрический стационар.

Наверное, именно так она и думает, эта гора несвежего мяса.

— Великолепно, — сухо ответила Ольга. — Пойдем, Марк.

Не дожидаясь ответа, Ольга двинулась к выходу.

— Всего доброго. Пал Палыч. — Марк пожал Звягинцеву руку и отправился следом за женой.

...Он догнал ее уже на улице.

— Куда идти? — спросила Ольга у мужа.

— Вдоль корпуса и направо по дорожке. Потом еще раз направо. В двухсот пятидесяти метрах будет вертолетная площадка.

— Тогда идем.

...Они еще успели забежать в коттедж и переодеться: Марк порекомендовал жене тот самый комбинезон, ярко-синий с белыми вставками: «Ты будешь неотразима, кара, отцу это должно понравиться».

...Ярко освещенная — несмотря на метель — вертолетная площадка была пустынна. Ольга подняла лицо вверх, к черной пасти неба.

— Он сумасшедший, мой отец, — сказала она и тотчас же осеклась: если кто в их семье и сумасшедший...

— Самый обыкновенный влюбленный мужчина, — мягко возразил Марк.

— Интересно, сколько он заплатил за этот вояж?

— Я бы заплатил столько же. — Марк приблизился к Ольге и обнял ее. Его твердый подбородок уткнулся в ее волосы.

«Господи, все так же, как раньше», — закрыв глаза, подумала она, — как будто не было этих нескольких чудовищно несправедливых по отношению к ней дней.

— Марк!

— Да, кара.

— Марк... Я бы не хотела, чтобы отец знал... О том, что здесь происходило. Обо мне...

— Конечно. Можешь не беспокоиться на этот счет. Ты действительно хорошо себя чувствуешь?

— Если не считать переживаний по поводу Инки — да.

— Я рад. Но ты должна дать мне слово. Ты должна обещать мне... Когда мы вернемся в Москву...

Ольга уже знала, что он скажет, что он должен сказать: когда мы вернемся в Москву, кара, ты будешь послушной девочкой, ты посетишь всех психологов, психиатров и психоаналитиков, ты будешь исправно принимать лекарства и душ Шарко, ты будешь делать все, что скажет тебе заботливый муж, который желает тебе только добра...

— Хорошо, Марк, — она перебила его. — Я согласна.

— Вот видишь, кара, — затылком Ольга почувствовала его улыбку, — не прошло и двух лет, как мы начали понимать друг друга с полуслова.

...Он свалился с неба, ее отец.

Как какой-нибудь титан, наказанный за богоборчество.

Он и был титаном, во всяком случае, именно таким он представлялся Ольге в детстве.

Вертолет, попавший в страшную болтанку, прилетел не через двадцать минут, а через час. Уже потом выяснились все подробности этого безумного ночного полета. Отцу все-таки удалось уговорить какого-то отчаянного летчика, полгода сидящего без зарплаты в своем нищем авиаотряде. Пять тысяч долларов — именно во столько оценил летчик и свою жизнь, и жизнь отца. Отец не задумываясь выложил эти деньги.

И вот теперь он стоял на вертолетной площадке рядом с дочкой и зятем. От него пахло крепким, вьевшимся во все 'поры кожи одеколоном, бензином и дешевым табаком: очевидно, в лучшие времена развалюха-вертолетик «Ми-2» трудился на ниве табаководства.

Сам отец не курил. Он бросил курить сразу же после свадьбы, потому что вбил себе в голову, что Инке может не понравиться запах кубинских сигарет без фильтра. Они были на редкость вонючи и отравляли дом Олиного детства. Даже изысканная Манана не могла отучить его от двух пачек «Портогаса» в день. Инке удалось сделать это за несколько минут, стоило только наморщить хорошенький носик.

— Что случилось? — крикнул отец, когда винт еще работал. — Она жива?!

— Все в порядке, — успокоил его Марк.

Никаких приветствий, никаких объятий.

— Где она?! — — Идемте, Игорь Анатольевич.

Марк был сама почтительность, он всегда ощущал дистанцию между собой и тестем. Отец был руководителем концерна, а Марк всего лишь одним из его высокопоставленных подчиненных. Эта ненавязчивая почтительность устраивала обоих.

— Что-нибудь серьезное? — отец никак не мог успокоиться.

— Здравствуй, папа. — Ольга все-таки решила напомнить о себе.

— Здравствуй, малыш. — Небрежный, рассеянный поцелуй в щеку — вот и все, что ей удалось вырвать на правах дочери. Давно забытая ненависть к Инке неожиданно материализовалась и начала принимать угрожающие очертания.

Нет, он никогда бы не прилетел, если бы с ней случилось что-нибудь подобное. Он ограничился бы успокаивающим звонком из Москвы («Я люблю тебя, малыш, выздоравливай скорее!») или в крайнем случае прислал бы курьеров — дюжих молодцов из охраны концерна. Молчаливые курьеры переждали бы внизу все погодные катаклизмы и поднялись бы в

«Розу ветров» лишь тогда, когда барометр намекнул на «ясно».

Она с грустью и непонятым раздражением смотрела на отца — когда-то давно он принадлежал только ей, большой, красивый, седоволосый человек. Он был совершенен, — во всяком случае, так всегда казалось Ольге: прямой нос, жесткие скулы и подбородок предводителя гуннов, какого-нибудь Аттилы. Сейчас же гуннский подбородок отца слегка подрагивал, что выдавало крайнюю степень волнения.

— Марк, объясни мне толком, что произошло?

— Она сорвалась со скалы. Но, в общем, никаких поводов для отчаяния нет.

— Позвоночник не задет?

— Нужен рентген, — уклончиво ответил Марк, — но ситуация не кажется мне катастрофической.

— А врачам?

— Врачи — это отдельный вопрос.

«Бедный Артем Львович, стоит тебе встретиться с отцом, и ты будешь иметь бледный вид», — подумала Ольга.

Игорь Анатольевич шел так быстро, что Ольга с Марком едва попевали за ним.

— Ее можно транспортировать?

— Похоже, что да.

— Черт, нужно было взять с собой Мотю... Как же я не сообразил, старый дурак!

Матвей Кулагин, блестящий хирург, был старым другом отца. Они познакомились за два года до смерти Мананы, когда она сломала руку. История с переломом тоже имела психиатрическую подоплеку, и Шмаринов не любил вспоминать о ней. Ольга смутно помнила, что тогда Манана впервые подняла руку на отца, — потом она делала это частенько: только так она могла выплеснуть наружу и свое отчаяние, и свою смутную тоску, и свой страх перед собой.

— Она... Она в сознании?

— Ну, конечно, Игорь Анатольевич. И ждет вас.

Шмаринов сразу обмяк, как будто из него выпустили воздух: было видно, что больше всего этот человек боялся неизвестности. Теперь же, когда ситуация прояснилась, он смог позволить себе расслабиться.

...Инка действительно ждала.

Она сидела на кровати, вцепившись пальцами в край одеяла и напряженно глядя на дверь. Именно в такой позе они и застали пострадавшую, когда все втроем ввалились в номер.

— Девочка! — забыв обо всем, он бросился к жене, Инка протянула к нему руки и заплакала. Никто не может плакать так красиво, как Инка: полная неподвижность, полная безмятежность, даже ресницы не дрожат — королева в изгнании, да и только.

— Девочка моя...

— Игорь...

— Как же я испугался! Как ты могла так поступить с папочкой...

Ольгу даже передернуло от всех этих излияний. Только теперь она поняла, как сильно любит отец ее подругу. Ту самую подружку дочери с вечными чернильными пятнами и ссадинами на коленках, с которой он едва здоровался в детстве. Должно быть, они часто вспоминают об этом, когда лежат, тесно прижавшись друг к другу, обессиленные после любви: «А помнишь то платье, в котором ты к нам приходила, голубенькое, в красный горох?..» — «Что ты, Игорь, у меня никогда не было такого платья...»

— Что у тебя болит?

— Ничего, — Инка посмотрела на отца ясными глазами, никакой паники, никакого отчаяния, он должен по достоинству оценить мужество своей жены.

— Скажи мне правду...

— Я и говорю правду... Ничего. Просто я не чувствую ног.

Вот и все.

Шмаринов откинул одеяло, под которым были спрятаны крохотные, хорошенькие, ухоженные, почти японские ноги жены. Он склонился над ними и осторожно поцеловал каждый наманикюренный пальчик. На секунду Ольге показалось, что она присутствует при какой-то непристойной сцене, что-то вроде образцово-показательного видеотрефа проституток с догами-далматинами. Даже Марк почувствовал неловкость.

— Пойдем, — шепнул он Ольге. — Ты же видишь, им нужно побыть вдвоем.

— Сейчас, — сказала Ольга, но не двинулась с места.

Еще никогда отец не казался ей таким жалким. Огромная, всепоглощающая любовь страшно старила его — только теперь Ольга поняла это. Она старила его, хотя никому даже в голову не приходило назвать его стариком. Шмаринову было за пятьдесят, но он находился в отличной физической форме: никаких сомнительных жировых отложений на боках, никаких предательских пигментных пятен, никаких ороговевших ногтей.

Отец никогда не придавал особого значения внешнему виду — с

Мананой на это не было ни времени, ни сил. Но, женившись на Инке, он стал самым настоящим франтом — только лучшие костюмы, лучшие рубашки, лучшая парфюмерия. Даже белье (особенно белье!) он заказывал для себя в Англии: как же, как же, молодая жена — нужно соответствовать.

Но обостренный ревностью взгляд Ольги видел совсем другое: страсть к Инке высасывает из него все соки, он беззащитен перед ней и даже и не думает защищаться.

«Интересно, на сколько тебя хватит, папа?» Ольга впервые подумала об этом и сама ужаснулась своим мыслям.

— Завтра утром мы улетим отсюда, — бессвязно шептал отец Инке. — Мотя быстро поставит тебя на ноги. Я тебе обещаю.

— Я знаю... Ты ведь меня не оставишь?

— Как ты можешь говорить такое? — Полину Шмаринова прошла судорога.

— А если я не встану?

— Не смей даже думать об этом! — Он закрыл ей рот ладонью.

— Как ты сюда добрался?

— С оказией, девочка.

— Но там же страшная метель...

— Разве? Я даже не заметил.

— Не заметил?

— Ну, конечно, я все время думал о тебе...

— Пойдем, — Марк снова потянул Ольгу за рукав.

И в этот момент в дверь постучали. Это был довольно развязный стук: «Пам-пам-па-па-пам». Когда Марк открыл, на пороге вырисовался бритый череп Артема Львовича.

— Это я, — сказал Артем Львович игривым тоном. — Пришел проведать больную. Как она себя чувствует?

— Удовлетворительно, — взял на себя смелость постановки диагноза Марк.

— Отлично. А это кто? — Артем Львович только теперь заметил присутствие еще одного — незнакомого ему — человека.

— Вы, как я понимаю, местный врач? — обратился к нему Шмаринов.

— Правильно понимаете. А вы, судя по всему, обеспокоенный папаша?

— Можно и так сказать. — Ни один мускул не дрогнул на лице Игоря Анатольевича.

— Это мой муж! — с вызовом ответила за Шмаринова Инка.

Артем Львович иронически присвистнул: надо же, у такого нежного

лотоса — и такой потрепанный кактус.

— Ну, муж так муж. Я, собственно, пришел сделать укол.

— Делайте, — бросил Игорь Анатольевич.

Пока Артем Львович возился с уколом, Шмаринов хмуро наблюдал за ним.

— Ну все, подойду завтра утром, — сообщил врач.

— Выйдемте, доктор. — И, не дожидаясь ответа, Игорь Анатольевич увлек молодого наглеца за дверь.

— Сейчас он набьет ему морду, — констатировал Марк, неплохо разбирающийся в брачных играх самцов.

— Скажи ему, что не нужно этого делать, — тем не менее в голосе Инки прозвучали нотки удовлетворения: она обожала рыцарские турниры.

— Скажи сама.

В состоянии легкого стресса отец способен на все, а уж приструнить зарвавшегося молодчика — тем более. Чтобы не допустить кровавой развязки, Ольга последовала за отцом и Артемом Львовичем.

Но поначалу ее опасения не оправдались.

Мужчины довольно мирно беседовали, стоя у окна.

— Что скажете, доктор? Что-нибудь серьезное?

— Никаких переломов я не нахожу.

— Это точно?

— Возможны трещины, возможны смещения дисков в позвоночнике. Но это может показать только рентген. К сожалению, необходимым оборудованием я в настоящее время не располагаю. Я уже объяснял.., вашим родственникам — почему. Нужно всестороннее полноценное обследование. Причем в стационаре.

— Почему она не может встать? Почему она ничего не чувствует?! — В голосе отца — всегда сдержанном — прозвучало скрытое отчаяние.

— Возможно, это посттравматический шок... В данных условиях я не могу ответить на ваш вопрос более конкретно.

— Как это понимать?

— Я же сказал... У меня нет необходимого оборудования...

— Так... — Отец сжал кулак и тотчас же разжал его. — Так какого же рожна ты здесь сидишь?

— Не нужно было с минимумом подготовки толочься на трассе повышенной сложности, — не сдержался врач. — И все было бы нормально.

— Не твое собачье дело, что нужно делать моей жене, а что нет. Значит, так: твою псевдомедицинскую богадельню прикроют, уж я об этом

позабочусь. С тобой тоже разберутся, так что готовься. С сегодняшнего дня вершиной твоей карьеры будет ветеринарная станция. Это в лучшем случае.

— Только не надо мне угрожать, — поморщился Артем Львович.

— Я тебе не угрожаю, щенок!

Вот тут-то темперамент отца и проявился в полную силу.

Он ухватил врача за ворот и легко оторвал от пола. Пижонские «Nagelschuhe» врача заскребли носками хорошо начищенный паркет, а пижонские очки съехали на нос.

— Я тебе не угрожаю, — еще раз повторил отец, — но если ты еще раз позволишь себе отвлечься от профессиональных обязанностей... Если ты еще раз позволишь себе смотреть на мою жену таким сальным взглядом, я тебя раздавлю. Ты понял меня?

— Понял, — просипел не ожидавший такого натиска Артем Львович.

— Не слышу!

— Понял...

— Смотри.

Отец с сожалением отпустил врача и сразу же успокоился.

— Какие будут рекомендации, доктор? — спросил он совершенно нейтральным тоном.

— Что?

— Завтра утром мы улетаем. Но на сегодняшнюю ночь я хотел бы получить четкие инструкции.

— Никаких инструкций. Полный покой и обездвиженность.

— Да, вот еще... Ее можно перевозить? Это не повредит травме? Не ухудшит ее состояние?

— Думаю, что можно. Я поставил ей..., вашей жене..., обезболивающий укол. У меня еще есть снотворное. Очень хорошее.

«Наверняка немецкое», — подумала Ольга.

— Немецкое, — тотчас же подтвердил ее мысли Артем Львович. — На основе барбитурата натрия... Очень качественный сон.

— Несите.

— Да, конечно, — присмиривший доктор выглядел кротким, как овца.

— Не смею больше вас задерживать.

Шмаринов отделился от окна и направился к дочери.

— Пойдем, малыш, — сказал он Ольге, обнимая ее за плечи: никаких эмоций в литых пальцах. Ничего не поделаешь, взрослая дочь — такая же данность, как и смена времен года, не больше. Самым ужасным было то, что Ольге эти прикосновения показались неприятными. В них не было

ничего — ни любви, ни нежности, ни заботы.

Если бы она оставалась маленькой!..

Уже около двери Ольга обернулась и бросила взгляд на доктора, по-прежнему стоявшего у окна: он рассматривал удаляющуюся спину отца с растерянностью и почтением. Теперь Ольга понимала, почему Инке при всех ее многочисленных ни к чему не обязывающих флиртах и в голову не приходит изменить отцу: он слишком мощная фигура, он настоящий мужик. У него невозможно выиграть. Даже уверенный в себе Марк — ее собственный муж — блекнет на этом фоне.

...Марк сидел в кресле и щелкал пультом: здесь, в горах, телевизор брал сразу несколько спутниковых каналов.

— Почему ты так долго? — спросила Инка капризным голосом.

— Маленькая консультация у врача, девочка, только и всего.

— Что он сказал?

— Что с тобой ничего страшного не произошло.

— Это правда?

— А разве я когда-нибудь врал тебе? — Он, снова сел рядом с ней. — Завтра вечером мы будем дома. Никаких лыж, я упрямлю снег и горы. Не хватало только, чтобы я потерял тебя из-за этого.

Опять воркование!

Ольга поморщилась.

— Мы пойдем, папа! — сказала наконец она.

— Да. — Он не выразил никаких эмоций по этому поводу. — Я позвоню вам в номер.

Он даже не поинтересовался их телефоном! Впрочем, если здраво рассуждать — номер телефона есть у Инки. Так что отец здесь совершенно ни при чем. Все дело в ней самой.

— У нас не номер, — в голосе Ольги послышалась обида, — мы живем в коттедже.

— Хорошо. Я позвоню вам в коттедж.

— Мы будем в баре, Игорь Анатольевич. Здесь рядом, так что если надумаете...

Шмаринов ничего не ответил.

Оставив влюбленных, Марк и Ольга вышли из номера.

... По лестнице они спускались молча.

— Я вижу, у тебя упало настроение, кара? — спросил наконец Марк.

— Смотреть противно! — не выдержала наконец Ольга.

Уж Марку-то она может высказать все!

— О ком ты?

— Об отце!

— Я думал, ты будешь ему рада.

— Я и сама думала, что буду рада... Но то, как он сюсюкает с ней... В его-то возрасте!

— Ты несправедлива, кара. Он подает пример по-настоящему заботливого мужа. Заботливого и самоотверженного.

— Он подает пример всем прочим старым крестинам, женившимся на хорошеньких мордашках! Ходячее воплощение поговорки «Седина в бороду, а бес в ребро», — желчно сказала Ольга.

— Я этого не слышал, — Марк демонстративно закрыл уши.

— Нет, ты это слышал!

— Хорошо. В таком случае я не буду это обсуждать. Он мой начальник.

— Он прежде всего — мой отец!

Марк остановился и резко повернул Ольгу к себе.

— Да что с тобой?

— Ничего. Ты видел, как он облизывал ее конечности? Ах, эти крохотные больные ножки!.. Ах, моя безвинно пострадавшая девочка... «Я упраздняю горы» — ты слышал что-нибудь подобное, Марк? Он не поговорил с нами и трех минут... Он даже не поговорил со мной, его дочерью! Как будто бы я пустое место...

— Ну, если бы такое произошло с тобой...

— Если бы такое произошло со мной, он бы и ухом не повел.

— Правильно. Ухом повел бы я. Твой муж, если ты еще помнишь.

— Да. Но он мой отец...

— Кара! — Он заглянул ей в глаза. — Не будь ребенком. Это нехорошая ревность. Она может завести тебя черт знает куда.

— На что ты намекаешь, Марк? — Она настороженно посмотрела на него.

— Во всяком случае, я рад, что ты в отличной форме. Все прошло, да? — Он ненавязчиво напомнил ей о событиях последних дней.

— Да. Все прошло. Пойдем выпьем за прилет. Он все-таки мой отец...

* * *

...Она напилась.

Сидя за отдельным столиком в баре, в обществе мужа, под

нескончаемый разговор об отце, который Марк даже не находил нужным пресекать, она напилась.

Напилась впервые за много лет. Безобразно, отчаянно, минуя тихую и благостную стадию легкого опьянения и жизнеутверждающую — среднего. Поначалу Марк еще как-то пытался контролировать процесс, но потом просто махнул рукой.

Ольга, долгие годы принимавшая только щадящие дозы коньяка (не больше, чем сто грамм в один час и в одни руки), теперь пила все подряд. Марк устал подходить к стойке и заказывать новые напитки.

— А почему ты все это мне приносишь? — пьяно хихикая, спрашивала Ольга, опорожня очередную рюмку холодной лимонной водки.

— Потому что ты устраиваешь истерики из-за каждого стакана.

— Ты хочешь меня напоить, да?

— Нет. Я не хочу тебя напоить. Ты сама этого хочешь.

— А ты решил мне потакать? Ты очень внимательный муж...

Ничего не скажешь... Ты хочешь сделать из меня сумасшедшую...

— Кара!

— Только учти, — Ольга погрозила ему пальцем. — Ничего у тебя не получится! Никогда. Я здоровый человек.

Она обернулась к соседнему столику, за которым сидела пожилая, весьма благообразная пара: шейные платки, пестрые гавайские рубахи, уместные разве что на Карибах, и матовый блеск черепов, просвечивающих сквозь седые волосы.

— Это мой муж! — Ольга ткнула открытой ладонью в Марка. — Мой любящий муженек! Хочет выдать меня за шизофреничку, страдающую раздвоением личности и подверженную психозам...

— Кара!

— Не затыкай мне рот!..

Ольга с трудом вылезла из-за столика и направилась к невинной супружеской чете. Подсев к старику, она положила локти на стол и заглянула ему в глаза.

— Вот вы! Вы когда-нибудь женились бы на молоденькой сучке только потому, что у нее груди, которые автоматически наводятся на первый попавшийся член? А?

Марк предпринял вялую попытку водрузить жену на место.

— Пошел ты! — отмахнулась Ольга. Она вдруг стала находить странное, почти болезненное наслаждение в этом своем состоянии. Пожалуй, стоит начать пить, и тогда тебе будет совершенно наплевать на

целую дивизию душевных расстройств.

— Вы не ответили! — донимала Ольга старика. Его супруга наклонилась к нему и что-то шепнула на ухо.

— Больше двух говорят вслух, — радостно сообщила Ольга. — Вы, наверное, меня осуждаете?

В прозрачных, давно утративших цвет глазах старика не отразилось никаких эмоций.

— Осуждаете! — констатировала Ольга.

— Кара! — Марк повысил голос.

— Ich verstehe nicht <Не понимаю (нем.)>, — проямлил старик.

— О! Я тоже так думаю, — Ольга опять захихикала и положила руку старику на плечо.

Терпение Марка лопнуло. Он встряхнул Ольгу.

— Не нужно, кара! Они не понимают. Они иностранцы.

— Что ты говоришь!

— Ich bedauere <Я сожалею (нем.)>, — сказал он старику, приложив руки к груди. — Идем! Нам нужно домой...

Они уже начали привлекать внимание соседних столиков — Ольге было наплевать на это. Но, похоже, что и щепетильному Марку было на это наплевать...

— Пойдем, кара.

— Нет. В этот склеп я не пойду... Во всяком случае, сейчас...

Ты снова будешь пичкать меня снотворным и говорить, что я не в себе. Я в себе, слышишь!

— Хорошо, — неожиданно легко согласился Марк. — Если ты хочешь, посидим еще.

— Я хочу! Я хочу, слышишь!

— Только сиди спокойно. Я отлучусь ненадолго.

— К врачу, да? — Ольга жалобно рассмеялась. — За консультацией... Что делать с буйно помешанными, да?

— Не говори глупостей...

Марк поднялся и вышел из зала. И слава богу. Можно хоть на несколько минут остаться в одиночестве. Ольга обвела глазами окружающих: пожалуй, в одиночестве здесь не останешься... И почему они так смотрят на нее? Осуждают за лимонную водку? Или за текилу? Или за те ледяные скульптуры, которые она якобы разнесла? Об этом наверняка знает весь курорт, включая фуникулер, подъемники и вешки для слалома. Как раз те, возле которых опрокинулась папочкина молодая жена... Вот будет забавно, если она не встанет... Интересно, с кем тогда она будет

крутить шашни? Папочка, должно быть, втайне обрадуется — его драгоценная девочка будет принадлежать только ему...

«Почему все на меня смотрят? Может быть, они узнали о пещере?»

Едва Ольга подумала об этом, как к горлу подступил липкий, уже начавший забываться страх... Она же видела, видела все это. Так же реально, как и в своем ночном кошмаре...

Только вот что было сначала — курица или яйцо, кошмар или реальность... Не нужно ей было столько пить. Почему Марк, всегда такой непреклонно-внимательный, позволил ей напиться? И куда он пошел?

— Тебе нехорошо?

Ольга подняла глаза. Рядом со столиком стоял Иона.

— А-а... Вот и ты! Как только исчезает старший братец, так сразу появляется младший, в надежде на объедки с барского стола...

— Здорово же ты накачалась!

Иона присел за столик и робко коснулся ладонью ее волос.

— Не твое дело.

— А куда отчалил твой благоверный? Что-то он выбежал из бара быстрее лани.

— Не твое дело!

— Вот что... Давай-ка я отведу тебя домой.

— О! Еще один благодетель. Это у вас семейное, да?

— Да.

— Слушай, Иона! Почему ты до сих пор здесь, в этой дыре? Или не хватает храбрости бороться с настоящим миром?

Который внизу?

— Почему же? Хватает. — Он все еще пытался разговаривать с ней, как с трезвой.

— Тогда в чем дело? Перебирайся к родственникам в Первопрестольную. Я могу переговорить с отцом. Он устроит тебя на подведомственную бензоколонку, где черный нал и все всем довольны.

— Думаю, не стоит.

— Отчего же. Иона? Будешь соблазнять баб своим именем, несмываемым загаром и блеском в глазах... Твое здоровье!

Она подняла рюмку с водкой, но Иона проворно отобрал ее.

— Думаю, тебе хватит на сегодня.

— Не твое дело.

— Мое. — Он упрямо нагнул подбородок. — Не хочу, чтобы ты была в таком виде.

— Иона, мальчик мой! Ты еще не знаешь моего настоящего вида. Я,

кстати, тоже не знаю... Вернее, не помню. Говорят, я страшна в гневе и могу разнести к чертовой матери все, что угодно.

— Пойдем.

— Нет. Хотя... Вот что... Я знаю, куда мы пойдем. Я хочу познакомить тебя с отцом. Сюда заявился мой отец.

— Я знаю.

— Представлю тебя как брата моего мужа. Благовоспитанный молодой человек с романтической профессией в крепких руках. Как тебе?

— В качестве брата мужа — не надо.

— Тогда в каком же качестве? — Ольга рассмеялась.

— Ни в каком. Пойдем.

— Хочешь довести меня до дома и трахнуть?

В глазах Ионы мелькнула жалость. Пожалуй, сейчас он похож на брата, даром что масть совсем другая... Масть совсем другая, порода совсем другая... Он совсем другой.

Иной. Так будет лучше. Иной Иона.

— Нет. Я не хочу быть с тобой. — Скажите пожалуйста, он даже избегает стойкого идиоматического выражения: «Я не хочу тебя трахать, беби».

— Отчего же? Я тебе не нравлюсь?

— Сейчас нет.

— Ну и черт с тобой! Поищу кого-нибудь, кому бы я понравилась.

Не говоря ни слова, Иона поднялся из-за стола и ухватил Ольгу за плечи.

— Пойдем.

— Нет.

— А я сказал — пойдем.

Сопrotивляться силе, скрытой в нем, было бесполезно...

И не все ли равно, куда они пойдут? И где она окажется завтра утром. В снегу, возле коттеджа, в ледяном склепе или в своем собственном кошмарном сне...

В дверях они столкнулись с возвращающимся Марком.

Ему не просто не понравилась инициатива Ионы — он был взбешен.

— Куда это ты ее тащишь, парень?

— Домой. Разве не видишь, что она напилась?

— По-моему, это не твое дело.

— Ты же ее оставил.

— Я не оставил, — Марк вдруг начал оправдываться перед младшим братом. — Я вышел только на минуточку.

— На минуту?

— Ну хорошо. Пусть не на минуту. Мне нужно было выйти.

— Все равно. Нельзя было ее оставлять.

— Как бы там ни было, я уже пришел. И тебе нечего делать рядом с моей женой. С моей, — Марк сделал ударение именно на этом слове, — женой.

Иона сжал кулаки, но все же отступил. Как в тумане Ольга видела его прямую и жесткую спину: до чего же безобразно она напилась, до чего же ужасно, что Иона увидел ее жалкое и стремительное падение.

— Ты как? — спросил Марк.

— Не очень хорошо, — честно призналась Ольга.

Марк усадил Ольгу за столик рядом с выходом. Из открытой двери в помещение проникал морозный воздух, и Ольге стало легче. Быстрое и отчаянное опьянение понемногу проходило, на смену ему пришла такая же отчаянная тошнота.

— Я сейчас, — прошептала Ольга Марку, с трудом справляясь с ней.

— Я провожу тебя, — все-таки он понимал ее с полуслова.

— Зачем ты позволил мне так напиться? — жалобно спросила она, но даже не стала выслушивать явно запоздавший ответ.

...В туалете ее вывернуло наизнанку, но стало намного легче.

Несколько минут она стояла перед зеркалом, разглядывая свои собственные, смазанные алкоголем черты. Самым ужасным было то, что она позволила себе распуститься перед Ионой, и еще это пьяное, дурно пахнущее кокетство... Ольга опустила голову в раковину и до упора вывернула кран с холодной водой.

Когда она вернулась в зал, у нее защемило сердце: рядом с Марком сидел отец. Только этого не хватало! Отец — испытание еще потяжелее Ионы. Придав своему взгляду максимально трезвое выражение, она присела за столик рядом с Марком.

— Привет, пап! А почему ты здесь?

Шмаринов внимательно посмотрел на дочь. Когда только он успел выпить?

— Девочка заснула. И спать будет до утра, если верить немецкому снотворному вашего коновала. А я решил проведать вас. Тем более что Марк рассказал мне о твоих подвигах.

— Подвигах? — Ольга напряглась. Даже если хмель и забивал поры ее тела, то теперь он выветрился окончательно. — О каких подвигах?

Неужели Марк поделился своими опасениями с отцом и в Москве ее ждет хорошо унавоженная и уставленная орхидеями одиночная палата в

закрытой клинике? Отец, много лет проживший с душевнобольной, знает толк в таких одиночных палатах.

— Тебе не стоит пить, малыш.

Только и всего! Ольга с благодарностью посмотрела на Марка.

— Ну, рассказывайте, почему это произошло.

— Что именно, папа?

— Почему вы оставили ее одну? — Черты лица Шмаринова заострились.

— Что значит — «оставили одну»?

— Меня интересует, почему она оказалась на трассе одна.

Никаких инструкторов, никого рядом.

— Папа!..

— Ты же должен был знать, Марк, что девочка никогда профессионально не каталась на лыжах.

Сейчас он начнет выговаривать им все, что думает, не стесняясь в выражениях. Это будет похоже на производственную выволочку, которые периодически устраивает отец своим подчиненным, чтобы держать их в форме и воспитывать дух семейственности и коллективизма, который культивируется в клановых японских фирмах. «Я не более чем подчиненная, последняя в ряду, — подумала Ольга. — Эмблема концерна выгравирована у меня на лбу, вот и все преимущества первородства».

— ..Совсем необязательно быть профессионалом, чтобы съехать с горы, Игорь Анатольевич, — попробовал защититься Марк. — И потом — это спорт, и довольно экстремальный.

А в спорте может произойти всякое.

— С ней ничего не должно было случиться. Я доверил тебе свою жену, и с ней ничего не должно было случиться. Я же говорил с тобой перед поездкой.

Это интересно. Ольга рассматривала отца так, как будто видела его впервые. Можно только представить себе этот мужской разговор при закрытых дверях: Марк и отец за чашкой кофе, с распушенными галстучными узлами. Ты же понимаешь, Марк, если моей девочке пришла идея ехать с вами в горы — я не могу ей препятствовать. Но ты, и только ты, отвечаешь за ее безопасность. И если, не дай бог, что-нибудь случится... Ольга так живо представила себе эту сцену, что ее даже передернуло. Несчастный Марк, сам того не желая, выступил в роли гонца, принесшего дурные вести. А потому должен быть публично казнен. На базарной площади, в присутствии всех членов совета директоров концерна и их личных секретарш.

— Ты говоришь чушь, папа, — громко сказала она.

— Что? — отец медленно повернул голову в сторону дочери. — Моя жена лежит без движения наверху, а я говорю чушь?

— Если бы ты хотел быть уверенным, что с ней ничего не случится, то отправил бы вместе с ней бонну с золотой олимпийской медалью по слалому-гиганту. И двух телохранителей-биатлонистов. Мы не нанимались к ней в няньки.

От щек отца отлила вся кровь: это было уже не волнение, это была скрытая ярость. Но Ольга уже не могла остановиться.

— Или ты хотел приставить к ней меня и Марка, чтобы мы отслеживали все ее любовные приключения? Набросился на этого придурка-врача только потому, что тебе показалось, что он не так посмотрел на твою жену? Прилетел сюда, потратил пять тысяч долларов, рисковал собой и этим несчастным нищим летчиком, как мальчишка... Ты просто смешон, папа!

И тогда он не выдержал: напряжение последних часов было слишком велико. Перегнувшись через стол, он ударил Ольгу по щеке. Удар получился оскорбительно-сильным, таким сильным, что ее голова едва удержалась на плечах. Ольга закусил губу: только бы не заплакать!

— Может быть, ты забыл, но я пока еще твоя дочь, папа! — сказала она.

— Моя дочь? Моя дочь никогда не сказала бы мне того, что сказала мне ты.

— Конечно. — Она горько рассмеялась. — Я не твоя дочь, я мамина дочь. Я никогда ее не любила так, как тебя, даже когда она умерла и перестала нас мучить. Теперь я об этом жалею.

— Твоей матери давно нет в живых.

— Никто не знает этого наверняка... — Ярость снова поднималась в Ольге волнами. — Но я... Я никогда не прощу тебе этой пощечины, слышишь, тебе и твоей девочке, этой шлюхе, ради которой ты готов предать нас всех... Ты увидишь...

Ты еще узнаешь...

— Кара! — Марк, бледный и взъерошенный, наконец-то решил вступить.

— А, вот и мой муж прорезался! Что же ты не бросаешься на защиту своей жены? Или тебя больше интересует место в фирме? И ради этого ты готов на все, даже на то, чтобы тебя трахали в задницу незаслуженными обвинениями?! На чьей ты стороне, Марк? Или ты тоже решил от меня избавиться?

Давай, сейчас самое подходящее для этого время. Я ненавижу...
Ненавижу вас всех!..

Она вскочила из-за столика и бросилась на улицу.

"...Ну вот ты и осталась одна. Одна, одна. Твой отец готов променять тебя на первую попавшуюся шлюху. И даже твой муж не в состоянии защитить тебя. Ошейник коммерческого директора, похоже, кое-кому сильно давит на кадык... Сволочи, сволочи, сволочи... Как он посмел ударить меня? Он ударил меня первый раз в жизни, и все из-за этой шлюхи. Он ведь никогда не бил меня, он не бил меня даже в детстве, даже тогда, когда я грохнула ящик с кузнецовским фарфором...

Даже тогда, когда я обозвала Манану сумасшедшей..." С теми же интонациями, с какими дразнила ее дворовая шпана, стоило ей только вырваться из-под опеки отца и выйти на улицу. На улицу, с которой она никогда не возвращалась сама...

Виски ломило, перед глазами плыли круги, ноги подкашивались. Ольга без сил добралась до коттеджа и, не раздеваясь, упала на кровать. Марк, ее верный Марк, так и не пришел.

Разбитая и измученная, Ольга плакала до тех пор, пока не провалилась в тяжелое забытие.

* * *

...Никаких снов. Никаких кошмаров.

Вместо этого — смутные очертания близких людей, их неясные силуэты, смазанные лица. Лицо отца, искаженное гримасой то ли ужаса, то ли отчаяния. Лицо Марка, полное скорби. Лицо Инки, полное веселого недоумения. И над всем этим — антрацитовые глаза Ионы. И снова — лед, лед, лед.

Но теперь он не пугает Ольгу, наоборот, он выглядит приветливо, как дом после долгого возвращения. Они что-то говорят ей, но она не слышит, что они ей говорят. Она пытается объясняться знаками: нужно подождать, лед обязательно растает. И, подчиняясь ее жестам, лед начинает таять и крупными каплями стекает по груди Ольги. Странно, но прикосновение талой ледяной воды обжигает...

Необычное природное явление, такое же, как гало, такое же, как огни святого Эльма на клотиках кораблей. Нужно будет обязательно спросить об этом у Ионы...

...Ольга открыла глаза.

Комната была наполнена мягким струящимся светом: снег не переставал идти всю ночь, шел он и сейчас. Она даже не знала, сколько проспала, но, судя по всему, — сейчас позднее утро. Позднее утро схода лавин, штормовое предупреждение остается в силе.

Она приоткрыла окно и впустила в комнату острый, пахнущий сосной воздух. Ничего общего со вчерашней отвратительной сценой в баре, ничего общего с низменными страстями, которые одолевают их всех. Ревнивый отец, трусоватый Марк, капризная Инка, она сама — скопище всех смертных грехов. Напугала ни в чем не повинных неприкаянных иностранцев (кажется, это были немцы). Пыталась самым пошлым образом соблазнить Иону (чего только она ему не наговорила, права Инка: не умеешь — не берись). Смертельно оскорбила отца (какое она вообще имела право осуждать его поступки и считать его деньги). Смертельно оскорбила Марка (после двух с половиной лет безоблачного счастья и смешных подарков на Рождество: этот плюшевый динозаврик принесет нам удачу, кара). Мелко радовалась Инкиному несчастью (как будто ее травмы могли уравновесить твою собственную болезнь)... В ад попадают и за меньшие грехи...

Ольга обернулась к кровати: Марк спал на самом краешке, подложив кулак под щеку. Интересно, когда он вернулся?

Она не слышала. Она ничего не слышала. Она провалилась в сон, как в омут, даже не разделась; как была в комбинезоне, так и завалилась на кровать. Только куртку скинула, она и сейчас валяется возле кровати. В память о вчерашнем диком вечере осталась только дикая головная боль и сухость во рту.

Ну, к этому она уже привыкла.

«Марк. Прости меня, Марк».

Не глядя, она сгребла снег с узкого карниза и приложила его к пылающему лбу. А потом подошла к кровати и присела на корточки перед спящим мужем.

— Прости меня, Марк! — жалобным и тихим голосом сказала она.

— Я не сержусь. — Он даже не открыл глаз.

— Ты давно не спишь?

— Я еще сплю и собираюсь проспать до двенадцати.

До двенадцати? А как же вертолет и обещание отца улететь сегодня утром?

— А... Мы разве не летим?

— В четыре часа.

— Почему в четыре? Он же собирался утром.

— Планы несколько поменялись. Во второй половине дня обещают улучшение погоды и ослабление ветра.

— Разве отцу не наплевать на погоду, когда дело касается его жены?

— Болтанка. Он не хочет рисковать. Рисковать собой — это одно. А позвоночником Инки — совсем другое.

— Он... Он очень огорчился?

— Почему ты не спросишь, огорчился ли я? Я огорчился, если честно. А отец был просто в ярости. Он считает, что ты не имела права так поступать.

— Я знаю... Я позвоню ему и попрошу прощения.

— Чуть позже. Мы расстались только в четыре часа. Он, наверное, спит.

— Как ты думаешь, он простит меня?

— Куда денется. — Все так же не открывая глаз, Марк перевернулся на спину. — Правда, тебе придется тяжело. Лучше сейчас к нему не соваться.

— Я ляпнула что-то запредельное?

— Ага. Сказала, что Инка шлюха.

— Что, прямо так и сказала? — испугалась Ольга.

— Намекнула опосредованно, но весьма прозрачно.

— Я так не думаю, честное слово!

— А я так думаю, но нашего мнения никто не спрашивает.

Ты же знаешь, все, что касается Инки, днем и ночью охраняет волкодав-смертник Игорь Анатольевич Шмаринов.

— Марк! Прости меня.

— Я же сказал, что не сержусь.

— Открой глаза, пожалуйста. Я не могу разговаривать с твоими ресницами, я могу их только целовать...

Он все-таки сжалился над ней и открыл глаза. Она покаянно улыбнулась, протянула руку и погладила его.

И тотчас же одернула ее: на щеке Марка, там, куда она положила свою ладонь, возникла красная полоса.

— Что-то не так? — Увидев испуг в ее глазах, Марк даже приподнялся на локте.

— Марк... Ты не поранился? Ты не порезался бритвой? — У Марка была самая интеллигентная, самая удобная для всех потенциальных любовниц привычка: бриться на ночь.

— С чего ты взяла? — Он быстро сел, провел пальцами по щеке, а потом поднес их к глазам — действительно похоже на кровь.

Выскочив из кровати, он направился в ванную и несколько секунд рассматривал себя в зеркало.

— Да нет, не похоже, что порезался, кара... Странно.

— Марк! — Ее отчаянный голос, похожий на крик раненого животного, заставил его выбежать из ванной.

Ольга стояла посреди комнаты и с отчаянием смотрела на собственные руки.

— Посмотри, Марк!

Она подняла ладони вверх и протянула их Марку: руки были мокрыми от снега.

И выпачканными в крови.

— Что... Что это, Марк? Это кровь, да?

Ее глаза, устремленные на мужа, умоляли, просили, требовали, заклинали: скажи, что это не так, Марк, милый... Скажи, что это не так. Скажи, что это не кровь.

Он бросился к Ольге:

— Ты поранилась, кара! Господи, сколько раз я просил тебя быть осторожной с режущими предметами.

— Марк! — Она жалко улыбнулась. — Ты же спрятал от меня все режущие предметы... Ты же чего-то боялся... Я не поранилась, Марк! У меня ничего не болит.

Она едва выталкивала из горла слова, ставшие огромными и совершенно непосильными для нее.

— Что это, Марк? Я не знаю, что это...

— Успокойся. — Он не удалялся от нее, но и не приближался. — Пойдем в ванную и умоемся. Смоем всю эту гадость.

Смоем, да?..

Он не успел закончить предложение. В дверь громко и настойчиво постучали.

Марк вздрогнул, но все-таки нашел в себе силы подойти к двери.

— Откройте.

— Собственно, мы еще спим... Кто это?

— Это Звягинцев.

— Что случилось. Пал Палыч?

— Я могу поговорить с вами?

— Да, конечно.

Марк отпер дверь и вышел на крыльцо. Звягинцев стоял у двери, переминаясь с ноги на ногу — Боюсь, у меня для вас не очень хорошие новости — Он понизил голос и с состраданием взглянул на Марка

Постарайтесь приготовить жену.

— Что?! О чем вы говорите? К чему я должен ее готовить?

— Мы нашли тело вашего тестя Он убит, Марк

ЧАСТЬ III

Если репутация человека ничем не запятнана и он стоит перед выбором, жить или умереть, лучше продолжать жить.

*Ямамото Цунэтомо.
«Хагакурэ»*

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день.

Эта глупая фраза вертелась в голове Звягинцева последние два часа.

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день.

А ведь он давно мог попросить отпуск и уехать из «Розы ветров» куда-нибудь в Евпаторию, где нет гальки, а есть только песочек — мелкий и золотистый. Именно мелкий и золотистый, несмотря на начало марта. Да, он вполне мог уехать в Евпаторию. Если бы, например, еще месяц назад — или даже две недели, или даже неделю — он подмахнул в администрации цидулку о заслуженном отдыхе, то теперь бы его не было в «Розе ветров».

Он совершал бы долгие прогулки по пляжу, кормил бы чаек и себя самого хлебом, унесенным из столовой после завтрака. За его столиком обязательно оказались бы милейшие люди, которым и в голову не пришло бы назвать его старым жирным козлом. Он целовал бы женщинам руки (говорят, это производит на них благоприятное впечатление) и разговаривал бы с мужчинами о футболе (это только кажется, что мужчины любят обсуждать женщин; на самом деле мужчины любят обсуждать последний гол Зидана на последнем чемпионате Европы).

У него был бы двухместный номер с соседом-хохлом из какого-нибудь Тернополя. Хохол оказался бы записным националистом, приверженцем лозунга: «Украинець Поки ты спав, москаль зъив твое сало!» Он демонстративно разговаривал бы только на своем хохляцком и делал бы Звягинцеву мелкие гадости.

Но все эти невинные гадости не шли бы ни в какое сравнение с той гадостью, которую на старости лет подсунула Пал Палычу «Роза ветров».

Труп в номере люкс, перед этим меркнет любой хохол.

Труп в номере. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день.

И это не просто труп, а труп уважаемого и очень влиятельного человека, прилетевшего в «Розу ветров» только вчера.

Почему он не взял отпуск? Сейчас бы это дерьмо разгребал кто-нибудь другой, а не он, Звягинцев. Ассенизатор из него никакой. Это еще в отделении признавали.

Почему он не взял отпуск?..

...Сегодня, в полвосьмого утра, его разбудил телефонный звонок портье. Путаясь и сбиваясь, портье проблеял в трубку сонному Звягинцеву о страшных криках, которые раздаются в номере люкс. К нему уже поступило несколько звонков от соседей.

— Кто кричит? — спросонья Звягинцев задал самый нелепый вопрос.

Портье сказал, что неизвестно, возможно, постоялица номера Инесса Шмаринова, к которой вчера прилетел муж.

— Это которая с травмами лежит? — уточнил Звягинцев, хотя прекрасно знал: да, та самая.

— Да, та самая, — подтвердил портье.

— И давно кричит?

— Минут пятнадцать не переставая.

Замечательный у нас народ: кто-то орет благим матом пятнадцать минут, а тактичные соседи ограничиваются лишь звонками портье.

— Почему сам не поднялся, Иван?

Портье на другом конце трубки промолчал. Это был риторический вопрос. Иван никогда не поднимался в номера после того, как в прошлом году уже выдвинулся на крики в такой же номер люкс. Номер занимали «новый русский» с любовницей. «Новый русский» периодически напивался и бил любовницу смертным боем. А когда Иван, дежуривший в тот день и принявший несколько таких же телефонных звонков от разбуженных соседей, поднялся в номер со своим запасным ключом, то едва не получил пулю в лоб.

Избитая до полусмерти любовница от дачи показаний отказалась и наличие пистолета у своего князька категорически отрицала. Пришлось ограничиться почтительным внушением, поклонами и извинениями. С тех самых пор Иван предпочитал не реагировать на подобные вещи.

— Ну и что теперь делать? — спросил Звягинцев у портье.

Ему не хотелось вылезать из кровати.

— Не знаю. Она очень сильно кричит.

— Ладно, — сжалился Звягинцев. — Вызывай пока охрану. Я сейчас подойду.

На сборы ушло несколько минут. Все это сопровождалось громким кряхтением и сетованиями на богатых постояльцев, которые творят бог знает что. Наверняка дело выеденного яйца не стоит, а тут, пожалуйста, бросай свой здоровый сон и отправляйся на поиски компромисса между враждующими сторонами.

Но когда Звягинцев появился в холле отеля и увидел бледное лицо портье, он сразу понял: случилось что-то серьезное.

Бледные толстые губы Ивана мелко дрожали, а в глазах застыло скорбное выражение.

— Что? — настороженно спросил Звягинцев, уж больно не понравилась ему рябь, пробегавшая по гладким, женским щекам Ивана.

— Ребята уже в номере, — просипел Иван, — Радик и Коля...

Радик и Коля были самой тупой парой охранников. В преферанс они тоже играли парой и всегда продувались.

— Ну? — поощрил запинающегося портье Звягинцев.

— Радик уже прозвонился... Там тело.

— Тело?

— Труп! — в отчаянии выдохнул Иван.

— Женщины?

— Мужчины...

— А женщина? Которая кричала?

— Она до сих пор кричит... Только не так, как раньше...

Голос сорвала. Ребята не могут ее успокоить... Это Радик сказал.

— Ладно. Я поднимаюсь. А ты свяжись с администрацией...

И нашего Айболита тоже вызови. И пробей город, пусть вызывают опергруппу.

— А телефон? — растерянно спросил Иван.

— Мать твою! Свяжись с телефонисткой. Свяжись через коммутатор. Пусть даст тебе телефон областного управления. Ты понял меня?

— Понял, но... Может быть, вам самому?

— Не сейчас. Сейчас я разберусь, что там наверху. — Звягинцев перегнулся через стойку и заглянул в сытые трусливые щеки Ивана. — Ты знаешь, что главное преступление уже совершено?

— Да? — Глаза Ивана закатились, и Звягинцев с трудом успел поймать их блеклый отсвет.

— Самое главное преступление состоит в том, что весь штат на этом гребаном курорте упакован дураками.

— Вы полагаете?

— А ты — нет?..

Проклиная все на свете, Звягинцев поднялся в номер двенадцать.

Он услышал приглушенные, сдавленные рыдания еще в коридоре. Действительно, женщина потеряла голос: из ее горла вырывались только неясные хрипы.

Дверь в номер была приоткрыта. Звягинцев, почему-то не решившийся распахнуть ее настежь, с трудом протиснул в нее свой живот. Картина, открывшаяся его взору, подтвердила самые худшие опасения.

Посреди комнаты действительно лежал труп.

Мужчина лет пятидесяти, Звягинцев вчера уже видел его мельком: муж стриженной кошки, подруги Ольги Игоревны Красинской. И отец самой Ольги.

Плотный Радик, ведущий в охранном дуэте, сидел на корточках перед трупом. А долговязый ведомый Коля беспомощно стоял рядом с широкой кроватью. На кровати лежала стриженная кошка, которая так не нравилась Звягинцеву. Но сейчас он испытал к ней чувство острой жалости.

Она уже не могла кричать, а только судорожно всхлипывала. Ладно, труп — потом. Труп никуда не денется. А сейчас нужно привести в чувство женщину.

— Ну, что стоишь? — прикрикнул на заторможенного Колю. — Хотя бы воды принеси. , Коля отправился в ванную за водой, а Звягинцев присел на край кровати.

Девушка находилась в шоковом состоянии: она не смотрела на Звягинцева; ее взгляд был прикован к распростертому на полу телу.

— Инесса! — Звягинцев даже вспомнил, как зовут подружку Ольги. — Вы слышите меня, Инесса?

Из груди Инессы вырвался сдавленный стон.

Звягинцев порылся в бездонных карманах и вытащил мятую окаменевшую карамельку «Барбарис» с налипшими на нее табачными крошками. Точно такую же в свое время он дал ее подруге Ольге у скал с несуществующей пещерой.

— Хотите конфетку? — ляпнул Звягинцев.

Этот будничный вопрос, как ни странно, возымел действие: Инесса перестала всхлипывать и воззрилась на Пал Палыча.

— Что?

Звягинцев ловко развернул карамельку толстыми пальцами и протянул ее Инессе.

— Возьмите, она вкусная.

Девушка машинально взяла ее и сунула себе в рот.

— Вот и ладушки. — Звягинцев шумно вздохнул и повернулся к

Радику. — Накрой его чем-нибудь. Пока, — прошипел он охраннику. — И двери прикрой, чтобы зеваки не скапливались. Мало ли что...

Из ванной выглянул Коля:

— Здесь нет стакана.

— Ой, дурак. — Звягинцев схватился за голову. — Вон же стаканы стоят, на столе.

На маленьком столике действительно стояла початая бутылка коньяку и три бокала. В каждом из них, на самом доньшке, блестела недопитая светло-коричневая жидкость. Коля, всегда отличавшийся повышенным сексуальным влечением к спиртному, воровато озираясь, махнул остаток из одного бокала и вместе с ним отправился в ванную.

Радик уже прикрыл труп покрывалом с кушетки и теперь стоял возле двери, мрачно подпирая косяк. На минуту в номере воцарилась тягостная тишина. Было слышно только журчание воды — Коля наполнял бокал. Вернувшись в комнату, он протянул бокал Звягинцеву.

— Не мне, дурак! — снова прикрикнул Звягинцев. — Девушке.

Инесса ухватила бокал обеими руками, и зубы ее тотчас же застучали о тонкое стекло. Чтобы дать ей возможность собраться с силами, Звягинцев встал и прошелся по комнате.

И остановился возле столика с коньяком.

«Наполеон». Неплохо живут, черти. , Звягинцев с сожалением взглянул на спиртное, его так и подмывало попробовать легендарный напиток. Но... Не исключено, что на бутылке и бокалах могут быть отпечатки, которые потом пригодятся следствию. Ладно, этим он займется потом. Сейчас главное — девушка.

Он снова вернулся к Инке и снова присел на краешек кровати.

— Вы в состоянии говорить? — мягко спросил он.

Инесса судорожно кивнула.

— Тогда расскажите, что произошло.

— Я... Я не знаю. Игорь... — Она снова попыталась зарыдать, но Звягинцев предупредительно поднял руку.

— Все. Попытайтесь успокоиться.

Легко сказать, подумал он, ты требуешь от стриженной кошки невозможного. Попытаться успокоиться, когда в двух метрах от тебя лежит тело мужа...

— Да, да... Конечно. — Она кивнула.

— Тогда начнем сначала. Лежащий на полу человек — ваш муж?

— Да.

— Фамилия, имя, отчество.

— Мои?

— Ваши само собой. Но это потом. Сначала его.

— Шмаринов... Шмаринов Игорь Анатольевич. Я тоже Шмаринова.

— Ясно.

— Вы знаете... Он только вчера прилетел.

Всю эту романтическую историю о прилете мужа Инессы он уже слышал от мужа Ольги. Парень заявился из Москвы и рисковал своей головой в вертолетной болтанке только потому, что его жена разбилась на трассе и теперь находится без движения. Сильные чувства, достойные быть зафиксированными в Книге рекордов Гиннеса. А теперь он лежит на полу в луже крови, а его жена — та самая, что разбилась на трассе, — в шоковом состоянии сосет звягинцевскую карамель...

— Да. Я знаю.

— Он прилетел... Он... А потом пришел доктор, уже вечером. Он принес снотворное, сказал, что это очень хорошее снотворное, и что я буду хорошо спать, и ноги не будут меня тревожить...

— А сейчас?

— Что — сейчас? Я их все равно не чувствую... Я ничего не чувствую... Ничего.

— Ну-ну, успокойтесь. Значит, вам принесли снотворное.

— Да. Артем... Кажется, его зовут именно Артем.

— Я знаю, наш доктор...

— Я выпила. Игорь был со мной... Он сидел там, где сидите вы... — Она всхлипнула. — Да. Он говорил, что мы завтра улетим отсюда. Уже сегодня... Господи, зачем он только сюда приехал... Я не хотела, чтобы он приезжал, но Марк... Марк сказал, что Игорь никогда нам не простит, если мы скроем от него... Что я упала... Он был зол на то, что здесь невозможно ничего установить... Что я не хожу... Не Игорь — Марк. Я говорю о Марке. Он позвонил в Москву.

Поток сознания стал утомлять Звягинцева, девушка явно уклонялась от магистральной линии, и Звягинцев снова попытался направить ее в нужное русло:

— Итак, вы заснули.

— Я не помнила, как я заснула. Я знала только, что все это время Игорь был рядом со мной.

— А потом?

— Потом — я не знаю. Я очнулась только сегодня утром.

Я даже не знала, сколько времени. Но было еще темно. Я сразу вспомнила, что произошло... Что произошло со мной, как я упала... И

вспомнила, что прилетел Игорь. Он... Я думала, что он прилег на кушетке... Но на кушетке его не было. Я подумала, что он еще не вернулся из бара...

— Он что, должен был пойти в бар?

— Не знаю... Нет. Вернее, я не знаю, должен был или нет.

Он мог пойти. Вчера вечером я слышала, что Марк... Марк — это муж моей подруги, дочери Игоря.

— Я в курсе, — нетерпеливо сказал Звягинцев.

— Марк сказал Игорю: «Мы будем в баре. Если хотите — можете подойти...» Но Игорь оставался со мной. А когда я проснулась, его не было. То есть он был, но я еще не знала. Я подумала, что это нечестно с его стороны — бросать больную жену. Я даже рассердилась на него. — По щекам Инессы снова потекли слезы. — Я рассердилась, а потом увидела, что он лежит на полу. Было еще темно... Я позвала его, но он не отозвался. Я подумала...

— Вы подумали, что он напился, ввалился в номер и заснул прямо на ковре?

— Нет... Я не знаю, что я подумала... Игорь очень мало пьет.

Он почти не пьет, если быть совсем точной.

— Значит, вы увидели своего непьющего мужа лежащим на ковре и даже не заволновались?

— Ну... Вы понимаете... Вчера была экстремальная ситуация. Он очень меня любит...

Да уж, любит — не то слово, если приволокся из Москвы.

А судя по всему, он живет не на ренту. А все свои немалые бабки зарабатывает каторжным трудом. От Марка Пал Палыч уже знал, что Шмаринов руководит крупным нефтяным концерном. И бросить фирму вот так, за здорово живешь, — для этого нужно иметь веские причины. И в этот контрольный пакет веских причин вполне может входить эта самая любовь, Звягинцев допускал это. И вообще, после многолетних расследований коммунальных склок и таких же коммунальных страстей он мог допустить все, что угодно.

— Я подумала, он вполне мог переволноваться из-за меня.

И потом, он же летел сюда на вертолете, а вчера был такой снег, такая метель... Может быть, он решил снять стресс.

— Я понимаю.

— А потом, когда начало светать, когда я увидела его полностью... Он так неестественно лежал. И это темное пятно под ним... И он не отзывался... Я поняла, что случилось что-то страшное... Что-то

непоправимое...

Она снова зарыдала, вспоминая весь ужас, который постепенно входил в нее — вместе с надвигающимся рассветом.

Звягинцев ласково похлопал по ногам девушки, лежащим под одеялом. Она никак не отреагировала и даже не подняла головы. Ну, конечно, он напрочь забыл то, что говорили ему и Марк, и доктор, и она сама, — она не может двигаться и ничего не чувствует.

— Когда я поняла это... Вы понимаете, что это значит — он лежит рядом с тобой, а ты даже не можешь встать, ты даже не можешь помочь ему. Я не могла дотянуться до телефона, чтобы позвонить. Не было никакого выхода... А что, если он жив, он только ранен, и я теряю драгоценное время, когда его еще можно спасти...

— А почему вы подумали, что он ранен?

— Я хотела так думать. А вы... Если бы такое произошло с близким вам человеком? И вы бы не знали наверняка, что его... Что его нет в живых? Вы бы стали уговаривать себя, что, может быть, случилось не самое страшное и что все еще можно исправить.

— Да. Я понимаю вас.

Он понимал. Что-то похожее он испытывал, когда его единственный сын Володя лежал на асфальте в колодце двора, и Пал Палыч говорил себе: «Может быть, случилось не самое страшное и все еще можно исправить». И даже тогда, когда он узнал правду, — он не поверил в нее. А эта девушка, Инесса, как точно она все сформулировала. Как точно и трезво.

— Я не могла добраться до телефона. И тогда я начала кричать.. Я уже плохо это помню. Кажется, я кричала до тех пор, пока не появились эти парни.

— Да. Именно так все и было. Вы в состоянии все это написать? Как вы обнаружили... Тело. Что этому предшествовало и что было потом.

— Сейчас? — Инесса с ужасом посмотрела на Звягинцева. — Да. Это не очень хорошая идея.

— Чуть позже, — попытался реабилитироваться Звягинцев.

Инесса не успела ответить ему. Зазвонил телефон. Звягинцев увидел, как задрожали ее губы: долго же ей придется приходить в себя, бедняжке.

Подойдя к телефону, он снял трубку и кашлянул в нее.

— Алло!

— Пал Палыч? Это я, Иван.

— Ну что? Ты связался с городом?

— Телефон не работает. Обрыв по одной из линий из-за снега.

— Интересно, как же мы с тобой тогда говорим?

— Это же внутренний телефон. Пал Палыч.

— Мать твою! — выругался Звягинцев и тотчас же бросил в трубку:

— Есть же рация. Есть спутниковая связь. Соображать надо, Иван.

— Уже.

— Что — «уже»?

— Сообразил. Связался.

— Молодец. Перевожу тебя из разряда дураков в разряд сочувствующих. Когда они будут?

— Не знаю.

— Как это — не знаю? Ты передал им информацию?

— Конечно. Сказал, что у нас тело. Но у них тоже неприятности. Погода. Все перевалы закрыты, метель и шквалистый ветер. Так что они не смогут добраться даже по воздуху.

Сказали провести предварительное расследование, собрать показания, а они будут сразу же, как только улучшатся погодные условия.

— С кем ты разговаривал?

— Не знаю. Подождите, я записал... Какой-то майор Рахматуллин. С двумя "л".

Звягинцев повесил трубку.

Почему же все-таки он не взял отпуск?

Хотя что-то подобное можно было предположить. Уже вчера большинство перевалов было закрыто. Этот прорвавшийся сквозь буран на этажерке «Ми-2» сумасшедший-камикадзе, ныне, правда, покойный, — единственное исключение. Вертолетчики не полетят сюда ни при каких условиях.

А пяти тысяч долларов, чтобы соблазнить их на безумный коммерческий рейс, нет ни у кого в следственном управлении.

Придется самому заниматься рутинной работой — и это при его возрасте, радикулите и полном отсутствии вкуса к такой изысканной мокрухе...

Но сначала нужно решить, что делать с девушкой. Оставлять ее здесь и на ее же глазах заниматься осмотром тела любимого мужа — это просто неэтично. Варварство и вандализм...

Надо же, вандализм, прицепилось же к нему это слово, а все с подачи Запесоцкой. Да, дрянная история с этим ледяным городком. Конечно, ни в какое сравнение с сегодняшним убийством не идет, но все равно дрянная.

А девушку нужно перевести в другое место, это точно. Договориться с докторишкой и перевести.

Пока Звягинцев без всякого энтузиазма размышлял об этом, в дверях

возникла легкая возня.

— Что там, Радик? — спросил Звягинцев. — Соболезнующие штурмуют дверь?

— Нет, это доктор. Впустить, что ли?

— Впусти.

Через секунду в номере оказался Артем Львович. Бросив равнодушный взгляд на прикрытое покрывалом тело, он пожал руку Звягинцеву.

— Даже носилки прихватил? Молодец, Артем, — похвалил сообразительного доктора Звягинцев.

— Ну, так все сообщили.

— Значит, так, оттранспортируешь барышню, устроишь ее и вернешься сюда. Освидетельствуем труп... — Звягинцев бросил взгляд на Инессу и понизил голос:

— Освидетельствуем..., м-м..., потерпевшего и составим протокол.

— Опять вы со своими протоколами. Пал Палыч.

— Иначе не получится. Это же тебе не лыжные палки украли, верно?

— Куда нести?

Звягинцев сразу же вспомнил о родственниках Инессы, которые проживали в коттедже. Но общаться с ними, тем более с дочерью убитого, он был не готов.

— Пока отнеси к себе. А там видно будет.

— Вы... Вы собираетесь забрать меня? — наконец-то Инка поняла цель визита врача.

— Ну, конечно. Вам нельзя здесь оставаться.

— Нет. Я никуда не пойду.

— Конечно, не пойдете. Доставим вас на носилочках, как китайского мандарина.

— Нет...

— Придется, барышня. Вы же сами понимаете, что произошло...

— Я должна... — Она всхлипнула. — Я должна хотя бы позвонить Марку и Ольге...

— Не волнуйтесь, я сам позвоню. Вызову, допрошу и все прочее...

— Вы не поняли. Им нужно сообщить. Ольге нужно сообщить. Ведь Игорь ее отец. Она не простит мне...

— Чего не простит?

Инесса подняла на Звягинцева огромные, полные слез глаза. у — Что ей не сказали сразу.

— На десять минут раньше, на десять минут позже, какая разница?

Наоборот, пусть еще десять минут думает, что ничего не произошло. — Звягинцев только сейчас понял весь цинизм своих слов. Говорить так с новоиспеченной вдовой по меньшей мере нетактично. Хотя, с другой стороны: она слишком молода, чтобы убиваться всю оставшуюся жизнь.

Да и на Джульетту не тянет, подводят глазки — уж слишком очаровательные, чтобы быть не прожженными. Через месячишко-другой найдет себе молодого жеребца с тренажерами во всех углах и думать забудет про своего бывшего и не такого уж молодого мужа. Тем более в особую бедность она не впадет — он наверняка много чего ей оставил, если так любил...

— Как вы можете! — Нет, все-таки она красива, Володька втюрился бы в нее с лету, вон как картинно переживает, даже горе не искажает черты.

— Я должен провести следственные действия, — открытым текстом просемафорил вдове Звягинцев, — так что отправляйтесь с доктором, а я к вам загляну. Попозже.

Радик и Коля погрузили Инку на носилки, и вместе с Артемом вся кавалькада отчалила. Звягинцев выглянул в коридор и увидел в дальнем его конце группу любопытствующих постояльцев. Да... Плохие вести, а тем более вести об убийстве, распространяются с той же скоростью, что и триппер в период военных действий на оккупированной территории...

Вытащив из кармана грязный носовой платок, Звягинцев осторожно прикрыл с его помощью дверь, втайне понимая, что все его предосторожности напрасны. Если на ручке двери и были отпечатки, то ретивые дуболомы Радик и Коля давно их стерли.

Но протокол есть протокол, а Пал Палыч Звягинцев всегда придерживался протокола.

Он прошелся по комнате и почесал пах: сосредоточься, товарищ капитан в отставке, сейчас тебе предстоит выполнить часть работы оперативной группы. И пока ты лишен всех экспертов с их перчатками, лупами, фотоаппаратами и физическими растворами, нужно хотя бы попытаться проанализировать происшедшее и составить хотя бы общее представление о случившемся, Он остановился возле двери и осмотрел комнату.

Бутылка «Наполеона» — вот что привлекло его пристальное внимание. Бутылка была выпита на три четверти, но какое-то количество жидкости в ней все еще болталось.

Зря он приказал лоху Коле воспользоваться бокалом, старый дурак! А вдруг именно на нем были отпечатки пальцев убийцы? Ну, два бокала — это понятно: муж и жена — одна сатана, взяли и выпили за счастливое

воссоединение. Есть, конечно, еще одна супружеская пара, состоящая с ними в родственной связи: но тогда почему бокалов три, а не четыре?

Орудя все тем же носовым платком, он открыл дверцу тумбочки: на нижней полке обязательно должны лежать бумажные пакеты с символикой «Розы ветров». По мнению администрации, эти вещи, равно как и бесплатный кофе в номера, способствуют укреплению репутации отеля, заботящегося о своих постояльцах.

Пакеты в тумбочке действительно лежали.

Звягинцев вытащил несколько штук и осторожно упаковал в два из них бокалы. Оставалась бутылка. Она тоже последовала за бокалами, но перед этим Звягинцев все-таки не удержался и сделал несколько глотков «Наполеона».

Прямо из горла.

Вкусовые качества коньяка Пал Палыча в восторг не привели, но по жилам разлилось приятное тепло. Теперь можно было приниматься за осмотр тела.

Звягинцев подошел к труп и аккуратно снял с него покрывало.

Шмаринов лежал навзничь, повернув голову в сторону Пал Палыча. Сквозь неплотно прикрытые веки мертво блестели глаза, а на лице застыло удивленное выражение. Шмаринов был явно немолод, а смерть сделала его еще старше.

Явственнее проступили морщины у глаз и крыльев носа, — должно быть, при жизни эти морщины несколько портили его отношения с молодой женой. Звягинцев вздохнул: он не может утверждать этого наверняка, но...

Покойного можно было назвать даже красивым: во всяком случае, старел он гораздо более эффектно, чем сам Звягинцев.

Пал Палыч осторожно перевернул тело и даже присвистнул от удивления: вся грудь Шмаринова была пропитана кровью: убийца — или убийцы — нанес ему множество ножевых ранений. Удары наносились беспорядочно и были в большинстве своем неглубокими. Причиной смерти послужило только одно проникающее ранение в сердце. В отличие от всех остальных именно этот удар был сильным и точным.

Закончив осматривать труп, Звягинцев переключился на комнату. Внешне все выглядело благопристойно: во всяком случае, гостиная номера меньше всего напоминала арену гладиаторских боев. Но, обшарив глазами помещение, Звягинцев все-таки обнаружил следы борьбы: опрокинутый стул, сброшенные на пол с кушетки маленькие подушки, одна из которых лежала неподалеку от тела. Подушке Звягинцев уделил особое внимание:

она была явно испорчена чем-то острым. Возможно, ножом. Возможно, тем самым ножом, которым и был убит Звягинцев. Кроме того, на обоях у двери Пал Палыч заметил смазанный след руки. Как будто убийца перед тем, как выйти из номера, оперся окровавленной ладонью о стену.

А спустя минуту, поползав на коленях по ковру, он нашел и орудие преступления.

Нож. Охотничий нож, по рукоятку залитый кровью. Это был очень дорогой нож с причудливо выгнутым лезвием. Звягинцев никогда не был охотником, но в ножах разбирался: еще в Питере его сосед по лестничной площадке, вагоновожатый Митрич, страстный любитель охоты и попок на лоне природы, пытался приучить его к охотничьему ремеслу. Сам Звягинцев поддался было на уговоры Митрича, но тут восстал сын Володя. Володя всегда считал охоту завуалированным убийством, к тому же в это самое время он начал писать свою «Колыбельную для ежика». Добрые зверушки всегда умиляли его...

Словом, от охоты пришлось отказаться, но Звягинцев научился художественно разбираться в охотничьем оружии и имел представление о ножах.

Да, это был очень дорогой нож, с черенком из рога какого-то животного. К тому же черенок был украшен искусной резьбой: сквозь кровь проступала сцена сафари: двое белых охотников и дикарь в набедренной повязке из листьев охотились на льва. Звягинцев вздохнул и подавил в себе искушение сунуть нож в карман, до того он был хорош.

На светлом, матово блестящем черенке были явственно видны чьи-то отпечатки. Звягинцев, осмотрев нож со всех сторон, оставил его лежать на месте.

Первый этап сбора улик был завершен, и Звягинцев принялся за вещи.

Вместительный встроенный шкаф был битком набит женской одеждой: очевидно, пташечка обожала чистить перышки. Но вещи Инессы интересовали Звягинцева меньше всего: все эти пеньюары, комбинации, бикини и лифчики на косточках. Все эти платья, блузки и брюки, источающие едва уловимый запах дорогих духов.

Похоже, Шмаринов обожал баловать свою женушку и знал в этом толк.

В жизни Звягинцев не видел столько дорогих вещей сразу.

Его бывшая жена, работавшая мастером на металлическом заводе, имела только две формы одежды: летнюю и зимнюю.

Зимняя включала в себя драповое пальто с воротником из кролика, шерстяное платье и байковый халат для дома. Летняя была несколько разнообразнее: костюм-джерси для культпоходов в кино и торжественных

заседаний по случаю Дня машиностроителя; крепдешиновый костюмчик для унылой повседневности и все тот же байковый халат для дома.

Бегло осмотрев тряпки Инессы, Звягинцев переключился на дорожную сумку ее мужа. В ней почти не было вещей: «Паркер» с золотым пером, электронная записная книжка, несколько визиток, несколько кредитных карточек, несколько тысяч рублей пятисотенными и сотенными бумажками и внушительная пачка долларов. И какие-то деловые бумаги в кожаной папке. Даже смены белья не было, не говоря уже о бритвенном приборе, одеколоне и зубной пасте.

Похоже, что известие о травме жены застало его врасплох.

Звягинцев ясно представил себе события, предшествующие появлению Шмаринова в «Розе ветров». Марк Красинский, узнав о том, что жена босса разбилась, начинает паниковать и звонит ему в Москву. Любовь к жене так велика, что Шмаринов, не раздумывая, решает лететь сюда. Возможно, он даже не успел заехать домой и как следует переодеться: на убитом были костюмные брюки, и только пиджак он сменил на демократичный свитер. Свитер, должно быть, висел в шкафу в его офисе...

Трясущимися руками Звягинцев пересчитал наличные: получилось ровно тысяча восемьсот пятьдесят пять долларов. Никогда раньше он не держал в руках такой суммы...

Содержимое кожаной сумки Шмаринова перекочевало в бумажные пакеты, на каждом из которых Звягинцев написал название предметов. С долларовой пачкой вышла маленькая неприятность. Подчиняясь низменным инстинктам, которые иногда поднимали немые засаленные головы в самой глубине организма, и воровато озираясь на закрытую дверь, Звягинцев сунул в карман своего плаща несколько сотенных купюр.

Ему наверняка больше не понадобится, а для вертливости-вдовы это совсем небольшая сумма.

Положив баксы в карман, Звягинцев тотчас же устыдился своего поступка, скорее даже ужаснулся ему.

Его сын, его погибший Володя, никогда не одобрил бы мародерства.

Выложив деньги в пакет, Звягинцев решительно написал на нем «Паркером»: «1855 (тысяча восемьсот пятьдесят пять) долларов». Теперь все вещи, касающиеся жизни и смерти Шмаринова, были рассортированы.

Звягинцев снял трубку и набрал номер портье.

— Иван?

— Да.

— Свяжись со спасателями. Кажется, у кого-то из них есть хороший фотоаппарат. Скажешь, пусть зарядят его и поднимаются в двенадцатый

номер. Ты понял?

— Обижаете.

Положив трубку на рычаг, Звягинцев прошелся по комнате, каждый раз аккуратно переступая через труп, присел на кровать Инессы и задумался. Первая часть дознания — осмотр места происшествия — выполнена. Но уже теперь можно сделать некоторые выводы.

Пал Палыч откинулся на свежие простыни (хорошо работают разбитные девахи-горничные, ничего не скажешь, не только трахаться умеют!) и закрыл глаза.

Итак, что мы имеем.

Солидный бизнесмен Игорь Анатольевич Шмаринов приезжает на курорт к пострадавшей жене. Приезжает с одной маленькой сумкой. В сумке — кредитные карточки, сумма в рублях и валюте, довольно приличная по сегодняшним временам.

Здесь его встречают дочь и зять. И все трое отправляются в номер к жене. Шмаринов остается с женой до тех пор, пока та не засыпает. Проснувшись, жена обнаруживает труп мужа, лежащий на ковре. Поскольку она не встает, то и до телефона дотянуться не может. Она начинает кричать, надеясь хоть так привлечь внимание других людей. В конечном итоге ей это удается. Множественный и беспорядочный характер ран на теле потерпевшего дает возможность утверждать, что действовал не профессиональный киллер (версия о заказном убийстве в этом случае отпадает). Наличие в сумке Шмаринова нетронутых денег и кредитных карточек также делает несостоятельной версию об ограблении.

Единственный свидетель, который мог бы пролить свет на трагедию, происшедшую в номере двенадцать, все это время спал. К тому же этот свидетель не может двигаться, не может вставать с постели.

Самым невероятным выглядит то обстоятельство, что Шмаринов практически не защищался и дал убить себя. Но он производит впечатление довольно сильного и физически выносливого человека. Чтобы завалить такого буйвола, нужно очень и очень постараться.

Подушка.

Она вспорота каким-то острым предметом. Скорее всего ножом, которым и был нанесен смертельный удар.

Звягинцев поднялся и подошел к по-прежнему лежащей на полу подушке. И принялся внимательно рассматривать ее. Подушка — веселенький геометрический рисунок в стиле покойного Архимеда — была взрезана именно ножом. Возможно, когда убийца напал на него, Шмаринов попытался защититься именно подушкой. Очень странный способ защиты.

Женский способ защиты, сказал бы Звягинцев.

Впрочем, выводы делать пока рано.

Как только Звягинцев пришел к этому вполне утешительному резюме, в дверь постучали. Подойдя к двери, Звягинцев осторожно спросил:

— Кто?

— Это я, Пал Палыч, Артем.

Звягинцев удовлетворенно улыбнулся: значит, не подвел рваный горчичник, явился, как и было приказано. Он открыл дверь и впустил Артема в номер.

— Ну что?

— Все в порядке. Вдову временно поместили в лазарет и вкололи успокоительное. Лазарет — это, конечно, не то место, на самом отшибе. Пока доберешься, умаешься.

— Ничего, самое подходящее место. Никто не будет докучать соболезнованиями. К тому же есть телефон, так что все блага цивилизации. А тебе полезно побегать туда-сюда обратно... Она что-нибудь говорила?

— Ничего. Вы бы в такой ситуации разговаривали? Двойной шок: сначала от травм, а потом эта смерть мужа...

— Как бы чего с собой не сделала... — хрюкнул Звягинцев обычную в таких случаях фразу.

Артем посмотрел на него снисходительно:

— Не сделает, будьте спокойны. Колю и Радика я оставил с ней. Да, она умоляла меня дать ей связаться с родственниками.

— А ты'.

— Запретил. До выяснения и вашей санкции.

— Это ты молодец. Кстати, Артем. Как ты относишься к следующему факту: может ли человек мирно и спокойно спать, когда в его номере с соответствующим уровнем громкости убивают человека.

Врач некоторое время молчал, а потом заговорил, осторожно подбирая слова:

— Скажем так: я допускаю эту мысль. Особенно если за несколько часов до этого интересующий вас человек выпил снотворное.

— И какое снотворное он выпил?

— Сильнодействующее, — улыбнулся Артем. — Я сам ей принес его. Засыпание наступает через двадцать пять минут, и крепкий глубокий сон длится до восьми часов. В это время будить человека бесполезно. Так же бесполезно, как и вертикально устанавливать Пизанскую башню.

— Такое отличное средство?

— Лучшее из всех снотворных.

Звягинцев вдруг подумал о том, что хорошо бы запастись таким средством и ему самому. И периодически обманывать радикулит.

— Как называется? — спросил он у Артема самым невинным тоном.

— Вам это название ничего не скажет.

— Это необходимо для протокола.

— Барениум. Латинский вариант названия тоже необходим?

— Пока обойдемся русским. Значит, она его приняла — и все.

Проспала до утра.

— Как младенец.

— А ты откуда знаешь, что она его действительно приняла?

— На моих глазах. Пал Палыч. Я же сам ей вчера это снотворное приносил.

— Ага. И всех своих пациентов ты им снабжаешь?

— Нет. Только пациенток, — Артем пронизительно посмотрел на Звягинцева, — но вам тоже могу устроить. Так сказать, по знакомству.

— Мне пока не надо, — сразу же застеснялся Звягинцев, — но я, если что, буду иметь в виду.

— Сделайте одолжение.

— Ладно, — от перспективы найти управу на радикулит Звягинцев сразу повеселел, — а теперь займемся телом, Артем Львович.

— Хочу предупредить сразу, — закапризничал врач. — Если дело касается вскрытия, я пас. Я не патологоанатом и заниматься этим не буду. Тем более в совершенно негодных для этого условиях.

— Вскрытие от тебя не понадобится, — успокоил Артема Звягинцев. — Этим займутся профессионалы, когда сюда доберутся. А мы с тобой для начала хотя бы должны восстановить картину происшедшего.

— Ну... Вы же у нас Эркюль Пуаро, Шерлок Холмс и комиссар Каттани в одном флаконе! Вам и карты в руки.

Не говоря ни слова, Звягинцев подвел Артема к трупу, а потом аккуратно перевернул его.

— Ну, что скажешь?

Артем внимательно осмотрел раны, даже слегка благоговейно коснулся их рукой, а потом почесал бритый череп.

— Ну, навскидку могу сказать только одно... Смерть наступила от проникающего ранения в область сердца. Это был единственный смертельный удар. Все остальные непосредственной опасности для жизни, очевидно, не представляли;

Неглубокие и поверхностные. Похоже, что человек, наносивший их, находился в состоянии аффекта.

— Ты думаешь?

— Предполагаю. Во всяком случае, нанесены они беспорядочно, под разными углами и с разной силой.

— То есть смертельный удар мог быть нанесен в числе других, а не обязательно в начале или конце?

— Можно сказать и так. Но для этого, как вы сами понимаете, нужен специальный анализ, вскрытие и тому подобное. Вердикт специалиста, выражаясь научным языком. Хотя, думаю, что этот ваш убийца все-таки нанес решающий удар сначала.

— Почему?

— Как вам сказать... Я вчера видел этого типа. Еще живым. — Артем инстинктивно поднес руку к горлу. — И он произвел на меня впечатление очень сильного человека. Он бы защищался, он бы не дал так просто себя свалить...

Звягинцев даже поежился. То, что сказал ему сейчас врач, полностью совпадало с ходом его собственных мыслей.

— Ну хорошо. А когда примерно наступила смерть?.

Артем легонько ощупал тело покойного, почесал затылок и медленно произнес:

— Судя по тому, что трупное окоченение еще не ярко выражено, где-то в районе четырех-шести часов утра. Точнее, естественно, вам скажут специалисты...

Если, конечно, сочтут нужным сказать вам об этом, добавила лоснящаяся нагловатая физиономия врача. Звягинцев сразу же уловил пафос произнесенного окончания фразы, но решил не придавать этому значения.

Жалко, что Васьки нет, вдруг подумал Звягинцев, с ним-то наверняка дело пошло бы веселее. Только Васька был бы его союзником и верным помощником, не то что это гомеопатическое хамло, рваный горчичник...

— Вот что, Артем. Возвращайся к себе и составь пару бумажонок. Во-первых, все, что касается твоего вчерашнего посещения пациентки и встречи с покойным. Во-вторых, все, что касается освидетельствования трупа. Жду твоих отчетов сегодня в полдень.

— Именно в полдень?

— Именно. Точность в цифрах дисциплинирует.

— Вам виднее.

— Все, больше я тебя не задерживаю. Народ-то уже, поди, пронюхал о происшествии?

— Не без этого, — заметил Артем, — но особого наплыва

любопытных пока нет. Рановато.

— Еще и эти неприятности. Могу представить, какой наплыв здесь будет днем и какое на всех это произведет впечатление... — в сердцах заметил Звягинцев. — И следственная группа неизвестно когда будет. А тут сам корячься... Ох-хо, грехи мои тяжкие...

— Да, Пал Палыч, это точно. Тем более в вашем возрасте.

Должно быть, о печи думаете, а не о таких приключениях...

— Ладно-ладно, не хаами!

Артем раздвинул губы в улыбке:

— Ладно, сострогаю все к двенадцати, если это вас утешит.

— Утешит.

...Уже на выходе Артем столкнулся со спасателями, которые маячили в дверном проеме. Их было трое — Влад, Иона и Юрий Серянов. И — в который раз — Звягинцев остро ощутил нехватку своего ситного дружочка Васьки Сикачинского.

Все трое не отрывали взгляда от тела, лежащего на полу.

Они разглядывали его так бесцеремонно, что Звягинцев ощутил жгучее желание прикрыть его пледом от посторонних глаз. Такая реакция спасателей была более чем странной: по роду деятельности они имели дело с умершими от травм и замерзшими насмерть людьми. Но чуть позже Звягинцев понял природу этого сурового любопытства: смерть Шмаринова была для них смертью в тепле, совершенно необязательной, а потому — бессмысленной. Этого человека убили не горы, а другой человек. Вот что было самым главным.

— Фотографа вызывали? — хмуро спросил Иона.

— Одного. Одного, а не троих, — так же хмуро ответил Звягинцев. — Мне здесь паломники не нужны. Здесь вам не Мекка.

И все-таки они молча протиснулись в комнату — все втроем. Протиснулись и сгрудились над телом.

Первые ласточки из obsługi, с тоской подумал Звягинцев.

А чуть позже слетится и вся стая — от пеликанов-охранников до колибри-горничных.

— Что нужно делать? — деловито спросил у Звягинцева Иона. Из всех троих он один сохранял видимость олимпийского спокойствия.

— Для начала сфотографируешь труп. В каких ракурсах, я скажу. Потом — орудие преступления.

— Уже нашлось? — не выдержав, спросил Юрий Серянов.

— И не пропадало.

— Только один труп? — Влад внимательно осмотрел комнату.

— А ты хотел, чтобы здесь была армянская резня 1915 года? — парировал Звягинцев.

— А где девушка?

— Какая девушка? — насторожился Звягинцев. — Вы знакомы с женой покойного?

— Мы все знакомы, — заступился за Влада Иона. — Больше того, они в какой-то мере мои родственники. Покойный и его жена...

— Знаю. Что дальше?

— Девушка-то жива? — никак не мог унять себя Влад.

— Жива.

— Понятно...

— Что у тебя за фотоаппарат? — спросил Звягинцев у Ионы.

— Профессиональный, — Иона вытащил из сумки «Никон». — Так что все будет в лучшем виде...

— Ну, о лучшем виде здесь говорить не приходится, — меланхолично заметил Юрий Серянов. — Вон как его почикали, даже ковер промок...

— Без комментариев, пожалуйста, — поморщился Звягинцев. — Значит, так. Иона: сделаешь максимальное количество снимков...

— Максимальное — это какое?

— Максимальное — это максимальное. Сколько у тебя кадров в пленке?

— Чистых — десять.

— Вот десять и сделаешь.

Последующие пятнадцать минут Иона занимался фотографированием и даже проявил к этому творческий подход: из угла к трупу была перенесена напольная лампа, а со стены в ванной было снято бра. После того как Иона отснял мертвого Шмарина, наступила очередь ножа.

— Это и есть орудие преступления? — спросил не в меру любопытный Юрий Серянов с завистью в голосе. — Отличная игрушка. Рукоятка костяная, да?

— Не знаю. Установим позже.

— Действительно, хорошая вещь, — поддержал Юрика Влад. — Редкая. Таких ножей — раз, два и обчелся. Если он вообще куплен не за границей. А может, и за границей. Скорее всего в Кисуму... Похоже, что так.

Такая категоричность удивила Звягинцева. Равно как и , название, которое произнес Влад.

— Это еще что за Кисуму?

— Город в Кении, — снисходительно сказал спасатель. — Там как раз

изготавливают такие ножи. Или примерно такие.

Из рогов ориксов.

— Из чего? — почтительно переспросил Звягинцев.

— Орикс — это антилопа. И из их рогов делают такие рукоятки. Там целый промысел, в Кисуму.

— Откуда у тебя такие познания, Влад?

— Здесь у нас один мужик катался. Так вот, у него был почти такой нож, рисунок, конечно, другой, но материал и форма лезвия — все совпадает. Этот парень и рассказал мне о Кисуму. Он профессиональный охотник и несколько раз был на сафари в Кении.

— Ну, спасибо за информацию, Влад.

— Да не за что.

— Когда ты проявишь фотографии? — снова обратился Звягинцев к Ионе.

— А когда нужно?

— Чем раньше, тем лучше.

— Ну, тогда сегодня.

— Отлично. Ну все, друзья мои, больше я вас не задерживаю...

— А девушка? — спросил Влад, видимо, ему не давала покоя судьба его соратницы по кегельбану.

— Она сейчас в изоляторе.

— Предварительного следствия? — взволновался Юрик. — Ее что, подозревают? Она же вчера...

— У доктора в изоляторе. Но навещать ее не рекомендую.

— А родственникам сообщили? — спросил Иона. — Ольге, Марку? Все-таки это ее отец...

— Не нужно проявлять инициативы, — Звягинцев нахмурился. — Я сам им сообщу. И до моего визита прошу их не беспокоить. Дело очень серьезное, как вы сами видите. Поменьше болтайте, и так все через задницу идет. А теперь еще снег... И перевалы закрыты. Как думаете, профессионалы, насколько вся эта бодяга затянется?

— Ну дня на два как минимум, — уверенно сказал Юрик.

— Это точно, — Звягинцев сморщился, как от зубной боли: сидеть двое суток с трупом на руках, прекрасно понимая, что каждый час отодвигает от него истину, затягивает ее прочной узкой пленкой... Единственное, что утешало Звягинцева, это то, что нынешний не ко времени подоспевший буран — обоюдоострое оружие. И убийца никуда не денется с базы.

Все это время он будет здесь.

Он и сейчас здесь.

От осознания этого Звягинцев почувствовал легкое покалывание в пальцах.

— Можно вопрос, шеф? — неожиданно спросил Влад.

— Валяй, — промямлил сосредоточенный на своих мыслях Звягинцев.

— Можно нескромный?

— Валяй нескромный.

— Вот я за вами наблюдаю... Почему вы все время чешете яйца?

— Что? — Двухдневная седая щетина Звягинцева, клочьями растущая на поросячьих щеках, покрылась легким румянцем.

— Ну, не чешете... Почесываете. Это как-то выглядит...

Даже откровенное хамло Иона никогда не доставал его так, как сейчас достал скрытое хамло Влад. А впрочем, ты сам виноват. Пал Палыч: будь осторожен, следи за собой! Не хватало еще, чтобы при ответственном моменте опроса свидетелей ты запускал руки в пах и шокировал юных дам.

— Ничего я не чешу. И не почесываю. Я просто максимально сосредоточен на обстоятельствах дела. А вы бы шли отсюда, ей-богу!..

— Ага, значит, это означает максимальную сосредоточенность. — Влад провел очередной удар. — Что-то вроде трубки Мегрэ. Теперь понятно.

— Пошли, пошли отсюда.

Влад осклабился, а Юрий подмигнул Пал Палычу: держись, старина, мы на твоей стороне. Весь этот бессмысленный разговор, да еще на фоне лежащего на полу трупа, начинал сильно действовать на нервы Звягинцеву.

Он почти в шею вытолкнул спасателей, еще раз посоветовав напоследок держать язык за зубами: это в ваших же интересах, ребята. В ваших и «Розы ветров». Такой прискорбный факт, как убийство, нужно нести достойно, как нес свой крест Иисус Христос.

Влад и Юрий вышли из номера. И только Иона задержался. Он все еще не мог оторвать взгляда от лица мертвого Шмаринова. Иона рассматривал его так внимательно, что даже Звягинцев разволновался.

— Ну что ты на него пялишься? Никогда не видел мертвых?

— Нет, не в этом дело. Это ведь ее отец.

— Да. Прискорбно.

— А она обещала познакомить меня с ним. Представить в качестве брата мужа. Не успела.

— Да. Прискорбно, — снова повторил Звягинцев.

— Я сделаю фотографии, шеф.

— Надеюсь.

...Оставшись один, Звягинцев приступил к заключительной части операции. Взяв в бильярдной кусок мела, он очертил контуры лежащего на ковре Шмаринова. Дверь была оклеена скотчем, позаимствованным у Ивана, а тело покойного бизнесмена было временно перенесено в одну из пустых морозильных камер при ресторане. Звягинцев понимал неудобства такого шага, но и оставить Шмаринова в теплом номере в самом сердце отеля не мог: неизвестно, когда прибудет опергруппа. Юрик, знавший толк в метеорологии и особенностях здешнего климата, отпустил бурану два дня. Но нет никакой гарантии, что он не продлится дольше.

Закончив работу в номере, Звягинцев, грузенный пакетами с вещдоками, вернулся к себе.

Дрянная история.

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день.

Возня с трупом и всем тем, что окружало труп, вымотала его. Эти американские гонки не для его изъеденных ревматизмом старых костей. Эти американские гонки — удел молодых умных следователей с компьютерами и электронной начинкой криминалистических лабораторий. Как бы то ни было, все, зависящее от него, он сделал.

Или почти все.

Остается допросить свидетелей, принять напечатанные снимки от Ионы и бумагу от доктора. Родственники тоже должны дать письменные показания.

Родственники.

С этими родственниками здесь уже творились всякие чудеса. Похоже, вся эта семейка доставила «Розе ветров» гораздо больше хлопот и неприятностей, чем все жертвы схода лавин.

Доставила и еще доставит.

А сейчас Звягинцеву предстоит самое неприятное: нужно идти к его дочери и сообщать о смерти любимого отца. Молодая дочь — не то, что молодая жена. Другого отца у нее не будет. Звягинцев так расстроился по этому поводу, что решил даже побриться.

Это был самоотверженный шаг.

Его старая, уже давно выработавшая свой ресурс электробритва «Бердск» немилосердно драла кожу и вполне могла занять достойное место в каком-нибудь частном музейчике «Орудия пыток святой инквизиции». Процедура бритья обычно занимала двадцать минут, но сегодня на нее ушло полчаса:

Звягинцев все время отвлекался на произошедшее ночью убийство.

И чем больше он думал о нем, тем больше оно ему не нравилось. Ему

не нравилась Инка, проспавшая сам акт трагедии; ему не нравился сам Шмаринов, унесший в небытие тайну своей гибели. Ему не нравились три бокала на столике.

Коньяк «Наполеон» ему тоже не понравился, но это был вопрос вкуса.

История выглядела скверно хотя бы потому, что раскрыть убийство по горячим следам не удастся: чертов буран спутал все карты. А убийца будет спокойненько ждать, когда снег перестанет идти и перевалы очистятся. Впрочем, слово «спокойненько» к нему неприменимо — Шмаринова он кромсал с завидным остервенением.

Кое-как побрившись и повязав галстук, купленный в Гостином дворе на Невском пятнадцать лет назад, Звягинцев отправился в коттедж к Красинским. Человек, приносящий плохие вести, должен хотя бы выглядеть хорошо. Перед тем, как закрыть дверь, Звягинцев прихватил с собой пакет с ножом: мало ли, может быть, кто-то из родственников видел этот нож раньше...

Кстати, о ноже нужно спросить и Инессу.

Да, именно так. Не забыть спросить об этом Инессу, молодую вдову.

* * *

Дорога в коттедж заняла больше времени, чем рассчитывал Звягинцев.

Во-первых, ему пришлось пробиваться через снежные завалы и отплеиваться от набивающегося в рот снега. Во-вторых, нести свою стосорокакилограммовую тушу по сугробам было утомительно. И в-третьих — люди.

Обслуживающий персонал «Розы ветров», готовый растерзать его расспросами. На лицах obsługi читался жгучий испуг и такое же жгучее любопытство. Убийство в фешенебельном отеле было событием из рук вон, оно могло серьезно навредить репутации, о чем у Звягинцева уже был короткий, но достаточно жесткий разговор в администрации. Никаких утечек, нужно по возможности успокоить людей и дождаться приезда оперативников.

Звягинцев кивал шляпой и во всем соглашался с администрацией: никаких утечек — конечно; все должно быть максимально сдержанно — так точно; людей нужно опрашивать (опрашивать, а не допрашивать!) осторожно — будет сделано; и по возможности аккуратненько спихнуть всю вину на самого погибшего — не извольте беспокоиться; не обсуждать

эти темы с курортниками — яволь!..

После получения ЦУ Звягинцев вышел из крыла администрации, как из парилки, и в очередной раз пожалел, что вовремя не взял отпуск.

А теперь он продирался сквозь сугробы, и в его измученном теле росла непонятная ненависть к самому Шмаринову, поставившему всех в такое неудобное положение.

...Дверь в коттедж долго не открывали.

Должно быть, спят еще, подумал Звягинцев, а зря: поздняя птичка глаза открывает, а ранняя — носок прочищает. Наконец он услышал за дверью подозрительную возню.

— Откройте! — откашлявшись, потребовал Звягинцев.

— Собственно, мы еще спим, — послышался за дверью голос Марка.

Кто бы сомневался! Конечно, спите, бедняги.

— Кто это? — уточнил Марк.

— Это Звягинцев.

— Что случилось, Пал Палыч?

— Я могу поговорить с вами?

— Да, конечно.

Марк лязгнул ключом, дверь открылась, и он вышел на крыльцо: заспанный, со всклокоченными волосами и почему-то мокрым лицом. Эта полусонная неухоженность странно молодила его, он выглядел совсем мальчишкой, никак не старше двадцати восьми (на самом деле Марку было тридцать пять). Звягинцев посмотрел на Марка с состраданием:

— Боюсь, у меня для вас не очень хорошие новости. Постарайтесь подготовить жену.

— Что? О чем вы говорите? К чему я должен ее готовить?

— Мы нашли тело вашего тестя. Он убит, Марк...

Лицо Марка побледнело, а нижняя губа беспомощно отвисла.

— Что? Что вы сказали? Как это — «убит»?

— Зарезан ножом. В своем собственном номере. — «Что же я говорю, старый дурак! Никакого такта, никакой деликатности!»

— Как это — убит? — Марк неожиданно повысил голос и сорвался на фальцет. — Вы что-то путаете, мы расстались с ним в четыре, и он был абсолютно здоров.

— Возможно, вы были последним, кто видел его в живых.

Шмаринов убит между четырьмя и шестью часами утра.

— Нет!

— Возьмите себя в руки, Марк! — жестко сказал Звягинцев. Крепкий парень, и нечего с ним миндальничать.

— Нет... — сказал он уже тише.

— Вы позволите пройти в дом, или так и будем стоять на морозе?

— Да, конечно.

Опешивший от таких утренних новостей, Марк пропустил Звягинцева в дом. Что-то не похоже, чтобы семейная чета спала в тепле, холе и неге: окно открыто почти настежь, на ковре — темные потеки уже успевшего растаять снега.

Ольги в комнате не было.

— А где жена? — шепотом спросил Звягинцев.

— В ванной, — почему-то смутился Марк.

— Вы же сказали, что вы спите.

— Ну... Я имел в виду себя. Ольга, очевидно, вышла принять душ.

Некоторое время они сидели молча, поочередно поглядывая на дверь. Но Ольга, судя по всему, выходить пока не собиралась.

— Как это произошло? — спросил наконец-то Марк. Первый шок прошел, и теперь он уже взял себя в руки. И взял довольно удачно.

Звягинцев пересказал историю, рассказанную Инессой.

И все события сегодняшнего утра в хронологическом порядке. Его рассказ не отличался красотой и стройностью и к тому же грешил душноватым стилем милицейских протоколов. Иногда Марка коробило от некоторых словосочетаний Звягинцева, но на это Пал Палычу было совершенно начихать.

Его беспокоила какая-то смутная, еще не до конца оформившаяся мысль.

Что-то в поведении Марка показалось ему странным. Что-то такое он сказал... Или, наоборот, не сказал?

Рассказ Звягинцева уже подходил к концу, когда он наконец-то ухватил за хвост мысль, терзавшую его.

Когда Марк узнал об убийстве Шмаринова, он даже не спросил о его жене.

Он и словом о ней не обмолвился, хотя это было совершенно естественно: поинтересоваться судьбой несчастной, прикованной к постели женщины. Если уж обладающий недюжинной силой Шмаринов был убит, да еще в своем номере, в котором находилась и Инесса, то спросить о ней было самым естественным продолжением темы.

Марк не мог не знать, что Инесса лежит в номере мужа, что никуда она деться не может, и в любом случае она — самый нежелательный свидетель из всех возможных. Если убили мужа, то почему пощадили жену? Этот вопрос напрашивался сам собой, но Марк его не задал.

Почему он не задал его?

Звягинцев внимательно взгляделся в сосредоточенное лицо Марка: толковый парень, с жесткой складкой у рта, наверняка сам себя сделал, если занимает такой пост. И очень неглупый.

Очень неглупый, если принять во внимание те вопросы, которыми он сразу же начал мучить Звягинцева. Впрочем, Звягинцев сам шел на этот разговор, ему была интересна логика Марка. Молодой человек неплохо знал убитого и вполне мог быть ему полезен.

Выслушав долгий монолог Пал Палыча со всеми утомительными подробностями, Марк долго молчал. А потом поднял на Звягинцева похолодевшие и готовые к прыжку глаза.

— Значит, следственная группа еще не прибыла на место происшествия?

— Нет. И в ближайшие дни вряд ли появится. Вы же видите, что творится с погодой.

— Вижу, — Марк поднялся с кресла, подошел к окну и закрыл его, чуть задержавшись у рамы: присев на корточки, он стряхивал снег с узенького подоконника вниз.

Интересно, зачем он это делает, с неприязнью подумал Звягинцев, аккуратист чертов, наверняка у него в роду были какие-нибудь швабы из Северной Рейн-Вестфалии с их надраенными цветочными горшками и утомительно чистыми кальсонами.

— Это печально. — Марк отошел от окна и снова сел в кресло.

— В каком плане?

— В том плане, что еще несколько дней убийца пробудет на свободе, я так понимаю. Из «Розы ветров» он выехать не может. По той же причине, по которой сюда не могут подняться оперативники.

«В этих построениях мы с тобой совпали, парень».

— И теперь следствие представляете вы.

— Да, я, — Звягинцев нагнул голову в ироническом полупоклоне.

— И какие же версии у следствия?

— С версиями как раз главная проблема. Я еще не опрашивал свидетелей...

— А что, были свидетели?

— Ну кто-то же видел Шмаринова в гостинице. И потом, если вы были с ним в баре, кто-то мог наблюдать, как он входил и выходил. Вы были вдвоем?

— Сначала втроем.

— Ваша жена.

— Да. Я, Ольга и ее отец. Потом Ольга ушла. Она выпила лишнего, ей было неудобно перед отцом.

— А вы? Вы даже не проводили жену, тем более что она выпила лишнего?

Марк смутился.

— Видите ли... Я сейчас занимаюсь одной сделкой для нашей компании. И мне нужно было срочно обсудить с Игорем Анатольевичем кое-какие детали. Тем более Ольга попросила ее не провожать. Ей надо было остаться одной.

— Почему?

— Ну откуда же я знаю — почему. Иногда надо проявлять тактичность в отношениях.

— — Хорошо. Значит, Ольга ушла... В котором часу она ушла?

— Я не помню. Что-то около двух.

— Кстати, о вашей жене. Что-то долго она моется, вам не кажется?

— Она любит принимать ванну. — Марк скосил глаз на Звягинцева: если ты, старый, не очень хорошо пахнущий козел в засаленном галстукке, не так часто моешься, то это не значит, что твоему примеру должны следовать все остальные.

— Ну хорошо. У меня еще будет время с ней поговорить.

Об отце вы должны сказать ей сами.

— Конечно.

— Продолжим. Вы расстались...

— Что-то около четырех часов. Я проводил его до холла отеля... Нас вид ел портье.

— Не сомневаюсь, — не преминул отыгаться Звягинцев. — Намекаете на алиби, Марк?

— Напекаю. У вас же нет никаких версий, и вы можете выстроить любую. Я бы не хотел оказаться в центре этого строительства.

— Понятно.

— Мы расстались с ним около четырех, и я вернулся к себе.

— Ваша жена была дома?

— Конечно. Она спала. Света я не включал, чтобы ее не потревожить.

— Похвальная забота.

— Уснул сразу, как в омут провалился. Слегка перепил, знаете. Я вообще-то не пью.

«Твой наглый братец Иона тоже не пьет, так что, похоже, это у вас семейное».

— А что предпочитаете?

— Обычно коньяк. В небольших дозах он неплохо влияет на деловые переговоры.

— «Наполеон», да? — спросил Звягинцев и тотчас же почувствовал во рту клопный привкус: никогда больше он и в рот не возьмет этот хренов «Наполеон». Водка и пиво куда более бесхитростны. И поднимают настроение. И никакой изжоги.

— Почему — «Наполеон»? — удивился Марк.

— В номере у Шмариновых на столике стоял «Наполеон».

И три бокала.

— А-а... — Марк снисходительно посмотрел на Звягинцева. — Это мы вечером пригубили. Я, Игорь и Ольга. За встречу. За его фантастический полет сюда, в «Розу ветров», за то, чтобы Инка быстрее поднялась на ноги.

— А сама Инесса?

— А что — Инесса? Она не пила. Ваш доктор весь день пичкал ее болеутоляющими уколами и сказал, что спиртное ей категорически запрещено.

Так. Значит, бокалы в бумажных пакетах отпадают. Одной головной болью меньше.

— Значит, вы сами и пили.

— Баловались, мой дорогой Шерлок Холмс. Баловались.

Никто из нас не злоупотребляет спиртным.

— Как вы думаете... Кто бы мог совершить это?

— Вы у меня спрашиваете?

— Ну... Вы же хорошо знали.., покойного.

— Послушайте, Пал Палыч, вы кто по званию?

Далось им это звание! Совсем недавно его спрашивала об этом Запесоцкая, а теперь еще и этот котяра...

— Я в отставке, — традиционно уклонился от ответа Звягинцев.

— Понятно. — На лице Марка возникло выражение снисходительной жалости. — Вы всю жизнь провели в этой дыре?

Пардон, на этом замечательном курорте?

— Зачем же! — Звягинцев даже оскорбился. — Здесь я два года, с тех пор как ушел... В отставку...

— А сами откуда?

— Из Питера.

— Хороший город. У нас там дочерняя компания... Но дело не в этом. Если жили в мегаполисе — должны иметь представление о том, что такое нефтяной бизнес.

— А что такое нефтяной бизнес?

— Постоянный передел собственности и сфер влияния, постоянные заказные убийства. Я понятно выражаюсь?

— Чего уж тут не понять...

— Любой предприниматель, занимающийся нефтью, — это потенциальный смертник. И у каждого, связанного с этим бизнесом, стоит в прихожей могильная плита.

— У вас тоже?

— Пал Палыч! Это же образно говоря. — Марк даже покраснел от неловкости за простака Звягинцева.

— Понятно. Метафора. — Звягинцев решил сгладить впечатление.

— Гипербола. В смысле — преувеличение. Но суть тем не менее остается. Конечно, у Шмаринова были враги. У нас были враги. И очень серьезные...

— И вы отправились на российский курорт, даже не прихватив телохранителей? Не слишком ли легкомысленно с вашей стороны?

— Я же сказал — «были». Были враги. Сейчас поле битвы относительно спокойно. Крупный тендер, за который можно было бы получить не только приличные деньги, но и пулю в голову, мы не получили. И потом гораздо проще убрать конкурента в Москве, чем тащиться за ним на курорт, причем не в самую подходящую погоду...

Марк рассуждал довольно здраво, Звягинцев даже невольно залюбовался им: ничего не скажешь, настоящий аналитик, в его отделении Красинский наверняка сделал бы карьеру, и его бы забрали — сначала в городское управление, а потом и в областное. И, глядишь, годам к сорока он дослужился бы до полковника.

Только одно смущало Звягинцева: первый, чисто эмоциональный шок, вызванный известием о смерти тестя, прошел, и теперь Марк был спокоен. Абсолютно спокоен. Как будто бы речь шла не об убийстве близкого родственника, а о смерти от чумки престарелой соседской болонки. Хотя кто знает, какими были отношения тестя и зятя. Может быть, они терпеть друг друга не могли и плевали друг другу в коньяк «Наполеон», стоило только кому-нибудь отвернуться.

— Наверное, вы правы, Марк. Но ведь я и не утверждаю, что это заказное убийство. Это вообще не похоже на заказное убийство. Я говорил уже — много беспорядочно нанесенных ножевых ранений. Насколько я знаю, нож не самое распространенное оружие среди киллеров.

— Вы правы.

— Да. Очень странное убийство. Во всяком случае на первый взгляд.

— А летчик? — неожиданно спросил Марк. — Вы говорили с летчиком, который доставил его сюда?

— Нет. Пока нет. А при чем здесь летчик?

— Видите ли... Для того чтобы в буран добраться до «Розы ветров», Игорю... Игорю Анатольевичу пришлось выложить немалые деньги наличными.

— Немалые?

— Хорошо. Он заплатил пять тысяч долларов. Пять тысяч долларов за один рейс. Вы представляете себе эту сумму?

— Смутно, — честно признался Звягинцев.

— Может быть, такие деньги вскружили голову этому летчику? Может быть, он подумал, что человек, который может так легко расстаться с пятью кусками «зеленых», везет с собой гораздо большую сумму?

— Увы, — развел руками Звягинцев.

— Что — «увы»?

— Я осмотрел вещи покойного. Собственно, вещей немного, небольшая дорожная сумка.

— И что?

— Все деньги на месте. Тысяча восемьсот пятьдесят пять долларов, некоторая сумма в рублях и кредитные карточки.

Ничего не тронуто. На ограбление это похоже мало.

— Да. Согласен с вами.

Некоторое время они молчали, а потом Звягинцев полез в карман и извлек оттуда бумажный пакет с ножом.

— Хочу кое-что вам показать, Марк. Освободите, пожалуйста, стол.

Не говоря ни слова, Марк отодвинул «ноутбук» и с любопытством уставился на Звягинцева.

— Ну, что там у вас?

Звягинцев (опять при помощи своего платка) вытащил из пакета нож и аккуратно положил его на матовую поверхность стола. Наконец-то на лице Марка произошли тектонические подвижки: брови сошлись на переносице, уголки губ опустились, а на скулы взошел легкий румянец. Он не отрываясь смотрел на сцену охоты на животное, всю измазанную человеческой кровью.

Несколько минут они молчали. Затем Марк обернулся к Звягинцеву и спросил, дернув кадыком:

— Его убили этим ножом?

— Да. Вам он знаком?

— Ну конечно. Эта вещь принадлежит Игорю... Принадлежала. Да.

Это его нож, спутать невозможно. Очень редкая работа.

— Откуда он у него?

— Ну... Несколько лет назад они с женой ездили в Кению.

Да, ровно два года назад, в начале марта. Игорь привез этот нож оттуда.

— Скажите, Марк, — Звягинцев снова почувствовал творческий зуд в паху, — он всегда брал этот нож с собой?

— Не знаю. Думаю, что нет. Я видел этот нож у него дома, у Игоря целая коллекция охотничьих ножей. Но этот — самый любимый. Кажется, он даже имеет имя.

— Имя? — удивился Звягинцев.

— Погодите, дайте вспомнить... Ну да! Нгаи.

— Это еще что за аббревиатура?

— Игорь рассказывал нам: Нгаи — племенной бог войны у кенийских масаев, божество неба. Игорь так и назвал его:

Нгаи — у Нгаи просят удачи в военном походе.

— Значит, удачи?

Марк посмотрел на окровавленный нож и жалко улыбнулся: какая уж тут удача!

— Кенийские масаи, понятно. — Звягинцев моментально вспомнил, что говорил ему о ноже Влад. Кто бы мог подумать, что угрюмый спасатель окажется таким полиглотом! — Шмаринов во время этого своего кенийского вояжа случайно не был в Кисуму?

— Да. Именно этот город он упоминал, — впервые с момента начала разговора в голосе Марка прозвучало почтение. — Кажется, там он и купил нож. А вы откуда знаете?

— Ну, мы тоже не лыком шиты. — «И лыко оказалось в строку», — добавил про себя Звягинцев. Он даже вспотел от удовольствия: знай наших, парнишка! Эх, Влад, дай бог тебе здоровья, даже вездесущий Васька помог бы меньше...

— Похоже, я вас недооценил, — откровенно признался Марк.

Удовольствие Звягинцева достигло высшей точки, и пот заструился градом. Чтобы хоть как-то унять его, Звягинцев промокнул физиономию тем же грязным носовым платком, при помощи которого извлек нож из пакета.

— Значит, Шмаринов назвал свой нож в честь бога удачи...

— В честь бога войны, — ненавязчиво поправил Марк.

— Разницы нет. В честь бога войны, который приносит удачу. А Шмаринову нужна была удача в делах.

— Полагаю, что так.

— Мог этот нож быть талисманом, как вы думаете, Марк?

Талисманом или амулетом?

— Мне трудно сказать.

— Дело в том, Марк... Я внимательно осмотрел его вещи.

Кроме денег, кредиток и папки с документами — ничего. Ни бритвы, ни носового платка, ни полотенца, ни даже зубной щетки. Если он не взял всего этого, самого необходимого с точки зрения любого здравомыслящего человека, то почему он взял нож? Вещь совершенно необязательную.

— Я не знаю.

— Он мог взять нож только в одном случае, — Звягинцев назидательно поднял вверх толстый палец, — только в одном. Если действительно считал его талисманом. И случай подходящий: полная неизвестность с женой. И эта неизвестность способна свести его с ума. Ведь он обожал свою жену, правда?

— Обожал не то слово, — лицо Марка помрачнело, — он жить без нее не мог.

— Вот видите! Вряд ли он вытаскивал его из сумки по приезде, вы как думаете?

— Не знаю. Я, во всяком случае, его не видел.

— Так как получилось, что именно этот нож — его собственный нож, который лежал в сумке, — использовали в качестве орудия убийства?

— Вы у меня спрашиваете?

— Да.

— Я уже сказал вам. Я не знаю. — По лицу Марка пробежала тень. «Что-то ты стал волноваться, парень», — неожиданно для себя подумал Звягинцев.

— Для того, чтобы им воспользоваться, его нужно было вытащить. Или хотя бы знать, что он там! Судя по всему, нападение произошло неожиданно, и борьба велась подручными средствами. — Звягинцев перехватил взгляд Марка и тотчас же вытащил руку из паха. — Я бы хотел переговорить с вашей женой.

— Зачем? — быстро спросил Марк.

— Как зачем? Ее отец убит, а она даже не знает об этом.

— Я сам скажу ей. — Марк даже поднялся и нервно заходил по комнате. — Сам. Когда вы уйдете. Потом мы придем к вам. Я обещаю. Вы правы — я должен подготовить ее. Вы даже представить себе не можете, что он для нее значил.

Марк снова переключился на нож. Он внимательно ощупал его

глазами, и зрачки его забуксовали на рукоятке.

— Так когда, вы говорите, придет опергруппа?

— Как только все образуется с погодой.

— Похоже, что этот нож — ваша единственная улика.

— Не единственная, но самая весомая.

— Понятно... Наверняка на нем остались отпечатки пальцев.

— Не знаю. Об этом судить специалистам.

— А вы, стало быть, не специалист? — Марк растянул губы в иронической улыбке.

— Не такого широкого профиля, — еще ироничнее улыбнулся Звягинцев и перевел тему:

— Отец Ольги ведь женился на ее подруге, да?

— Да, — нехотя сказал Марк.

— Вопрос, конечно, щепетильный... Но в каких отношениях они были?

— На что вы намекаете? Они были в прекрасных отношениях, — Марк даже повысил голос.

— Верю. — В голове Звягинцева вдруг забрезжил неясный свет; какая-то смутная догадка показывала ему язык издалека. Но их природу — и света, и загадки, — он понять не мог.

— Они близкие подруги, еще со школы. Просто так получилось. Конечно, Ольге сначала было несколько неловко, но потом она смирилась с обстоятельствами.

— Смирилась или приняла как данность?

— Смирилась, приняла как данность — какое это имеет значение?

— Вы правы, никакого.

Они на некоторое время замолчали, разглядывая друг друга, как борцы сумо перед схваткой. И в полной тишине раздался звук поворачиваемого ключа: дверь в ванную приоткрылась. Марк, до этого сидевший в своем кресле совершенно спокойно и даже вальяжно, моментально вскочил с места, как будто подброшенный катапультой. Один гигантский прыжок — и он уже оказался у двери, ведущей в ванную. И спустя секунду скрылся за ней.

Звягинцев, проклиная все на свете — и прежде всего самого себя, — мелкой рысцей протрусил следом за Марком и приложил к двери мохнатое ухо. Вот, в бога душу мать, чем приходится заниматься на старости лет!

Старания Звягинцева оказались почти напрасными: скорее всего предусмотрительный, знающий человеческую психологию (а иначе тебе никогда не добиться поста коммерческого директора, парень!) Марк

вывернул в ванной все краны, и до Звягинцева вначале доносился только шум воды. Но, приноровившись, он смог услышать обрывки разговора между супругами.

— Кто там, Марк? — Голос Ольги был жалобным и совершенно бесцветным.

— Это ко мне, кара. Маленький утренний визит.

— От папы? По поводу сегодняшнего отлета?

— Да.

— Может быть, мне нужно выйти, поздороваться?

— Господи, это совсем не обязательно. Тем более что человек уже уходит...

— Мы летим сегодня?

— Пока неизвестно... Я должен что-то сказать тебе, кара...

Не сейчас, потом...

— Марк... Марк, мне кажется, я не могу отмыться... Я стояла под душем целый час... Я не знаю, не знаю, откуда это, Марк...

— Не переживай, мы все решим, кара. Я прошу тебя... Сейчас я выйду, а ты побудь здесь...

— Но почему?

— Так надо... Ты веришь мне?

— Конечно же, милый... Я только не могу понять... Эти пятна...

Конец фразы Звягинцев не расслышал: Марк вывернул краны до упора.

Звягинцев едва успел угнездиться в кресле, когда дверь открылась и на пороге ванной возник Марк: он тотчас же прикрыл за собой дверь, как будто захлопнул мышеловку.

— Что-то с женой? — участливо спросил Звягинцев.

— Неважно себя чувствует. Я же говорил: вчера она перепила.

— Вы сказали ей?

— Нет. Пока нет. Я не могу при посторонних. Я скажу, но без свидетелей.

Надменно вздернутый подбородок Марка недвусмысленно намекал Звягинцеву: «Вот тебе бог, а вот порог!» Пора и честь знать. Пал Палыч.

— Ладно. Я пойду, — сжалился наконец-то над Марковым подбородком Звягинцев. — Желаю вам мужества.

— Да. Мне оно пригодится.

— Когда... Когда все выяснится... Я попрошу вас зайти ко мне в центральный корпус отеля. Административное крыло, комната тринадцать. Я должен буду получить письменные показания. Это, конечно,

формальность...

— Я понимаю.

— Ну, не буду вас задерживать. Кстати, если вас интересует судьба вашей..., м-м..., тещи... Инессы Шмариновой, то она жива. Странно, что вы об этом не спросили.

Лицо Марка исказилось, и по нему пробежала тень.

«Сильно же ты ее не любишь», — подумал Звягинцев и, грузно поднявшись, двинулся к двери. Марк даже не соизволил проводить его.

...Оказавшись на улице, Звягинцев вздохнул и нахлобучил шляпу на самые глаза.

Поход к Красинским можно было считать удачным, если бы... Если бы не смутное чувство беспокойства, которое испытал Звягинцев. В его обстоятельном разговоре с Марком все равно чувствовалась какая-то недоговоренность, какое-то двойное дно. И от самого дома, и от комнаты, в которой они сидели, и даже от струй воды за дверью ванной исходил запах тревоги, как будто и вещи, и люди в этом доме вели двойную игру и были двойными агентами.

Почему он все-таки сам не спросил об Инессе? "

Почему?

А что, если ее тоже убили... То есть ясно, что она жива, иначе разговор бы шел о двух трупах, а не об одном... Но почему он не спросил о ней с самого начала, пакостный интеллектуал, пакостный аналитик, с холеной белесой швабской мордой?

Опять шваб... При чем здесь шваб? Кажется, он уже думал о немцах в этом доме. Но в каком контексте? Звягинцев прикрыл глаза и выдернул из памяти нужное место недавнего разговора с Марком. Ага, Марк подошел к окну и стряхнул снег с узенького подоконника вниз. Зачем он это сделал — ведь сметать снег вниз во время снегопада бессмысленно. Или он сделал это машинально, из любви к порядку? Точно, именно в этом месте он, Звягинцев, и подумал о немецкой аккуратности.

Человек стряхнул снег, ничего особенного, но все-таки!

Нале-направо, скомандовал Звягинцеву сидящий в нем генерал-майор, не так давно пониженный в должности до участкового инспектора, шагом марш за дом!

Звягинцев вздохнул, но подчинился.

Он сделал огромный крюк, чтобы, не дай бог, его тушу не засек сам Марк: меньше всего Звягинцеву хотелось светиться. Проваливаясь по колени в рыхлый снег и костеря генерал-майора на чем свет стоит, он все-таки добрался до коттеджа Марка и зашел к нему в тыл. Вот и то самое

окно, которое так ненавязчиво прикрыл Марк.

Звягинцев упал на брюхо и пополз, причитая про себя:

«Что же я делаю, в бога душу мать, все питерское отделение подняло бы меня на смех!..» Но, оказавшись у стены, он понял, что совершил этот вояж не напрасно. Такой удачи и ожидать было нельзя. Небольшой жестяной желоб внизу и козырек над окном вверху сделали свое дело: снег, сброшенный Марком с подоконника, упал в небольшую ложбинку, до которой так и не смогла добраться метель. И Звягинцев явственно увидел на этом сброшенном снегу пятна крови.

Как будто кто-то вытирал испачканные руки о снег...

Находка ошеломила Звягинцева. Сучьи эксперты, вот кто пригодился бы сейчас Пал Палычу больше всего! Сучьи эксперты, которые, не говоря ни слова, взяли бы этот кровавый снег на анализ. Смутные догадки, посетившие Звягинцева в коттедже, вдруг начали выстраиваться в ясную и четкую картину.

Сучьи эксперты, где же вы, в бога душу мать!

Звягинцев едва не выругался вслух, но тотчас же прикрыл рот рукой: не хватало только привлечь внимание Красинского. Несколько минут, сидя в снегу и тяжело дыша, он размышлял над пятнами крови. Если бы была пробирка... Или хотя бы банка из-под пива... Почему он не взял пиво?.. Тогда можно было бы собрать этот снег и дожидаться приезда группы, а потом — и результата анализов. Должно быть, это был бы очень занятный результат...

Да. Очень занятный.

— Что вы здесь делаете, Пал Палыч? — совсем рядом раздался голос Марка, и Звягинцев даже вздрогнул от неожиданности. — Вы не заблудились?

— Да нет, — просипел Звягинцев. — Дышу воздухом. Вокруг вашего коттеджа замечательные сосны... Самые лучшие в «Розе ветров». Вы не находите?

— Я нахожу. Я нахожу по меньшей мере странным, что вы приклеились к нашему дому. — Все-таки он сорвался. — Что вы здесь вынюхиваете?

Звягинцев неторопливо снял шляпу и счистил снег, припорошивший ее поля.

— Ничего, — после некоторого молчания сказал он. — Просто заметил красные пятна на снегу, вот и решил подойти, посмотреть, что это такое.

Марк был только в куртке, накинутой на плечи, он даже ботинки

надеть не успел: так и стоял в домашних шлепанцах.

Интересно, какая такая нужда выгнала его из дома?

Звягинцев знал — какая.

И Марк знал, что Пал Палыч знает — какая.

Глаза молодого человека затравленно блеснули. «Неужели он на что-нибудь решится?» — в самый последний момент трусовато подумал Звягинцев. А что, все может быть. Место здесь глухое, Марк — человек спортивный, он сам — человек пожилой и грузный. Долго защищаться в снегу не получится.

Но в самый последний момент Звягинцева неожиданно осенило.

Нож.

Охотничий нож Нгаи, приносящий удачу воинам. Черт с ней, с самой важной уликой, с самым важным вещественным доказательством. В крайнем случае он сможет воспользоваться и ножом. Своя рубашка ближе к телу...

Но Марк и не собирался нападать: возможно, он тоже вспомнил о ноже, лежащем в кармане Звягинцева. Только губы его подобрались и на лбу вздулась голубая вена.

— Похоже на кровь, а? — приободрился Звягинцев. Все-таки Марк — рассудительный человек. На банальную мокруху он не пойдет.

— Не знаю. Не похоже.

— Да вы подойдите, посмотрите!

Марк нехотя приблизился и уставился на крошечные комочки пропитанного кровью снега.

— Похоже, они сверху упали, с подоконника, — продолжал дожимать Марка Звягинцев, — когда вы закрывали окно.

Не помните?

— Нет.

— Как закрывали окно — не помните?

— Помню, — сдался Марк. — А с чего вы взяли, что этот снег упал с подоконника?

— Так больше ему падать неоткуда, голубчик. Не бог же плачет над этим благословенным местом кровавыми слезами, правда?

— А-а, — Марк наморщил лоб, изображая поток воспоминаний. — Я вчера распорол руку о гвоздь, когда закрывал окно. Там в раме гвоздь торчит. Но вы не волнуйтесь. Маленькая царапина. Ничего особенного.

— Покажите.

— Что показать?

— Вашу царапину.

— Может быть, мне пройти полное медицинское освидетельствование с вашей санкции?

Все ясно, никакой царапины и в помине нет. Марк соврал, но соврал неудачно. Ляпнул первое, что пришло ему в голову. Попался, голубчик!

— Знаете, я ушел от вас, а потом вот вернулся. Забыл задать один вопрос. Он меня все время мучил, — ласково сказал Звягинцев.

— Какой вопрос?

— О вашей... Даже не знаю, как ее назвать. О вашей молодой теще, что ли...

— А что — моя молодая теща?

— В том-то все и дело, что ничего. Вы ничего о ней не спросили. Хотя должны были спросить.

— Почему — должен?

— Ну как же! Вы ведь прекрасно знали, что Шмаринова убили в его собственном номере. Там, где находилась его жена. А жена, как вы сами знаете, с некоторых пор не встает.

Травмирована. Вы как думаете, если мужа убили — должны ли были оставлять в живых жену? Единственную и бесспорную свидетельницу? А вы даже не поинтересовались ее судьбой.

— Мне на нее наплевать, — неожиданно резко ответил Марк.

— Это ваше право. Но вы не поинтересовались даже из простого человеческого любопытства. А это могло произойти только в одном случае.

— Интересно — в каком?

— В том случае, если бы вы точно знали, что она жива.

Марк открыл было рот и тотчас же закрыл его. Несколько минут он молча смотрел на Звягинцева.

— Лихо, — наконец выговорил он.

— Еще бы не лихо.

— Я не понимаю... Вы что, меня подозреваете? Я же сказал вам, что расстался с Игорем в холле, нас видел портье.

— Ну и что? В четыре расстались, а в полпятого зашли в гостиницу через пожарную лестницу, — почему-то Звягинцеву нравилось пугать Марка. — Поднялись в номер. Шмаринов вам открыл. Вы знали, что жена Шмаринова спит мертвым сном — накануне ей дали снотворное. Дал врач, незаинтересованное лицо. Так вот. Возможно, у вас были трения со Шмариновым — по части работы, следствие это установит быстро. Вы знаете, что в сумке у него лежит нож. Вы наносите ему один-единственный, но точный удар в сердце. Все остальные удары — так, для отвода глаз. Снова выходите через пожарную лестницу. И возвращаетесь к себе. Ведь

Шмаринов не защищался, я думаю, только потому, что на него напал близкий человек. Знакомый человек. Годится вышеизложенное в качестве рабочей версии, вы как думаете?

Марк запрокинул холеный подбородок и зааплодировал.

Он хлопал так долго, что Звягинцев сразу сник. Конечно, все, что он изложил Марку, было обыкновенным психологическим прессингом, легкой импровизацией. Но Марк даже не испугался этой импровизации. Ни на мгновение. Ни на секунду.

— Bravo, — сказал он, закончив аплодировать. — Bravo, мой дорогой Шерлок Холмс. Думаю, в отставку вы вышли в должности полковника уголовного розыска. Или подполковника ФСБ. Любо-дорого выслушивать ваши выкладки. Только есть одна маленькая деталь...

— Какая деталь?

— Дело в том, что после того, как я проводил Игоря, я вернулся в бар. И пробыл там до самого закрытия. До шести утра.

Даже до половины седьмого. Там была куча народу, и, думаю, хоть кто-то да вспомнит меня. А когда, вы говорите, наступила смерть? С четырех до шести, если я правильно понял?

— Да, — хмуро сказал Звягинцев. Еще никогда он не чувствовал себя таким пристыженным.

— Так что извините. Версия, конечно, блистательная, но не ко мне. Хотя, скажу вам по секрету, в ней есть рациональное зерно... А насчет Инки... Инессы. Я не спросил о ней именно потому, что с самого начала был уверен: кто-кто, а она уж обязательно останется жива. Тут вы попали в точку.

Я знал, что с ней ничего не случится.

— Вот как? Интересно, почему?

Марк тяжело посмотрел на Звягинцева и опустил на сугроб. Собрав горсть снега, он неторопливо протер им лицо.

— Почему? Вас интересует моя версия?

— Чем больше версий, тем лучше. Будет из чего выбирать.

— Ну что ж, извольте. Я вам ее изложу. Я уверен, что Шмаринова убила сама Инесса.

В голосе Марка была такая дикая, такая непоколебимая уверенность, что Звягинцев даже крикнул. Он уселся прямо в снег рядом с Марком и внимательно посмотрел на него.

— Выкладывайте.

— Все очень просто. Игорь — очень состоятельный человек. Очень. Недвижимость в России, недвижимость за границей, о банковских счетах я

молчу. Инка — его единственная наследница. А такие суммы вскружат голову кому угодно, не только двадцатисемилетней сучке.

— Не очень-то вы ее жалуете, как я посмотрю.

— Не очень, это точно. Ненавижу шлюх. Она ни одного члена не пропускала.

— А вы свечку держали. — Звягинцеву стал неожиданно неприятен обличительный пыл Марка.

— Прожектор. Но это неважно. Игорь слепо ее любил. Такой любви я вообще никогда не встречал. Такое случается со стареющими мужчинами, — Марк выразительно посмотрел на Звягинцева. — Все свое состояние он оформил на нее. Каждую годовщину свадьбы — бриллиантовое кольцо. Каждый Новый год — кольцо с сапфиром. Каждый День защиты детей — новая иномарка. Я уже молчу о Ницце, в которой она просто прописалась.

— А вы завидуете ей, Марк, а? Неплохо бы оказаться на ее месте, вы как думаете?

— Мне хватает моих денег. Я не бедный человек. А теперь и она будет небедной. Очень небедной. Веселая вдова с приличным состоянием.

— Что ж, деньги — мотив хороший. Во всяком случае — убедительный.

— Конечно. Вы сказали, что Шмаринов не защищался.

Конечно. Он и представить себе не мог, что удар нанесет ему его собственная жена. У нее хватило бы силы и цинизма ударить его прямо в сердце. Это ведь был рассчитанный удар, правда? Хорошо рассчитанный. А все остальные — для отвода глаз. Это в Инкином стиле — для отвода глаз...

— Вам виднее. Но я не понимаю только одного: как женщина, получившая травмы обеих ног и, возможно, позвоночника, могла встать, пройтись по комнате и убить своего мужа.

Марк рассмеялся. Он смеялся так долго, что Звягинцев даже устал слушать его громкий, уверенный в себе смех.

— А кто вам вообще сказал, что она получила травмы? Вы знаете это только с ее слов. Ведь ваш хренов доктор, если, конечно, ему можно доверять, сказал, что никаких видимых повреждений нет. Меня убедил бы только открытый перелом ноги, а лучше сразу двух ног и позвоночника. Только в этом случае она была бы вне подозрений. Вы не согласны со мной?

— Но... Люди видели, как она упала.

— За три дня здесь я тоже падал, и это видели десятки людей.

— Но ее ноги... Они ничего не чувствуют. Доктор осматривал ее...

— Дался вам этот доктор! Может, они в сговоре? Ей ведь ничего не стоит уложить в постель любого мужика. А в постели с ней этот самый любой мужик становится шелковым. И из него можно лепить что угодно.

— А вы откуда знаете? — прищурясь, спросил Звягинцев.

— Ну... — Марк осекся. — Это же видно невооруженным взглядом. Такие женщины просто демонически действуют на мужчин.

Звягинцев вынужден был согласиться: что правда, то правда. Одна из таких стриженных кошек, до одури похожая на Инессу Шмаринову, разбила сердце его Володи. Как он страдал, бедный мальчик. А для нее он был только одним из многих, последний в ряду, тринадцатое место. Два культпохода в ночной клуб, сожравшие двухмесячную зарплату матери и трехмесячную стипендию самого Володи, — вот и вся любовь...

— И все-таки. Невозможно так следить за ногами, чтобы все время помнить: они не должны ничего чувствовать. И потом, существуют ведь рефлексы... Я правильно выражаюсь?

— Все возможно. Пал Палыч. Особенно когда речь идет о многих тысячах, а то и миллионах. И не рублей, заметьте.

— А снотворное? — выдвинул последний жалкий аргумент Звягинцев. — Доктор же давал ей снотворное...

— Не смешите меня! Сунула таблетку за щеку, а потом выплюнула ее. Вот и вся недолга. Так опергруппа появится только через несколько дней?

— Да.

— Вот видите. К ее приезду у вас уже будет готова рабочая версия. И мой вам совет — понаблюдайте за Инессой. Она обязательно должна проколоться. Зло должно быть наказано.

«Зло должно быть наказано». Именно так говорила его жена, когда в полном беспамятстве крушила городок ледяных скульптур. Веселая семейка, ничего не скажешь. Теперь они обзавелись еще и покойником...

— Ну, Марк, я, пожалуй, пойду. Мне нужно подумать над всем, что вы мне тут порассказали. Уж больно гладко все у вас выглядит.

— К сожалению. Мне бы хотелось подпустить несколько нестыковок для правдоподобия, но увы... Поверьте, я очень хорошо знаю Инку. Я знаю ее несколько лет... Это вполне в ее стиле — решиться на убийство, чтобы развязаться с постылым старым мужем и заполучить его денежки. Убивают и за меньшие деньги. Гораздо меньшие.

Убивают и за бутылку водки, хотел добавить Звягинцев, но воздержался.

Он пожал руку Марку и с трудом выбрался из сугроба. Марк не стал

проводить его, а вернулся в дом. Сейчас он скажет своей жене, что убит отец...

Своей жене.

Звягинцев брел по снегу и пытался систематизировать все то, что услышал от Марка. Он почти готов был поверить в версию о виновности Инки. Здесь все сходится, и мотив, и личность убитого, и личность убийцы. Влюбленный пожилой мужчина, расчетливая молодая сучка и большие деньги между ними.

Вполне-вполне.

Есть, конечно, несколько нестыковок.

Во-первых, сам приезд Шмаринова. А что, если он не смог бы или не захотел приехать... Нет, не захотел — это сильно.

Но вот не смог. И что — лежать как дуре со здоровыми ногами и ждать, когда тебя отвезут вниз и определяют, что ничего у тебя не сломано, не защемлено и не нарушено. И потом — у докторишки еще до недавнего времени работала рентген-установка. Так что характер повреждений можно всегда было определить на месте. Она вышла из строя не так давно, и Инесса не могла знать об этом.

Поломка оборудования — это случайность, сыгравшая на руку преступнице. Но в таком тщательно планируемом преступлении не должно быть случайностей.

Преступники никогда на них не рассчитывают.

Хотя, с другой стороны, Шмаринов действительно не защищался. Вернее, он защищался, но как-то по-женски. Подушкой. Один ее бок оказался вспорот ножом. Скорее всего он не мог взять в толк, что происходит, и пытался максимально смягчить удары, увернуться от них, а не забрать нож и повернуть его против убийцы.

А это могло произойти только в одном случае — если нож держал близкий ему человек.

Нет, не так: близкая ему женщина.

Аида Марк...

Все сходится. Все, кроме одного. Пятна крови в ложбине за домом.

Он так и не ответил, откуда эти пятна. Он увел разговор в сторону, он выложил блестящую версию, вполне реальную версию. Может быть, единственно верную версию. Нужно время, чтобы так ее выстроить, пусть небольшое.

Интересно, было ли это время у Марка или нет.

А снег с кровью нужно было взять, как же он забыл... Можно, наверное, вернуться, но Марк наверняка уже убрал его.

Старый дурак!

А может, он и вправду оцарапал руку? Но что за странный разговор был между Марком и его женой в ванной. Марк явно не хотел, чтобы его слышал Звягинцев, поэтому он включил воду. Кажется, Ольга Красинская говорила о каких-то пятнах. Как же она сказала? «Эти пятна.., я не могу отмыться... Я не знаю, откуда это, Марк...»

Не знаю, откуда. Не знаю. То же самое она лепетала Запесоцкой. У его жены явные проблемы с памятью и психикой.

О каких пятнах они говорили?..

— Пал Палыч! — Резкий, высокий, запыхавшийся голос вывел его из состояния глубокой задумчивости.

Звягинцев обернулся. Вот это да! На ловца и зверь бежит.

Его догоняла Запесоцкая. В руках она держала свои сломанные очки и пользовалась ими, как лорнетом. Не очень изящно это у нее получалось, приходится признать.

— Я вас везде ищу, Пал Палыч!

Час от часу не легче. Сейчас гримза начнет приставать к нему с расспросами по поводу сегодняшнего прискорбного инцидента. Кто, да как, да каким образом, да сколько человек, да из какой гаубицы их подстрелили. Звягинцев нацепил на лицо самую приветливую улыбку и поклялся ни слова не говорить Запесоцкой об убийстве.

— Долго жить будете, Наталья Владиленовна! Только что вас вспоминал...

— Не дай мне бог долго жить... Я к вам по делу. Очень срочному.

— Слушаю вас. — «Сейчас начнется», — подумал Звягинцев. Очевидно, ее уполномочила группа старых дев и разведенки, использующих горнолыжные курорты для дозаправки мужскими гормонами. Не исключено, что запасов тестостерона им хватит на целый год. А кто-то из особо притких увезет с собой и сперматозоида в подготовленной для этого яйцеклетке. Все наверняка уже знают, что чертово убийство повесилось на него, Звягинцева, а Запесоцкая с некоторых пор ходит в особах, приближенных к императору.

— Вы можете посчитать меня надоедливой...

«Обязательно посчитаю!»

— ..и мнительной особой, но... Дело в том, что я видела этого человека!

— Какого человека?

— Который был тогда с Киной на трассе...

— Не понял?

— Как? Я же говорила вам...

За всеми последними событиями Звягинцев и думать забыл о пропавшем Кирилле и о стенаниях Запесоцкой по поводу таинственного горнолыжника на трассе. И вот теперь, в тот самый момент, когда на руках у Звягинцева оказался труп крупного бизнесмена, она вылезла со своей опереточной историей!

— Разве вы забыли?

— Как я мог забыть? Конечно, не забыл.

— Я видела его!

— И что?

— Как — что? Вы немедленно должны поговорить с ним.

Он должен рассказать вам о том, что случилось с Кирой.

Запесоцкая посмотрела на Звягинцева в свой импровизированный лорнет.

— А вы уверены, что это именно он? — с сомнением спросил Звягинцев, глядя, как беспомощно щурятся ее глаза.

— Больше чем уверена!

— И когда вы его видели?

— Сегодня. Что-то около полутора часов назад... Я искала вас все время. Где вы ходите? И что делаете? Это ведь ваши прямые обязанности!

«Что делаю, что делаю... Членом груши околачиваю», — Звягинцев даже не мог сердиться на такую детскую непосредственность.

— Ну, мне лучше знать о своих прямых обязанностях...

Так вы утверждаете, что видели его?

— Да.

— И разглядели при таком снеге?

— Да.

— Интересно, как вам удалось?

— Я прошу вас не хамить и не намекать! — вспыхнула Запесоцкая. — У меня, конечно, неважное зрение... Но у людей с плохим зрением есть свои ориентиры. Они запоминают силуэт. Так вот. Я видела тот самый силуэт... Этот человек — он был с непокрытой головой, немного короткая шея, костюм...

— Исчерпывающие характеристики...

— Я прошу вас меня не перебивать. У него очень специфическая стойка...

— Он что, стоял на лыжах?

Вопрос застал Запесоцкую врасплох.

— Насчет лыж я не уверена.

— Ладно. — Нужно окоротить даму, не выслушивать же ее бред, в самом деле. — Значит, вам показалось, что вы видели...

— Мне не показалось. Это действительно он.

— И что?

— Я пошла за ним. Я хотела его расспросить... Но потом подумала, что это должны сделать вы. Так будет солидно.

— Значит, вы пошли за ним.

— Да. Это один из спасателей... Не помню, как его зовут...

Он такой брюнет...

— Они там все брюнеты.

«Кроме Васьки, — тотчас же подумал Звягинцев. — У Васьки самая проигрышная для преступников и детективов масть — медно-рыжая...»

— Я могу вам показать... Я могу опознать...

Тоже дело. Всучим каждому из парней табличку с порядковым номером и пустим сквозь строй Запесоцкую. Пусть угадывает.

— Послушайте, Наталья Владиленовна! Вы ведь знаете всех спасателей. Видели их неоднократно, разговаривали с ними...

— Вот и мне тоже непонятно — почему он скрывает то, что был тогда с Кириллом? Это выглядит подозрительным, вы не находите?

— Подозрительным выглядит то, что вам раньше в голову не приходило опознать никого из них, — Звягинцев устал от вздорной бабенки и теперь решил поскорее окончить разговор.

— Я же говорила вам. Он просто стоял в том же ракурсе, в той же позе. А я точно запомнила контур тела... Это тот самый человек...

— Вот что, Наталья Владиленовна! Я обязательно займусь этим делом.

— Когда? — нетерпеливо спросила Запесоцкая.

«Когда рак на горе свистнет, в бога душу мать!»

— Как только разберусь с одним делом. Довольно хлопотным.

— Вы сегодняшнее убийство имеете в виду? Так одно другому не мешает.

От такой новости, которая была сообщена таким будничным тоном, Звягинцев едва не сел в сугроб. Умышленное убийство не произвело на Запесоцкую никакого впечатления: ни страха, ни любопытства, ни элементарного человеческого сочувствия. Только ее гневной жеребец Кирилл имеет право на существование!

— Вы меня, конечно, простите, Наталья Владиленовна, но...

— Вы поймите, а вдруг происшедшее с Кириллом, — она сухо и коротко вздохнула, как будто ей не хватало воздуха, — вдруг это тоже преступление? И тоже убийство?

— Наталья Владиленовна! Возьмите себя в руки, — мягко посоветовал Звягинцев. — Это ведь реальная действительность, а не голливудский боевик. Несколько убийств — это многовато даже для такого курорта, как «Роза ветров».

— Убийств никогда не бывает много, — назидательно сказала.

— И откуда такие мысли у честной советской женщины? — искренне изумился Звягинцев.

— Уже давно не советской, Пал Палыч.

— Какая разница...

— Я смотрю, вы хотите увильнуть...

— Нет. Мы вместе займемся этим вашим силуэтом. Но не сегодня.

— А когда?

— Неужели вы не понимаете?

— Ну хорошо, — сдалась Запесоцкая. — Я поставила вас в известность и теперь буду ждать ответных действий от вас.

Всего доброго. Пал Палыч.

Она удалилась, не соизволив даже выслушать «до свидания» самого Звягинцева и подарив ему на прощание по-детски страшную и точную фразу: «Убийств никогда не бывает много».

* * *

Она сидела в уголке кровати и пристально смотрела на дверь.

Именно в такой позе застал ее Марк, вернувшийся в дом.

Шпион, пришедший с холода.

— Где ты был, Марк? — дрожащим голосом спросила она.

— Провожал нашего гостя.

— Кто это был?

— Ты знаешь... Ты видела его. Пал Палыч Звягинцев.

— А-а... Такой толстый смешной человек. От него все время пахнет пивом.

— Именно.

— Зачем он приходил, Марк? Он хотел видеть меня? Из-за той истории? Но я уже говорила тебе... У меня просто было помутнение... Я хочу забыть все это. Сегодня мы улетим в Москву, и все будет хорошо... Да?

— Нет, сегодня мы не улетим в Москву.

— Это из-за погоды, да? На улице страшный снег... Интересно, кто-нибудь катается или нет? Как ты думаешь, Марк?

Ольга говорила быстро и сбивчиво, только бы не молчать.

Не молчать. Молчание, спрятавшееся среди струй воды, преследовало ее в ванной, когда он почему-то не разрешил ей выйти в комнату, какие-то мусульманские замашки, устроил женскую половину дома... Впрочем, конечно, мусульманские замашки, он ведь жил в Туркмении, он почти туркмен...

И хотя Иона гораздо больше похож на туркмена, он бы не оставил ее в ванной одну, тем более когда у нее пошла носом кровь.

Именно так. Именно так Марк и объяснил запачканные руки и странные пятна на комбинезоне. Высота, перепад давления, перепад температур, — оказывается, у нее очень слабый нос, а она даже не знала этого.

«Но почему крови было так много?.. И почему он так смотрит на меня, как будто собирается сказать что-то ужасное?..»

— Это из-за погоды, Марк?

— Нет. Не из-за погоды. Я должен сказать тебе.

Он сел рядом с ней на кровать, приблизил лицо и крепко ухватил ее за руки.

— Кара! Это касается твоего отца...

В самой глубине ее тела вдруг возник маленький кристалл льда. И начал стремительно расти: из маленького кристалла возникали новые кристаллы, они отпочковывались друг от друга; еще несколько минут — и они заполнят ее всю.

— А что — отец? — медленно спросила она. — Мы же уже говорили с тобой об этом... Я попытаюсь попросить у него прощения...

— Уже не нужно просить у него прощения... То есть, может быть, и было нужно. Но...

Он еще крепче сжал ее руки и придвинулся к самому ее лицу.

— Я всегда буду с тобой, кара. Я хочу, чтобы ты это знала.

Я никогда не оставлю тебя, что бы там ни было...

— Ну? Я тоже не оставлю тебя. А при чем здесь отец? Он же не хочет нас разлучить, это было бы просто смешно.

— Отца нет, кара.

— Нет? Очень интересно... А куда же он делся? Они улетели без нас?

— Его нет. Он умер...

Ольга недоверчиво посмотрела на мужа и улыбнулась. В жизни своей он не видел более пугающей улыбки, — В каком смысле — умер?

— Его больше нет в живых. Он умер. Его убили. Сегодня ночью...

— О чем ты? Как его могли убить?

Теперь Марк был совсем рядом. Он навалился на нее всем телом, подмял под себя, так же, как это бывало, когда страсть заставляла их в самых неподходящих местах. Но никогда еще его тело не было таким тяжелым...

— Пусти меня... Мне тяжело...

— Ты поняла, что я сказал? Он умер, его больше нет в живых.

— Я поняла, только не наваливайся на меня так...

— Кара! Ты поняла, что я сказал?

В его близких глазах она увидела такой испуг, что поняла: от слов, которые он произнес, невозможно будет отмахнуться.

Он сказал какую-то правду об отце, какую-то страшную правду, нужно сосредоточиться и попытаться уловить ее смысл.

Отца больше нет в живых. Он умер. Его убили.

Умер. Убили. Умер, умер, умер.

Умерший — значит, не живой. Ну почему ее преследует эта боль в висках? Умер.

Убили.

Убили!!!

— Что? Что ты сказал?!

— Его убили.

Только сейчас, только сейчас до нее стал доходить страшный смысл его слов. Как будто она лишь слегка приоткрыла дверь, и в нее заполз леденящий ужас. Сопротивляться ему было бесполезно, и Ольга закричала:

— Нет! Нет! Это не правда!..

— Да.

— Нет!

Папы больше нет?.. Как может быть, что папы нет? Ее красивого, сильного отца, так полного жизни, так полного любви, настоящего мужчины, способного на безумства... И все это принадлежало одному человеку — Инке... Она ни с кем не хотела делиться этим, даже с ней, его дочерью... Как же она ненавидит... Инку или отца? Инку или отца?!

Она ненавидит, а он умер...

Манана тоже умерла, но это было давно, она просто исчезла из их дома, а потом исчезли вещи, но Манана была сумасшедшей. А отец — отец был совершенно нормальным, здоровым человеком, как он мог умереть?..

Нет, не так. Он не умер, его убили.

Убили.

Убийство, страшная вещь, слишком много крови.

Кровь.

Почему ее руки были в крови? Почему ее комбинезон был в крови?..

— Кара! Ты слышишь меня, кара! Не молчи, пожалуйста!

Ты слышишь меня? Ты меня понимаешь?!

Если кто-то умирает, то близкие ему люди должны плакать, почему же она не может плакать? Почему, почему, почему? Потому что она не верит в то, что отец умер. Но и Марк не может врать, он не может шутить этим... Он никогда не врал ей, Марк... Но ведь когда-то же нужно начинать... Почему он так смотрит на нее... Нет, он не врет.

Отца нет.

Ольга закричала, забилась в его руках: нет, нет, нет, папа, этого не может быть, ты говоришь чушь, Марк, ты говоришь не правду, зачем ты говоришь не правду, нет, этого не может быть, папа, Марк!..

Она потеряла сознание.

...Но когда снова пришла в себя, то сразу же увидела склоненное над собой костлявое лицо правды: отца нет, и тебе никуда не спрятаться от этого — ни в обморок, ни в сон, ни в сумасшествие...

Откуда эта кровь на комбинезоне?

Ольга снова начала кричать, она кричала до тех пор, пока не потеряла голос, — полчаса, час, полтора. И все это время Марк не отпускал ее ни на минуту: она видела его постаревшее, осунувшееся лицо, именно таким он станет через двадцать лет, именно таким. Похожим на отца, которого больше нет.

Которого убили. Кто мог убить его?

— Кто?! Кто это сделал, Марк?

— Я не знаю. — По лицу его бежали тени: ужас, сострадание, жалость, любовь сменяли друг друга в бесконечном танце. Но там, за их спинами пряталось что-то еще. Что-то еще, о чем знал только Марк и о чем он не хотел говорить Ольге.

Она знала.

Что-то ужасное.

Когда она проснулась, подошла к окну, опустила руки в снег... Вернулась к кровати и коснулась ладонями его спящего лица...

Почему так много крови? Это же просто кровотечение из носа, а не открытая рана, когда кровь хлещет фонтаном... Открытая рана... Отца убили. Ударили ножом в сердце, было много крови. Сознание Ольги путалось, а спасительная ясность не приходила. Она вдруг поняла — если когда-нибудь эта спасительная ясность придет, то она будет похожа на убийство...

Убийство.

Обессиленная, почти лишившаяся рассудка, она наконец-то затихла в руках мужа.

— Марк!

— Я здесь, я с тобой, кара...

— Марк, скажи... Откуда эта кровь у меня на комбинезоне?..

* * *

К двум часам дня все показания были собраны. Все свидетели были опрошены, и предварительные итоги были подведены. Звягинцев сидел в своем закутке, в комнате номер тринадцать административного крыла отеля.

Реальность оказалась такой не правдоподобной и такой страшной, что Звягинцев даже отказался от пива. Он был очень расстроен. Какое уж тут пиво, здесь и литром водки не обойдешься. Но водка — это чересчур. Нельзя, чтобы от тебя разило сивухой, когда ты будешь зачитывать задержанным их права.

Интересно, они придут или нет?

Марк и его жена?

Они вполне могут собрать вещички и броситься в горы. Или не собирать вещичек и броситься вниз.

Дудки.

Никуда они не денутся, при таком буране дергаться куда-то, куда-то идти, да еще по незнакомой местности, по горному рельефу, — это самоубийство. Хотя, кто знает? Может быть, самоубийство и было бы лучшим выходом. Может быть, они уже настроились. Этот Марк — он будет защищаться до последнего. Настоящая любовь у них в крови.

Звягинцев вздохнул.

«Прости, что хреново о тебе думал. Все, что касается твоей семьи, — выше всяких похвал. Это, конечно, не снимает с тебя ответственности, но то, как ты это сделал!..»

Конечно, он мог бы послать в коттедж Красинских охранников — еще час назад, когда картина происшедшего в общих чертах стала ему ясна. Послать охранников — хотя бы тех же дуболомов Радика и Колю. Недостаток мозгов они компенсируют терпением и бультерьерской хваткой. Они вели бы наблюдение и применили бы силу при случае.

Он мог это сделать, но не захотел.

Марк, Марк, у тебя была блестящая версия, вкусная версия, сладкая версия... Звягинцев бы многое отдал, чтобы она оказалась правдой и стриженная кошка получила бы по своим вдовьим заслугам. Вот кого бы ему не было жалко — так это стриженую кошку.

Но показания, которые он собрал, в бога душу мать... Все они были не на стороне отличного парня Марка. А жаль.

Кресло под тушей Звягинцева жалобно скрипнуло — надо бы научиться скакать на лыжах и прекратить жрать пиво в таких количествах, как всегда подумал Пал Палыч.

А потом закрыл глаза.

Хорошо закрывать глаза, когда ты знаешь... Когда ты можешь представить себе, что произошло на самом деле. Когда ты ясно видишь перед собой картину преступления.

...Он начал с портье. Только потому, что ему не очень нравился Марк и его железобетонное, как будто бы нарочно созданное алиби.

В ту ночь дежурил Серега, Серый (Иван сменил его только в половине восьмого, когда ему на голову вылился ушат телефонных звонков по поводу криков в номере двенадцать).

И первым делом Звягинцев направился к нему.

Серый и Иван занимали крошечный домик недалеко от главного корпуса отеля. Склонный к апокалиптическим преувеличениям Иван называл его на швейцарский манер — «шале». Серый же ограничивался определением «приют убогого чухонца». В домике были две отдельные комнатки, чтобы трахать баб автономно друг от друга (тщетная предосторожность, тем более что Серый и Иван встречались только у стойки портье: вахту сдал — вахту принял). Две отдельные комнатки, крошечная кухня и санузел, все удобства, живи — не хочу.

Звягинцеву пришлось долго стучать в дверь: Серый обожал сладко поспать после дежурства. Когда наконец дверь открылась и в нее просунулась лохматая голова Серого, Звягинцев был уже на взводе.

— Долго спишь. Царство божие проспидишь.

— И слава богу, шеф, — позевывая, сказал Серый. — Что я там забыл, в этом царстве божием... Скукотища и тэ дэ. Даже порнушки приличной не посмотришь.

Серый был фанатом жесткого порно и даже собирал коллекцию кассет.

— Может, пустишь?

— А чего случилось-то?

— Сейчас и будем выяснять, что случилось.

Тесня Серого животом в глубь дома, Звягинцев просочился вовнутрь. Серый мялся у двери и хмуро наблюдал за Звягинцевым: он не любил, когда прерывали его трудовой сон.

— Ну, рассказывай. — Звягинцев взгромоздился на стул и вытащил из кармана вечную пачку «Беломора».

— У нас не курят, — тотчас же сказал Серый.

— Что ты говоришь! Это похвально. — Звягинцев выбил папиросу из пачки и под испепеляющим взглядом Серого с наслаждением затянулся, выпуская из ноздрей вонючий дым.

— Пользуетесь служебным положением, шеф?

— Именно.

— Знаете что, вы лучше пересядьте с этого стула на диван.

Он у нас недавно крякнулся, Иван его эпоксидкой заливал, а у вас габариты...

Звягинцев покорно пересел на диван и попытался забросить ногу на ногу. Но из-за толстых ляжек эта операция осталась незаконченной.

— Пива хотите? — спросил гостеприимный Серый.

— Хочу.

Портье смотался на кухню и принес две банки пива.

— Вам открыть, шеф?

— Открой, если тебя не затруднит.

Приняв из рук Серого банку и сделав первый глоток, Звягинцев приступил к опросу свидетеля:

— Вчера в «Розу ветров» приехал человек...

— Знаю... Я сам его принимал. К красотке из двенадцатого номера. Солидный мужчина.

— Так вот, Серый. Вчера он приехал, а сегодня ночью его убили. Во время твоего дежурства.

Разбуженный Звягинцевым портье оказался чуть ли не единственным человеком, который до сих пор ничего не слышал об убийстве. Приятно, что еще есть люди, которые пребывают в таком сладком неведении.

Лицо портье исказилось, и он выставил ладони вперед, как будто пытался защититься.

— Убили?! У нас в отеле? Да вы шутите, шеф.

— К сожалению...

— Ну надо же! Убили...

— Во время твоего дежурства, — напомнил Звягинцев.

— Но я-то здесь при чем? Это точно не я...

— А посему, — Звягинцев даже не слушал причитания портье, — мы с

тобой сейчас должны восстановить во всех подробностях прошедшую ночь.

— Всю ночь?

— Нет. Часов примерно с четырех.

— А-а... А чего тут восстанавливать? Помню я их.

— Кого?

— Ну, старого этого... В смысле — пожилого. И парня. Они вдвоем пришли из бара. Я видел, как они выходили.

Эта была замечательная архитектурная идея, которая сейчас играла только на руку Звягинцеву: от стойки портье замечательно просматривался вход в «Ричард Бах» — и все благодаря огромным окнам вестибюля. Никто не мог ни пройти, ни выйти незамеченным.

— Ну, они вышли и что?

— Похоже было, что парень провожал его.

— А ты обратил на это внимание?

— Как же было не обратить. Уж очень громко они разговаривали.

— Ругались, что ли?

— Да нет, в том-то и дело, что они как бы не ругались конкретно между собой. — Лоб юного портье, совершенно непривычный к каким бы то ни было интеллектуальным изысканиям, прорезала глубокая старческая морщина. — Как бы вам объяснить, шеф? Они выясняли отношения из-за кого-то еще.

— Из-за кого?

— Ну, из-за кого мужики выясняют отношения? Из-за женщины, конечно!

— Кого-то не поделили и на этой почве ссорились? Может быть, пожилой в чем-то обвинял молодого?

— О, вспомнил! Ну, конечно! Парня зовут Марк, так?

— Да. Так пожилой в чем-то обвинял Марка?

— Нет. Наоборот, он как бы его жалел. А Марк как бы оправдывался, просил не сердиться и войти в положение.

— Его положение?

— Да нет же! Я говорил... Они все время говорили о женщине.

— О жене пожилого.

— Об этой красотке? Шикарная телка, только я слышал, что у нее какая-то травма... Я даже хотел навестить ее... — Глаза портье подернулись мечтательной поволокой. — Вы как думаете, шеф, удобно будет, если я ее навещу? Красивая женщина в таком состоянии...

— Думаю, что теперь тебе стоит забыть об этом. Ее мужа убили, и она

теперь вдова.

— Ну, это ненадолго, — убежденно сказал Серый. — Знаете, сколько соискателей в очередь выстроятся на такой-то французский шарм.

Пожалуй, Марк прав, увлечение стриженной кошкой принимает какие-то вселенские масштабы. И Серый тоже прав — такая фифа недолго останется вдовой.

— Так они говорили об Инессе?

— Нет. О жене Марка. Она, конечно, тоже ничего... Даже лучше, чем Инесса, и волосы длинные... Мужчинам нравятся длинные волосы. А вам нравятся, шеф?

— Не задумывался. — Кой черт не задумывался, уже лет десять, а то и все пятнадцать, как перестал об этом думать.

— Но вот лично для меня... Чего-то в ней не хватает, хотя и фигура замечательная, почти как у Инессы, и все при ней.

А вот поди ж ты... Французский шарм, вот как я это называю!

Разговор стремительно удалялся от нужной Звягинцеву темы, и Пал Палыч решил вернуть романтического портъе обратно на дистанцию.

— А с чего ты взял, что они говорили о жене Марка?

— Из разговора. — Серый посмотрел на Звягинцева с состраданием: неужели не понятно. — Пожилой, который Шмаринов, его жена ведь тоже Шмаринова... Так вот, пожилой говорил, что такие вещи очень сложно прощать, особенно мужчине, особенно отцу. Что он не понимает этой дочерней ревности. Так он и сказал? «Я не понимаю этой дочерней ревности, это что-то ненормальное...»

Серый закрыл глаза и пошевелил губами, вспоминая текст:

— Ага, он это сказал, а Марк так как-то странно на него посмотрел: «Что значит ненормальное, она абсолютно здорова». К чему это было сказано, я не понял. Ну, неважно. Пожилой ему в ответ: «Ольга все больше становится похожей на мать, и это меня пугает... Этот сегодняшней взрыв...» Тот ему говорит: «Зачем вы ее ударили? Вы же знаете, как она к вам относится...» А пожилой так подумал и сказал... Сейчас, сейчас... Он сказал: «Мне плевать на себя, но она оскорбила мою жену. А этого я не могу простить никому, даже собственной дочери...» Вот.

Серый фыркнул носом и утер пот, от усердия проступивший на висках.

— Уж больно складно получается, — с сомнением сказал Звягинцев. — И как ты только все запомнил? Весь разговор, я имею в виду?

— Да очень просто, шеф. У меня же феноменальная память.

Пять страниц типографского текста с одного прочтения... Плюс

цифры...

— Какие цифры?

— Самые обыкновенные. Множу и делю любые значения.

— Да ну? — искренне удивился Звягинцев. — Я даже не подозревал в тебе таких талантов.

Серый расплылся в довольной улыбке.

— Хотите проверить?

— Можно.

Через секунду из стола был извлечен калькулятор, и Звягинцев приступил к испытаниям.

— 45 612 разделить на 737?

— 61 и три восьмерки после запятой, — не заставил себя долго ждать Серый. — Запросто беру цифры до третьего знака после запятой. Верно?

— Верно! — восхитился Звягинцев, сверившись с калькулятором, и даже захватил ртом лишку воздуха. — А теперь усложним: 946 231 разделить на 98?

— 9655 и 418 после запятой. Ну как?

— Наповал, Серый!

— Еще давайте!

— Ладно. 3265 умножить на 471 ?

— 1537815.

— Да ты просто Вольф Мессинг какой-то!

— Это еще кто?

— Был один такой... Вундеркинд.

— Ну, не знаю... Типографский текст будем проверять? — Серый оседлал своего любимого конька и теперь упорно не желал с него слезать.

— Пока воздержимся. А с твоими талантами, Серый, гнить здесь просто тупость. Тебе надо пристроиться в какое-нибудь шапито и выступать с сольным номером. Или завербоваться в аналитический отдел ФСБ. Там таких затейников любят.

— Да нет, шеф. Лучше я буду этим девочек развлекать.

— А что, ведутся?

— Еще как! Приходится палкой отгонять. — Серый обнажил в улыбке неровные зубы. — Так прямо и шастают за стойку. Никто мимо не проходит.

— Ну хорошо. Значит, они разговаривали в холле. А потом?

— Что потом?

— После того, как поговорили?

— А ничего. Пожилой пошел к себе, а Марк вернулся в бар.

— Откуда знаешь, что вернулся?

— Ну, вы даете, шеф! Я это своими глазами видел... Прямо сразу и пошел.

— И за всеми ты следишь?

— Ну, ночью так получается. Интересно за людьми наблюдать, какие они, в каком состоянии заходят и в каком выползают... Какие у них женщины...

— Ладно, Серый, — Звягинцев тяжело поднялся с дивана, — пойду я. Спасибо за ценную информацию. Ты очень помог следствию.

— Служу России! — снова улыбнулся Серый и приложил ладонь к виску. — А че, того пожилого правда грохнули?

— Да.

— Вот ведь, блин, повезло Ивану! Сразу в центре всех событий. А тут — сидишь-сидишь, а все красивые бабы мимо проходят... Никакой романтики, одно исполнение служебных обязанностей.

— Ладно. На твой век еще хватит приключений. — Звягинцев любовно похлопал Серого по плечу и вышел из домика.

Ну что ж, теперь нужно идти в бар и все выяснять на месте. Ай да Марк! Честный Марк скрыл от него, что между ними и Шмариновым произошла какая-то ссора. И довольно серьезная, если Шмаринов не собирался спускать оскорбление. Хорошо, что попался такой Вольф Мессинг, как Серый.

Иван бы наверняка завалился спать, учитывая свободный режим прохода в отель: все свои, чужие здесь не ходят...

«Будем считать, что мне повезло: если все свидетели будут такими, проблем у следствия возникнуть не должно».

— Палыч! — Серый, в наброшенной на плечи куртке, догонял его.

— Что случилось?

— Забыл вам сказать... Как-то из головы вон, — портье виновато посмотрел на Звягинцева. — Только сейчас вспомнил... Насчет женщин. Она ведь потом пришла. — Кто?

— Жена Марка. Ну, про которую они говорили...

— Куда пришла?

— В гостиницу.

У Звягинцева даже дух перехватило. Ничего себе информация!

— Пришла подругу поведать?

— Ну откуда же я знаю... Она же мне не докладывала. Шмыгнула мимо и даже не поздоровалась, я ей «доброй ночи», а она мне — ни ответа, ни привета. Мы, конечно, не так часто виделись, несколько раз всего, они в

коттедже живут...

— Я знаю — Но обычно она такая вежливая. А здесь — как будто не замечала меня. Как будто меня вовсе нет... Я, конечно, не утверждаю, что я здесь главный человек...

— Может быть, она просто тебя не заметила?

— Интересно, как это можно было меня не заметить?

— Ну, была погружена в какие-то свои мысли...

— Не знаю. Летела как на пожар, ничего вокруг не видела.

— А это точно была она?

— Обижаете, начальник! Таких роскошных волос ни у кого здесь нет, это правда... Я еще в первую встречу обратил внимание. Черные волосы, просто сказка.

— Ну и...

— Прошмыгнула мимо.

— И долго она оставалась там? Или так и не вышла?

— Почему не вышла. Вышла. Может быть, через полчаса... Может быть — меньше, может быть — больше... Вернее, не вышла, а просто выбежала. Они, наверное, опять поссорились — ну то, что я вам говорил.

Была прямо как не в себе, все руки к груди прижимала.

— А ничего странного ты не заметил?

— Да вроде нет... Нет. Ничего странного. Просто она очень быстро бежала. Вот и все.

— Она потом направилась в бар?

— Нет. Я только видел, как она неслась по дорожке.

— Ну, спасибо еще раз, — Звягинцев с чувством пожал руку портье. — Обязательно тебя отмечу в рапорте.

— Это лишнее, шеф.

Рассказанное портье, здесь, на дорожке, среди снега и метели, несколько разрушило всю стройную колоннаду звягинцевских построений. Разрушило — и тотчас же принялось возводить новую. Пал Палыч даже несколько обессилел от обилия и важности информации, так неожиданно приплывшей к нему в руки. Он больше не замечал ни снега, ни метели, ни легкого холода, покалывающего пальцы.

Итак.

После Марка и перед убийцей Шмаринова видел только один человек — его собственная дочь. Судя по словам Серого, невольно ставшего свидетелем разговора между двумя мужчинами, в баре произошла какая-то ссора, закончившаяся рукоприкладством.

Отец ударил дочь. Взрослую дочь, что само по себе из ряда вон,

учитывая социальное положение и уровень этих людей.

В семье записных алкашей такие события случаются часто, и разборки там бывают покруче, можно и утюгом зашибить родную кровинку, и молотком насмерть.

Но Шмариновы...

Если верить Серому, то Шмаринов сказал, что не простит оскорблений жене. Оскорбила жену, судя по всему, сама Ольга. Что-то там было такое насчет дочерней ревности. Возможно, она отправилась выяснять отношения с отцом и...

И что?

Звягинцеву стало жарко.

Он вдруг вспомнил все события, предшествующие приезду Игоря Анатольевича: невнятный рассказ Ольги о пещере с замороженными людьми — пещера и люди в ней повторяли ее кошмарный сон, и только. Бессмысленный разгром ледяного городка. Бессмысленная полудрака с Запесоцкой. Ольга ударила ее по лицу, разбила очки. Ольга, потом отец... Похоже, мордобой — это визитная карточка их уважаемой семьи. Но Ольга утверждала, что она не была Запесоцкую. Вернее, что не помнила, как ударила. Марк явно темнит, он и тогда прикрыл жену. Только от нее Звягинцев узнал, что какие-то моменты просто выпали у нее из памяти — моменты, связанные с яростью и агрессией. Он прикрыл ее, хотя до этого сказал Звягинцеву, что у нее проблемы с психикой. Что мать ее была душевнобольной.

Да и отец — отец из подслушанного Серым разговора, — он сказал: «Ольга все больше становится похожей на мать, и это меня пугает».

Час от часу не легче.

Полубезумная Ольга, страдающая выпадением памяти; аналитик Марк, способный убедить в своих логических построениях кого угодно; Инесса, лежащая с травмами ног, и, наконец, сам Шмаринов, убитый сегодня ночью.

Слишком много для одной семьи.

Слишком много.

* * *

В баре было полно народу.

Это и понятно. Буран, все трассы закрыты, где же околачиваться, как

не возле стойки со спиртным? При условии, что у тебя нет подружки, жены или любовницы, с которой можно так славно заняться сексом под вой ветра.

Как только Звягинцев вошел в зал, большинство голов повернулось к нему. Все уже знали о трупe в двенадцатом номере отеля, а Звягинцев был жрецом этого убийства, единственным обладателем полной информации. Осознание этого вдруг наполнило все существо Звягинцева какой-то непонятной мальчишеской гордостью; ай да я, ай да сукин сын! Неважно, что через каких-нибудь два дня, а может быть, уже и завтра придет опергруппа и Звягинцев перекочует на скамейку запасных в футболке под номером 13. Но завтра еще не наступило, и пока он держит в руках все нити.

Раздуваясь от чувства собственного достоинства, Звягинцев направился к стойке. Бармен, экзотический мулат Ариэль, улыбнулся ему всеми своими огромными сахарно-белыми зубами. Скажите пожалуйста, какая радость! Обычно Ариэль, не особенно жаловавший Звягинцева за расплывшееся неаппетитное тело, с очаровательной бабуинской гримасой бросал ему на стойку пиво — как собаке кость, ей-богу! Теперь же он был сама любезность.

— Добрый день, Пал Палыч!

— Ну, не такой уж добрый...

— Ваш любимый салатик? — Звягинцев даже опешил от такой любезности. Никогда еще Ариэль не разговаривал с ним таким заискивающим тоном.

— Воздержусь. — Господи, что он говорит! Отказаться от возлюбленных креветок только в пику дураку-экзоту? Ну, да бог с ним, что сказано, то сказано. Не давать же задний ход.

— Может быть, пива?

— Это можно.

Ариэль ловко протер пивную кружку и до краев наполнил ее пивом.

— Выпивка за счет заведения, — провозгласил он.

— С чего бы это?

— Благотворительная акция.

Звягинцев сдул пену и влил в глотку сразу пол-литра.

— Повторить? — спросил с почтением наблюдавший за Звягинцевым бармен.

— Позже.

— Ну? — все-таки не удержался Ариэль. — Как проходит расследование? Дело-то идет?

— Дела идут, контора пишет. Меня интересует вчерашняя ночь.

— Всех интересует вчерашняя ночь.

— Меня интересует Шмаринов.

— Это кто?

— Убитый. Ведь он вчера был здесь, правда?

«Убитый» — именно этого жгучего, опасного и безнаказанного слова дожидался Ариэль. А услышав его, сразу успокоился. Теперь и он на некоторое время может попасть в эпицентр событий, связанных с убийством.

— Был.

— С кем он был?

— Ну вы же сами знаете, Палыч. С молодыми мужчиной и женщиной. Говорят, что это его дочка и зять.

Да, «Роза ветров», при всей своей фешенебельности а-ля рюс, оставалась большой деревней. Здесь легко знакомились и легко сходились, здесь видели друг друга по пятьдесят раз на дню. Тем более такая мощная фигура, как Шмаринов, не могла остаться незамеченной.

— Они пришли вместе?

— Нет. Парень и девушка сидели здесь с вечера. Может быть, часов с одиннадцати. Девчонка страшно напилась.

Это Звягинцев уже знал от Марка, крупного специалиста по полуправде.

— Что, переворачивала столы? Плясала голой на фирменных блюдах?

— Ну, до этого не дошло. Но, в общем, громко выступала с какими-то программными заявлениями.

— С какими?

— Бог его знает... Во-первых, здесь была куча народу, как обычно. За всеми не уследишь. Все базарят, пьют, долбят в свои кегли и прочая. Но факт тот, что она ушла из-за столика, под села к нашим фашиствующим элементам и начала что-то там вещать. Ее муж еле оторвал ее от стариков.

«Фашиствующими элементами» Ариэль называл невестку как попавшую на почти стопроцентно русский курорт супружескую пару из Нюрнберга — Herr und Frail Нойкирлих. Старик, несмотря на свой преклонный возраст, неплохо катался на лыжах и обожал скоростные трассы. Его жена была менее экспансивна и все время проводила на почти пологом спуске для новичков.

— И что?

— Ну... Потом она о чем-то разговаривала с Ионой. Он попытался ее вывести, она сопротивлялась, в общем, ничего хорошего не получилось.

— А куда делся муж?

— Откуда же я знаю... Был с ними, наверное... Или не был.

В общем, там тоже произошла маленькая свалка. Они пересели ближе к выходу.

— Почему?

— Потому что там воздуха больше. Ей, видать, было совсем плохо.

— И муж не увел ее отсюда?

— Вы у меня спрашиваете? Может быть, лучше было у него спросить?

— Вопросы пока задаю я. Значит, они пересели к выходу.

Они кого-то ждали?

— Не знаю. Потом появился убитый, — Ариэль снова произнес это слово с особой интонацией посвященного, — сразу подсел к ним.

— А Иона?

— Он к тому времени уже ушел. Они сидели втроем. Потом возникла какая-то перепалка, и убитый съездил даме по физиономии. Очень сильно. Так, что у нее чуть голова не отвалилась.

— Ты сам это видел?

На лице Ариэля застыло страдальческое выражение. Все понятно, он этого не видел, знает с чьих-то слов и глубоко страдает, что пропустил один из самых важных моментов в жизни: близкие подступы к преступлению. Но, скорее всего, он страшно переживает оттого, что не стал непосредственным свидетелем убийства: только такое событие могло взбодрить его черную кровь, коченеющую на морозе.

— Ты сам это видел?

— Нет.

— А кто видел?

— Дюха.

Дюха был официантом в «Ричарде Бахе», он знал все и обо всем и всегда умудрялся находиться в самых горячих точках курорта.

— Понятно. Значит, произошла какая-то перепалка, перешедшая в потасовку. И что?

— Девушка поднялась и убежала.

— А ее спутники?

— Остались.

— И даже не попробовали ее догнать?

— Ну... Вам Дюха поточнее скажет, он был непосредственным свидетелем. А я — только со слов.

— Хорошо. Что было дальше?

— Ну, они просидели часов до четырех... О чем-то говорили. — В

этом месте Ариэль приободрился: узкое место было пройдено, и он опять становился свидетелем. — Потом ушли.

— И больше не вернулись?

— Почему? То есть убитый уже не вернулся, это точно.

А его спутник — молодой человек, — он пришел почти сразу.

И просидел до шести. Или до половины седьмого.

— Один?

— Да. То есть он потом еще пристроился к кегельбану. Но это уже ближе к утру.

— Он не выглядел расстроенным или подавленным?

— Что? — Очевидно, таких слов не было в лексиконе Ариэля, и он задумался, меланхолично трясая в руках шейкер.

— Ну, может быть, его что-то задело?

— Да нет особо. Просто сидел.

— А что заказывал?

— Да почти ничего. Сначала взял немного коньяка и цедил его все это время.

— То есть ты хочешь сказать, что он просто сидел, мало пил и глазел по сторонам?

— Ну, можно и так сказать. Нет, потом он нашел себе дело. Он совсем неплохо играет в боулинг. Он даже выиграл у кого-то. У кого — я не помню. А это важно?

— Не очень, — успокоил бармена Звягинцев. — Важно время, когда он ушел.

— Ну, это просто, — снова выдвинул свои зубы на передний фланг Ариэль. — Он ушел, когда мы закрылись в половине седьмого. Он был почти самым последним из тех, кто ушел.

— Ну что ж... Все ясно. Плесни-ка мне еще пива за счет заведения.

Ариэль снова наполнил кружку и снова воззрился на Звягинцева. Брови его умоляюще приподнялись, а огромный рот округлился.

— Ну, теперь ты спрашивай, — сжалился наконец-то Звягинцев.

— Его зарезали ножом, да? — со священным трепетом в голосе прошептал Ариэль.

Звягинцев перегнулся над стойкой и громко шепнул:

— Можно и так сказать. И знаешь еще что?

— Что?

— Я так думаю, что убийцу нужно искать среди обслуживающего персонала. Вы ведь знаете все ходы и выходы. Вот ты, например, чем не кандидат?

— Я? — Ариэль изумился так, что почернел еще больше. — Вы шутите, Палыч. Шутите, да?

— И не думаю шутить.

— Я же все время здесь, на виду. Никуда не отлучаюсь...

— Ну, это ты хватил — «никуда не отлучаюсь»! Отливать-то бегаешь. Ну и завернул куда-нибудь по дороге... А?

И, подмигнув Ариэлю и прихватив еще одну кружку пива, Звягинцев занялся зачисткой местности. Первым был опрошен вездесущий Дюха Он подтвердил все показания Ариэля и расцвел их подробностями: да, сначала они сидели за третьим от кегельбана столиком — муж и жена; да, девушка напилась и в чем-то начала упрекать своего спутника; да, она подсела к бундесам и повесилась на старикашку, нельзя сказать, что его супруге это очень понравилось; да, потом к девушке приклеился Иона — в то время, когда муж вышел из зала, — может быть, вышел отлить, с кем не бывает; да. Иона уговаривал ее уйти, а она умудрилась посклочничать и с ним, но потом все-таки согласилась; да, у самого выхода их перехватил муж, и они посклочничали уже втроем; да, Иона ушел, а они пересели к столику у выхода, чтобы ей стало легче, — ей и стало легче, после того как она ушла и вернулась, может быть, пошла проблеваться, с кем не бывает; да, потом почти сразу же пришел солидный мэн; да, они снова начали склочничать, первую скрипку играл мэн, а потом инициатива перешла к девушке; да, она что-то такое ему ляпнула и получила по физию; да, она обиделась и убежала; да, муж вышел было за ней, но через минуту вернулся, — может быть, не догнал, с кем не бывает; да, они просидели еще хренову тучу времени вдвоем с солидным мэном, а потом такую же хренову тучу муж просидел один, до самого закрытия; да, да, да...

После Дюхи наступила очередь не таких масштабных свидетелей, которые в общих чертах и в мелких частностях подтвердили показания молодых работников стойки. Даже с Herr und Frau Нойкирлих удалось объясниться на пальцах: «О, это отшень бедный девушка, отшень страдаль... Я не видель, чтобы так страдаль... Ich verspreche es Ihnen <Даю вам слово (нем.).>... Es ist schreckliches Wetter <Какая отвратительная погода (нем.).>. Ви думает, она коньшится, этот Es ist Sturm <Буря (нем.).>?»

Кончится, куда же денется, успокоил старикашку Звягинцев, все на свете кончается. А к этой буре тоже можно привыкнуть. С другой стороны, я понимаю ваши маленькие неудобства: то, что русскому здорово, то немцу карачун...

* * *

...А теперь Звягинцев сидел в своем закутке — в комнате номер тринадцать административного крыла отеля, как паук в центре паутины.

Толстый паук, ожидающий появления своих жертв.

Около часа появился Артем Львович, принеся толково составленную бумажку, которую вполне можно было подколоть к делу. Он потратил некоторое время на детальный осмотр трупа, и теперь полная клиническая картина характера ранений была ясна.

Шмаринову нанесли тринадцать ножевых ранений: одно проникающее (и ставшее в конце концов причиной смерти) — в область сердца. Восемь — менее тяжких — в грудную клетку. Три — в плечевой пояс. И одно — в правую ключицу.

Удар в ключицу тоже был достаточно силен: ключица оказалась сломанной. Сам характер ранений ясно говорил о том, что нападавший действовал в состоянии аффекта: ничем другим нельзя было объяснить беспорядочность нанесения ударов.

Бритый доктор предположил, что первым был нанесен удар в сердце (это замечание Звягинцев оставил на совести самого Артема Львовича) и только затем последовали все остальные.

Между первым ударом и последующими (или, скажем, между одним и двенадцатью другими) была колоссальная разница, как будто удары были нанесены двумя разными людьми.

Впрочем, на этом своем тезисе доктор не настаивал.

Звягинцев ознакомился с заключением Артема Львовича и отложил бумагу в сторону.

— Артем, а теперь не для протокола...

— Весь внимание, — доктор улыбнулся.

— Хочу поговорить с тобой о свидетельнице.

— О свидетельнице? — настороженно спросил доктор.

— Об Инессе Шмариновой. Ты что о ней думаешь?

— В смысле?

— Ничего бабенка, а?

— Просто фантастика... Такой все пойдет — серебро, золото, джип «Чероки», лошадь, чулки со швом, колготки со стрелками, французский насморк, французский поцелуй...

— Да ты поэт!

— Бабник. А теперь на вас тренируюсь. Оттачиваю мастерство

публичных выступлений.

— Ловко у тебя получается. Жаль, что я не женщина... Не могу оценить.

— Счастье, что вы не женщина. Ну, кому бы вы были нужны с таким животом и бакенбардами?

— Может, ты и прав, — вздохнул Звягинцев.

— На будущее: я бы не употреблял таких выражений, как «бабенка»... Вы об этом меня хотите спросить? О бабенке, как вы выразились?

— Ты к ней клинья не подбивал?

— Ну, я ко всем клинья подбиваю, — уклонился от прямого ответа доктор. — В профилактических целях.

— А к ней?

— Было дело, — вздохнул доктор. — Явку с повинной оформите? А то, если я вам сам не признаюсь, вы же собаку подошлете, чтобы след взяла... Восточноевропейскую овчарку.

— Ну и как? Удачно?

— Увы. Похоже, что она с удовольствием носит пояс верности, простите за плоскую шутку... Или мой бритый череп не вызывает у нее никаких эмоций.

— Ладно, я не об этом хотел поговорить. А о ее падении.

— О грехопадении? — Смерть мужа Шмариновой и осмотр его тела привели несколько извращенного доктора в игривое расположение духа.

— Остряк! — осудил его Звягинцев. — Ты сначала волосенки отрасти, а потом шути по поводу грехопадения. Я говорю о том, как она упала. Что за травмы?

— Не знаю.

— А может такое быть... — Звягинцев помялся, — что и не было никаких травм... Просто лежит человек и изображает неподвижность.

— Смысл?

— Ну, может быть, у нее свой интерес. Бубновый.

Артем прошелся по комнатке, закинув руки за голову.

— Исключено.

— Ты думаешь? — Звягинцев сразу сник: уж очень ему нравилась версия Марка, способная вывести стриженую кошку на чистую воду.

— Я врач. Может быть, не очень хороший, но в каких-то вещах я разбираюсь. Невозможно симитировать полную неподвижность и все время помнить об этой имитации. На уровне подсознания.

— Так уж и невозможно — Ну, если, конечно, она не индийский йог. Или не таскалась по раскаленным углям где-нибудь в окрестностях

Козолупа. Народная Республика Болгария... Маленький эксперимент.

Артем подошел к Звягинцеву и вытащил из-за отворота сапога устрашающего вида иглу для инъекций.

— Давайте вашу руку.

— Зачем? — испугался Звягинцев.

— Да не бойтесь вы. Такой взрослый мальчик, а боится.

С опаской глядя на Артема, Звягинцев вытянул руку.

— Отогните рукав.

Звягинцев повиновался.

— А теперь сосредоточьтесь. Скажем, ваша рука не действует, или вам нужно, чтобы я думал, что она не действует.

Сосредоточились?

— Да.

Получив удовлетворительный ответ, доктор всадил в руку Звягинцева чертову иглу. Звягинцев едва не вскрикнул от боли и нервно дернулся.

— Наглядно? — поинтересовался Артем.

— Очень.

— Вот видите. А вы хотели, чтобы хрупкая женщина с нежными костями оставалась равнодушной к подобного рода испытаниям.

— А.., с ней ты тоже такое проделывал?

— Ну, что-то похожее. Нужно же было определить, сохранилась чувствительность или нет.

— И она ни боже мой?

— У нее действительно какая-то травма. Может быть, дело не в ногах, а в позвоночнике. Может быть, это временное явление. Жаль, что рентген вышел из строя...

— А чего это он вышел из строя? — спросил Звягинцев.

— Ума не приложу. Внешне вроде все в порядке... Как у нашей пациентки... Но поди узнай, что там внутри...

— И когда он накрылся медным тазом?

— Да в том-то все и дело, что два дня назад... А теперь выслушивай упреки от взволнованных родственников и огульные обвинения в профнепригодности... А что касается Инессы... То, что сейчас она напрочь лишена двигательной способности, — это факт. Подобные вещи практически невозможно сымитировать, я уже сказал.

— Практически — или невозможно?

— Ну, я не могу говорить со стопроцентной уверенностью... Но, по моему, это не тот случай.

— Ну, хорошо, Артем. Спасибо за наглядный пример.

— Вы, я смотрю, что-то не очень этому рады... Я больше не нужен?

— Нет.

— Тогда я пойду.

У двери он остановился.

— Скажите, вы в чем-то ее подозреваете?

— Нет. Теперь ни в чем. Так что успокойся. Как она, кстати?

— Плохо. Даю ей успокоительные. А как бы вы сами себя чувствовали, если бы такое произошло с вами?..

...Через несколько минут после ухода Артема Львовича в кабинете нарисовался Иона. Он хмуро посмотрел на Звягинцева и выложил на стол фотографии убитого Шмаринова.

Фотографии получились отменными, как будто Иона всю жизнь только тем и занимался, что снимал трупы.

— Творчески подошел, — похвалил новоиспеченного фотографа Звягинцев.

— Скажете тоже.

Несколько минут Звягинцев разглядывал снимки.

Не повезло бедняге, это точно, не грудь, а кровавое месиво... Но это выражение удивления на лице... Не удивления даже, а скорее изумления. Что же так огорошило Шмаринова за несколько минут до смерти? В изложении Марка все было логично, там Шмаринова убивала родная жена. Любимая до смерти жена... Но, судя по всему, версия с виновностью Инессы рассыпается на глазах. Но почему он так вяло отреагировал на нападение?

— Потому что это была не жена, а дочь.

Звягинцев сказал это вслух и тотчас же испугался того, что произнес. Не хватало, чтобы еще кто-то услышал...

Но кто-то услышал. И этим «кто-то» был Иона.

— Вы что-то сказали, шеф?

— Ничего не сказал.

— Как же. — Обычно тихий, как снежный барс. Иона проявил настойчивость:

— Я же слышал.

— Ничего ты не слышал.

— Вы сказали: «Потому что это была не жена, а дочь».

— Ну и что? Сказал и сказал. Тебе-то какое дело? За фотографии спасибо. Отлично сработано. Буду приглашать тебя на выезды... Больше не задерживаю.

— Вы сказали: «Потому что это была не жена, а дочь». Что вы имели в

виду?

— Ничего не имел. Это так, поток сознания, мысли вслух.

— Это касается убийства, да? — Иона мягко приблизился к Звягинцеву. — Это касается Ольги?

Да ты, однако, проявляешь совсем не спортивный интерес к жене брата!

Звягинцев впервые увидел глаза Ионы так близко: обычно спокойные и обращенные в себя, они горели теперь неистовым огнем. На такие глаза самое время вешать табличку «ОГНЕОПАСНО».

— Ну чего ты, чего ты... — дал задний ход Звягинцев.

— Вы ее подозреваете?

— С чего ты взял?

— Я же вижу... Сегодня в баре всех о ней спрашивали...

— Я смотрю, информация у нас распространяется с завидной скоростью. Вот что. Это мое дело — строить версии. Так что извини. Ко мне сейчас должны прийти, так что твое присутствие совсем необязательно.

— Ну хорошо.

Иона подозрительно быстро сник и боком вышел из комнаты.

Звягинцев остался один.

Откинувшись в кресле, он закрыл глаза.

Потому что это была не жена, а дочь.

Дочь.

Дочь с не очень хорошей наследственностью.

Все существо Звягинцева восставало против этого, но хорошо организованные и хорошо вооруженные факты с легкостью подавляли восстание. Мысль о виновности Ольги уже давно искушала его, как старая, прожженная шлюха. А к старым прожженным шлюхам нужно всегда относиться с почтительным вниманием.

Итак.

Прелюдия, или, как любит выражаться знойный черкес Ахмет, — «пэтинг».

Умница Марк, сам того не подозревая (или подозревая?), начертил ему всю схему убийства. С той лишь разницей, что в роли карающего меча выступала не жена Шмаринова, а его дочь.

Должно быть, у них всегда были непростые отношения — у Ольги и Инессы, они были как сиамские близнецы, как вода и огонь, как черное и белое. Из тех крох, маленьких разрозненных фактов, которые к сегодняшнему дню смог собрать Звягинцев, вырисовывалась довольно

занятная картина. Занятная и пугающая.

Ольга была единственной дочерью и, наверное, горячо любимой. Долгое время они жили вдвоем с отцом — после того, как сошедшая с ума мать Ольги покончила жизнь самоубийством. Но память о матери не только цементировала этот союз, но и подтачивала его изнутри.

Скорее всего и отец, и дочь боялись воспоминаний о матери, прошлое могло вернуться и повториться уже в Ольге, ведь еще никто не выяснил до конца, как устроен механизм наследственности... У Ольги была школьная подруга, стриженная кошка (тогда, наверное, она не была стриженной, а носила косы с бантами). Они дружили много лет, а потом стриженная кошка берет и выходит замуж за Ольгиного отца. И заменяет ему все — любовницу, жену и дочь.

И дочь — Звягинцев понимал это.

Наверняка они долго не общались, наверняка отец был для Ольги всем, а потом она его лишилась. То есть оставались какие-то отношения, но это были уже не те — прежние — отношения. Это несколько сдвинуло и без того нестабильную психику Ольги. У нее замечательный муж, но муж не может заменить отца. Только отец может быть для дочери всем...

Не то что для сына.

Звягинцев горестно вздохнул: они никогда не были близки с Володей — ни его жена, ни он сам. Темные, косные люди, приехавшие в Питер из провинции. Володя был совсем другой, из другого теста, непохожий на них, толстых и обрюзгших. Самый настоящий питерец с тонкой костью. Он писал стихи, а потом начал писать сказки, он всегда немного стыдился своего милиционера-отца...

Бедный Володя. Бедный он сам. Так они друг друга и не нашли...

А Ольга — Ольга любила отца. А потом они приехали в «Розу ветров». Лучше бы они сюда не приезжали.

У Ольги действительно что-то не в порядке с головой, как жаль, такая милая, такая хорошая девушка, вот и Ионе она понравилась, и Запесоцкая ее пожалела, летучая мышь. Сначала вынужденная ночевка в скалах и фантастический рассказ о пещере с телами. Сам-то тоже хорош, чуть не пошел на поводу у чужих галлюцинаций...

Потом этот ледяной городок — лед преследует ее, является воплощением зла, которое необходимо уничтожить... Она этого не помнит, но это совсем не значит, что она этого не совершала. Быть может, именно в этот момент в ней говорит полная ярости материнская половина?

Звягинцев вытащил из кармана платок и вытер им вспотевшее лицо: трудно даются психологические выкладки капитану в отставке. И зачем он

сказал Ваське, что был майором ФСБ? Еще и пропавший Васька, тридцать три несчастья сразу...

И это убийство!

Шмаринов прилетает потому, что ему сообщают — с его женой случилось несчастье. Интересно, от кого исходила инициатива? От Ольги, Марка или самой Инессы? Нужно бы спросить об этом Марка.

Шмаринов прилетает и наверняка устраивает сцену родственникам: и почему вы, такие-сякие, так плохо следили за моей женой. Она упала и разбилась. На дочь, конечно, ноль внимания — это в лучшем случае. Та не выдерживает и срывается: почему это мы, такой-сякой, должны следить за твоей женой, нам за это деньги не платят. Ну и обозвала ее для блезиру каким-нибудь пакостным словцом. Отец, для которого жена есть смысл жизни, естественно, хрясь любимой дочери по морде.

И планка сбилась окончательно.

Планка сбилась окончательно, но отец-то этого не знал.

Может быть, перестал ждать, что какие-то психические отклонения проявятся у его дочери, а может, ему на это было уже наплевать. Конечно, Марк мог ему рассказать обо всех параноидальных неприятностях с малышкой. Но это уже ничего не меняло.

Отец возвращается к себе в номер, к спящей жене. А потом туда приходит Ольга. Безумная пленница своей безумной половины, знающая только одну эмоцию: ярость. Видящая перед собой только одну цель: уничтожить зло.

Зло — это отец, который предал ее, который ее ударил.

Она уже невменяема, она уже не помнит, что творит. Отец не может понять, что происходит с дочерью, — до тех самых пор, пока в ее руках не оказывается нож. Именно поэтому он так вяло защищался, смехотворная подушка, только и всего!

Не станешь же убивать собственную дочь, если ты в сознании... Но почему он хотя бы не постарался выбить этот чертов нож — ведь их физическая сила несопоставима? Или беспамятство и ярость делают кроткую Ольгу фурией?

Вскрытие покажет, плоско пошутил Звягинцев сам с собой.

Психиатры с ней поработают в любом случае.

Ей хватило очень короткого времени, чтобы расправиться с отцом. Портье видел, как она входила и как выходила. Ее видели несколько любителей поздних ночных прогулок. Нет, она не шла — это отмечают все, — она бежала.

Она металась.

Теперь понятно происхождение крови на снегу.

Она вернулась в коттедж и легла спать. Чтобы проснуться настоящей Ольгой. Ольгой, а не своей безумной матерью.

Она проснулась с руками, полными отцовской крови. Она не знала, что это такое, откуда это взялось. Она потому и спросила у Марка — что это за пятна на комбинезоне?

Но Марк — Марк все понял. Сейчас он попытается спасти жену. Он уже попытался, когда навязывал Звягинцеву версию с Инессой. Инессу он ненавидит, это могут подтвердить люди, которые наблюдали их близко. Именно так — опосредованно — он решил насолить ей, помотать нервы несчастной вдове. Он понял, что произошло на самом деле. Он прошел по тому же пути, по которому сейчас идет сам Звягинцев.

Но он прошел гораздо раньше.

Интересно, на что он надеется? На то, что Ольга выйдет сухой из воды? Ее все равно будут лечить: но одно дело, когда тебя лечат в хорошей клинике за хорошие деньги. Может быть — даже за границей. И совсем другое — когда ты проходишь муторную экспертизу в институте Сербского. И потом полжизни гниешь в психушке при тюремной больнице.

Он тоже любит свою жену. И это достойно уважения.

Звягинцев поднялся с кресла и подошел к залепленному снегом окну. Буран не прекращается, и это даже хорошо. Пока не закончится метель, пока не очистятся перевалы, Ольга находится в относительной свободе и относительной безопасности. Марк не может не понимать, что рано или поздно следствие выйдет на его жену. Должно быть, он уже попытался избавиться от запачканной в крови одежды. Это бессмысленный ход: в таком случае он выступит пособником убийцы. Пусть убийца безумна, но он-то в здравом уме. Но нож, который бросила Ольга, — наверняка там именно ее отпечатки пальцев. Все это будет установлено сразу же.

Интересно, придут они или нет?

Если Марк умный человек, а он умный человек, — они придут.

Звягинцев снял трубку и набрал номер портье.

— Иван?

— Да.

— Пришли ко мне, пожалуйста, пару ребятишек из охраны. Да потолковее. Сейчас.

Положив трубку на рычаг, Звягинцев с грустью подумал о том, что Иван наверняка подойдет к нему Радика с Колей.

«Иначе и быть не может, с моим-то еврейским счастьем».

...Через десять минут в дверь постучали.

— Войдите, — сказал Звягинцев.

Так и есть. В комнату протиснулись Радик и Коля. С возрастом ты становишься провидцем. Пал Палыч.

— Что делать, шеф? — придушенным басом спросил Радик.

— Ничего, душа моя. Ждать.

* * *

«Я готовилась убить. Я убила. Я убиваю».

Дорога от коттеджа к отелю заняла гораздо больше времени, чем предполагал Марк. Ольга не могла идти. Она не могла идти, она все время падала в снег и терла, терла, терла им руки.

— Марк? — жалобно просила она. — Марк, посмотри, на них больше нет крови?

— Ну что ты, кара! Абсолютно чистые руки... Не выдумывай!

— Марк... По-моему, у меня на куртке пятна... Это кровь, да?

— Нет никакой крови!

— Марк, она есть... Я стираю ее, а она снова появляется.

— Не говори глупостей! Если ты еще скажешь что-либо подобное, я просто тебя изобью!

— Отец жив, это не правда, что он умер.

— Кара... Я понимаю, как тебе тяжело...

— Марк! Только скажи мне правду, откуда эта кровь?

— Я же говорил тебе...

— Если ты мне еще раз скажешь про кровотечение из носа, я сама тебя ударю... Ты что-то скрываешь от меня. Зачем приходил Звягинцев?

— Он приходил сообщить обо всем.

Ольга снова упала в снег и зарыдала. Марк лег рядом с ней и уткнулся губами в холодную, помертвевшую щеку жены.

От Ольги сильно пахло валерьянкой. Последние часы он только то и делал, что отпаивал ее. Иногда она впадала в страшное молчание — и это пугало Марка больше всего. Лучше бы она кричала, билась головой об пол и рвала на себе волосы.

Роскошные, длинные, иссиня-черные волосы, которые он так любил.

Наконец ему удалось хоть немного привести Ольгу в чувство. Именно тогда, когда они безнадежно опоздали к Звягинцеву. Хорошо еще, что толстый отставник не вручил им повестку с точным указанием времени, а

передал все на словах. Вернее, попросил.

Со Звягинцевым нужно быть осторожнее. Осторожнее, осторожнее, повторял про себя Марк. Этот толстый, отвратительно пахнувший пивом и застарелым одиночеством человек вовсе не такой лох, каким хочет казаться. Не такой лох и не такой простак.

С ним еще придется повозиться.

— Вставай, кара! Не нужно лежать на снегу, ты простудишься...

— Марк... Все последнее время я только то и делаю, что лежу на снегу, ночью на снегу, ем этот дурацкий снег, вытираю им руки... Он все время вокруг меня — этот снег.

— Пойдем. Нас ждут.

— Зачем нас ждут? Чтобы мы опознали папу? Но ведь тело уже не может быть папой, правда... Я так и не помирилась с ним. Я так и не попросила прощения... Он, наверное, думает, что я плохая.

— Кара!

— А я всегда была очень хорошая... Я так любила его... Он — единственный, кто был рядом со мной.

— А я? Я ведь тоже рядом с тобой. Всегда был и всегда буду.

— Да, конечно.

— Пойдем...

Наконец-то ему удалось вытянуть Ольгу из снега, и они снова побрели по едва заметной тропинке к отелю. Только еще один раз она остановилась.

Только один раз.

— Что случилось, кара? — забеспокоился Марк.

— Марк, — она подняла голову к летящему навстречу ветру, — Марк... Ты ведь знаешь это. Ты ведь знаешь правду.

— Какую правду?

— Ты ведь знаешь, что это я убила его.

Ольга вдруг засмеялась — страшно, вымученно, из последних сил. На секунду она снова стала безумной, но только на секунду... Он бросился к ней и крепко сжал в объятиях.

— Для меня это не имеет никакого значения. Никакого значения, слышишь?..

До самого отеля они больше не сказали друг другу ни слова.

...А в комнате тринадцать их уже ждали. Толстяк Звягинцев и двое парней хмурого вида. У каждого из них на лбу аршинными буквами было выведено: «Карта не лошадь, к утру повезет».

Звягинцев вынул из кресла свое грузное тело и направился к настороженному Марку и бесчувственной, абсолютно ни на что не

реагирующей Ольге.

— Соболезную, — сказал он, обращаясь к ней.

Ольга ничего не ответила. И только спустя секунду, когда до нее дошел смысл сказанного, вяло разлепила губы:

— Где он? Я могу его увидеть?

Звягинцев переглянулся с Марком, и тот отрицательно покачал головой: не стоит.

— Не сейчас, Ольга Игоревна. Чуть попозже...

— А что с Инкой?

— С Инкой?

— С Инессой? С., папиной женой?

— С ней все в порядке, — Звягинцев вспомнил лежащую без движения и плачущую девушку. — Она жива.

— Да. Она жива, — эхом повторила за ним Ольга.

— Садитесь, — запоздало пригласил Звягинцев.

Марк усадил Ольгу в кресло и сам сел рядом с ней, крепко держа жену за руку.

Звягинцев, все последние часы выстраивавший этот — решающий! — разговор, вдруг растерялся. Он увидел перед собой не монстра, а сломленную горем красивую молодую женщину. Сломленную горем — именно так. Щеки Ольги были пепельного цвета, глаза ввалились, только рот мерцал открытой раной.

Бедняжка.

Она даже не знает, какой демон живет в ней и терзает ее сердце, бедняжка. Бедняжка-убийца, самое кроткое существо, которое только можно себе представить. Звягинцев попытался взять себя в руки: сейчас, чего доброго, ты посадишь ее к себе на колени и начнешь баюкать.

— Мы слушаем вас, — твердый голос Марка вывел его из состояния романтической задумчивости.

— Да. Вот какое дело... Вот какая неприятность. Собственно, я всех уже допросил... Опросил. Всех возможных свидетелей. Остались только вы. Близкие родственники. Это, конечно, простая формальность, но без формальностей никуда, как вы сами понимаете.

— Да, — не выдержал Марк. — Преступления у нас чрезвычайно заформализованы.

— Хочу задать вам несколько вопросов. Они касаются вчерашнего дня и еще больше — вчерашней ночи. Вы, в состоянии отвечать? — обратился Звягинцев к Ольге.

— Да, — тихо ответила она, не поднимая глаз. — Да.

— Тогда приступим. Если вы не возражаете, я буду записывать, а вы потом распишетесь.

— Не возражаем, — сказал за жену и за себя Марк.

— Вот и ладушки. Значит, вы встретили отца вчера.

— Да.

— Он прилетел на вертолете.

— Да. Вы прекрасно это знаете.

— Почему он прилетел?

— Да вы издеваетесь, что ли? — взорвался Марк. — Вы же прекрасно знаете, почему он прилетел!

— Успокойтесь, Марк. Это только для протокола. Существует определенный порядок.

— Хорошо.

— Значит, он прилетел, потому что...

— Потому что его жена, Инесса Эдуардовна Шмаринова, получила травмы во время спуска с горы, — четко выговаривая слова, произнес Марк.

— Вот видите, как все хорошо получается. — Звягинцев заискивающе посмотрел на молодого человека. — Теперь дальше. Инесса Эдуардовна сама попросила вас, чтобы вы связались с мужем и сообщили о несчастье?

— Нет, — после паузы ответил Марк. — Это была моя инициатива.

— Почему вы решили позвонить?

— Почему-почему... Во-первых, ваш доктор, у которого даже не оказалось инструментов, чтобы продиагностировать травмы... Я просил его. Если он сам не в состоянии этого сделать, есть же другие возможности. У вас же существуют вертолетные сообщения для экстренной помощи. А этот, с позволения сказать, эскулап сказал, что эти сообщения закрыты в связи со штормовым предупреждением. При полной неясности с состоянием здоровья Инессы. Игорь никогда...

Игорь Анатольевич никогда не простил бы нам такого небрежного отношения к его жене. Ведь мы же самые близкие родственники...

— А он и не простил, — прошептала Ольга.

— Что вы сказали? — переспросил Звягинцев.

— Ничего, — вступился Марк за жену, — ничего она не сказала.

— Значит, вы заранее знали, что при таком раскладе, при той информации, которую он получит о здоровье жены, Шмаринов обязательно прилетит.

— Знал, — подумав, сказал Марк. — Ни для кого не секрет, как Игорь относился к своей жене...

— А Инесса могла об этом знать?

— Инка! — не выдержал Марк. — Да она играла на нем, как на скрипочке в стиле пиццикато!

— В каком? — удивился Звягинцев.

— Неважно, в каком. Факт тот, что играла. Если бы с ней что-нибудь случилось... Я не мог поступить иначе, поймите меня правильно.

— И Инесса Шмаринова знала, что вы не могли поступить иначе.

— Да, — твердо сказал Марк.

— Значит, он прилетает в «Розу ветров», и вы его встречаете.

— Да.

— Дальше.

— Ведем в номер, где лежит его дражайшая половина. Он сообщает нам, что завтра намерен улететь вместе с женой. На том же вертолете, на котором прилетел.

— А вы?

— Мы тоже собирались лететь вместе с ними. Вы сами знаете, по каким обстоятельствам.

— Да, — Звягинцев не удержался и бросил взгляд на Ольгу. Она втянула голову в плечи и опустила глаза.

— Что было дальше?

— Пришел ваш Айболит. Что-то вколол пострадавшей, потом они вышли переговорить в коридор — Вы не присутствовали при этом разговоре?

— Нет.

— А потом?

— Потом мы вернулись в номер. Ольге хотелось поговорить с отцом, но вы сами понимаете... Он был так взволнован, так потрясен происшедшим. Ему хотелось остаться наедине с женой.

— И вы ушли?

— Да.

— Сразу?

— Мы уже собирались уходить, но Игорь догнал нас в коридоре, предложил выпить — немного. Мы выпили коньяк и ушли уже окончательно.

— Вы отправились домой?

— Вы же знаете, Пал Палыч! Мы пошли в бар. Собственно, Инка... Инесса должна была принять снотворное, которое собирался принести ваш доктор. И мы уговорились с Игорем, что он выскочит в бар. Там мы его и ждали.

— Просто ждали?

— Ну, мы не были уверены в том, что Игорь придет. Сидели, пили коньяк, разговаривали...

— И никаких эксцессов?

Марк вспыхнул:

— Я надеюсь, то, о чем мы говорили сегодня утром, не будет отображено в протоколе.

— Не будет, если это не касается третьего лица.

— Третьего лица?

— Убитого Игоря Анатольевича Шмаринова.

Ольга тихо всхлипнула, прижала руки к груди и начала раскачиваться.

— Я прошу вас... — Марк с ненавистью посмотрел на Звягинцева.

Звягинцев кивнул Радик: принеси воды, не видишь — женщине плохо... Радик оказался несколько сообразительнее, чем его вечный спутник Коля, и через минуту Ольга уже пила воду мелкими беспомощными глотками. Вода проливалась на свитер, и Звягинцеву больше всего хотелось подойти к женщине и погладить ее по голове.

— Вы в состоянии слушать, Ольга Игоревна?

— Да...

— Тогда продолжим. Вы все-таки дождались своего тестя.

— Я же говорил вам... Никто не ждал его специально. Мы надеялись, что он придет.

— И он пришел.

— Да.

— Что было дальше?

— Ну, я не помню. Мы сидели, разговаривали...

— И больше ничего?

— Что вы хотите от меня услышать?

«То, что произошло на самом деле. То, что видели все. Нелепая ссора между твоей женой и ее отцом. Ссора, закончившаяся пощечиной. Давай, Марк, говори правду, ты же знаешь, что отпираться бессмысленно. Ты же умный человек!»

Марк молчал. И тогда Звягинцев решил взять инициативу в свои руки.

— Вы меня слушаете, Ольга?

— Да...

— Очевидцы утверждают, что между вами и вашим отцом произошел неприятный инцидент.

— Ольга! — Марк крепче сжал руку жены. — Ты можешь не отвечать на его вопросы. Это не официальный допрос, у него даже полномочий нет!

Это был удар ниже пояса. У Звягинцева действительно не было полномочий. Никаких корок, кроме просроченного удостоверения, которое ему в обход правил оставили в память о Питере по специальному распоряжению начальника отделения. У него, правда, были сомнительные корочки сотрудника службы безопасности «Розы ветров», но никакого значения в большом мире закона и преступлений эти корочки не имели.

— Нет, почему же, — сказала Ольга прерывающимся голосом, — почему же... Я скажу. Я отвечу на ваш вопрос. Мы действительно поссорились с отцом. Он обвинил нас в том несчастье, которое произошло с Инкой. Он сказал... Сказал, что мы должны были быть рядом, что мы просто бросили ее.

— А вы...

— Я вспылила. Я сказала, что мы вовсе не обязаны следить... Что он... — Она сглотнула слюну и с трудом произнесла:

— Что он смешон. Что-то вроде этого... Что человек в возрасте не должен так вести себя, что нужно хоть немного думать о чувстве собственного достоинства.

— И, должно быть, добавили что-то крепкое в адрес его жены?

— Да. — Она подняла глаза на Звягинцева. — Да.

— И тогда он ударил вас.

— Да.

— Что же было дальше?

— Прекратите это немедленно! — снова вмешался Марк. — Это бесчеловечно.

Она легко коснулась его руки: успокойся, милый.

— Ничего. Ничего не было. Я ушла домой.

— Вы ушли домой?

— Убежала.

— В котором часу это было?

— Господи, ну откуда же я могу знать? Разве я следила за часами...

— А вы, Марк? Вы не можете ответить на этот вопрос?

— Точно — нет. Скорее всего после полуночи. Да, конечно, после полуночи.

— А вы не отправились следом за женой? Ведь скорее всего она была в состоянии сильного эмоционального стресса.

Марк смутился. В его холодных, обычно таких самоуверенных глазах мелькнули страх затравленного зверя и позднее раскаяние.

— Я хотел. Я даже вышел... Но Ольги уже нигде не было.

— И вы вернулись к Шмаринову.

— Да. Дело в том, что у нас еще был не закончен деловой разговор. Я работаю в его концерне, и у нас сейчас намечается крупная сделка...

— И вы решили, что это важнее, чем состояние вашей жены?

— Это работа.

— Понятно. Значит, вы остались с тестем в баре. В котором часу вы покинули его?

— Что-то около четырех. Я проводил его до холла гостиницы, и мы условились, что созвонимся с утра.

— Потом вы отправились домой?

— Вы же знаете. Пал Палыч! Потом я вернулся в бар. И просидел там до самого его закрытия.

— А почему вы сразу не пошли домой?

— Почему? Мне нужно было продумать один из вариантов сделки. Именно об этом мы и разговаривали с Игорем.

— Значит, вы просидели до закрытия, а потом отправились к себе.

— Да.

— И что?

— Ничего. Лег спать и проснулся только тогда, когда вы начали стучать Нам в дверь.

— А что ваша жена?

— А что — моя жена? Когда я вернулся, она спала.

— В одежде? — неожиданно спросил Звягинцев.

По лицу Марка пробежала тень, и это не осталось незамеченным.

— Так в одежде или нет? Это же очень легкий вопрос, Марк.

— — Я не знаю, — наконец выдохнул он — Что значит, не знаете?

— Дело в том, что я не включал свет. Я боялся разбудить ее.

— Значит, боялись разбудить, — задумчиво произнес Звягинцев.

— Да, — с вызовом ответил Марк. — Надеюсь, это не преследуется в уголовном порядке?

— Нет, конечно. Теперь вернемся к вашей жене. Вы утверждаете, Ольга Игоревна, что после того, как покинули бар, сразу отправились домой.

— Да.

— Легли спать.

— Да.

— И проснулись только утром.

— Да.

— Вы уверены в этом?

На Ольгу жалко было смотреть: она сжалась в комок и закрыла голову руками. Марк смотрел на Звягинцева с ненавистью.

— Прекратите это немедленно! Слышите, вы!!! Не смейте мучить ее! Не смейте мучить мою жену!..

— Успокойтесь. Мы не ставим целью в чем-то уличить вашу жену. Единственное, чего мы хотим, — установить истину.

Сейчас наступит самый трагический момент. Самый трагический и самый тяжелый. Он, Звягинцев, должен будет сказать им... Должен будет сказать ей, что ее видели в гостинице ночью. Как раз в то самое время, когда она, по ее словам, спала у себя в коттедже. Сказать — со всеми вытекающими отсюда последствиями. Ему очень не хотелось делать этого, именно потому он разволновался и стал называть себя во множественном числе: «Мы не ставим целью... Единственное, чего мы хотим...» Но весь этот прокурорский пафос произвел неожиданное впечатление на Радика с Колей. Они приободрились, почувствовав, что присутствуют при чем-то значительном. Радик даже подмигнул Звягинцеву — все правильно, шеф, валет — не фигура, бей дамой!

— Значит, вы утверждаете, что после того, как покинули бар, вы вернулись в коттедж.

Ольга молчала.

— Да, — сказал за нее Марк.

— Очень хорошо. Но, к сожалению, мы располагаем другими сведениями. Вас видели входящей в гостиницу и выходящей из нее уже после четырех, когда Шмаринов.., ваш отец покинул бар и поднялся к себе.

Ольга подняла на Звягинцева полные ужаса глаза.

— Нет! — вырвалось у нее. — Нет! Нет!

— У нас есть показания нескольких свидетелей. В том числе портье, который опознал вас.

— Нет!

— Вы отрицаете факт посещения гостиницы?

— Я... Этого не может быть... Этого не может быть, правда, Марк?

— Конечно, кара.

— Ну что ж, тогда придется пригласить свидетеля.

Звягинцев снял телефонную трубку. Разговор с Иваном был коротким, потом трубку взял Серый. По просьбе Звягинцева, который предвидел такой поворот событий. Серый уже час сидел в холле. Спустя несколько минут после звонка Звягинцева он появился в комнате. Переминаясь с ноги на ногу. Серый обвел присутствующих взглядом и почтительно поздоровался.

— Присаживайтесь, Сергей Алексеевич, — сказал Звягинцев, и Серый даже слегка обалдел от такой вежливости.

— Ничего, я постою.

— Садитесь.

Серый присел на краешек стула, стоящего у письменного стола Звягинцева.

— Это наш портье, Сергей Алексеевич Мулец. Надеюсь, вы все его знаете.

— Видели, — сквозь зубы процедил Марк.

— А теперь, Сергей Алексеевич, расскажите нам все то, о чем вы рассказали мне.

— А чего рассказывать?

— О прошлой ночи. Вы видели эту девушку?

— Видел. Она приходила.

— Когда это было?

— Я же говорил, уже после четырех утра. Вошла в гостиницу, поднялась по лестнице и минут через двадцать... Или через полчаса вышла.

— Вы спросили у нее, куда она идет?

— А нужно было? Я же знаю. В номере двенадцать проживает ее подруга, которая ноги поломала. Что же я буду спрашивать...

— И вы не удивились, что она приурочила свой визит к четырем или пяти утра?

— Ну... Это же свободная воля свободных людей. Вы знаете наши правила, шеф. Либерализм и полная свобода.

Ольга не могла отвести взгляда от портье.

— А вам ничего не показалось странным в ее поведении?

Может быть, она была чем-то расстроена или нервничала?

— Да нет. Ничего такого. Она пробежала мимо. И так же быстро выбежала. Вот и все.

— Вы уверены, что это была я? — Ольга так побледнела, что, казалось, еще секунда — и она упадет в обморок.

— Да, товарищ Мулец, — поддержал Ольгу Звягинцев. — Вы уверены, что это была именно она?

— Конечно. Только на ней была одежда другая — такой комбинезон, голубой с белым, и куртка. И еще очки были.

С затемненными стеклами.

— Вчера вы были в очках? У вас плохое зрение?

— Нет, — Ольга беспомощно посмотрела на мужа. — Со зрением у меня все в порядке.

— Моя жена действительно уже какое-то время носит очки. Это от

снега, она посадила себе глаза, когда была на спуске, — волнуясь, объяснил Марк. — Надеюсь, в этом нет ничего предосудительного?

— Вчера вечером вы тоже были в очках?

— Какое это имеет значение? — снова вклинился Марк.

— Вы были в очках?

— Да, — едва слышно произнесла Ольга.

— А сегодня?

— Я забыла... И Марк не напомнил мне. Но все равно, глаза больше не болят...

— Понятно. Ну что ж, спасибо, Сергей Алексеевич. Вы можете быть свободны.

Серый покинул помещение. Когда он аккуратно прикрыл за собой дверь, в комнате воцарилась тишина.

— Может быть, пригласить людей, которые видели вас ночью, примерно в это же время?

— Ненужно...

— Значит, вы признаете, что посетили гостиницу ночью?

— Я... Я не помню этого. — Она спрятала лицо в коленях и зарыдала. — Не помню, не помню, не помню...

— Прекратите! — крикнул Марк.

Ну вот, теперь можно и прекратить. Она не помнит — полная калька с ситуации с Запесоцкой. Не помнит, не ведает, что творит. Бедняжка.

— А что вы помните?

— Я вернулась домой... После ссоры с отцом. Я вернулась в коттедж и легла спать. У меня болела голова. Страшно болела. Она и сейчас болит. Я не могла там быть... Я не помню, не помню...

Ольга была окружена людьми, но сейчас вокруг нее как будто бы возникло пустое безвоздушное пространство. Мертвая зона.

Звягинцев загремел ящиком стола и спустя секунду достал оттуда вещественное доказательство.

Охотничий нож Нгаи, еще вчера принадлежавший покойному Шмаринову.

Орудие убийства.

Звягинцев положил окровавленный нож перед собой. Ольга смотрела на него не отрываясь.

— Вам знаком этот предмет?

— Нож?

— Да, нож.

— Да, это папин нож. Из его коллекции. Нож Нгаи. Он его очень

любит. Он часто возит его с собой. Я не знаю, зачем он привез его сюда. Я не знаю...

— Этим ножом сегодня ночью был убит ваш отец.

И тогда она не выдержала. Она упала на пол и уткнулась руками в пол. Дальше произошло совсем уж непредвиденное: ее стошнило.

— Уберите его, уберите, слышите! — заорал Марк, пытаясь собой заслонить Ольгу от стола. — Убери его немедленно, сволочь!

Звягинцев и сам порядком струхнул. С ножом он, пожалуй, переборщил, но кто знал, что у девушки окажутся такие хрупкие нервы? Он сунул нож обратно в ящик стола, совершенно не зная, что будет делать дальше. Ольга по-прежнему сидела на полу, и плечи ее сотрясались от рыданий, а горло перехватил спазм.

— Ты мне за это ответишь, сволочь! — крикнул Марк. — Ты мне за это ответишь! Я тебя сгною!!! Я тебя сам порешу.

Марк кричал так сильно, что у Звягинцева заложило уши.

— Нет, — вдруг очень тихо сказала Ольга. — Нет. Не надо, Марк. Ты знаешь правду, Марк! Не надо, прошу тебя...

— Кара!

— Не надо. Все кончено, Марк. Все кончено.

Она в упор посмотрела на Звягинцева. Если бы глаза могли убивать, Пал Палыч свалился бы бездыханным. В самой глубине ее зрачков притаилась такая страшная, такая холодная пустота, что Звягинцев сам едва не потерял сознание.

— Не надо, Марк. Все кончено. Я хотела убить, и я убила.

— Что ты говоришь, кара...

— Я убила своего отца. Я не помню, как я это сделала. Я говорила ему... Тогда, в баре... Когда еще помнила все, когда еще была собой... Он готов был предать нас всех из-за нее...

Я была несправедлива... Я хотела извиниться... Но бороться с этой яростью в себе — пока я могу, я борюсь... Я не помню, как я это сделала... Но я убила его.

— Кара!

— Не нужно, Марк, ты тоже знаешь правду... Ты милый.

Ты хотел скрыть. Ты сказал мне утром, когда мы увидели эту кровь. Ты сказал: «У тебя было кровотечение из носа». Кровь из носа — как мило, как невинно, правда? Но это была не моя кровь. Это была кровь моего отца. Я становлюсь похожей на маму, которую всегда боялась... Но еще больше я боялась, что это случится со мной. И это случилось. Марк, ты не можешь любить меня. Ты не можешь больше оставаться со мной...

Все кончено... Пока еще я кое-что помню. Я помню — и нашу Венецию тоже. Но тогда, когда ты нашел меня в снегу, когда я избивала эту женщину, — я ничего не помнила... Теперь это будет всегда, Марк, милый... И эти промежутки беспомысленности — они будут все длиннее. И превратятся в одну сплошную полосу. И там больше не будет меня. Там будет совсем другое существо, которое нужно будет сажать на цепь и надевать на него смиренную рубашку... Обещай, что ты никогда ко мне не придешь...

— Я не могу, кара...

— Обещай мне, Марк.

— Нет.

— Как хочешь. Мне уже будет все равно... Я убила его.

Оцепеневший Звягинцев не отрываясь смотрел ей в лицо — на его глазах оно старилось и превращалось в лицо старухи: никогда в жизни он не видел такой страшной метаморфозы.

— Простите, Звягинцев... Вас зовут Пал Палыч?

— Да, — Звягинцев вздрогнул.

— У нас в коттедже... В моем чемодане, на самом дне...

Там лежит комбинезон, в котором я была сегодня ночью.

Марк спрятал его туда, чтобы потом выбросить... Или зарыть.

Или сжечь. Или уничтожить. Чтобы он никогда не напоминал мне...

Комбинезон тоже в крови. Это папина кровь. И на моих руках тоже была папина кровь. Она и сейчас на руках.

Возьмите комбинезон. Пал Палыч... Это еще одно вещественное доказательство. Вам же нужны вещественные доказательства?

Звягинцев молчал, сердце его разрывалось от тоски.

Марк... Я люблю тебя, Марк. Я люблю тебя. Но все кон* * *

Действительно, все было кончено.

Они на некоторое время оставили Ольгу в комнате номер тринадцать. Она сама попросила оставить ее там. Признания Ольги сломали Марка. Еще вчера преуспевающий и холерный, он потерял весь свой лоск, он был раздавлен происшедшим.

Звягинцеву не хотелось добивать его.

— Я понимаю ваше состояние, Марк.

— Нет, вы не понимаете...

— Мне бы хотелось помочь — и вам, и ей.

— Поздно.

— Мне очень жаль...

Марк молчал, глядя в одну точку. Сейчас он выглядел гораздо более

безумным, чем Ольга.

— Наверное, я бы поступил точно так же, если бы хотел спасти любимую женщину... Когда вы узнали о том, что произошло?

— Я не знаю... Когда увидел ее окровавленную одежду.

И перепачканные руки... Тогда я подумал, что это не может закончиться хорошо. А потом пришли вы. С этой чудовищной новостью об убийстве... Но я не мог... Не мог предать ее.

Вы рассказали обо всем. О том, как был убит Игорь. Я понял, что это действительно она. Господи, зачем только он приехал? Я говорил вам, я заказал билеты на самолет. Если бы Инка не разбилась, все было бы совсем по-другому. Он бы не прилетел... Господи, ведь это же я вызвал его. Своими руками подписал ей смертный приговор. Ей и себе.

— Не стоит винить себя, Марк. Вы ни в чем не виноваты.

Все равно это проявилось бы — раньше или позже.

— Но не было бы убийства... Я показал бы ее лучшим врачам, я положил бы ее в самую лучшую клинику. Я заплатил бы любые деньги, только бы она была здорова. Я пошел бы и на большее...

— А вы и пошли. Зачем вы попытались свалить всю вину на Инессу? Вы ведь умный человек, Марк. Вы понимаете, что то, что группа не приехала, — это чистая случайность.

Как только бы она здесь появилась, все стало бы на свои места. Ее отпечатки на ноже, кровавый след на стене в комнате...

Вы бы все равно ее не спасли.

— Не знаю. Я потерял голову.

— Когда вы излагали мне версию о причастности к преступлению Инессы Шмариновой, вы вовсе не выглядели растерянным. Ваша версия была безупречной... Во всяком случае, она выглядела вполне правдоподобной. Единственно правдоподобной в сложившихся обстоятельствах.

— Я просто знал, что в ванной комнате сидит моя жена, которая никак не может смыть кровь. Я должен был защитить ее. Ведь Игорю уже ничем нельзя помочь.

— Боюсь, что и Ольге уже ничем нельзя помочь.

— Нет. Ее должны вылечить... У нас же есть врачи. Есть препараты...

— Даже если бы это произошло, даже если бы ее вылечили, — она ведь навсегда будет травмирована этим убийством.

— Но вы должны понять, она не ведала, что творила. А когда узнала об этом — сама ужаснулась. Вы знаете, что такое каждый день ожидать этого ее страшного беспамятства? Этого раздвоения личности. Последние

несколько дней я прожил, как в аду. Зачем мы только сюда приехали? Не было бы этой цыганки в аэропорту — она как будто запрограммировала Ольгу.

— Марк, не будьте ребенком! Не нужно цепляться за внешние обстоятельства. Во всем этом никто не виноват, кроме дурной наследственности.

«Кроме дурной наследственности» — так мог бы сказать Володя. Это были слова из его жизни с печатной машинкой и сочинением сказок. Звягинцев подумал о том, что начинает говорить с Марком его языком — языком, на котором не понимают дешевого пива и толстых животов.

...Ольга попросила оставить ее, она хотела справиться с происшедшим одна. Она не могла больше видеть людей. Она еще долго не сможет видеть людей.

За несколько часов Радик и Коля подготовили коттедж Красинских. С согласия Марка и по ее собственной просьбе она должна была пробыть там до приезда оперативной группы.

Марк настаивал на том, чтобы ему тоже разрешили вернуться в коттедж, но Ольга категорически воспротивилась этому.

Она должна нести свой крест одна.

Чувствуя себя подлецом, Звягинцев шепнул охранникам, чтобы они укрепили окна и сняли с них все ручки — от греха подальше, вдруг на Ольгу снова накатит безумие.

Сами же охранники должны были выполнять свои непосредственные обязанности в коттедже: одна из двух комнат отводилась им. Марк согласился временно пожить в импровизированном кабинете Звягинцева в административном крыле: там был диван и даже маленький санузел. Он забрал из коттеджа кое-что из вещей: неизвестно, как долго придется ждать развязки бурана.

Звягинцев действительно нашел комбинезон Ольги в одном из ее чемоданов. Вся ткань впереди была обезображена уже подсохшей кровью: ни Ольге, ни Марку даже в голову не пришло застирать ее. Ясно, что Ольга была деморализована, а Марк... Ольга права — скорее всего, Марк действительно собирался уничтожить улику.

Звягинцев не мешал им проститься, когда Ольга отправлялась в коттедж — в ссылку, в изгнание, в камеру предварительного заключения. Это было тяжелое прощание. Ольга больше не принадлежала Марку, а Марк больше не принадлежал ей.

Звягинцев и охранники тактично отошли в сторону, пока Ольга и Марк говорили друг другу прощальные слова. И молчали в последний раз. Он

крепко сжимал ее холодные безучастные руки, но она даже не чувствовала этих пожатий.

— Я люблю тебя, кара... — шептал он затертые до дыр слова. — Я не оставлю тебя... Я найду лучших врачей. Ты поправишься, ты выздоровеешь, и все будет как прежде.

— Марк, ты же знаешь, что ничего не будет как прежде.

Что ничего уже не будет.

— Я не верю.

— Марк! Если даже я сама поверила в то, что убила своего отца... Не нужно сопротивляться, Марк. Ты свободен. Я хочу, чтобы ты был свободен. Позаботься об Инке.

Лицо его исказила гримаса, но он все же нашел в себе силы сказать:

— Да, конечно.

— Папа так любил ее.

— Я знаю.

— Ты заберешь ее отсюда?

— Конечно.

— Марк... Ты переложил снотворное? Ты ведь унес его из ванной.

— Почему ты об этом заговорила? — испуганно спросил он.

— Мне нужно снотворное.

— Зачем?

— Ну что ты как маленький... Я просто не смогу спать с тем, что знаю о себе. Ты прав. Мне нужно успокоительное.

Чтобы хотя бы на время забыть и забыться.

— Я не скажу тебе...

— Пожалей меня, Марк.

— Что ты задумала, кара?

— Ты что, боишься, что выпью целый пузырек? Что я захочу покончить с собой?

Его лицо исказилось гримасой боли.

— Я не скажу тебе...

— Пожалуйста. Я обещаю тебе, что ничего не сделаю с собой. К этому я не готова. Во всяком, случае пока. Мне просто нужно заснуть. Пожалей меня.

— Хорошо, — он все-таки сжалился над ней: последний жест отчаянно влюбленного. — В сумке для лыжного снаряжения, во внутреннем кармашке, там, где обычно лежат очки.

— Спасибо, Марк. А теперь уходи.

— Нет.

— Уходи. Мы увидимся, обязательно. Я ведь пока еще твоя жена.

— Ты всегда будешь моей женой. — Марк обнял ее и сильно прижал к себе. Он делал это тысячи раз за два с половиной года их совместной жизни. И впервые она не ответила на его объятия.

— До свидания, кара! — Прощай, Марк.

Отделившись от Марка, она подошла к охранникам и Звягинцеву, уже ожидавшим ее. Марк долго смотрел ей вслед, но она даже не обернулась.

* * *

Она сказала Марку, что не готова, только лишь в утешение.

Она готова.

После правды о том, что произошло, она не может больше жить.

Милый Марк, она теперь так и не узнает, понял ли он ее на самом деле или действительно решил, что снотворное ей нужно только для того, чтобы хотя бы на время забывать об убийстве отца. В соседней комнате двое охранников дуются в карты. Дуться в карты — это их единственный недостаток.

В остальном это симпатичные, недалекие и довольно деликатные парни. Они не докучают ей, не рассматривают ее, как дикого зверя, посаженного на цепь, они стучатся, прежде чем войти в комнату (справедливости ради нужно сказать, что делают они это не очень часто). Они спрашивают ее, хочет ли она поесть, ведь даже приговоренный к смерти имеет право на завтрак перед электрическим стулом, веревкой или пулей в затылок.

Приговоренный к смерти.

Она тоже приговорена.

Марк не соврал: он действительно спрятал снотворное в их лыжной сумке, во внутреннем кармашке для очков, там и сейчас лежат его горнолыжные очки — «Turbo C.A.M.», 134 доллара за штуку. Таблеток нитразепама гораздо меньше, чем долларов, отваленных за очки: тридцать пять штук.

Но теперь, глядя на них, она надеется, что они спасут ее от нее самой.

Она убийца.

Убийца раскладывает таблетки в кружок, строит их рядами шесть на шесть (одной таблетки все равно не хватает), вытягивает в одну линию, сооружает из них эллипс, квадрат и пирамиду. В предчувствии смерти

можно заняться геометрией.

Геометрией, в которой все параллельные прямые сходятся в одной точке.

В этой точке она убила своего отца.

Самое страшное, что она не чувствует в себе той черной, безжалостной половины, которая могла совершить все это.

Неужели ее глаза источали гнев, неужели ее слова источали ярость, неужели ее руки взяли нож и убили?

Она до сих пор чувствует на них кровь отца.

Она убийца. Отцеубийца.

Отцеубийство карается по всем законам — по божеским и человеческим. Она не должна жить. Парни, расписывающие пулю за стеной, должно быть, думают так же. Парни, люди толстого Звягинцева. Сам Звягинцев не в счет.

Он оказался славным человеком, он даже не боялся ее, он не давал волю справедливому гневу: единственным чувством, которое двигало им, было чувство сострадания. К молодой, красивой, преуспевающей женщине, которая неожиданно для себя оказалась поделенной на две части. На добро и зло...

«Но ведь та Ольга, которую я не знаю и которую не помню, — она ведь тоже собиралась уничтожить зло».

Она так и говорила — той полуслепой женщине, которую избил, тем фигурам из льда, которые уничтожила: «Зло должно быть наказано!»

Ольга даже застонала от невозможности проникнуть в логику безумной половины своей души. Интересно, какая табличка висит при входе на нее? «Посторонним вход воспрещен»? Или — «Осторожно, идут ремонтные работы»? Или — «Свободных мест нет»? Или — «Не входи! Убьет»... Ведь существует какая-то логика даже в ярости, даже в покушении на убийство. Даже в убийстве...

Почему эта грань перехода в безумие всегда ускользает от нее: ведь можно же научиться жестко ее фиксировать?

Психиатры могли бы многое порассказать по этому поводу.

Жаль, что она не услышит их рассказов.

Ольга снова выстроила розоватые таблетки в квадрат: розоватые, овальные, с выдавленной английской буквой F на брюшках. Интересно, почему F, если они называются «Нитразепам»? Впрочем, какое это имеет значение, F даже лучше, больше соответствует моменту. F, freedom, свобода. Именно так, скоро она будет свободна... Может быть. Иона спас бы ее...

Теперь, на пороге собственной смерти, когда стоит только толкнуть дверь и войти, она может себе признаться.

Иона волнует ее.

Волнует так, как никогда не волновал Марк. Нет, это было бы не правдой, это было бы нечестно по отношению к мужу.

К Марку она всегда испытывала настоящее влечение и — изредка — настоящую нежность. Он был слишком хорош для нее, слишком целен даже в своей любви, слишком правилен.

Его страсть всегда была страстной, только и всего, никаких полутонов: только рациональное белое и практичное черное, офисный евростандарт. Его страсть не знала настроений, она не знала перепадов температуры, она не знала усталости. Хотя иногда так сладко бывает устать от страстей. Иона — другое дело. Иона — дикий мальчишка, дикий зверь, а звери иногда устают и зализывают раны... Иона, с которым она бы хотела... Боге ним — с тем, что она хотела. Теперь это уже неважно.

Сейчас она выпьет таблетки, и все перестанет быть важным. Только у охранников будут маленькие неприятности.

Но больше, чем на полчаса, разнос не затянется. Они будут молча смотреть на орущего Звягинцева, и глаза их подернет влага: «Плачь больше, карта слезу любит», первое правило.

Выслушав тезисы о том, какие они кретины и раздолбай, охранники снова вернутся к своим преферансным заповедям:

«Под вистующего с тузующего», «Под игрока — с семака», «Хода нет — ходи с бубей»...

Хода нет — ходи с бубей.

Но ход есть. Очень хороший ход.

Нужно попросить у охранников стакан воды, чтобы запить свою собственную смерть.

...В углу неожиданно пискнул «ноутбук». Странно, что Марк не отключил его. И не забрал с собой, как «дипломат» с документами, — а оставил здесь. «Ноутбук» — последнее напоминание об их совместной жизни, пусть он и остается последним напоминанием.

Ольга вздрогнула и тотчас же успокоила себя: Марку опять пришла электронная почта, все-таки он много работает, и работает на износ, надо бы...

Она тотчас же окоротила себя: теперь Марк сам будет разбираться со своей жизнью.

Но принять сообщение все-таки стоит. Это последнее, что она может сделать для Марка. Она терпеть не может работающего вхолостую

компьютера, она всегда выключает его, она очень аккуратна в этом смысле, почти нетерпима, и Марк всегда посмеивается над этой ее нетерпимостью. И если уж она прошляпила работающий «ноутбук», то, так и быть, примет сообщение... Из той жизни, где еще не знают, что ее отец, глава крупной фирмы, мертв...

Мертв, и это сделала она.

Ольга подошла к компьютеру и заглянула в него. Странное название, такое знакомое, такое близкое, как мороженое с фисташками" которое она так любила в детстве. Как мороженое с фисташками и сахарная вата.

«ПЛАТА».

Ольга вздрогнула и с трудом удержалась на ногах: «Паатой» звали ее любимого плюшевого медвежонка. Отец привез его, когда Ольге было пять лет, а Манана настояла на том, чтобы его назвали Паатой, — «чем больше грузинских имен в доме, тем лучше». Паата прожил с ней все детство и часть юности, только совсем незадолго до встречи с Марком он пропал: старенький оруженосец Мананы, последний из грузин, покинувший их русский дом. Как же она обожала своего медвежонка!

ПААТА.

Как странно называется сообщение! Как будто кто-то шлет привет из забытого детства.

Ольга не удержалась и открыла его. А когда прочла, то до нее не сразу дошел смысл прочитанного. Но когда дошел, она даже улыбнулась: все правильно, мои родные, мои любимые, все правильно. Текст был коротеньким, но длинного и быть не должно: там, где они сейчас, им разрешили передать всего лишь несколько слов:

«Я ЖДУ ТЕБЯ. НИЧЕГО НЕ БОЙСЯ. ЧЕМИ ПАТАРА ГОГОНИЯ. МАНАНА».

«Чеми патара гогония» — моя маленькая девочка, именно так называла ее Манана в детстве. Это был их интернациональный секрет, рассчитанный на трех посвященных: Ольгу, отца и Манану.

Чеми патара гогония. Моя маленькая девочка.

Ольга улыбнулась.

Цыганка в аэропорту, а потом этот ее кошмар. Манана хотела предупредить ее именно таким образом: оставайся дома, в своей спокойной и правильной жизни, не иди следом за мной. Но Ольга не послушалась: чеми патара гогония редко слушалась своей мамы. И она увязалась следом. И даже прихватила с собой отца. И Манана сдалась: раз уж ты увязалась следом, то придется взять и тебя.

Ваша маленькая девочка не задержится, милые мои. Она идет к вам.

Нужно только попросить воды у охранников.

Ольга подошла к двери и уже собралась было постучать в нее, когда раздался еще один, приглушенный стук. Кто-то хотел попасть в их коттедж. Только не Марк! Она говорила с ним, она просила его не приходить. Он не должен беспокоить ее сейчас, он не должен мешать ей...

Кто-то из охранников подошел к входной двери и открыл ее: Ольга слышала это, приложив ухо к своей собственной тонкой двери. Боже, когда они перестанут ходить?

Только бы это не был Марк, почувствовавший, что она решила сделать. Теперь он будет мешать ей совершить то, что она хочет совершить. Ольга вернулась к кровати, на которой лежали таблетки. Какая разница, пусть это будет Марк. Он все равно ничего не сможет сделать, даже если отберет таблетки. Она все равно найдет способ — менее щадящий, менее антисептический. Невозможно остановить человека, если он на что-то решился. Он решился, а значит, переступил черту.

Опустив руки, Ольга сидела на кровати и разглядывала таблетки. Пришедший уйдет, как уходят все, и она сможет осуществить задуманное. Даже страшный шум, грохот и стоны не вывели ее из оцепенения. Она пришла в себя только тогда, когда дверь распахнулась. И на пороге показался человек в занимающих пол-лица горнолыжных очках. Ольга даже не успела испугаться, когда он сдвинул их на лоб. Иона.

Иона.

Он был таким, каким она уже рисовала его себе: смуглое лицо избито снегом; снег везде — на бровях, на волосах, на щеках, на ожесточившемся решительном подбородке... Почему он все время ходит без шапки?..

Иона.

Его появление было таким неожиданным и таким желанным, что Ольга, забыв обо всем, бросилась к нему. И, уткнувшись в его холодную грудь, горько расплакалась. Как чеми патара гогония.

Иона!..

Он стиснул ее в объятиях и сказал всего лишь несколько слов:

— Собирайся. Мы уходим.

— Нет...

— Собирайся, иначе мне придется связать тебя.

— Ты не понимаешь, ты не знаешь, почему я здесь... Я сама сюда пришла.

— Я все знаю, — сказал он и приподнял ее подбородок. — Я все знаю. Собирайся. У нас всего лишь несколько минут.

Оторвав от себя Ольгу, он легонько подтолкнул ее.

— Я не могу идти с тобой... Я не могу подвергать тебя риску и страданиям. Иона. Я безумна и сама не знаю, когда и как начинается мое безумие. Я сумасшедшая. Самая банальная сумасшедшая, страдающая раздвоением личности.

— Ты не сумасшедшая. Собирайся.

— Ты не понимаешь...

— Собирайся! — Невозможно противиться его напору, так же, как невозможно противиться его рукам.

— Я не знаю... Я не знаю, что брать, — жалобно сказала Ольга.

— Ничего не нужно брать. Просто одевайся потеплее, и все.

Пока Ольга безропотно исполняла его приказ, он прошелся по комнате. И увидел таблетки, аккуратно разложенные на диване. Собрав таблетки в горсть, он зло зашвырнул их в самый дальний угол.

— Задумала покончить с собой? — Он почти с ненавистью посмотрел на Ольгу. — Сожрать их всухомятку? Думаю, такой исход дела устроил бы всех.

— Какое это имеет значение?

— Теперь никакого. Ты готова?

— Да. Куда ты собираешься?..

— Все вопросы потом. А сейчас запомни одно: ты не сумасшедшая.

Ты поняла меня?

— Да, — едва слышно сказала Ольга.

— Не слышу!

— Да, да, да.

— Отлично. Идем.

Он протянул ей руку, и она ухватилась за нее, как хватаются за соломинку. Вместе они прошли комнату охранников: оба парня были без сознания. Но Иона для верности связал их и приковал друг к другу наручниками: друг к другу и к батарее.

— Что ты сделал с ними, Иона?

— Ничего. К утру оклемаются.

Они вышли на улицу, плотно прикрыв за собой дверь. Бесконечный снег шел по-прежнему, но еще никогда он не казался Ольге таким прекрасным. У коттеджа стояла странная машина, похожая на крошечный катер на полозьях.

— Что это? — спросила Ольга.

— Мотонарты. Проще говоря, снегоход. Прост в управлении. Тебе понравится.

Иона уселся за руль и взглянул на Ольгу:

- Чего ты ждешь?
- А что я должна делать?
- Садись ко мне за спину.

И опять невозможно было ему не подчиниться. Ольга устроилась на заваленном снегом заднем сиденье и крепко обняла Иону за пояс.

— Держишься? — спросил он, включая двигатель.

— Да.

— Тогда поехали...

— Куда? Куда мы едем?

— Увидишь. Подальше от всего этого клоповника...

— Но я не могу... — Ольгу снова начали одолевать сомнения.

— Послушай, девочка, ты же не давала подписку о невыезде? У тебя нет никаких обязательств.

— Зачем ты это сделал. Иона? Ведь они сразу поймут, что это ты. И охранники расскажут, когда придут в себя.

— Плевать, — беспечно сказал Иона. — Теперь это не имеет никакого значения. Теперь главное — это ты. Я не могу тебя потерять.

— В каком смысле?

Он посмотрел на нее и впервые за все это время улыбнулся.

— В том смысле, что ты, как новичок, вполне можешь вылететь из седла на повороте. Но мы не будем превышать максимальную скорость шестьдесят километров в час.

— Иона! Но ведь сейчас снег... Мы же застрянем где-нибудь! — К ней постепенно возвращалась жизнь. Да, еще никогда ей не хотелось жить так, как сейчас.

— Надень шлем.

— Шлем?

— Он на багажнике... Мало ли...

— А ты?

— Кажется, я уже говорил тебе: я ненавижу головные уборы.

Ольга надела горнолыжный шлем, лежавший позади нее.

— Ну что, готова?

— Да.

— Тогда держись крепче. Отъезжаем...

Иона запустил двигатель, и спустя несколько секунд снегоход рванул с места.

...Она заснула. Без всякого снотворного, несмотря на снег, несмотря на холод, несмотря на тряску, несмотря на спину Ионы, к которой она прижималась всем лицом. Заснула — глупее не придумаешь. Ионе даже

пришлось потратить какое-то время, чтобы разбудить ее, когда снегоход остановился.

Иона — именно его она увидела, когда наконец-то открыла занесенные снегом глаза.

— Ну ты даешь, — искренне удивился Иона. — Спать в такое время и в таком месте.

— Прости...

— Ладно, не извиняйся.

— Куда это мы приехали?

— Туда, где тебя никто не найдет.

Слова Ионы моментально вернули ее к скорбной действительности, к клейму душевнобольной: послав все к черту, отправиться куда-то с Ионой — это был минутный порыв, за который придется дорого заплатить. Ольга тотчас же пожалела, что поддалась ему. Невозможно убежать от себя самой — даже на снегоходе, даже прижавшись к спине человека, который искренне хочет тебе помочь.

Нет, он не хочет помочь. Он хочет спасти. Спасти ее для себя. Именно так поступают эгоистичные звери. Ольга уперлась кулаками в плечи Ионы.

— Зря ты все это затеял.

— Не зря, — упрямо сказал он. — Хочешь провести остаток дней в психушке?

— Так было бы лучше для всех.

— Не сомневаюсь. Особенно для тех, кто тебя подставил.

— Что ты имеешь в виду?

— Идем. — Он уклонился от вопроса. — Идем, иначе нас занесет снегом.

...Сторожка выросла как будто из-под земли, и это страшно удивило Ольгу. Крошечный домик не был виден даже с расстояния трех шагов, и, как Иона нашел его в метели, оставалось для нее загадкой.

— Что это? — спросила Ольга.

— Раньше здесь была альпинистская база, тренировочный лагерь, в пятистах метрах — нижняя точка восхождения. Здесь уже лет десять никого не было. Я наткнулся на нее совершенно случайно, кое-что подшаманил... Словом, здесь можно переждать.

— Что переждать?

— Да что угодно, — в голосе Ионы прозвучала угроза, но Ольга не расслышала ее. — Идем.

Как только они оказались внутри сторожки, Ольга сразу же поняла, что похищение Европы, задуманное Ионой, — не экспромт, а хорошо

спланированная акция. Сторожка была. готова дать приют заблудившемуся в снегах путнику: в маленьком, выложенном обломками скал камине тлел огонь; рядом с камином лежали подсушенные дрова. Интерьер дополняли грубо сколоченный низкий стол и пара лавок вдоль стен. На некоем подобии кровати, устланном сосновыми ветками, были аккуратно сложены спальники.

— Здесь очень мило, — сказала Ольга.

— Не очень, но на первое время сойдет. — Иона, возившийся с дровами, повернул голову в ее сторону.

— На первое время? — Ольга грустно посмотрела на него. — Ты собираешься прятать меня в горах до скончания века?

— Посмотрим по обстоятельствам. Во всяком случае, тебе не стоит светиться до тех пор, пока вся эта история не закончится.

— Она не закончится. Мне не нужно было ехать с тобой. Не знаю даже, что на меня нашло.

Ольга подошла к камину, присела рядом с Ионой и стала смотреть на весело разгорающийся огонь. Почему она решилась бежать из коттеджа, ведь дело было не только в Ионе?

Она могла остаться, сказать ему: я никуда не поеду, я буду ждать возмездия. И остаться. Не поволок бы он ее силой, в самом деле!

Она искоса взглянула на своего неожиданного спасителя, на его не терпящий возражений подбородок, на решительную складку у губ: нет, такой бы, пожалуй, поволок. Связал бы ее, как за секунду до этого охранников-преферансистов, и поволок. Силком бы загнал в свободное от психлечебниц будущее. Все произошедшее казалось сном, но это был сон из той категории снов, от которых Ольга давно отвыкла: ясный и восхитительно, реальный.

Никакого безумия.

Безумием теперь казались таблетки, сложенные в каре.

Она подала апелляцию об отсрочке приговора и теперь будет ждать результата.

— Зачем ты это сделал? — снова спросила она у Ионы.

— Так нужно, — не поворачивая головы, ответил он и подбросил поленья в камин.

— Ты не знаешь... Убит мой отец.

— Об этом знают все.

— А то, что это сделала я, тоже знают все? — Слова дались ей с трудом, но она не могла их не произнести.

— Да. Теперь уже все. — Он не стал утешительно лгать Ольге.

И зачем она только с ним поехала!

— И ты не боишься?

— Чего? — искренне удивился Иона.

— Что ты проснешься от того, что я занесу над тобой нож?

— У меня нет ножа. Только ледоруб.

— Ледоруб еще лучше.

— Я вообще не буду спать, если это тебя утешит.

— Во всяком случае, это может обезопасить тебя.

Он ощупал взглядом ее лицо и засмеялся. Он смеялся так долго, что Ольга устала ждать финального аккорда этого гомерического хохота.

— Кем ты себя мнишь? — отсмеявшись, спросил он. — Машиной для убийства, что ли?

— Я не хочу обсуждать с тобой это. Но если уж так получилось... Если я сделала глупость и отправилась с тобой на этом дурацком снегоходе. Будь осторожен. Иона. Будь осторожен со мной.

— Ты мне угрожаешь?

— Предупреждаю. Хотя, может быть, в этом есть рациональное зерно: у тебя есть шанс стать свидетелем.

— Свидетелем чего?

— Моего безумия. Если тебе повезет, ты увидишь, как оно наступает. Мне не удалось этого ни разу.

— А твоему мужу?

Он решительно избегал имени «Марк», решительно и осторожно — так обычно избегают встречи с гюрзой в туркменской пустыне.

— При чем здесь мой муж?

— Ведь это он должен был быть рядом с тобой. Он, а не я.

Вот оно что! Даже сейчас, сломленная и обвиненная в убийстве, она является яблоком раздора в тайной ненависти двух братьев, разменной пешкой в их игре. Иона сделал это не для того, чтобы спасти ее. Он сделал это не ради нее самой. Он сделал это в пику брату. Если милый Марк, до конца пытавшийся защитить жену, признал ее сумасшедшей, то Ионе сам бог велел считать ее вменяемой. Ольга закрыла глаза: сейчас накатит волна уже ставшей привычной ярости. Она теряла контроль над собой и по менее значительным поводам. Но, как ни странно, волны не последовало.

Полный штиль.

Только легкая горечь от того, что Иону гораздо больше интересует его брат, чем жена брата.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросила она.

— Он ведь отошел в сторону, правда? Позволил им запереть тебя в

доме и приставить к тебе охранников.

— Это не правда. Я сама настояла на этом. Марк не хотел...

Он просил меня...

— А когда ты ему отказала, он не стал настаивать, ведь так?

Она была вынуждена согласиться.

— Интересно, что бы ты сделал на его месте? — Это был провокационный вопрос.

«Что бы ты сделал на его месте» — означало наличие близких отношений, ночи, проведенные вместе, два с половиной года супружества, Венецию, Москву, дружеские вечеринки, бог знает что еще. Они братья, Ольге даже фамилию менять не пришлось бы, только у ее мужа было бы другое имя — Иона.

Замечательное имя, нужно сказать.

— Так что бы ты сделал на его месте? — снова повторила она.

— Я не поверил бы ни одному обвинению. Я не поверил бы в твое безумие.

— И наплевал на очевидные факты?

— Какие факты?

Бедный Иона, может быть, ты чего-то не понимаешь? Манана, протягивающая любящие руки из прошлого, убитый отец, провалы в памяти... Кошмары, галлюцинации, ледяная пещера; лед, преследующий ее... Путаясь и сбиваясь, она рассказала ему все — все с самого начала: от пророчества цыганки в аэропорту до сообщения, полученного по электронной почте: «чти патара гогония»...

Когда она закончила рассказ, первые поленья в камине прогорели, и Иона подкинул в его пасть очередную порцию.

А потом повернулся к обессиленной Ольге и крепко ухватил ее за руки.

— Я думал над этим. Я думал все дни и понял, что ничему не верю. Посмотри на свои руки. Не бойся, посмотри! Неужели ты веришь, что они могли убить отца? Неужели ты чувствуешь это? Тело всегда хранит информацию, ее можно считать. То есть ты можешь не знать всех слов, но смысл уловишь точно. Что говорят тебе твои руки? Мы зарезали человека? Ведь это же не так! Прислушайся к ним...

Ольга закрыла глаза. Действительно, не было никаких ощущений, даже смутных. Ее руки молчали.

— Ты не понимаешь, Иона. Ты пытаешься взывать к рукам Ольги Красинской, которые ни в чем не виноваты. Но ведь есть еще другая ее половина, и эти руки тоже принадлежат ей.

— Ну что за чушь! — Он даже рассердился. — Почему тебя все время хотят убедить в наличии этой второй половины?

И почему ты этому веришь?

— Я ударила ни в чем не повинную женщину. Я не помню этого, но она помнит.

— Она так хорошо знала тебя? Я несколько раз видел ее, она почти слепая... Может быть, она вообще придумала это...

Теперь пришла очередь Ольги смеяться.

— Чушь говоришь ты! Зачем ей было придумывать? Поверь, это не самая удачная история с точки зрения воображения.

— С точки зрения воображения — может быть. Но с точки зрения преступного умысла — вполне.

Господи, о чем он говорит?

— Какой преступный умысел. Иона? Я никогда не видела этой женщины раньше, мы перекинулись парой слов в туалете, только и всего.

— Я не говорю, что это ее преступный умысел.

— Тогда чей?

Иона молчал. Ему нечего было сказать.

— Вот видишь, тебе даже нечего сказать.

— Послушай, а до этой поездки... До этой поездки в горы с тобой было что-нибудь подобное?

— Никогда.

— Но стоило тебе только приехать сюда, как начались напасти. Тебе не кажется это странным?

— Ты забываешь о моей матери, — эти слова дались ей с трудом. — Если это сидело во мне, рано или поздно оно должно было проявиться.

— Но почему именно сейчас? Не раньше и не позже?

— Это просто цепь случайностей...

— Цепь случайностей? Я еще могу поверить в одну, отдельно взятую случайность. Но цепь случайностей — это уже чей-то злой умысел.

— Чей? — снова спросила она.

И снова он промолчал. Но теперь это было другое молчание. Молчание знающего человека.

— Скажи, может быть, тебе нравится прикидываться сумасшедшей? Может быть, это греет твою душу?

— О чем ты говоришь?

— Тогда почему ты так легко сдалась? Почему ты не стала сопротивляться?

— Как я могу сопротивляться очевидному?

— Очевидному для кого? Для твоего мужа? Для жены твоего отца? Для старого козла Звягинцева? Для полуслепой женщины? Для дурака-портье?

— А разве этого не достаточно? — горько спросила она.

— Нет.

— Что же еще нужно?

— Ты помнишь, с чего все началось?

— С цыганки в аэропорту...

— Нет. Цыганка тут ни при чем. Цыганка просто еще раз доказала, что на свете существуют ясновидящие. Это научно доказанный факт. Я о другом. Вспомни, когда твоим словам перестали верить, когда все посчитали, что ты страдаешь галлюцинациями? И прежде всего ты сама так посчитала. Говори, когда?

— Пещера, — медленно сказала Ольга.

— Да. Пещера, — казалось, он даже обрадовался. — Ты хотела доказать, что действительно что-то видела. Пусть как повторение твоих ночных кошмаров. И кое-кто... Кой черт кое-кто — твой муж, вот кто... Он уцепился за эту мысль. Как можно доверять женщине с такой наследственностью? Она больна, вот и вся недолга. Если бы пещеры не было, ее нужно было придумать.

— Я и придумала...

Иона близко придвинулся к ней и коснулся рукой ее волос.

— Нет. Ты не придумала. Пещера действительно существует. И люди в ней тоже существуют.

— Как можно... О чем ты говоришь?

— О том, что я верю тебе. А если кто-то верит человеку, значит, он уже не сумасшедший... И давай-ка спать. Завтра у нас будет трудный день...

* * *

Звягинцев проснулся среди ночи.

Обычно вот так просыпаться и пялиться в стену его заставлял радикулит. Но сейчас радикулит находился в оплачиваемом отпуске, и по всем показателям Звягинцев должен был проспать как минимум до семи утра: контрольное время всех отставных капитанов милиции.

Но сейчас на будильнике было только три.

«Старею, — подумал Звягинцев, — старею, старею...» Скоро

бессонные ночи будут длиннее. И вся прожитая жизнь запросто уместится в каждой из них. Он разобьет свою жизнь на отрезки и будет просматривать ее на ночном сеансе, как какое-нибудь второсортное кино киностудии Довженко. Да, именно так. «Есть плохое кино, есть очень плохое кино, а есть кино киностудии Довженко», как любил шутить его сослуживец Лодейников, умерший от рака гортани в 1983 году.

А вообще нужно меньше жрать на ночь. Телячьи почки, рагу из овощей и четыре банки пива в одиннадцать часов вечера — это чересчур даже для его ста сорока килограммов.

«С завтрашнего дня только кефир и обезжиренный творог», — с тоской подумал Звягинцев.

Под жалобные всхлипы кровати он повернулся на другой бок, но сон все равно не шел. Подлый генерал-майор не ко времени открыл оперативное совещание, и присутствие на нем Звягинцева было обязательным.

В бога душу мать, почему у него из головы не идет эта девчонка?

Все образовалось, опергруппа приедет, как только кончится буран, Звягинцев же сделал все от него зависящее, чтобы максимально облегчить ее существование. Он на блюдечке преподнесет убийцу какому-нибудь хмурому майору и получит за это прочувствованное пожатие руки. Эксперт снимет отпечатки с ножа (Звягинцев не сомневался, чьи это будут отпечатки), и Ольгу Красинскую увезут в областное управление.

Ее обвинят в умышленном убийстве, направят на экспертизу и признают невменяемой. Ее окончательно искалечат в психушке, и ее роскошные черные волосы поблекнут, выцветут и покроются сединой, как покрываются ином сосны вокруг ее коттеджа.

Почему-то эти волосы Звягинцеву было жалко больше всего.

Волосы, вот что бросалось в глаза, вот что составляло львиную долю красоты Ольги. Должно быть, она ухаживает за ними, как ухаживают за ребенком, она знает толк в этом ухаживании: настой ромашки, дорогие шампуни, кондиционеры и прочая, прочая...

Нет, заснуть все-таки не удастся.

Звягинцев сел в кровати и включил ночник. Через минуту на свет божий была извлечена панацея от всех звягинцевских бед — «Колыбельная для ежика».

Никаких гаданий, приказал сам себе Звягинцев, покойный Володя еще ни разу не был на его стороне, все его пророчества были далеки от истины.

Никаких гаданий.

Никаких. Тринадцатая страница, тринадцатая строка сверху.

Проклиная себя за малодушие, Звягинцев открыл тринадцатую страницу.

«Лисенку оказалось несложно выдать себя за ежика. Шапочка из сосновых иголок, похожих на иголки ежика, сделала свое дело. Теперь можно было безнаказанно шалить, а всю вину, в случае чего, свалить на товарища».

Прочтя эти невинные детские строчки, Звягинцев почувствовал, как заколотилось его сердце. Только этого не хватало!

Закрывать.

Закрывать немедленно Володину книгу и перестать ее использовать как карты Таро, как ведические руны, как гадание на кофейной гуще. Закрывать книгу, потому что дело об убийстве Шмаринова уже закрыто. Виновные изобличены, они чистосердечно признались в содеянном и не стали мешать правосудию.

Но ведь признание вины еще не является доказательством преступления.

Почему он не может до конца поверить в виновность этой девчонки? Неужели только потому, что ему симпатично ее растерянное лицо, ее черные волосы? Черные волосы, мимо которых не пройдешь... Звягинцев яростно зачесал в паху, благо никто этого не видит и не станет делать ему замечания.

Мимо которых не пройдешь.

Черные волосы, вот что отметил портье. Черные волосы, дымчатые очки и ярко-голубой комбинезон с белыми вставками — это сразу бросается в глаза. Не так давно они приехали, чтобы примелькаться. Они жили в коттедже, редко появлялись в гостинице, и Серый в лучшем случае мог уловить общий абрис Ольги Красинской. Черные волосы — вот доминанта ее образа.

Ничего не поделаешь, отправляться на совещание к генерал-майору все-таки придется.

Мозг Звягинцева судорожно работал, набирая обороты.

Во всей этой ясной при свете дня истории было что-то такое, что смущало его. Сомнения, которые было так легко задвинуть под натиском неопровержимых фактов и неопровержимых улик, с новой силой овладели им.

Марк.

Конечно же, Марк.

Нужно попытаться переступить через Ольгу Красинскую и всерьез заняться Марком, любящим мужем, самоотверженно пытающимся

защитить жену.

Но так ли уж самоотверженно?

Почувствовав не ко времени приближающуюся жажду, Звягинцев потянулся за пивом. И, влив в глотку полторы банки, принялся размышлять.

Он впервые познакомился с Красинскими при довольно странных обстоятельствах. Пропавшая на ночь и счастливо найденная Ольга утверждала, что видела некую пещеру с замороженными в ней людьми. Это, конечно, бред, хотя и им стоило бы заняться. Он и начал заниматься — и занимался до тех пор, пока не подоспело убийство бизнесмена.

Но Марк, он мог сказать Звягинцеву все, что угодно: что его жена переволновалась, что она была не в себе. Он сказал это, но поместил сказанное в странный контекст — с самого начала он дал понять Звягинцеву, что мать его жены была душевнобольной и покончила жизнь самоубийством. Он видел Звягинцева первый раз в жизни и рассказал ему об этом, хотя никто не требовал от него таких душещипательных подробностей.

Марк — гордый человек. Это ясно сразу, стоит только посмотреть на его надменное лицо. Стал бы такой человек афишировать тайны своей семьи и рассказывать о них первому встречному? Нет, не стал бы, если бы...

Если бы не преследовал какой-то умысел.

Итак, с самого начала он засвечивает жену как потенциальную сумасшедшую. Насчет этого ни у кого не может быть никаких сомнений. А тут еще история с ледяным городком...

Тоже весьма странная, если учесть, что ее свидетелями были только двое — Запесоцкая и Ольга... Впрочем, Ольга никакая не свидетельница, она ничего не помнит, о событиях можно судить только со слов Запесоцкой. Единственный неопровержимый факт — разрушенные скульптуры, и больше ничего...

Но ведь их мог разрушить кто угодно. Сама Запесоцкая, в конце концов... Сама же разбила очки, а потом потащила к нему, Звягинцеву... Требовать сатисфакции. Марк даже деньги ей предлагал... Даже к ней в номер приходил — «об этом никто и никогда не узнает», кажется, именно так он сказал. «Никто и никогда» — это может относиться к чему угодно, тем более что денег она не взяла. И в администрацию не пошла.

Тогда неясен ее кавалерийский наскок на Звягинцева ночью.

Зачем она все это затеяла? И почему так резко решила не раздувать дело? Неужели только потому, что пожалела Ольгу?

Странная логика. Здесь у всех странная логика, которая становится железной, если переложить ее на преступление... Акция Запесоцкой — она как будто призвана для того, чтобы подтвердить неувяемость Ольги... И что делал Марк в ее номере? Пришел отдавать деньги, но ведь она отказалась от них еще ночью... А потом случается несчастье с его молодой тещей. Травмы, которые нельзя подтвердить, потому что по непонятным причинам вышел из строя рентгеновский аппарат... И первое, что делает Марк, — звонит тестю и сообщает об этом прискорбном событии. Он прекрасно просчитывает его реакцию: Шмаринов прилетает, потому что не может не прилететь.

Бар. Самое уязвимое место во всей истории. Ольга и Марк отправляются в бар, где Ольга благополучно напивается. Что сделал бы любящий муж? Постарался бы увести жену, которая пристаёт ко всем и ведет себя по-хамски, а следовательно, бросает тень на его, мужа, репутацию. Но он не делает этого. Более того, в их отношения вклинивается братец-кролик Иона. По показаниям официанта Дюхи именно Иона пытался спровадить Ольгу домой.

Марк не дал ему этого сделать.

Он остался в баре и оставил там Ольгу. Ему обязательно нужно было дожидаться Шмаринова именно в этом семейном дуэте.

Отец Ольги почти не пьет, об этом говорила ему Инесса, но в номере они треснули коньячок. Как сказал сам Марк — «пригубили». Граммов по пятьдесят, не больше, это и называется «пригубили». Шмаринов не Пал Палыч, для которого пригубить означает засосать пол-литра водки без закуси. Полташка — стандартная норма. Но когда Звягинцев увидел бутылку «Наполеона» — жидкости в ней было ровно на четверть. Звягинцев это запомнил, ему ли не запоминать все, связанное со спиртным... Значит, Шмаринов выпил определенную дозу коньяка сам. Конечно, они могли распить его с женой, но Инессе, при том что ей ставили уколы, категорически запрещено спиртное. Это может подтвердить и рваный горчичник Артем.

Значит, на свидание с родными в «Ричард Бах» Шмаринов отправился уже выпившим. Пусть немного, но выпившим.

Там он встречается со своей поддатой и обиженной дочерью: конфликт был неизбежен, и он произошел.

Ольга бежит куда глаза глядят, что и требовалось доказать.

Но что делает Марк? Безумно любящий муж, готовый на все ради своей жены, — он сам не перестает об этом декларировать. Он не может не понимать ее состояние, даже из того, что Марк рассказал Звягинцеву, ясно,

что она может совершить какую угодно глупость. Но Марк, вместо того чтобы последовать за женой (единственный логичный ход), спокойно возвращается в бар и на протяжении двух часов просиживает штаны с тестем.

Потом он провожает тестя в отель и крутится возле стойки портье, хотя они вполне могли расстаться и рядом с дверью.

Ну, да ладно, бог с ним, это еще можно как-то объяснить: совместная работа, подчиненное положение, почтительность, родственные связи. Отчасти этим можно объяснить и то, что он остался в баре, когда из него ушла жена.

Но что он делает потом, когда освобождается от тестя?

Он совершает самый необъяснимый поступок: вместо того, чтобы идти к жене, снова возвращается в бар. И сидит там в гордом одиночестве, мозоля глаза персоналу. Он даже не заказывает никакой выпивки (жалкие граммы коньяку не в счет). Он просто сидит, и все. Уже потом, понимая, что это выглядит как-то странно, принимается за кегельбан.

Но с момента, как он вернулся в бар, до занятий кеглями прошел по меньшей мере час. И весь этот час он сидел за столиком, демонстрируя себя посетителям. Просто сидел, и все.

Туго соображаешь, Марк, нужно было сразу же хвататься за кегли.

А не сидеть с умным видом за пустым столом. Что-то он лепетал насчет того, что размышлял о работе. Но о работе обычно размышляют с карандашом и бумажонкой в руках. Или с компьютером в зубах на крайний случай.

Верно, Звягинцев, так его, одобрил рассуждения Пал Палыча генерал-майор. Приободренный Звягинцев вскрыл еще одну пивную банку.

Марк не бросился к жене, а сидел в баре до упора. Его видели все, кто только мог видеть. По утверждению Ариэля, он ушел одним из последних. В половине седьмого.

Он ушел уже тогда, когда Шмаринов был мертв, абсолютно мертв. Он ушел, унося в кармане стопроцентное алиби.

А что, если ему и нужно было алиби?

Незачем?

Здесь Звягинцев забуксовал решил оставить этот вопрос на потом.

Марк и Ольга, их отношения, вот что занимало Пал Палыча. В конце концов, это личное дело Марка Красинского — сидеть в баре до опупения, положив на жену с прибором. Никто не будет лезть в это. Так бы оно и было... Если бы Марк так навязчиво не декларировал свою неубиенную страсть к жене. Если бы он был чуть-чуть поспокойнее. Но если ты

говоришь, что самое главное для тебя — твоя драгоценная женушка, а потом бежишь от нее, как черт от ладана, — это выглядит как-то не того...

Ладно, поехали дальше.

Звягинцев попытался восстановить все, происшедшее в коттедже.

Он сообщил Марку о смерти тестя и показал ему нож.

Именно тогда Марк спросил о приезде опергруппы. То есть он спрашивал и раньше, но еще раз переспросил, когда увидел орудие убийства. Должно быть, этот вопрос вырвался у него случайно. А потом он заговорил об отпечатках на рукоятке.

Тепло-тепло, Пал Палыч!

Звягинцев катапультировал тушу с кровати и нервно заходил по комнате.

Итак.

Если верить Марку, то к моменту прихода Звягинцева он уже подозревал об убийстве: кровь на руках жены и на ее одежде выглядела недвусмысленно. Когда же Звягинцев вывалил всю правду и показал нож, подозрения переросли в уверенность.

Любящий муж, который всеми силами пытается спасти жену, мог бы спросить об опергруппе и об отпечатках на рукоятке ножа. Но только для того, чтобы попытаться как-то эти отпечатки стереть: способов масса, изобретательный ум справится с этой задачей легко.

Но Марк не сделал этого. Он не стал покушаться на отпечатки, хотя прекрасно знал, чьи они...

Давай, Пал Палыч, дуй до горы!

Марк спокойно смотрел, как в чреве звягинцевского пальто исчезает важная, если не единственная улика против Ольги.

А опергруппа, на месте проводящая дактилоскопию, была для Марка важнее, чем безлошадный, бесприборный и почти нелегальный Звягинцев.

Если исходить из той безумной версии, которая на ходу рождалась в голове Пал Палыча, — не-приезд опергруппы с ее экспертами был для Марка досадным промедлением, а не счастливой отсрочкой. Только эксперты могли установить отпечатки и подписать Ольге смертный приговор.

Эксперты, а не он, Звягинцев, оперирующий только догадками и опросами населения «Розы ветров». Марку нужна была опергруппа.

И потом — он подошел к окну, он сделал это намеренно, он зафиксировал внимание Звягинцева. Он демонстративно стряхнул окровавленный снег, хотя мог и не делать этого. Он не знал, заинтересуется ли этим Звягинцев или нет, но сделал это. Он оставлял Звягинцеву

широкий диапазон действий.

Странно, что надменный Марк так лестно о нем подумал. Он просчитал, что Звягинцев отправится за дом...

А может быть, дело совсем в другом?

Отправиться за дом в поисках гипотетических пятен было высшим пилотажем. Его нельзя было ожидать от старого, вонючего, недалекого козла Звягинцева. Во всяком случае, Марк не должен был этого ожидать. Не должен по определению.

Тогда что заставило его выскочить следом за Звягинцевым?

Что?..

Догадка была такой простой и ясной, что на секунду у Звягинцева помутилось в голове. Ну конечно же, конечно, все стало на свои места. И если эта догадка верна, тогда будь благословен буран! Буран, который так ненавистен Марку, станет союзником его, Звягинцева. Ждать нельзя, это тот самый случай, когда промедление смерти подобно!

Звягинцев сорвал с вешалки пальто, прихватил шляпу и выбежал из комнаты.

* * *

Метель стихала. Сквозь просветы в облаках стали появляться звезды, и еще никогда они не казались Звягинцеву такими живыми. Он не замечал сугробов, не замечал своего живота, мерно колышущегося где-то внизу, он не замечал своего веса, он еще и еще раз проверял себя: нет, он не может ошибиться, другого маршрута у них не было, а избавиться от главной улики можно было только таким способом и только в таком месте. Им нужно было максимально обезопасить себя, потому что эта улика, вернее, две улики выдавали их с головой.

Окольными путями он миновал ярко освещенный холл отеля и рысцой бросился ко внутреннему дворику. Еще несколько дней назад он был ярко освещен, теперь же, когда ледяные скульптуры были разбиты, администрация приняла решение отключить свет, иначе и быть не могло: уж очень удручающий вид имели обломки. Именно на это, на эту темноту, они и рассчитывали.

Ворвавшись на территорию внутреннего двора, он сразу бросился к огромной, хорошо замаскированной нише с подъездом грузового транспорта. Именно здесь стояло несколько вместительных баков, куда

сносился мусор со всей «Розы ветров». Администрация заботилась о чистоте и экологической привлекательности курорта, все баки, созданные по специальной технологии в Финляндии, герметически закрывались. Мусор вывозился раз в три дня. Последний раз его должны были вывезти на следующее утро после убийства Шмаринова. Должны были, но не вывезли: буран спутал все карты. Перевалы были закрыты, и мусор, так же как и вся «Роза ветров», ждал перемены погоды.

Звягинцев взглянул на огромные контейнеры и сразу приуныл. Работы здесь на многие часы, не меньше, стоило бы привлечь большую группу помощников. Но перерывать весь мусор только потому, что в его голове утвердилась фантастическая, противоречащая здравому смыслу версия... Да его же просто на смех поднимут!..

Звягинцев традиционно почесался и прикинул: как бы поступил он сам, окажись он на их месте. В какой контейнер он сунул бы улики? "

В первый по ходу, ведь от улик нужно было избавиться прежде всего.

...Он нашел то, что искал, лишь спустя полчаса. Он пропах отбросами, что, в общем, не слишком кардинально изменило его собственный пивной запах, он умаялся вытаскивать из бачка пакеты и пакетики и тщательно осматривать их.

Звягинцев убил полчаса, но он был согласен и на большее, лишь бы найти...

И он нашел.

Черный полиэтиленовый пакет, подозрительно легкий для мусора. Когда он дрожащими пальцами развязал его, то увидел то, что должен был увидеть.

Очки с затемненными дымчатыми стеклами, свернутый комбинезон и парик.

Длинные черные роскошные волосы — визитная карточка Ольги Красинской...

...Наконец-то Она со мной.

Женщина моей жизни.

Я могу касаться Ее, а могу не касаться, хотя Она все это время ждала, что я прикоснусь.

Она оказалась причастной к убийству, возможно, Она сама и совершила убийство, к этой мысли я склоняюсь все больше, я сам убийца и потому чувствую убийцу... Она потеряла близкого человека, возможно, ей только казалось, что близкого. Потому что с сегодняшней ночи самым близким для Нее человеком буду я. Она даже не подозревала об этом. Ей

просто нравилось быть со мной, все это время Она ждала, что я войду в Нее. Могу ли я это сделать и не разорвать нить, которая связывает нас все крепче и крепче? Может ли художник плотски любить модель?

Пока я не нашел ответа на этот вопрос.

Я знаю, что Ей нравится во мне. Дикость и первобытность.

Именно это не дает Ей покоя, Она всегда ждала, что я войду в Нее.

Мне нельзя было приходить туда, где находилась Она. Даже несмотря на то, что Ее временное пристанище находится на отшибе, и до утра Ее вряд ли кто хватится. Но и ждать больше невозможно. Я больше не могу оставаться без Женщины моей жизни, без главной фигуры в коллекции. Ей дорого достается Ее сегодняшнее существование, но Она была готова продлить его. Интересно, как должен чувствовать себя сильно травмированный человек, особенно когда всех этих разъедающих душу травм нет и в помине? Я знаю это. Я сам пришел к такому заключению. Она была готова удивиться моей проницательности, но не поверила в нее. Но еще больше Она была готова быть со мной. Я заинтриговал ее пещерой, сказав, что она существует. И что мы увидим ее.

Ей должно понравиться, я знаю.

Она была готова быть со мной, и теперь Она со мной.

Она очень удивится, оказавшись в пещере.

Но теперь это не имеет никакого значения...

...Звягинцев медленно приходил в себя.

Он втайне надеялся, что найдет все это, и все равно — находка оказалась неожиданной для него. Как бы то ни было, они попались, но сейчас главное не они, а Ольга, несправедливо обвиненная, несправедливо поверившая в это обвинение. И он, Звягинцев, тоже приложил к этому руку.

Но ошибку еще не поздно исправить.

Он может исправить ее прямо сейчас, пока...

Пока она ничего не сделала с собой.

Эта мысль вдруг обожгла Звягинцева. Милая, кроткая Ольга, которая до сих пор думает, что убила собственного отца, — он сам вынудил ее признаться в этом, он сам поддержал эту мысль. Он был ее инициатором. От осознания этого Звягинцев застонал. Не нужно ждать утра, чем раньше он принесет ей весть об истинных убийцах, тем легче ей будет. Хотя неизвестно, как она отреагирует, когда узнает всю правду: из огня да в полымя. Тут и у здорового человека мозги поедут, не говоря уже о глубоко травмированном и глубоко травмированном.

А вдруг она действительно решит больше не жить?

Никакого промедления, он сейчас же отправляется в коттедж, чтобы освободить ее.

И почему он ненавидел лыжи? На лыжах он добрался бы до места куда быстрее, он потратил бы на преодоление снеговых заносов гораздо меньше сил...

Если вся эта история завершится благополучно, он обязательно научится ходить на лыжах.

...Он твердил себе об этом всю дорогу до коттеджа Красинских, он дал себе слово освоить лыжи ровно семь раз, при этом каждый раз его клятвы становились все изощреннее: они стали включать в себя не просто банальный бег на банальных лыжах, но и овладение сноубордом, трассой для слалома-гиганта, трассой для фристайла и карвинговой техникой.

Ольга, она была такая печальная и такая тихая, как человек, принявший бесповоротное решение. Если он не успеет, то никогда не простит себе...

Впрочем, не прощать не пришлось.

Когда совершенно выбившийся из сил Звягинцев наконец-то добрался до коттеджа, он нашел там только двоих связанных дурачков Радика и Колю. Они сидели связанными и при этом прикованными наручниками: Радик был прикован к Коле, а Коля был прикован к трубе отопления. Оба они находились в издевательской близости от телефона, которым не могли воспользоваться.

Радик, слывший в дуэте умником, угрюмо бодрствовал, а круглый идиот Коля сладко спал.

Именно так поступают все круглые идиоты в экстремальных случаях.

Звягинцев был так поражен открывшейся его взору картине, что даже на секунду забыл об Ольге.

— Это еще что такое? — обращаясь к Радика, выдохнул он.

Радик подтолкнул локтем товарища, который что-то невнятно пробормотал спросонок.

— Что это такое? Кто это вас оприходовал, таких лбов?

Бодрствующий Радик упорно не хотел признаваться.

— Кто, я вас спрашиваю?

— Кто-то из наших, наверное, — высказал расплывчатое предположение Радик.

— А поточнее?

— Поточнее не могу. Он был в очках. И верхний свет у нас не горел...

— Каких очках?

— Каких-каких... Горнолыжных, каких же еще... И в снегу тоже был...

И здесь очки. Звягинцев невольно улыбнулся — вот как обыкновенные, пусть и горнолыжные очки способны изменить облик человека.

Он молча отстегнул наручники и развязал бедолаг-охранников. И только потом осмотрел комнату, по которой, казалось, прокатился Мамай: стулья перевернуты, стол сдвинут, карты разбросаны на полу.

— И вы не оказали сопротивления, охраннички?

— Не успели, — ввязался в разговор проснувшийся Коля. — Очень неожиданно все получилось.

— Неожиданно, — Звягинцев поднял с пола пару карт: червонную даму и валета пик. — В карты резались, твари?

— А что, это запрещено законом?

— Я бы вам не то что человека охранять, белку бы не доверил.

— Белка песенки поет да орешки все грызет, — меланхолично продекламировал Радик. — Вы бы предупредили, шеф, что возможно нападение на объект. Мы бы были во всеоружии.

— Ладно, вставайте.

Пока охранники выпутывались из остатков веревок, Звягинцев вошел в клетку, из которой совсем недавно выпорхнула птичка-Ольга. Интересно, кто все-таки освободил ее?

А что, если Марк?

Эта мысль заставила Звягинцева похолодеть. Если это сделал Марк, тогда вся его версия и гроша ломаного не стоит, тогда он так ошибся в человеке, как не ошибался никогда.

Нет-нет, возьми себя в руки. Пал Палыч, это легко проверить. Нужно только снять телефонную трубку и позвонить в комнату номер тринадцать в административном крыле отеля.

А впрочем, он еще успеет позвонить, успеет в любом случае.

Звягинцев прошелся по комнате и заглянул в стоящий на столе компьютер. Вот что такое деловые люди, даже на отдыхе не расстаются с работой. Экран компьютера светился.

«Я ЖДУ ТЕБЯ. НИЧЕГО НЕ БОЙСЯ. ЧЕМИ ПАТАРА ГОГОНИЯ. МАНАНА».

Смысла текста Звягинцев не уловил, и это рассердило его.

Рассердило настолько сильно, что он крикнул обоим охранников.

— Ну, — безнадежно спросил Пал Палыч. — Кто-нибудь из вас знает, что такое «чеми патара гогония»?

Радик посмотрел на Звягинцева как на сумасшедшего. Но вечный дурак Коля... Вечный дурак Коля меланхолично сказал:

— Моя маленькая девочка.

— Что? — Звягинцев даже опешил. — Что ты сказал?

— Моя маленькая девочка. Это по-грузински. Чеми патара гогония — моя маленькая девочка.

— Ну ты даешь! — Радик посмотрел на своего напарника с уважением.

От неожиданности Звягинцев даже сел на стул рядом с компьютером.

— Откуда ты знаешь? — спросил Пал Палыч, глядя на русопятую, абсолютно славянскую физиономию охранника.

— У меня крестный грузин. И первая женщина тоже была грузинкой...

«Уж не ее ли страсть вышибла из тебя зачатки мозгов?» — Звягинцев посмотрел на Колю с нежностью.

— А ты никогда не говорил, — не мог прийти в себя от Колиной эрудиции Радик.

— А ты и не спрашивал.

— А еще что-нибудь знаешь?

— Ну... Ме шени макоци...

— Это что?

— Целую тебя, — мечтательно произнес Коля.

— А еще?

Коля задумался.

— Шэни дэда моутхан...

— Ну и?

— Это в смысле мать твою... — нехотя объяснил Коля.

— А еще?

— Карги моутхан.

— Это как?

— Тоже непечатное. А еще есть — шэни набичуар...

— Да уж, научила тебя твоя грузинка, — не выдержал Звягинцев.

— Это крестный, — поправил Коля. — Моя грузинка была святой женщиной.

Звягинцев вдруг подумал о том, что если удача приходит, то она приходит надолго. Кто бы мог подумать, что остолоп Коля окажется силен в грузинском, и не только ненормативном. Смысл послания прояснился, особенно если учесть, что мать Ольги была грузинкой. «Моя маленькая девочка» — это могло быть адресовано только ей, а никак не Марку. Но где ее может ждать грузинка-мать по имени Манана, покончившая с собой

много лет назад? И кто отправил Ольге это послание? Ясно, что не покойница, хотя измученная Ольга могла принять эту строчку за привет с того света и руководство к действию. Тогда кто?

Пора звонить Марку.

Звягинцев снял трубку и набрал номер комнаты номер тринадцать, в которой временно поселился Марк. Если телефон будет молчать, то...

Марк снял трубку сразу же. И голос его был совсем не сонным.

— Это Звягинцев, — сразу взял быка за рога Пал Палыч.

— Да.

— Не спите?

— Как я могу спать?

Правильно, спать ты не можешь.

— Откуда вы звоните? — спросил Марк.

Звягинцев ждал этого вопроса.

— Из коттеджа.

— Что-нибудь случилось? — Голос Марка остекленел.

— Да.

— Что?!

— Ольги больше нет, — честно сказал Звягинцев.

Но Марк — Марк истолковал его по-своему, именно так, как и ожидал Пал Палыч. На том конце провода судорожно молчали — именно столько Марк отпустил себе на осмысление сказанного Звягинцевым.

— Это я... Я во всем виноват... Она приняла таблетки, да?

Поспешил, голубок, поспешил, поспешил и прокололся.

Прокололся, вот и ладошки.

— Может быть, — уклонился от прямого ответа Звягинцев.

— Конечно же... Она принимала нитразепам, от бессонницы... В последнее время она страдала бессонницей. Я же знал, что у нее есть таблетки... Как я мог об этом забыть?

— Точно. Пузырек остался, — поощрил Звягинцев начинания Марка.

— Когда? Когда это произошло? Может быть, ее еще можно спасти?..

Опять прокололся. Раньше об этом нужно было спрашивать.

— Поздно. Но вы ни в чем не виноваты. Она сама приняла решение. — «Что же я говорю такое, в бога душу мать!» — Это намного лучше, чем то, что могло ее ждать...

— Я сейчас приду.

— Жду вас, Марк. Очень сожалею.

Положив трубку, Звягинцев вышел к охранникам.

— Значит, так. Действуем быстро. Радик. Ты отправляешься в мой

кабинет.

— Это где муж сейчас? — уточнил Радик.

— Именно. Подождешь, пока он выйдет. Но скорее всего его уже там не будет. И не вздумай переться по прямой, иначе можешь с ним столкнуться. Иди окольным путем.

— А что я должен буду делать в кабинете? — спросил Радик.

— Обшаришь его вещи.

— А чего искать-то?

Звягинцев, следуя на поводу у своего наития и под одобрительные взгляды своего генерал-майора, ткнул пальцем в «ноутбук», стоящий на столе.

— Штуку, похожую на эту. Понял меня?

— Чего уж тут не понять. Компьютер.

— Вот тебе ключ. — Звягинцев вытащил из кармана два ключа, болтающиеся на брелоке: от комнаты и от кабинета.

Отделив один из них, протянул его Радику.

— А я? — спросил молчавший до этого Коля.

— А ты, полиглот, останешься со мной. Может потребоваться твоя физическая сила. Правда, после ночного инцидента...

— Не волнуйтесь, шеф. Нас просто врасплох застали...

— Ладно, Ну все, с богом, Радик. Как только что-нибудь найдешь — позвони. И лучше тебе поторопиться, чтобы я здесь ртом воздух не хватал.

— Понял. Побегу.

В ожидании Марка Звягинцев прилег было на кровать, чтобы за оставшийся десяток минут выработать стратегию поведения, и тотчас же нащупал под рукой валяющийся на покрывале пустой пузырек из-под снотворного. Близоруко щурясь, Звягинцев поднес его к глазам.

Действительно, нитразепам.

А что, если...

Испугаться он не успел: розоватые таблетки валялись везде. Похоже было, что кто-то в сердцах собрал их в горсть и попытался зашвырнуть в дальний угол. Звягинцев поднялся с кровати и снова потянулся к телефону. Теперь он набрал номер доктора. К телефону долго не подходили, потом на другом конце провода раздался сонный голос Артема:

— Какого черта?

Ничего не скажешь, достойный ответ представителя самой гуманной профессии.

— Артем? Это я, Звягинцев.

— Еще раз — какого черта?

— Тебе знакомо такое снотворное — нитразепам? Розовые овальные таблетки.

— Знакомо. Ну и что?

— Хорошее средство?

— Обычное средство. А вас что, бессонница достала? — Артем медленно просыпался.

— Можно и так сказать. Ну ладно, извини...

— Подождите... Вы сказали — розовые овальные?

— Ну да...

— Это не нитразепам, — пробасил в трубку доктор.

— А что же это такое? — удивился Звягинцев.

— Сейчас соображу, — Артем проснулся окончательно. — Они что, употреблялись кем-то как снотворное, да?

— Употреблялись.

— Сейчас-сейчас, — доктор отошел от телефона и снова вернулся. — У меня последний фармацевтический каталог. — Слушайте, Пал Палыч, на них есть маркировка?

— Что? — не понял Звягинцев.

— Маркировка... Ну, какая-нибудь буква на таблетке.

Звягинцев поднес таблетку к глазам.

— Ты смотри, точно есть... Английская F.

— Редкая штука, — помолчав, сказал доктор. — Ее даже по рецептам не отпускают. Только в клинических условиях.

Сильнодействующий препарат последнего поколения транквилизаторов.

— Даже по рецептам? — изумился Звягинцев. — Наркотик, что ли?

— Только в стационарных условиях и строго дозировано.

Если не назначена индивидуальная доза, в девяноста пяти случаях из ста возникает парадоксальная реакция.

— Это еще что за черт?

— Ну... Возбуждение. Ярость...

Так вот о чем говорила Ольга!.. Вот что преследовало ее...

Звягинцев так разволновался, что забыл спросить у Артема название транквилизатора.

— Вот что, Артем! Инесса еще в изоляторе?

— Нет, ушла на лыжах кататься... Конечно, в изоляторе.

— Знаешь что? Очень важно за ней сейчас присмотреть.

И желательно не тебе одному...

— Не понял...

- Ну, присмотри, чтобы с ней ничего не случилось.
- С ней уже все случилось, что могло случиться...
- Мало ли... Просто проведай — И все. Да, еще один вопрос. Ты говоришь, у тебя совершенно неожиданно вышла из строя рентген-установка?
- Вы мне с этой рентген-установкой всю плешь проели...
- Два дня назад, да?
- Да.
- А кто в тот день приходил?
- Да никого почти и не было... Слепая консультировалась по поводу очков...
- Запесоцкая?
- Ну да... Зазноба пропавшего лыжника. Старики-немцы заходили, просто оборудование посмотреть... Парень с ожогами физиономии, дозагорался, подлец. И, кажется, Марк.
- Он брал бауэровский аспирин для жены.
- Отлично, Артем Львович. Вот теперь тебя хвалю я...
- Ладно, Мойдодыр.
- А к Инессе Шмариновой все-таки загляни.

* * *

...Ольга проснулась от необыкновенной легкости. Голова больше не болела, и сухость во рту исчезла. Может быть, точно также исчезнет и все остальное. Сейчас она откроет глаза, и рядом не окажется человека, который этой ночью дал ей безумную надежду на спасение, такую же безумную, какой была она сама. Сейчас она откроет глаза и снова окажется в коттедже, рядом с таблетками, которые так и не приняла...

Она все еще лежала с закрытыми глазами, когда легкие пальцы коснулись ее щеки.

Значит, все, что произошло, — правда.

Пальцы скользнули ниже и накрыли ее губы — и Ольга больше не смогла этому противиться. Она поцеловала их, эти пальцы, пахнущие дымом и сосновой смолой.

— Ты не спишь? — прерывистым шепотом спросил он.

— Нет...

— Тогда открой глаза, пожалуйста.

— Нет. Если я открою глаза, я снова вернусь в этот кошмар...

— Никакого кошмара не будет, я тебе обещаю... Открой глаза...

Ну, решайся, Ольга.

Сначала она все еще пряталась за полусомкнутыми ресницами, она все еще боялась поверить. Но он был совсем рядом — этот запах дыма, сосновых иголок и жаркого, тоскующего тела. Он тихонько звал ее, и Ольге ничего не оставалось, как пойти на зов.

Да, конечно, он был совсем рядом: она увидела его смуглую кожу, которой так шла едва заметная щетина, истончившиеся от долгого ожидания губы и антрацитовые глаза.

— Иона... — Ей стало больно дышать и захотелось войти в эти губы, как входят в еще неизвестные, но такие прекрасные города. Города, наполненные стуком молочных бидонов и лаем собак, булыжными мостовыми и цветами на подоконниках, детьми и женщинами, ожидающими детей. Города, где никогда не бывает снега, а стоит вечный переспелый август с терпким запахом айвы.

И запахом сосен, вьевшимся в его смуглую кожу.

— Иона, — повторила она.

Он поцеловал ее нежно и целомудренно, совсем другого можно было ожидать от зверя, запертого в его антрацитовых глазах.

— Я люблю тебя, — сказал он.

— Нет, пожалуйста, нет... — вдруг испугалась Ольга. — Меня нельзя любить.

— Только тебя и можно любить. — Он потянулся к ней и крепко сжал ее в объятьях.

Если он еще раз приблизит к ней свое лицо, она просто не выдержит, она умрет, потому что сердце ее не выдержит сумасшедше-прекрасного запаха его волос.

Иона.

Она не может обречь его на страдания.

Ольга попыталась вырваться из его объятий, но так и не смогла сделать этого. Они лежали на спальниках, в расстегнутых куртках, тесно прижавшись друг к другу. Что же он делает с ней, что он делает, если соски ее груди готовы взорвать изнутри грубую шерсть свитера, вспороть ее, как нож.

Как нож.

Ольга судорожно вздохнула. Как нож, которым был убит ее отец.

— Что? — спросил Иона одними губами.

— Мы должны вернуться. Ты должен отвезти меня обратно.

— Нет, — в отчаянии он стиснул ее еще крепче.

— Бесплезно бежать от себя, пойми. Даже если ты увезешь меня на край света, это ничего не изменит. Потому что со мной всегда будет то, что во мне. То, что приносит зло...

Иона резко разжал руки. И отстранился от нее. Она как будто осталась одна... Боже мой, каким мертвым, каким холодным оказалось одиночество.

— Обними меня, — жалобно попросила она.

— Ольга. — Он снова коснулся пальцами ее губ. — Разве ты не поняла, что я сказал тебе сегодня ночью? Я верю тебе.

Ты не можешь быть безумной, потому что пещера действительно существует.

— Откуда ты знаешь?

— Я знаю. Мы пойдём туда. Мы пойдём, и уже никто не посмеет назвать тебя сумасшедшей.

— Но отец'...

— Тебя просто подставили, почему ты не хочешь этого понять!

— Но кто? Кто мог меня подставить?

Он не ответил. Он приподнялся на локте и снова поцеловал ее — нежно и целомудренно. Совсем не так, как она хотела.

— Вставай, — сказал он. — Я покажу тебе ее...

...Когда они вышли из сторожки, метель почти утихла.

Падал только легкий снежок.

— Вот видишь, — сказал Иона. — Буран окончился. Это хорошо. Нам будет легче идти.

— Это далеко? — спросила Ольга.

— Нет, не очень. Во всяком случае, устать ты не успеешь.

Она действительно не успела устать. Через полчаса относительно неторопливого шага они оказались в скалах — тех самых скалах, в которых Ольга заблудилась несколько дней назад. Иона прибавил в темпе, и теперь она едва поспевала за ним.

— Не так быстро, пожалуйста, — задыхаясь, попросила она.

— Извини. Мы уже почти пришли. Еще несколько минут...

Они обогнули огромный обломок скалы, и Иона остановился. Совсем рядом, с противоположной стороны скалы, торчал тупой нос снегохода. Они увидели его одновременно.

— Когда ты успел его сюда пригнать? — удивилась Ольга.

— Черт. — Иона тихо выругался. А потом оглянулся и посмотрел на нее. — Это здесь. Подожди.

Остановившись у скалы, он сразу же нашел лаз: у занесенного снегом

подножия чернела пробоина.

— Останься здесь, — попросил он.

— Нет. Я пойду с тобой.

— Останься. Это ненадолго.

— Нет. Мы так долго к этому шли. Я так долго к этому шла...

— Я прошу тебя...

— Нет.

Не говоря больше ни слова, он опустился на корточки и исчез в глубине скалы. Ольга последовала за ним. Несколько минут они стояли молча, привыкая к темноте, к которой невозможно было привыкнуть. Ольга помнила начало пути в пещеру с почти фотографическими подробностями. Сердце ее бешено колотилось: она была права, пещера действительно существует, — и Иона прав: теперь никто не сможет назвать ее сумасшедшей. Они вернутся в «Розу ветров», теперь они будут не одни, они будут вдвоем, и толстый Звягинцев не посмеет им не поверить.

Да, она помнила начало пути. Только конец его, где-то там, в глубине, выглядел совсем иначе: от него исходило зыбкое, колеблющееся сияние: как будто пещера была освещена не одним факелом, а несколькими. И еще этот шум... Приглушенный и ровный, похожий на гул турбин *fucking mother* самолетов...

Казалось, этот шум произвел странное впечатление на Иону.

Она почти потеряла его в темноте перехода и только спустя несколько секунд увидела впереди его темный силуэт. Еще секунда — и он растворится в неверном сиянии конца пути.

Ничего другого не остается — кроме как идти за ним.

Идти за ним — только и всего...

* * *

Звягинцев разложил на кровати свои мусорные трофеи: очки, теперь аккуратно упакованные в целлофан (отпечатки пальцев просматривались на них даже невооруженным взглядом), парик и комбинезон. Точно такой же, какой он обнаружил в коттедже. Только тот, Ольгин, был измазан кровью.

А этот — чист. Звягинцев внимательно осмотрел его и, сам не понимая почему, принялся обшаривать карманы. То, что он обнаружил спустя минуту в одном из них, потрясло его. Вернее, не потрясло. Это просто было удачей. О такой удаче и мечтать невозможно.

В верхнем кармане комбинезона лежала конфета.
«Барбарис».

Его собственная карамелька с налипшими на ней табачными крошками и кусочком оторванного трамвайного талона. Эту карамельку он сам сунул Ольге в скалах, но есть ее она не стала, побрезговала. И положила в верхний карман комбинезона. Теперь Звягинцев явственно вспомнил это. Какое счастье, что она не съела эту чертову благословенную карамельку!

Никаких сомнений — это Ольгин комбинезон. Значит, тот, в пятнах крови, — в котором она проснулась, — он был всего лишь копией, подделкой, вероломным родным братом, призванным уличить Ольгу в преступлении, которого она не совершала. От волнения Звягинцев испустил громкий пук, который слился с настойчивым стуком в дверь.

...Марк стоял на крыльце, усыпанный снегом, в расстегнутой куртке, — сама вселенская скорбь, само отчаяние.

— Входите, — сказал Звягинцев.

— Да.

Он вошел, и Звягинцев запер за ним дверь на замок. У двери, ведущей в комнату, которую занимала Ольга, стоял Коля.

— Где она? — быстро спросил Марк.

— Да вы садитесь, — Звягинцев придвинул ему стул;

— Где она? — еще раз, уже с нажимом, переспросил Марк.

— Сейчас придет доктор, нужно же освидетельствовать, — вдохновенно соврал Звягинцев.

Марк непонимающе взглянул на Пал Палыча.

— Я могу ее видеть?

— Конечно. Только чуть попозже.

Марк поднялся было со стула, но Коля угрожающе поднял подбородок: сиди и не рыпайся, скотинка. Надо сказать, что вид у охранника, несмотря на долговязость, был внушительным.

— Я не понимаю... — сказал Марк.

И тут зазвонил телефон. Звягинцев ждал этого звонка, ждал, как не ждал ничего и никогда в жизни. Но он сумел укротить себя и поднять трубку только на третий звонок.

— Это я, шеф, — услышал Звягинцев радостный бас Радика.

— Слышу.

— Докладываю Мне пришлось вскрыть «дипломат» ножом, так что замок я попортил.

— Следствие это учтет.

— Она там. Точно такая же хреновина, которая стоит у вас на столе.

Там еще лежит какой-то пузырек...

— Какой?

— Сейчас посмотрю... Похоже, таблетки какие-то...

— Опиши.

— Ага. Розовые.

— Овальные?

— Да...

— Отлично. Подходите сюда.

— А кто еще, кроме меня? — удивился Радик.

Ой, дурак, выругался про себя Звягинцев, с такой башкой не в преферанс играть надо, а в городки, и то по пятницам! Но дурак сделал свое дело, и за это ему полагается медаль. Если бы он был здесь, Звягинцев расцеловал бы его.

— Подходите.

— Ладно.

Марк подозрительно посмотрел на Звягинцева.

— Что-то случилось?

— Все в порядке. Теперь можем пройти.

Коля отошел от двери, пропуская в комнату Звягинцева и Марка.

Окинув пустую комнату взглядом, Марк недоуменно обернулся к Пал Палычу:

— А где же... Где же Ольга?

— Ольга, — Звягинцев пожевал губами, — Ольга... Я же вам сказал, что ее нет.

— Очень интересно.

— А с чего вы вообще взяли; что она покончила с собой?

Вы ждали этого? Вы сами ее к этому подталкивали?

— Вы с ума сошли? — На висках Марка проступили капли пота.

— Да бросьте, Марк, — Звягинцев решил идти ва-банк. — Мне все известно.

— О чем вы? — Марк посмотрел на Звягинцева остекленевшим наглым взглядом.

— Вы прекрасно знаете о чем, Марк.

— Понятия не имею.

— Знаете, — с нажимом сказал Звягинцев. — И с этим компьютерным посланием погорячились.

— С каким посланием?

— Чеми патара гогония, надо же. И подписались именем ее матери. Хотелось все побыстрее проверить, да? К сожалению, «дипломат»

пришлось вскрыть, ведь кода вы нам не сообщили.

— Вам придется за это ответить, — тяжело подбирая слова, сказал Марк. — Тем более что ордера на обыск у вас нет, как я понимаю...

— Это не проблема.

— Это большая проблема. Ваша проблема.

— С этой запиской вы ошиблись, Марк. Впрочем, это была не единственная ваша ошибка. Самую первую вы допустили еще раньше. Она то и оказалась роковой.

Марк прошелся по комнате, сел в кресло и закинул ногу за ногу.

— Продолжайте, Звягинцев. Любопытно послушать, какие фантазии приходят в голову отставному майору. Или вы все-таки капитан? Участковый. Специалист по пьяным дракам.

— Капитан, — с достоинством ответил Звягинцев. — Специалист по пьяным дракам. Это точно. Но и убийства видел. Хотя такого циничного, какое совершили вы, — никогда.

— Да вы смеетесь! — В подтверждение своих слов Марк засмеялся сам, старательно артикулируя. — Я убил своего тестя. В своем ли вы уме? Я уже не говорю об алиби... Все это время я был в баре... Все... Все вам подтвердят. Я сидел там до половины седьмого... Так что ваша доморощенная версия по меньшей мере несостоятельна, тем более что вы ее уже высказывали в порядке рабочего обсуждения.

— Тогда, может быть, вы ее выслушаете в подробностях?

— Валяйте, — лениво сказал Марк. — Всегда интересно, что может возникнуть в горячем воображении записного алкоголика.

— Отлично. Много времени это не займет.

— Надеюсь.

— Подробности подготовки опустим... Думаю, что это была блестящая идея, Марк, почти безукоризненная. Все это время вы спали со своей женой и слишком уж часто говорили ей, что любите ее. А потом привезли сюда. Все гениальное просто: натолкнуть Ольгу на мысль, что она сумасшедшая, что она идет по стопам своей безумной матери, сломить ее и тоже довести до самоубийства. А попутно устранить ее отца. Вернее, даже не попутно. Ради Шмаринова все это и задумывалось.

Шмаринов был целью, а его дочь — средством, лучше не придумаешь.

Больше всего Звягинцеву хотелось ударить этого подлеца, но он сдержался. И, остановившись перед Марком, продолжил:

— А всего-то и нужно было, что заpastись сообщницей.

Или это она была мозговым центром?.. Но это финал истории.

— А что же с началом? — Марк все еще вальяжно сидел в кресле.

— Начало самое обыкновенное. Вы приезжаете на курорт втроем, одна маленькая, но дружная семья. Правда, не совсем дружная: молодая теща и зять не очень-то любят друг друга, но это даже забавно. Впрочем, все пошло даже лучше, чем вы ожидали. Эта нелюбовь Ольги ко льду, ее кошмары и какие-то галлюцинации, связанные с какой-то пещерой...

С этим тоже предстоит разобраться, но это потом... Так вот, все играет вам на руку, и вы даже вносите на ходу мелкие убедительные поправки. Городок ледяных фигур — это то, что нужно. Во внутренний дворик, где находится ярко освещенный городок, выходят окна только двух номеров, к тому же в одном из них никто не живет. Городок разрушен, а ваша собственная жена в это время отдыхает в снегу недалеко от коттеджа — об этом уже позаботились вы, Марк. А когда она приходит в себя, окружающие во главе с вашим покорным слугой, — Звягинцев нагнул голову и засопел, — рассказывают ей о вещах, которых она не совершала. В аффекте избить женщину, сорвать с нее очки и попытаться растоптать их, разрушить скульптуры... Я имею в виду Запесоцкую, к которой вы потом шастали в номер с деньгами... И все мы, включая ее подругу Инессу, меня и Запесоцкую, убеждаем ее, что это сделала она. Но она этого не помнит — именно так у нее возникает подозрение в собственном безумии. Подозрение, которое вы тщательно, хотя и ненавязчиво подогреваете. Но, разрушив скульптуры, вы достигаете еще одной цели — освещение внутреннего дворика отключают, что вполне естественно. А темный дворик нужен вам для решающей части операции.

— Да вам нужно детективные романы писать по выходе на пенсию! А еще лучше — научно-фантастические, — прокомментировал заявление Звягинцева Марк.

— Может, вы и правы. Ну что, рассказывать дальше?

— Сделайте одолжение.

— Дальше все развивается по плану: напуганная самой собой Ольга просит вас уехать из «Розы ветров». Я так думаю, что она сразу же решила покинуть курорт. Вы соглашаетесь, хотя и знаете, что никуда не уедете: вам нужно дождаться главного действующее лицо — Игоря Анатольевича Шмаринова. Но Ольга настаивает на отъезде, ваш отказ может показаться ей подозрительным. И тогда вы решаете форсировать события. Инесса выходит на трассу — и разбивается.

Вы вызываете Шмаринова в «Розу ветров», зная, что, получив известие о разбившейся в горах жене, он не сможет не приехать. Чего бы ему это ни стоило. К сожалению, курорт получает штормовое предупреждение. Это все осложняет, но отменить операцию уже нельзя.

Шмаринов прилетает, потому что не может не прилететь. Самое важное для него — жена. Любящая дочь уже давно выброшена на обочину. Должно быть, вы часто говорили с Ольгой о дочерней ревности и о том, как несправедливо обошелся с ней отец. И происходит то, что и должно было произойти: они ссорятся. Тогда она действительно вернулась в коттедж. Я думаю, она уснула. Но вы не пошли за ней, вы, любящий муж. Вы остались зарабатывать себе алиби. Вы были защищены со всех сторон.

— Вот видите, — сказал Марк. — Как легко доказать, что я не убивал.

— Да. Его убил не мужчина, а женщина. Ваша сообщница убила его. Как только он вернулся из бара. Одним точным и расчетливым ударом в сердце. Должно быть, он попытался защититься, но так и не смог. И так, она убивает. А потом наносит еще несколько менее сильных и более беспорядочных ударов. Формальности соблюдены, и аффект налицо. Это ведь вы привезли нож в своем багаже, правда? Или она?

— Какие глупости.

— Ладно. Опустим это. Но убийство не самая сложная часть операции. Важно, что будет потом. Ваша сообщница покидает гостиницу через запасной выход, до которого никому нет дела. И через внутренний дворик, погруженный в темноту, она демонстративно возвращается в гостиницу, и портье опознает в ней...

— Того, кого и должен опознать, — не выдержал Марк. — Мою жену, убившую своего отца. Ножом из его коллекции, с ее отпечатками пальцев на ручке. Вы ведь не будете с этим спорить, Звягинцев?

— Конечно, не буду. Нож с отпечатками жены — ваш главный козырь. Плюс показания посетителей бара о ссоре с отцом. Плюс показания портье... Но главное — нож. Его достаточно, чтобы упечь вашу жену в психушку навсегда. Но ведь вам и этого было мало. Она не должна была оставаться в живых, ивы...

— Хватит, — наконец-то он разволновался. — Я больше не намерен выслушивать ваш горячечный бред. Где моя жена?

— Я вам который раз говорю. Здесь ее нет. А вот это все, что она просила вам передать.

Звягинцев прошелся по комнате и взял из рук мрачного Коли, по-прежнему стоящего возле двери, черный пакет.

А потом, как фокусник, ловко вынул из него парик, очки и комбинезон.

— Узнаете, Марк?

— Где вы это... — непроизвольно вырвалось у него, но он тотчас же осекся. — Что это такое?

— Думаю, ваша сообщница все нам расскажет, тем более что на очках

сохранились отпечатки ее пальцев. Вы ведь не знали тогда, что буран спутает вам все карты. Мусор остался в «Розе ветров», его не вывезли вовремя, на что был бы главный расчет. И улики остались здесь, Марк. А улики нельзя оставлять неподалеку от места преступления. Я понимаю, бросил в бак — и никакой возни. Не нужно прятать, не нужно сжигать: улики вывезет машина, только и всего. Не получилось, Марк.

Вся наглость, вся вальяжность слетела с Марка за долю секунды. Щеки его посерели, из всех пор, казалось, тотчас же полезла щетина. Он открыл рот, хватая им воздух.

— Я...

— Это комбинезон Ольги. Настоящий ее комбинезон. Вы, должно быть, настояли на том, чтобы она надела его перед встречей с отцом.

— Нет...

— Ну зачем же так волноваться. Вы ведь не убивали.

— Я не убивал.

— Убила ваша сообщница, она же передела спящую в коттедже Ольгу в свой комбинезон, точно такой же, как этот, только испачканный кровью Шмаринова.

— Я не убивал, вы сами сказали...

Звягинцев подошел к сжавшемуся в кресле Марку и с ненавистью бросил ему в лицо — Беру свои слова назад. Вы убивали. Вы медленно убивали свою жену, скармливая ей под видом снотворного сильнодействующий транквилизатор последнего поколения. С очень запоминающейся маркировкой. Английская F. Именно этот транквилизатор вызывал в Ольге чувство страха и беспричинную ярость. То, что она принимала за симптомы душевной болезни. Думаю, она сама это подтвердит.

— Я... — На Марка жалко было смотреть. — Нет...

— Да. В вашем «дипломате» — в том, где был еще один компьютер, с которого вы отправили послание своей жене с приглашением на тот свет, — в вашем «дипломате» мы нашли точно такой же пузырек с таблетками. Розовые, овальные... Вы хотели довести вашу жену до исступления и самоубийства.

— Я... Я не хотел. Это она... Она.

— Кто она? Ваша сообщница?

— Да, — он наконец-то сломался, — Инка... Инка... Она будет говорить вам, что все это придумал я, но вы не верьте ей... Это она... Она. Она все придумала, еще год назад. Она хотела избавиться от Игоря, тем более что он и так написал на нее завещание... Она хотела этих денег...

— А вы хотели занять его место, правда? Трогательное единение, правда?

— Нет... Это все из-за денег Игоря. Она — похотливая сука, которой ничего не нужно, кроме денег и удовольствий.

Кроме мужиков, она ведь спала со всеми подряд...

— И с вами? Конечно же, такой замысел могут воплотить только любовники...

Лицо Марка исказилось.

— Она шантажировала меня. Она узнала... Из-за двух сорванных сделок... Из-за утечки информации в другую компанию... Она страшный человек. У нее парадоксальный ум...

А Игорь мешал ей, она жила с ним из-за его денег, но хотела прибрать к рукам все.

— И тогда вы придумали эту комбинацию?

— Это она. Я же говорил, у нее парадоксальный ум, она знала Ольгу с детства, она знала обо всех ее страхах и комплексах...

— Парик, очки и комбинезон — и все... Она якобы разбивается на трассе. А перед этим вы посещаете врача, якобы для того, чтобы взять аспирин для жены. Выглядит очень трогательно, тем более что сразу после этого выходит из строя рентгеновская установка. Странное совпадение, правда? Или это не совпадение, потому что рентген сразу же покажет, что никаких особых травм у Инессы Шмариновой не было?

— Я прошу вас...

— А потом эта ссора в баре. Ее не могло не быть — Ольга уже несколько дней сидит на транквилизаторах. Она не может не впасть в ярость и не оскорбить отца. У ссоры есть свидетели, и мотив налицо. Когда Шмаринов возвращается из бара, Инесса хладнокровно убивает его расчетливым ударом в сердце, она долго тренировалась... Он ведь даже не защищался, он и представить не мог, что жена, самое дорогое существо... — Звягинцев даже махнул рукой.

— Она тренировалась, да... По специальным индийским методикам. Она приучила себя не чувствовать боль — на подсознательном уровне, — сбивчиво заговорил Марк. — Это страшный человек, поверьте... Она вынудила меня... Она меня сломала...

— Думаю, ей не пришлось долго вас уговаривать.

— Нет...

— Она убивает Шмаринова, надевает парик, очки, прикрывает курткой комбинезон и выходит через запасную лестницу. Входит в гостиницу, прекрасно зная, что портье обратит внимание прежде всего на волосы.

Волосы, очки, яркое пятно комбинезона. Все для того, чтобы запомниться. И точно так же выходит спустя двадцать минут. У нее в куртке спрятан нож. Она отправляется в коттедж, переодевает спящую после приема транквилизатора Ольгу, пачкает ее руки заранее собранной кровью Шмаринова и оставляет отпечатки ее пальцев на ноже. Ольгин комбинезон прячет в сумку, переодевается в нечто совсем незаметное — вы наверняка оставили ей одежду... Окольными путями возвращается обратно, сбрасывает пакет с уликами в мусорник, тем более что темень во внутреннем дворике стоит хоть глаз выколи. Вы ведь уже постарались избавиться от света, когда она, опять же надев парик и очки, разрушила ледяной городок. А до этого познакомилась с Запесоцкой. Так же, как все знакомятся на курорте, без всякого повода. Запесоцкая была первой пробой пера. Полуслепая женщина сразу же отметила черные волосы, она не могла не принять Инессу за Ольгу. И она приняла.

Все прошло гладко. И в первый раз, и потом. Все бы прошло гладко, если бы вы — вы! — не допустили ошибки, Марк.

— Ошибки? Какой ошибки?

— Помните, я приходил к вам в коттедж? Я сообщил вам об убийстве Шмаринова. Но вы даже не удосужились спросить о судьбе Инессы, потому что знали, что она жива. Естественно, знали... Это и было вашим проколом. Таким явным, что даже я, капитан милиции, специалист по пьяным дракам, заметил это. Не поинтересоваться судьбой Инессы было просто ненормально. Вы поняли это. И попытались исправить положение. Вы пошли за мной. Сначала я думал, что вы сделали это из-за пятен крови на снегу, которые вы стряхнули с подоконника. Но... Для вас я был обыкновенным недалеким тупым ментом, не больше. Вы не могли и мысли допустить, что я обращаю внимание на этот ваш машинальный жест. Тогда что вас заставило пойти за мной? Только одно: вы обязаны были исправить ошибку, сгладить неловкость. У вас не было времени на придумывание версии, и вы сделали ход конем.

Гениальный ход. Вы описали мне подлинную картину убийства, во всех подробностях и с надлежащими обоснованиями. Вы убивали двух зайцев сразу: во-первых, эта правда изначально отводила подозрения от Инессы. Сообщник никогда бы, ни при каких условиях не стал бы вот так сдавать сообщницу. И во-вторых, теперь ваше поведение выглядело очень естественным: вы покрывали убийцу-жену и валили все на ненавистную родственницу. Вот только... Если бы вы услышали об убийстве впервые — у вас просто бы не хватило времени так точно построить версию. Так точно, в таких подробностях и с такими деталями. Это было возможно

только в одном случае: если бы вы сами принимали в этом участие и все это действительно было правдой...

Обессиленный, Звягинцев замолчал.

И в полной тишине раздался телефонный звонок.

— Да, слушаю, — слабым голосом сказал Пал Палыч.

— Это я, Артем, — голос доктора на противоположном конце провода звучал взволнованно. — Я в изоляторе...

— Ну?

— Инесса исчезла...

* * *

Она опоздала всего лишь на несколько секунд. Нескольких секунд ей не хватило, чтобы войти в зал вместе с Ионой.

Но, когда она вошла, то, что она увидела, потрясло ее.

Композиционный центр мертвых фигур был смещен, даже статуя, бывшая когда-то Кириллом, отодвинута. Теперь центральное место принадлежало... Инке.

Увидев ее, Ольга страшно закричала. Закричала и упала на колени. Ее лучшая подруга была мертва. Она смотрела на Ольгу широко открытыми невидящими глазами. Обуглившиеся губы, короткая стрижка, приподнятые брови все еще хранили жизнь, но Инка была мертва. Фигура ее — от ног и до пояса — была залита льдом. Маленькая установка, которую в прошлый раз Ольга приняла за мелиоративную, выбрасывала под давлением узкую струю снега и льда; теперь ее струя была направлена вбок и бесполезно поливала стены пещеры.

Зрелище уже стоящей на пьедестале, уже мертвой Инки было таким страшным, что Ольга на секунду потеряла сознание. Но только на секунду.

Сдавленный хрип, раздававшийся из угла пещеры, привел ее в чувство.

На каменных плитах катались двое. Иона и парень, которого она уже видела однажды, в первый вечер, в снегу у бара.

Квадратный, плохо выбритый подбородок, и собака рядом с ним. Тогда его окликнули по имени.

Юрик.

Да, Юрик. Его звали Юрик, и он был одним из горноспасателей.

А теперь они с Ионой дрались, душили, медленно — или быстро? —

убивая друг друга. Они убивали друг друга.

Убивали.

Человек по имени Юрик был гораздо тяжелее Ионы, Иона слабел, но все еще сопротивлялся.

Его сдавленный голос окончательно привел Ольгу в чувство.

— Ольга! Уходи! Беги отсюда...

Боже мой, бежать, когда Ионе угрожает опасность?..

Положение Ионы стало совсем незавидным: Юрик подмял его под себя и теперь давил коленом на шею. Еще секунда, и...

Решение пришло внезапно: спустя мгновение она оказалась возле установки, похожей на маленькую пушку, и повернула ее железный хобот, под давлением изрыгающий ледяной поток, в сторону тупого затылка Юрика. Его сразу же отбросило от Ионы, а черные волосы покрылись ледяной коркой. Должно быть, он потерял сознание. Этого хватило, чтобы Иона выскользнул из-под оседающего тела Юрика, расстегнул куртку и вырвал из комбинезона ремень. Он набросил его на руки Юрика, подтянул их к ногам и крепко затянул. Спустя минуту Юрик уже лежал связанным, с выгнутым, как в приступе эпилепсии, телом.

Тяжело дыша. Иона отполз от Юрика и привалился к скале.

— Выключи... Выключи его, пожалуйста, — попросил он Ольгу, обессиленным подбородком указывая на пушку.

— Я не знаю... Не знаю как. — Ольга упала рядом с Ионой, все еще не в состоянии оторвать взгляд от Инки.

— Уходи отсюда... Тебе не нужно здесь оставаться... Пещера существует, и теперь мы знаем, кто ее хозяин... Нужно сообщить на базу... Нужно сообщить Звягинцеву... Уходи.

— Нет... Нет. Это Инка. Он убил Инку.

— Я не знал... Я обнаружил ее только вчера днем... Все это время я искал. Я знал, что ты говоришь правду... Слишком много ненайденных. И Вася... Вася показал мне то, чем он убивал... Но я даже предположить не мог, я думал, это его детективные игрушки... Вмонтировать нож в лыжную палку...

— Его я тоже убил этим, — раздался хриплый голос, так же исполненный льда, как и все вокруг. — Жаль, что я не застучал тебя вместе с ним, Иона. Иначе ты тоже сейчас валялся бы под снегом на трассе для слалома. Как он. Там я его спрятал, спрятал и заровнял ратраком, все равно нужно было чистить трассу... И по тебе ездили бы лыжнички. Каждый день и каждый час... Написать записку было проще простого...

И все вы поверили в это.

— Я искал все это время... Я нашел только вчера... 'Маленький лаз, маленькая обитаемая пещера...

— Ты не дал мне довести дело до конца, — наконец-то Юрик позволил так долго тлеющему в нем безумию вырваться на свободу: голос его стал плаксиво-бабьим, в нем зазвучали страстные нотки. — Ты не дал, и я убью тебя... Но не так, как их, моих натурщиков... Моих моделей. Это удел избранных — быть воплощенными на века великим скульптором... Я великий скульптор, а ты не дал довести мне дело до конца... Ты не дал мне закончить композицию, ты не дал мне вылепить для вечности женщину, которую я люблю... Я так долго ждал ее... Так долго искал... Она даже не удивилась, когда умирала, ее лицо было полно любви, потому что она не чувствовала, как умирает... Потому что я был в ней... Инесса — самое лучшее имя для модели... Для скульптора, для вечности... Я так долго приручал ее, а ты не дал мне... Вы ничего не понимаете... Это новое искусство, где жизнь хранит смерть, а смерть — жизнь... Когда-нибудь вы это поймете, и тогда...

— Замолчите! — не выдержав, закричала Ольга.

— Уйми свою девку, уйми... Вы все недостойны ее, недостойны меня... Я великий... Я великий, потому что открыл...

Слушать это было невыносимо.

— Идем, девочка, — прошептал Иона. — Идем...

— А Инка?

— Ей уже ничем не поможешь...

— А он...

— Он будет здесь... Он никуда не денется. Идем, нужно все рассказать там, наверху...

...Они выбрались из страшной пещеры и, обессиленные, упали на снег. Они лежали голова к голове и молчали. Только их застывшие, тронутые холодом пещеры пальцы касались друг друга.

— Нужно идти, Ольга. Нужно идти, — все время повторял Иона.

Впервые за два дня выглянуло солнце, и даже снег замедлил свое падение.

Буря кончилась...

Содержание

[Виктория ПЛАТОВА ХРУСТАЛЬНАЯ ЛОВУШКА](#)

* * *

[ЧАСТЬ I](#)

[ЧАСТЬ II](#)

[ЧАСТЬ III](#)